

ЖИЗНЬ ВЕРИ

19

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Москва
«ТЕРРА»
1998

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том девятнадцатый

ДУНАЙСКИЙ ЛОЦМАН

ФЛАГ РОДИНЫ

Романы

Москва
«ТЕРРА»
1998

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)
В35

Художники
Л. ЧЕРНЫШЕВ, А. КАПНИНСКИЙ

Составитель
В. НИКИТИН

Верн Жюль
В35 Собрание сочинений: В 20 т. Т. 19: Дунайский
лоцман: Роман / Пер. с фр. Н. Немчиновой; Флаг
родины: Роман / Пер. с фр. О. Моисеенко. — М.:
ТЕРРА, 1998. — 384 с.

ISBN 5-300-01836-8 (т. 19)
ISBN 5-300-01303-X

Жюль Верн (1828–1905) — всемирно известный французский писатель, один из создателей жанра научной фантастики. Наука, ее история, ее современное состояние и будущее, научные дерзания, вера в беспредельные возможности разума, способного проникнуть в неведомые тайны природы, — все это определяет творчество Ж. Верна.

В девятнадцатый том Собрания сочинений включены роман о судьбе болгарского речника «Дунайский лоцман» и роман «Флаг родины», рассказывающий о французском изобретателе и охотой за его фульгуратором.

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)

ISBN 5-300-01836-8 (т. 19)
ISBN 5-300-01303-X

© Издательство «ТЕРРА», 1998

ДУНАЙСКИЙ ЛОЦМАН

Роман

НА СОРЕВНОВАНИИ В ЗИГМАРИНГЕНЕ

В этот день, в субботу 5 августа 1876 года, шумная многочисленная толпа наполняла кабачок под вывеской «Свидание рыболовов». Песни, звон стаканов, аплодисменты, возгласы смешивались в ужасающий шум, среди которого время от времени выделялись крики «хох!», выражавшие радость, дошедшую до предела.

Окошки кабачка выходили прямо на Дунай, у окраины очаровательного маленького городка Зигмарингена, столицы прусского владения Гогенцоллернов, расположенного почти у истоков великой реки Центральной Европы.

Прочитав вывеску, начертанную красивыми готическими буквами над входной дверью, в кабачок входили члены «Дунайской лиги», международного общества рыболовов, принадлежавших различным прибрежным нациям. Не бывает веселых сборищ без знатной выпивки. Итак, там пили отличное мюнхенское пиво и доброе венгерское вино полными кружками и полными стаканами. Там курили, и в большой зале было темно от ароматного дыма, который выбрасывали без устали длинные трубки. Если собеседники не видели друг друга, то они друг друга слышали, по крайней мере те, кто не был глух.

Спокойные и молчаливые за делом, рыболовы-удильщики становятся самыми шумными людьми на свете, когда откладывают в сторону свои принадлежности. В рассказах о великих подвигах они не уступают охотникам, а этим уже немало сказано.

Дело шло к концу весьма существенного завтрака, который собрал вокруг столов сотню приглашенных рыцарей удилища, ярых приверженцев воды, фанатиков крючка. Утренние подвиги, без сомнения, иссушили их глотки, судя по количеству бутылок, появившихся за десертом. Потом пришла очередь многочисленных ликеров, которыми эти люди решили заменить кофе.

Пробило три часа после полудня, когда приглашенные покинули стол. Говоря по правде, некоторые из них пошатывались и совсем не могли идти без помощи соседей. Но большая часть крепко держалась на ногах, как твердые и храбрые завсегдатаи долгих священных заседаний, которые ежегодно возобновлялись несколько раз по случаю соревнования «Дунайской лиги».

Слава этих превращенных в праздники частых соревнований была велика на всем протяжении знаменитой реки, желтой, а не голубой, как поется в известном вальсе Штрауса. Соперники стекались на них из герцогства Баденского, из Вюртемберга, Баварии, Австрии, Венгрии, из Румынии, Сербии и даже из турецких провинций Болгарии и Бессарабии.

Общество существовало уже пять лет. Прекрасно управляемое своим президентом, венгерцем Миклеско, оно процветало. Его возрастающие средства позволяли предлагать значительные призы на соревнованиях, и его знамя блистало многочисленными медалями, завоеванными в упорной борьбе с другими рыболовными обществами. Комитет его директоров, хорошо знакомый с законами о рыбной ловле на реках, поддерживал единомышленников то против государства, то против частных лиц и защищал их права и привилегии с особой настойчивостью, можно сказать, с особым профессиональным упорством, свойственным тем двуногим, которых стоит выделить в особый разряд человечества за склонность к рыбной ловле на удочку.

Соревнование, которое только что состоялось, было вторым в 1876 году. В пять часов утра конкуренты покинули городок и собрались на левом берегу Дуная чуть пониже Зигмарингена. Они были в форме Общества: короткая блуза, не стеснявшая движений, панталоны, заправленные в сапоги на толстых подошвах, фу-

ражка с большим козырьком. Само собой разумеется, они владели полным набором различных орудий, перечисленных в «Руководстве рыболова»: удилищами, подсачками, лесками, упакованными в замшевые чехольчики, поплавками, глубомерами, свинцовыми дробинками всевозможных размеров для грузил, искусственными мушками, шнурками, флорентийской жилкой. Ловля была свободной в том смысле, что всякая пойманная рыба шла в счет, и каждый рыболов мог прикармливать ее, как заблагорассудится.

Когда пробило шесть часов, девяносто семь соперников заняли места с удочками в руках, готовые забросить крючки. Труба проиграла сигнал, и девяносто семь лесок одновременно взвились над рекой.

На конкурсе было объявлено несколько призов; два первые, по сто флоринов каждый, назначались тому рыболову, который поймает самое большое количество рыбы, и тому, кто изловит самый большой экземпляр.

До второго сигнала трубы не случилось никаких происшествий. Соревнование закончилось в одиннадцать часов. Добыча каждого была представлена жюри, состоявшему из президента Миклеско и четырех членов «Дунайской лиги». Хотя у рыболовов-удильщиков самые горячие головы на свете, никто ни на мгновение не сомневался, что эти высокие и могущественные особы примут решение со всем беспристрастием, так что никакие возражения не будут возможны. Приходилось только вооружиться терпением, чтобы узнать результаты добросовестного расследования; распределение различных призов по весу или по числу должно было оставаться в секрете до момента выдачи, предшествуемого братской трапезой всех конкурентов.

Этот час настал. Рыболовы, не говоря о любопытных зигмарингенцах, ожидали, комфортабельно усевшись, перед эстрадой, на которой находились президент и другие члены Лиги.

И в самом деле, если хватало стульев, скамеек и табуреток, то было достаточно и столов, а на столах стояли кружки с пивом, бутылки с различными напитками, маленькие и большие стаканы.

Когда каждый занял место и трубки задымили всю, президент встал.

— Слушайте! Слушайте! — раздалось со всех сторон.

Господин Миклеско осушил кружку пива, и пена еще висела на кончиках его усов.

— Мои дорогие коллеги, — начал он по-немецки, на языке, понятном всем членам «Дунайской лиги», без различия национальностей, — не ждите от меня классически построенного рассуждения с введением, главной частью и заключением. Нет, мы здесь не для того, чтобы упиваться торжественными официальными речами, и я буду говорить только о наших маленьких делах товарищески, скажу даже, по-братски, если такое выражение подходяще для международного общества.

Эти две фразы, чересчур длинные, как все те, какими обычно начинается речь, даже когда оратор не хочет быть многословным, вызвали единодушные аплодисменты, к которым присоединились многочисленные «очень хорошо!» и «хох!», прерываемые икотой. Потом президент поднял бокал, и все наполненные стаканы были выпиты.

Продолжая речь, господин Миклеско поместил рыболова-удильщика в первый разряд человечества. Он подчеркнул все качества, все добродетели, которыми наградила удильщика щедрая природа. Он указал, сколько нужно терпения, изобретательности, хладнокровия, высокой интеллигентности, чтобы преуспевать в рыболовном искусстве, так как это больше, чем ремесло, это именно искусство, и оно намного выше подвигов, которыми понапрасну хвалятся охотники.

— Разве можно сравнивать, — вскричал он, — охоту с рыбной ловлей?!

— Нет, нет! — хором ответили присутствующие.

— Какая заслуга убить куропатку или зайца, когда видишь их на расстоянии выстрела и когда собака — а разве мы имеем собак? — отыскивает для вас дичь? Эту дичь вы замечаете издали, вы не спеша целитесь в нее и выпускаете бесчисленное количество дробинок, большая часть которых пропадает напрасно!.. Напротив, за рыбой вы не можете следить взглядом... Она

скрывается под водой... Сколько нужно искусных маневров, уловок, ума и хитрости, чтобы заставить рыбу взять крючок, чтобы ее подсечь, чтобы вытащить из воды, то недвижно висящую на конце лески, то трепещущую и как бы аплодирующую вам за победу!

На этот раз ответом были громовые возгласы «браво!» Решительно, президент Миклеско умел затронуть чувства членов «Дунайской лиги». Понимая, что невозможно зайти слишком далеко в похвалах своим сотоварищам, он осмелился, не боясь быть обвиненным в преувеличениях, поставить их благородное занятие выше всех других, вознес до небес горячих приверженцев научного рыболовства и даже обратился к памяти великолепной богини, которая являлась во главе юных любителей древнего Рима на праздниках рыболовов.

Были ли поняты эти намеки? Вероятно, так как они вызвали настоящую бурю энтузиазма.

Потом, переведя дыхание и осушив еще кружку пенистого пива, он продолжал:

— Мне остается только поздравить вас с растущим процветанием Общества, которое каждый год пополняется новыми членами и репутация которого прочно установлена во всей Центральной Европе. Я вам не буду говорить о наших успехах. Вы их знаете, вы в них участвуете, и это большая честь выступать на соревнованиях. Немецкая печать, чешская печать, румынская печать не скупятся на похвалы, столь драгоценные, и, я добавлю, столь заслуженные! Я поднимаю тост, и прошу поддержать меня, за журналистов, преданных международному делу «Дунайской лиги»!

Конечно, все откликнулись на призыв президента Миклеско. Бутылки опорожнились в стаканы, а стаканы опрокинулись в глотки с такой же легкостью, с какой вода великой реки и ее притоков изливается в море.

Можно бы на этом остановиться, если бы речь президента окончилась на последнем тосте. Но предлагались и другие тосты, очевидно, столь же своевременные.

В самом деле, президент выпрямился во весь рост между секретарем и казначеем, которые тоже встали. Каждый из них в правой руке держал бокал шампанского, а левую прижимал к сердцу.

— Я пью за «Дунайскую лигу»! — воскликнул господин Миклеско, окидывая взглядом присутствующих.

Все встали, подняв бокалы. Некоторые рыболовы влезли на скамейки, другие на столы и все ответили с великолепным единодушием на предложение господина Миклеско.

А президент начал снова после того, как было сделано пополнение из неисчерпаемых бутылок, стоявших перед ним и его сотоварищами:

— За различные народы: за баденцев, за вюртембержцев, за баварцев, за австрийцев, за венгров, за сербов, за валахов, за молдаван, за болгар, за бессарабов, которых «Дунайская лига» объединяет в своих рядах!

И бессарабы, болгары, молдаване, валахи, сербы, венгры, австрийцы, баварцы, вюртембержцы, баденцы ответили ему, как один человек, поглотив содержимое своих бокалов.

Наконец, президент закончил выступление, объявив, что пьет за здоровье каждого члена Общества. Но так как их количество достигает четырехсот семидесяти трех, он, к несчастью, вынужден объединить здравицу за них.

Ему ответили тысячью «хох!», которые продолжались до полного истощения голосовых средств.

Следующий номер программы завершился традиционными возлияниями рыболовов. Под конец должны были объявить имена лауреатов.

Каждый ожидал этого с беспокойством, вполне естественным, потому что, как уже сказано, секрет жюри хранился строго. Но момент пришел, и сейчас все откроется.

Президент Миклеско приготовился читать официальный список наград.

В соответствии с уставом Общества наименьшие призы объявлялись первыми, что придавало чтению наградного списка все возрастающий интерес.

При оглашении имен лауреаты низших премий по количеству пойманных рыб представляли перед эстрадой. Президент обменивался с ними рукопожатием,

вручал диплом и денежный приз сообразно занятому месту.

Рыбы, содержащиеся в их сетках, были те, каких может поймать каждый рыболов в водах Дуная: колюшки, плотва, пескари, окуни, лини, щуки, карпы и другие. Валахи, венгры, баденцы, вюртембергцы фигурировали в перечне низших премий.

Второй приз вручили за семьдесят семь пойманных рыб немцу, по имени Вебер, успех которого был встречен горячими рукоплесканиями. Вебера, в самом деле, хорошо знали сотоварищи. Уже много и много раз на предыдущих соревнованиях имя его стояло в первых рядах, и в этот день ждали, что он, как всегда, получит первый приз по количеству.

Нет, только семьдесят семь рыб было в его садке, семьдесят семь хорошо сосчитанных и пересчитанных, тогда как его конкурент, если не более искусный, то, по крайней мере, более счастливый предъявил девяносто девять рыб.

Имя этого мастера рыбной ловли было провозглашено. Им оказался венгр Илия Бруш.

Удивленное собрание, услышав незнакомое имя этого венгра, лишь недавно вступившего в «Дунайскую лигу», не аплодировало.

Так как лауреат не счел нужным явиться за получением премии в сто флоринов, президент Миклеско незамедлительно перешел к чтению списка победителей по весу выловленных рыб. Премии получили румыны, славяне, австрийцы. Когда было произнесено имя получившего второй приз, оно было встречено аплодисментами, как и имя немца Вебера. Господин Иветозар, один из соревнующихся, восторжествовал над карпом в три с половиной фунта весом, который наверняка ускользнул бы от менее искусного и хладнокровного рыболова. Господин Иветозар был одним из самых видных, самых деятельных, самых преданных членов Общества и имел в эту пору самое большое количество премий. Потому-то его и приветствовали единодушными рукоплесканиями.

Оставалось только присудить первый приз по этой категории, и все сердца затрепетали в ожидании имени лауреата.

Каково же было удивление, даже больше, чем удивление, — всеобщее ошеломенение, когда президент Миклеско голосом, дрожь которого не мог сдержать, с трудом произнес:

— Первый приз по весу за щуку в семнадцать фунтов присуждается венгру Илиа Брушу!

Гробовое молчание наступило в собрании. Руки, собравшиеся хлопать, остались неподвижными, рты, готовые кричать в честь победителя, молчали. Все присутствующие замерли на месте от любопытства.

Появится ли, наконец, Илиа Бруш? Придет ли он получить от президента Миклеско почетные дипломы и присоединенные к ним двести флоринов?

Внезапно по собранию пронесся ропот.

Один из рыболовов, который до того держался в стороне, направился к эстраде.

Это и был венгр Илиа Бруш.

Судя по тщательно выбритому лицу, над которым поднималась густая черная шевелюра, Илиа Бруш был не старше тридцати лет. Роста выше среднего, с широкими плечами, крепко стоящий на ногах, он, вероятно, обладал редкой силой. Можно было, в самом деле, удивляться, как молодец такой закалки увлекся мирным занятием — рыбной ловлей на удочку да еще и приобрел в этом трудном искусстве мастерство, неопровержимым доказательством которого служили результаты конкурса.

Другая достаточно странная особенность: Илиа Бруш, очевидно, страдал каким-то недостатком зрения. В самом деле, большие темные очки скрывали его глаза, цвет которых невозможно было определить. А ведь зрение — самое драгоценное из чувств для тех, кто живо интересуется чуть заметными движениями поплавок и кому необходимо разгадывать многочисленные рыбы хитрости.

Но, каково бы ни было удивление, приходилось подчиняться. Беспристрастие жюри не вызывало сомнений, Илиа Бруш являлся победителем соревнования, и при таких обстоятельствах, каких еще не встречалось на памяти членов Лиги. Собрание наконец ожило, и достаточно звучные рукоплескания приветствовали три-

умфатора в момент, когда он получал дипломы и премии из рук президента Миклеско.

После этого Илия Бруш, поговорив с президентом, не спустился с эстрады, а повернулся к заинтересованному собранию и жестом потребовал молчания, которое наступило точно по волшебству.

— Господа и дорогие коллеги,— начал Илия Бруш,— я прошу позволения обратиться к вам с несколькими словами, что мне разрешил наш президент.

Можно было услышать, как пролетит муха в зале, только что перед этим такой шумной. Что означает это выступление, не предусмотренное программой?

— Я сначала желаю вас поблагодарить,— продолжал Илия Бруш,— за ваше сочувствие и за аплодисменты, но прошу вас верить, что я не возгордился сверх меры двойным успехом, которого мне удалось достигнуть. Я сознаю, что успех, приличествующий наиболее достойному, должен был бы принадлежать кому-нибудь из старейших членов Лиги, столь богатой выдающимися рыболовами, и что я обязан не столько моим заслугам, сколько счастливому случаю.

Скромность этого вступления понравилась собранию; раздалось несколько приглушенных возгласов: «Очень хорошо!»

— Этот благоприятный случай я должен оправдать, и я составил с этой целью проект, который, надеюсь, по своему характеру заинтересует присутствующих здесь знаменитых рыболовов. Вы знаете, дорогие коллеги, сейчас мода на рекорды. Почему не последуем мы примеру чемпионов других видов спорта и не попытаемся установить рекорд рыбной ловли на удочку?

Заглушенные восклицания пробежали по аудитории. Слышалось: «Ах, ах!», «Слушайте, слушайте!», «Почему бы и не так?» Каждый член Общества выражал впечатления сообразно своему темпераменту.

— Когда эта мысль,— продолжал тем временем оратор,— пришла мне впервые в голову, я ее тотчас одобрил и понял, при каких условиях она должна быть осуществлена. Мое звание члена «Дунайской лиги», впрочем, ограничивает задачу. Я член «Дунайского общества» и только на Дунае должен искать счастливого

исхода моего предприятия. И я составил проект спуститься по нашей знаменитой реке от самого ее истока до Черного моря и питаться во время этого пробега в три тысячи километров исключительно плодами моей рыбной ловли.

Сегодняшняя удача еще более увеличила мое желание выполнить путешествие, интерес которого, я уверен, вы оцените; вот почему я решил отправиться 10 августа, то есть в ближайший четверг, и назначаю вам свидание в этот день в самом том месте, где начинается Дунай.

Легче вообразить, чем описать энтузиазм, который вызвало это неожиданное сообщение. В продолжение пяти минут гремела буря возгласов «хох!» и бешеных рукоплесканий.

Такое важное событие должно было получить достойное завершение. Господин Миклеско это понял и, верный себе, поступил, как настоящий председатель. Немного тяжеловато, быть может, он встал еще раз, поддержанный двумя помощниками.

— За нашего коллегу Илия Бруша! — воскликнул он взволнованным голосом, размахивая бокалом шампанского.

— За нашего коллегу Илия Бруша! — отозвалось собрание, как раскат грома, за которым немедленно последовало полное молчание, так как человеческие существа, к сожалению, неспособны кричать и пить в одно и то же время.

Однако молчание продолжалось недолго. Пенящееся вино придало пересохшим глоткам новую силу, что позволило провозгласить еще бесчисленное множество здравниц до того момента, когда закрылся при всеобщем веселье знаменитый конкурс рыболовов, открытый в этот же день, 5 августа 1876 года, «Дунайской лигой» в очаровательном маленьком городке Зигмарингене.

В ВЕРХОВЬЯХ ДУНАЯ

Хотел ли добиться славы Илия Бруш, когда объявил коллегам, собравшимся в «Свидании рыболовов», о своем намерении спуститься по Дунаю с удочкой в

руке? Если такова была его цель, он мог похвалиться, что достиг ее.

Печать заговорила об этом случае, и все газеты дунайской области посвятили соревнованию в Зигмарингене статьи своих репортеров, более или менее обширные и, во всяком случае, способные приятно пощекотать самолюбие победителя, имя которого становилось популярным.

Уже на следующий день, в номере от 6 августа, венская «Нейе Фрайе Пресс» писала:

«Последнее соревнование «Дунайской лиги» поуженью закончилось вчера в Зигмарингене настоящим театральным эффектом, героем которого был венгр по имени Илиа Бруш, вчера еще никому не известный, а сегодня почти знаменитый.

Вы спросите: что же такое сделал Илиа Бруш, чтобы заслужить такую внезапную славу?

Во-первых, этот искусник сумел заслужить два первых приза — по весу и по количеству рыбы, далеко оставив позади конкурентов, чего, кажется, не случилось за все время, как существуют подобные соревнования. Это уже не плохо. Но дальше будет еще лучше.

Когда он собрал богатую жатву лавров и одержал такую блестящую победу, казалось, он вправе наслаждаться заслуженным отдыхом. Нет, не таково было мнение этого удивительного венгра, который приготовился поразить нас еще больше.

Если мы хорошо осведомлены, — а точность нашей информации известна, — Илиа Бруш объявил коллегам, что он намерен спуститься с удочкой в руке вниз по Дунаю, от его верховья в герцогстве Баденском до устья в Черном море, сделав путешествие приблизительно в три тысячи километров.

Мы будем держать наших читателей в курсе всех перипетий этого оригинального предприятия.

Илиа Бруш должен отправиться в путь 10 августа, в следующий четверг. Пожелаем ему счастья, но попросим также ужасного рыболова не истреблять вплоть до последнего представителя водяное население великой международной реки!»

Так писала венская «Нейе Фрайе Пресс». Не меньше

горячности проявила будапештская «Пестер Ллойд», а также и белградская «Србске Новине» и бухарестская «Романул», в которой заметка разрослась до размеров настоящей статьи.

Все эти заметки и статьи, умело написанные, привлекли внимание к Илиа Брушу, и если правда, что печатать есть отражение общественного мнения, то можно было ожидать, что путешествие по мере его продолжения будет возбуждать все возрастающий интерес.

В самом деле, разве в городах, расположенных на берегах реки, не проживают члены «Дунайской лиги», которые сочтут долгом принять участие в славе своего сотоварища? Нет сомнения, что он получит от них в случае надобности сочувствие и поддержку.

Пока что комментарии печати имели большой успех у рыболовов-удильщиков. В глазах этих профессионалов предприятие Илиа Бруша имело огромную важность, и некоторые члены Лиги, участники конкурса в Зигмарингене, задержались, чтобы присутствовать при отправлении чемпиона «Дунайской лиги».

Хозяину «Свидания рыболовов» не приходилось жаловаться на продолжение их пребывания в Зигмарингене. После полудня 8 августа, за два дня до срока, назначенного лауреатом для начала оригинального путешествия, более тридцати собутыльников продолжали веселиться в большой зале кабачка, владелец которого, предоставляя этой избранной клиентуре неограниченные возможности для выпивки, получал непредвиденные доходы.

Однако, несмотря на приближение события, задержавшего любопытных в столице Гогенцоллернов, вечером 8 августа в «Свидании рыболовов» разговаривали не о герое дня. Другое событие, еще более важное для обитателей берегов великой реки, служило темой общего разговора и приводило всех в волнение.

Это волнение было вполне понятным, и его оправдывали серьезные события.

Дело в том, что уже в течение многих месяцев берега Дуная подвергались постоянным грабегам. Несчасть было обокраденных ферм, разграбленных замков, обворованных деревушек. Были и убийства: не-

сколько человек заплатили жизнью за сопротивление, которое они пытались оказать неуловимым злодеям.

По всей вероятности, столько преступлений не могло совершить несколько отдельных лиц. Ясно, что речь шла о хорошо организованной банде, без сомнения, очень многочисленной, судя по ее «подвигам».

Станным казалось, что банда действовала только в непосредственной близости от Дуная. Уже за два километра от берегов реки никакое преступление нельзя было отнести на ее счет. Зато поле ее деятельности, по видимому, было ограничено только в ширину, и берега австрийские, венгерские, сербские или румынские одинаково подвергались нападениям бандитов, которых никогда не удавалось захватить на месте.

Сделав свое дело, бандиты исчезали до ближайшего преступления, совершаемого в другом месте, иногда за сотни километров от предыдущего, и о них ничего не было слышно. Казалось, они улетучивались, а с ними и их добыча, иногда очень громоздкая.

Заинтересованные правительства в конце концов были взволнованы этими последовательными ударами, которые, по всей вероятности, можно было приписать недостаточной связи между полицией придунайских стран. По этому поводу произошел обмен дипломатическими нотами, и, как сообщила печать в тот самый день 8 августа, переговоры привели к созданию интернациональной полиции, которая должна была действовать под управлением одного начальника на всем течении Дуная. Выбор начальника представил большие трудности, но в конце концов согласились на кандидатуре венгра Карла Драгоша, полицейского комиссара, хорошо известного в тех краях. Карл Драгош считался, в самом деле, замечательным сыщиком, и нельзя было выбрать более достойного. Ему исполнилось сорок пять лет; это был человек среднего роста, худощавый, наделенный более моральной стойкостью, чем физической силой. Однако он обладал достаточной силой, чтобы выносить профессиональные трудности службы, и храбростью, чтобы не бояться ее опасностей. Он числится на жительстве в Будапеште, но чаще всего находился в провинции, занятый какими-нибудь щекотли-

выми расследованиями. Прекрасное знание всех языков Юго-Восточной Европы — немецкого, румынского, сербского, болгарского и турецкого, не говоря уже о родном венгерском, позволяло ему выходить из всяких затруднений. Будучи холостяком, он не боялся, что семейные заботы стеснят свободу его передвижений.

Как сказано, печать хорошо отозвалась о назначении Драгоша. Публика тоже одобрила его единодушно. В большой зале «Свидания рыболовов» новость приняли крайне лестным образом.

— Нельзя было лучше выбрать, — утверждал в тот момент, когда в кабачке зажглась лампа, господин Иветозар, обладатель второго приза по весу рыбы на только что закончившемся конкурсе. — Я знаю Драгоша. Это — человек.

— И искусный человек, — добавил президент Миклеско.

— Пожелаем, — вскричал хорват с трудно произносимым именем Сврб, владелец красильни в предместьях Вены, — чтобы ему удалось оздоровить берега реки! Жизнь здесь стала прямо невозможной!

— У Карла Драгоша сильный противник, — сказал немец Вебер, покачивая головой. — Посмотрим его за работой.

— За работой!.. — вскричал господин Иветозар. — Он уже за ней, будьте спокойны!

— Конечно, — поддержал господин Миклеско. — Не в духе Карла Драгоша терять время. Если его назначение произошло четыре дня назад, как утверждают газеты, то он, по крайней мере, уже три дня делает свое дело.

— С чего бы ему начать? — спросил господин Писсеа, румын, самой своей фамилией¹ предназначенный стать рыболовом. — На его месте, признаюсь, я был бы в крайнем затруднении.

— Потому вас и не поставили на его место, мой дорогой, — благодушно заметил серб. — Будьте уверены, что Драгош не затруднится. А уж докладывать вам свой план, это извините. Быть может, он направился в

¹ По-латыни *piscis* — рыба.

Белград, быть может, остался в Будапеште... Если только не предпочел явиться как раз сюда, в Зигмаринген, и если его нет в этот момент среди нас в «Свидании рыболовов»!

Это предположение вызвало бурный взрыв веселья.

— Среди нас! — вскричал Вебер. — Вы смеетесь над нами, Михаил Михайлович! Зачем он явится сюда, где на людской памяти никогда не совершалось ни малейшего преступления?

— Гм! — возразил Михаил Михайлович. — А может, для того, чтобы присутствовать послезавтра при отправлении Илиа Бруша. Может, он его интересуется, этот человек... Если только Илиа Бруш и Карл Драгош не одно лицо.

— Как это, одно лицо! — закричали со всех сторон. — Что вы под этим подразумеваете?

— Черт возьми! А это было бы здорово... Никто не заподозрит полицейского в шкуре лауреата, и он будет инспектировать Дунай на полной свободе.

Эта фантастическая выдумка заставила всех собутыльников широко открыть глаза. Уж этот Михаил Михайлович! Только у него и могут явиться подобные идеи!

Впрочем, Михаил Михайлович не очень держался за предположение, которое только что рискнул высказать.

— Если только... — начал он оборотом, который, очевидно, был его излюбленным.

— Если только?

— Если только Карл Драгош не имеет другой причины присутствовать здесь, — продолжал он, переходя без передышки к другому, не менее фантастическому предположению.

— Какой причины?

— Предположите, например, что этот проект спуститься по Дунаю с удочкой в руке кажется ему подозрительным.

— Подозрительным!.. Почему подозрительным?

— Черт побери! Да ведь это было бы совсем не глупо для мошенника скрыться под маской рыболова, и особенно рыболова столь известного. Такая извест-

ность стоит любого инкогнито в мире. Можно нанести сто ударов, где только захочется, а в промежутках ловить рыбку. Хитрая выдумка!

— Но надо уметь удить, — поучительно заметил президент Миклеско, — а это привилегия честных людей.

Такой моральный вывод, быть может, немножко чересчур смелый, был встречен горячими рукоплесканиями этих страстных рыболовов. Михаил Михайлович с замечательным тактом воспользовался всеобщим энтузиазмом.

— За здоровье президента! — вскричал он, поднимая свой стакан.

— За здоровье президента! — повторили собутельники, опустошив стаканы, как один человек.

— За здоровье президента! — повторил один из посетителей, одиноко сидевший за столом и в течение некоторого времени, казалось, с живым интересом прислушивавшийся к происходившему вокруг него разговору.

Господин Миклеско был тронут любезным поступком незнакомца и, чтобы его отблагодарить, поднял в его честь бокал.

Одиноким посетитель, считая, без сомнения, что этим вежливым поступком лед сломан, решил, с позволения почтенного собрания, выразить и свое мнение.

— Хорошо сказано, честное слово! — заметил он. — Да, конечно, уженье — удовольствие порядочных людей.

— Мы имеем честь говорить с коллегой? — спросил господин Миклеско, обращаясь к незнакомцу.

— О! — скромно ответил этот последний. — Всего лишь любитель, который восхищается блестящими подвигами, но не имеет дерзости им подражать.

— Тем хуже, господин...

— Иегер.

— Тем хуже, господин Иегер, так как я должен заключить, что мы никогда не будем иметь чести считать вас в числе «Дунайской лиги».

— Кто знает? — возразил господин Иегер. — Может быть, и я когда-нибудь решусь протянуть руку к пирогу... к удочке, хотел я сказать, и в этот день я, ко-

нечно, буду вашим, если только сумею удовлетворить условиям, необходимым для принятия в ваше Общество.

— Не сомневайтесь в этом,— горячо заверил господин Миклеско, воодушевленный надеждой завербовать нового приверженца.— Эти условия очень просты, и их всего четыре. Первое — платить скромный ежегодный взнос. Это — главное.

— Разумеется,— смеясь подтвердил господин Иегер.

— Второе — это любить уженье. Третье — быть приятным компаньоном, и мне кажется, что это третье условие уже выполнено.

— Очень любезно с вашей стороны! — заметил господин Иегер.

— Что же касается четвертого, то оно состоит во внесении своей фамилии и адреса в список Общества. Имя ваше известно, и когда я буду иметь ваш адрес...

— Вена, Лейпцигерштрассе, номер сорок три.

— ...вы будете полноправным членом Лиги за двадцать крон в год.

Оба собеседника рассмеялись от чистого сердца.

— И больше никаких формальностей? — спросил господин Иегер.

— Никаких.

— И не надо удостоверения личности?

— Ну, господин Иегер,— возразил президент,— чтобы ловить рыбу на удочку!..

— Это верно,— заметил господин Иегер.— Впрочем, это неважно. Ведь все должны знать друг друга в «Дунайской лиге».

— Как раз наоборот,— заверил господин Миклеско.— Вы только подумайте! Некоторые из наших товарищей живут здесь, в Зигмарингене, а другие на берегу Черного моря. Не так-то легко поддерживать добрососедские отношения.

— В самом деле!

— Так, например, нашего поразительного лауреата последнего конкурса...

— Илиа Бруша?

— Его самого. И что ж? Его никто не знает.

— Невозможно!

— Но это так,— уверил господин Миклеско.— Ведь он всего две недели назад вступил в Лигу. Совершенно для всех Илия Бруш удивительное...— что я говорю! — подлинное откровение.

— Это то, что на скачках называют «темная лошадка»?

— Именно.

— А из какой страны эта темная лошадка?

— Это венгр.

— Так же, как и вы. Потому что вы венгр, как я полагаю, господин президент?

— Чистокровный, господин Иегер, венгр из Будапешта.

— А Илия Бруш?

— Из Сальки.

— Где эта Салька?

— Это местечко, маленький городок, если хотите, на правом берегу Ипеля, реки, которая впадает в Дунай на несколько лье¹ выше Будапешта.

— С ним, по крайней мере, господин Миклеско, вы можете считаться соседями,— смеясь заметил Иегер.

— Не раньше, чем через два или три месяца,— таким же тоном возразил президент «Дунайской лиги». — Столько времени ему понадобится для путешествия...

— Если только оно состоится! — ядовито молвил веселый серб, бесцеремонно вмешиваясь в разговор.

Другие рыболовы придвинулись к ним. Иегер и Миклеско оказались в центре маленькой группы.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил господин Миклеско.— У вас блестящее воображение, Михаил Михайлович!

— Простая шутка, господин президент,— ответил спрошенный.— Впрочем, если Илия Бруш, по-вашему, ни полицейский, ни преступник, почему он не может посмеяться над нами и оказаться просто хвастуном?

Господин Миклеско взглянул на дело серьезно.

— У вас недоброжелательный характер, Михаил Михайлович,— возразил он.— Когда-нибудь он сыгра-

¹ Лье — старинная французская мера длины, около четырех километров.

ет с вами скверную шутку. Илия Бруш производит на меня впечатление человека честного и положительного. Кроме того, он член «Дунайской лиги». Этим все сказано.

— Браво! — закричали со всех сторон.

Михаил Михайлович, казалось, совсем не сконфуженный уроком, с замечательным присутствием духа воспользовался новым предложением и провозгласил тост.

— В таком случае, — сказал он, схватив стакан, — за здоровье Илия Бруша!

— За здоровье Илия Бруша! — хором ответили присутствующие, не исключая господина Иегера, который добросовестно осушил стакан до последней капли.

Последняя выходка Михаила Михайловича была, впрочем, не менее лишена здравого смысла, чем предыдущие. Объявив о своем проекте с большим шумом, Илия Бруш больше не показывался. Никто ничего о нем не слышал. Не было ли странно, что он держался где-то в стороне, и возникало вполне законное предположение, что он хотел одурачить своих чересчур легковых товарищей. Как бы то ни было, ожидать придется недолго. Через тридцать шесть часов все разрешится.

Тем, которые интересовались проектом, нужно было только подняться на несколько лье выше Зигмарингена. Там они, без сомнения, встретят Илия Бруша, если он, действительно, такой серьезный человек, как утверждал президент Миклеско.

Но здесь могла возникнуть одна трудность. Было ли установлено местонахождение истока великой реки? В точности ли указывали его карты? Не существовала ли неуверенность в этом вопросе, и, когда попытаются встретить Илия Бруша в одном пункте, не окажется ли он в другом?

Конечно, нет сомнений в том, что Дунай, Истр древних, берет начало в великом герцогстве Баденском. Географы даже утверждают, что это происходит на шести градусах десяти минутах восточной долготы и сорока семи градусах сорока восьми минутах северной широты. Но даже это определение, допуская, что оно справедливо, доведено только до дуговой минуты, а не до секунды, и это допускает широкие разногласия.

Ведь дело шло о том, чтобы забросить удочку в том самом месте, где первая капля дунайской воды начинает скатываться к Черному морю.

Согласно одной легенде, которая долго считалась географической истиной, Дунай рождался в саду принца Фюрстенберга. Колыбелью его будто бы был мраморный бассейн, в котором многочисленные туристы наполняли свои кубки. Не у края ли этого неисчерпаемого водоема нужно ожидать Илиа Бруша утром 10 августа?

Нет, не там подлинный источник великой реки. Теперь известно, что он образован слиянием двух ручьев, Бреге и Бригаха, которые ниспадают с высоты в восемьсот семьдесят пять метров и протекают через Шварцвальдский лес. Их воды смешиваются у Донауэшингена, на несколько лье выше Зигмарингена, и объединяются под общим названием Дунай.

Если какой-либо из ручьев больше другого заслуживает считаться рекой, то это Бреге, длина его тридцать семь километров, и начинается он в Брисгау.

Но, без сомнения, наиболее осведомленные сказали себе, что местом отправления Илиа Бруша,— если он все же отправится,— будет Донауэшинген, и там они собрались, в большинстве члены «Дунайской лиги», во главе с президентом Миклеско.

С утра 10 августа они выстроились, как на часах, у берега Бреге, при слиянии двух ручьев. Но часы проходили, а героя дня не было видно.

— Он не явится,— сказал один.

— Это просто мистификатор,— молвил другой.

— А мы настоящие простаки! — добавил Михаил Михайлович, который скромно торжествовал.

Только президент Миклеско настойчиво защищал Илиа Бруша.

— Нет,— уверял он,— я никогда не допущу мысли, что член «Дунайской лиги» вздумает дурачить своих товарищей!.. Илиа Бруш запоздал. Будем терпеливы. Мы вот-вот его увидим.

Господин Миклеско был прав в своем доверии. Незадолго до девяти часов из группы, собравшейся при слиянии Бреге и Бригаха, донесся крик:

— Вот он!.. Вот он!..

В двухстах шагах из-за поворота показалась лодка, направляемая кормовым веслом вдоль берега, минуя быстрину. На корме стоял человек.

Этот человек и был тот самый, который несколько дней назад появился на конкурсе «Дунайской лиги» и завоевал два первых приза, венгр Илия Бруш.

Когда лодка достигла слияния ручьев, она остановилась, и на берег был выброшен небольшой якорь. Илия Бруш высадился, и любопытные собрались вокруг него. Без сомнения, он не ожидал встретить такую многочисленную компанию и казался несколько смущенным.

Президент Миклеско подошел к нему и протянул руку, которую Илия Бруш почтительно пожал, сняв шапку из меха выдры.

— Илия Бруш,— сказал господин Миклеско с чисто президентской важностью,— я счастлив видеть великого победителя на нашем последнем конкурсе.

Великий победитель поклонился в знак благодарности. Президент продолжал:

— Раз мы встретились с вами у истоков нашей интернациональной реки, мы заключаем, что вы начинаете приводить в исполнение проект спуститься до устья с удочкой в руке.

— Конечно, господин президент,— ответил Илия Бруш.

— И вы начинаете ваше плавание сегодня?

— Именно сегодня, господин президент.

— Как вы рассчитываете совершить путешествие?

— Спускаясь по течению.

— В этой лодке?

— В этой лодке.

— Никогда не причаливая к берегу?

— Нет, кроме как ночью.

— Но вы ведь знаете, что речь идет о трех тысячах километров?

— По десять лье в день это займет около двух месяцев.

— В таком случае, счастливого пути, Илия Бруш!

— Благодарю вас, господин президент!

Илиа Бруш поклонился в последний раз и вошел в свое суденышко, а любопытные теснились, чтобы увидеть, как он отправится.

Он взял удочку, насадил наживку, положил удилище на скамейку, поднял якорь на борт, оттолкнул лодку сильным ударом багра, потом, сев на корме, закинул удочку.

Мгновение спустя он ее вытащил. На крючке бился усач. Это показалось счастливым предзнаменованием, и, когда он повернул нос лодки, вся компания приветствовала бешеными криками «хох!» лауреата «Дунайской лиги».

ПАССАЖИР ИЛИА БРУША

Он начался, этот спуск по великой реке. Илиа Брушу предстояло путешествие через одно герцогство — Баден, через два королевства — Вюртемберг и Баварию, через две империи — Австро-Венгрию и Турцию, через три княжества — Гогенцоллерн, Сербию и Румынию¹. Оригинальный рыболов мог не страшиться усталости во время этого долгого плавания протяженностью более семисот лье. Течение Дуная должно было донести его до самого устья со скоростью немного больше лье в час, то есть в среднем пятьдесят километров в день. Через два месяца он будет, таким образом, у цели своего путешествия при условии, что никакая случайность не задержит его в пути. Но почему он должен подвергнуться задержкам?

Лодка Илиа Бруша была двенадцати футов² длинны. Это был род плоскодонной баржи, шириной в четыре фута посередине. Впереди под круглой крышей — рубка, каюта, если хотите, в которой могли укрыться два человека. Внутри этой рубки два ящика по бокам содержали скромный гардероб владельца и по желанию могли превращаться в кушетки. Задняя часть сун-

¹ Эти два княжества были потом возведены в королевства: Румыния — в 1881 году и Сербия — в 1882 году. — *Примеч. Ж. Верна.*

² Фут — старинная мера длины, около тридцати сантиметров.

дуков образовала скамейку, и на ней помещались кухонные принадлежности.

Бесполезно говорить, что баржа была снабжена всеми снастями, которые составляют инвентарь настоящего рыболова. Илия Бруш не мог без этого обойтись, потому что, как он заявил своим товарищам в день конкурса, он должен был во время путешествия существовать исключительно плодами ловли, если не питаясь рыбой, то меняя ее на звонкую монету, которая позволит ему составлять более разнообразное меню, не нарушая своего плана.

С этой целью Илия Бруш намеревался продавать по вечерам рыбу, пойманную днем, а эта рыба найдет ценителей на том или другом берегу после шума, какой создавался возле имени рыболова.

Так протек первый день. Впрочем, наблюдатель, который не сводил бы глаз с Илия Бруша, был бы по праву удивлен тем малым усердием, с каким лауреат «Дунайской лиги», казалось, относился к ужению, которое, однако, являлось единственным оправданием его эксцентрического предприятия. Когда он чувствовал, что за ним не следят посторонние взгляды, он спешил сменить удочку на весло и греб изо всех сил, как будто стараясь ускорить бег лодки. Напротив, когда несколько любопытных появлялись на одном из берегов или встречался перевозчик, он тотчас схватывал свое профессиональное орудие и с обычной ловкостью немедленно вытаскивал из воды прекрасную рыбу, что доставляло ему аплодисменты зрителей. Однако, как только зевак скрывало течение реки, а паромщик исчезал за поворотом, он снова брался за весло и разгонял тяжелую баржу.

Имел ли Илия Бруш причину сократить срок путешествия, которое, впрочем, никто не вынуждал его предпринимать? Но что об этом ни говори, он продвигался довольно быстро. Увлекаемый течением, быстрым у начала реки, а в дальнейшем более медленным, гребя всегда, когда представлялся благоприятный случай, он делал восемь километров в час, если не больше.

Миновав несколько мелких поселений, он оставил позади Тутлинген, более значительный центр, не оста-

навливаясь, хотя несколько почитателей делали ему с берега знаки причалить. Илиа Бруш, отклонив жестом приглашение, отказался прервать свой путь.

В четыре часа пополудни он очутился близ маленького городка Фридингена, в сорока восьми километрах от места отправления. Он охотно пронесся бы мимо Фридингена, если только можно употребить такое выражение, когда следуешь по воде, но энтузиазм публики не позволил ему этого. Как только он появился, несколько барок, откуда доносились бесчисленные восклицания «хох!», отделились от берега и окружили знаменитого лауреата.

Илиа Бруш принял их приветливо. Разве не нужны были ему покупатели для рыбы, которую он наловил в те моменты, когда занимался ужением? Усачи, подлещики, плотва бились в его садке, не считая нескольких голавлей. Явно, он не мог съесть все это один. Да об этом не было и речи. Любителей явилось много. Как только остановилась баржа, вокруг нее столпилось полсотни баденцев, приглашая Бруша, воздавая ему почет, приличествующий лауреату «Дунайской лиги».

— Эй! Сюда, Бруш!

— Кружку доброго пива, Бруш!

— Мы покупаем вашу рыбу, Бруш!

— За эту двадцать крейцеров!

— За эту — флорин!

Лауреат не знал, кому и отвечать, и быстро получил за рыбу несколько приятных звонких монет. С той премией, которую он заработал на конкурсе, это, в конце концов, составит хорошую сумму, если его с таким же энтузиазмом будут встречать от истока великой реки до ее устья.

А почему он прекратится? Разве не почетно владеть хотя бы одной штукой, вышедшей из его рук? Конечно, ему не придется ходить по домам, предлагая свой товар, раз публика спорит из-за его рыбы на месте. Решительно, такая продажа — гениальная идея.

В этот вечер, помимо того, что он легко продал рыбу, не было недостатка в приглашениях. Илиа Бруш, который, по-видимому, хотел покидать судно как можно реже, отклонил их все и так же энергично отказался

от добрых стаканов вина и добрых кружек пива, хотя его и звали со всех сторон зайти выпить в береговом кабачке. Его почитатели вынуждены были от этого отказаться и расстались со своим героем, назначив ему свидание назавтра, в момент отплытия.

Однако утром они уже не нашли баржи. Илия Бруш отправился до рассвета, и, одинокий в этот утренний час, усердно греб, держась посреди реки, на равном расстоянии от довольно крутых берегов.

Пользуясь быстрым течением, он миновал в пять часов утра Зигмаринген, пройдя в нескольких метрах от «Свидания рыболовов». Без сомнения, немного позже кто-нибудь из членов «Дунайской лиги» выйдет постоять на балконе трактира, чтобы подстеречь появление прославленного сочлена. Но он станет сторожить напрасно. Рыболов будет уже далеко, если не уменьшится скорость его баржи.

В нескольких километрах от Зигмарингена остался позади первый приток Дуная, простой ручеек Лушат, впадающий слева.

Благодаря тому, что населенные центры были сравнительно редки в этой части его пути, Илия Бруш весь день ускорял бег своего суденышка и уделил ужению самое малое время. Поймав лишь столько рыбы, сколько требовалось для собственного пропитания, он остановился ночевать в поле, немного выше маленького городка Мундеркингена, обитатели которого, конечно, не думали, что рыболов так близко.

За этим вторым днем плаванья последовал третий, во всем ему подобный. Илия Бруш быстро проплыл перед Мундеркингеном до восхода солнца и рано утром оставил позади большой город Эшинген. В четыре часа он миновал Иллер, значительный приток справа, и еще не пробило пяти часов, как он отшвартовался у железного кольца, вделанного в набережную Ульма, самого большого города в королевстве Вюртемберг после его столицы Штутгарта.

Прибытие знаменитого лауреата не было замечено. Его ждали только к вечеру следующего дня. Поэтому не было обычной суматохи. Очень довольный своим ин-

когнито, Илия Бруш решил употребить конец дня на общее знакомство с городом.

Впрочем, надо сказать, что набережная была не совсем пустынна. Там находился один гуляющий, и все заставляло думать, что он поджидал Илия Бруша, потому что, когда баржа показалась, он следовал за ней вдоль реки. Весьма вероятно, лауреату «Дунайской лиги» не удастся избежать обычной овации.

Когда баржа пришвартовывалась к набережной, одинокий прохожий не подошел к ней. Он остановился на некотором расстоянии и, казалось, наблюдал, стараясь быть незамеченным. Это был человек среднего роста, одетый по венгерской моде, сухой, с живым взглядом, хотя, наверное, прожил более сорока лет. Он держал в руке кожаный чемодан.

Илия Бруш, не обращая на него внимания, крепко привязал судно, уверился, что сундуки заперты всяческими замками, прикрыл дверь каюты, затем спрыгнул на землю и направился по первой улице, ведущей в город.

Человек, быстро положив в баржу свой кожаный чемодан, тотчас пошел за ним.

Пересекаемый Дунаем, Ульм — это вюртембергский город на левом берегу и баварский на правом, но на обоих берегах это город типично немецкий.

Илия Бруш шел по старинным улицам, окаймленным лавками; в эти лавки покупатели не входят, и сделки происходят через форточки в застекленных витринах. А когда свистит ветер, тяжелые железные вывески, вырезанные в форме медведей, оленей, крестов и корон, качаются, шумят и звенят.

Илия Бруш, миновав древнюю ограду, прошел в квартал, где мясники, торговцы требухой и колбасники имеют свои заведения, и потом, прогуливаясь, очутился перед собором. Его колокольня имела претензию подниматься выше страсбургской колокольни. Эта честолюбивая претензия рушилась, как и многие другие, более скромные: было доказано, что высота вюртембергского шпица не превышает трехсот тридцати семи футов.

Илия Бруш не был альпинистом, ему не пришлось в голову подняться на колокольню, откуда его взгляд мог бы охватить город и прилегающие поля. Если бы он это

сделал, за ним наверняка последовал бы неизвестный, который не покидал его, стараясь оставаться незамеченным. По крайней мере, он сопровождал Бруша и тогда, когда тот вошел в собор и удивлялся дарохрани-
тельнице¹, которую французский путешественник Дю-
руи сравнил с бастионом, с ячейками и машикулями², а
также любовался сиденьями на хорах, которые худож-
ник XV века населил изображениями знаменитых особ
той эпохи.

Преследуемый и преследующий прошли мимо го-
родской ратуши, почтенного здания XII века, и снова
спустились к реке.

Прежде чем пройти на набережную, Илия Бруш
остановился на несколько мгновений — посмотреть на
компанию горожан, взгромоздившихся на ходули; этот
вид спорта весьма уважают в Ульме, хотя он и не пред-
писан его обитателям в обязательном порядке, как во-
дится еще сейчас в старинном университетском город-
ке в Тюбингене из-за влажной и изрытой почвы, за-
трудняющей обычное пешее хождение.

Чтобы удобнее наслаждаться представлением, уча-
стниками которого были веселые молодые люди, юно-
ши и девушки, Илия Бруш занял место в кафе. Незна-
комец не замедлил усесться за соседний стол, и оба
приказали подать себе по кувшину знаменитого мест-
ного пива.

Через десять минут они пустились в путь, но уже в
обратном порядке. Незнакомец теперь шел вперед ско-
рым шагом. Когда Илия Бруш, следуя за ним без вся-
ких подозрений, пришел к барже, то нашел там посети-
теля, который сидел с таким видом, как будто ждет-
ется очень давно.

Было еще совсем светло. Илия Бруш издали за-
метил непрошенного посетителя, комфортабельно усе-
вшегося на заднем ящике с желтым чемоданом у ног.
Очень удивившись, он ускорил шаг.

¹ Дарохранительница — предмет церковной утвари, упо-
требляемый при богослужении.

² Машикули — навесные бойницы, закрытые сверху и с
боков.

— Простите, сударь,— сказал он, прыгая в лодку,— вы, по-моему, ошиблись?

— Ничуть,— ответил незнакомец.— Именно с вами я желаю говорить.

— Со мной?

— С вами, господин Илия Бруш.

— О чем?

— Хочу сделать вам предложение.

— Предложение! — вскричал крайне удивленный рыболов.

— И даже превосходное предложение,— уверил незнакомец, который жестом пригласил собеседника сесть.

По правде, это приглашение было не совсем личным, так как не в обычае предлагать сесть тому, кто принимает вас у себя. Но посетитель говорил с такой решительностью и спокойной уверенностью, что это подействовало на Илиа Бруша. Не говоря ни слова, он повиновался.

— Я, как и все,— снова заговорил незнакомец,— знаю ваш проект и, следовательно, знаю, что вы рассчитываете спуститься по Дунаю, существуя исключительно за счет рыбной ловли. Я сам страстный любитель рыболовного искусства и хочу быть кровно заинтересованным в вашем предприятии.

— Каким образом?

— Я и собираюсь сказать это вам. Но сначала позвольте предложить один вопрос. В какую сумму оцениваете вы стоимость рыбы, которую предполагаете поймать в продолжение путешествия?

— Что может принести мне рыбная ловля?

— Да. Я подразумеваю то, что вы продадите, не считая того, что съедите сами.

— Может быть, сотню флоринов.

— Я предлагаю пятьсот.

— Пятьсот флоринов! — вскричал ошеломленный Илия Бруш.

— Да, пятьсот флоринов, и плачу вперед.

Илия Бруш был поражен этим странным предложением, и, видимо, взгляд его был так красноречив, что

его собеседник ответил на мысль, не высказанную рыболовом.

— Успокойтесь, господин Бруш. Я в здравом уме.

— Но тогда какова же ваша цель? — спросил мало убежденный лауреат.

— Я вам это сказал,— объяснил незнакомец.— Я хочу интересоваться вашими успехами, даже присутствовать при них. А потом, есть и волнение игрока. Оценив ваши шансы в пятьсот флоринов, я буду наслаждаться, видя, как эта сумма возвращается ко мне частями по вечерам после окончания продажи.

— По вечерам? — настойчиво переспросил Илия Бруш.— Значит, вы имеете намерение отправиться со мной?

— Безусловно,— ответил незнакомец.— Разумеется, мой проезд не входит в наши условия и будет оплачен такой же суммой в пятьсот флоринов, что составит в целом тысячу флоринов, полностью оплаченных авансом.

— Тысяча флоринов! — повторил Илия Бруш, все более и более изумляясь.

Конечно, предложение было соблазнительное. Но, надо полагать, рыболов предпочитал одиночество, так как коротко ответил:

— Сожалею, сударь! Я отказываюсь!

Перед таким категорическим ответом, высказанным решительным тоном, приходилось только уступить. Но, без сомнения, не таково было мнение страстного любителя рыбной ловли, который совсем не казался обескураженным ясностью отказа.

— Вы позволите мне, господин Бруш, узнать причину? — спокойно спросил он.

— Мне нечего объяснять. Я отказываю, и все тут. Я думаю, это мое право,— отвечал Илия Бруш, начиная проявлять нетерпение.

— Конечно, это ваше право,— продолжал его собеседник, не трогаясь с места.— Но и я в своем праве, когда прошу вас объяснить мотивы вашего решения. Мое предложение отнюдь не является нелюбезным, и, естественно, со мной надо обращаться вежливо.

Эти слова были сказаны без всякой угрозы, но та-

ким твердым, даже авторитетным тоном, что Илия Бруш был поражен. Он не только дорожил уединением, он, без сомнения, еще больше старался избежать нескромных расспросов.

— Вы правы, сударь,— молвил он.— Я вам прежде всего скажу, что мне просто совестно вовлекать вас в такую невыгодную операцию.

— Это мое дело.

— Но также и мое, потому что я намерен удить не более часа ежедневно.

— А остальное время?

— Я буду грести, чтобы ускорить ход моего судна.

— Значит, вы спешите?

Илия Бруш кусал себе губы.

— Спешу или нет,— сухо ответил он,— но это так. Вы должны понять, что принимать при таких условиях пятьсот флоринов — настоящее воровство.

— Ничуть, раз я предупрежден,— настаивал покупатель, не теряя своего непоколебимого спокойствия.

— Все-таки,— возразил Илия Бруш — я не хочу быть вынужденным ловить рыбу каждый день, хотя бы и в течение часа. Нет, я не могу принять на себя такое обязательство. Я намерен действовать по своей фантазии. Я хочу быть свободным.

— Вы и будете,— объявил незнакомец.— Вы станете удить, когда вам захочется, и только тогда. Это даже увеличит прелесть игры. Впрочем, я знаю, вы достаточно искусны, чтобы двумя или тремя счастливыми забросами принести мне выгоду, и я все же рассматриваю эту сделку, как превосходную. Я настаиваю на своем предложении: пятьсот флоринов за рыбу и тысяча флоринов, включая проезд.

— А я настаиваю на своем отказе.

— Ну, тогда я вновь повторяю свой вопрос: почему?

В такой настойчивости было что-то неуместное. Илия Бруш по природе очень спокойный, начал терять терпение.

— Почему? — более живо ответил он.— Я, кажется, вам уже сказал. И я добавляю, раз вы требуете, что я не хочу никого на борту. Я думаю, никому не запрещено любить одиночество.

— Конечно,— согласился его собеседник, не показывая ни малейших признаков того, что намерен оставить скамейку, к которой точно прирос.— Но со мной вы и будете один. Я не тронусь с места и даже не скажу ни слова, если вы поставите мне такие условия.

— А ночью? — возразил Илия Бруш, которого стал разбирать гнев.— Уж не думаете ли вы, что двоим будет удобно в моей каюте?

— Она достаточно велика для двоих,— сказал незнакомец.— Впрочем, тысяча флоринов может несколько вознаградить за тесноту.

— Я не знаю, может она или нет,— отпарировал Илия Бруш, все более и более раздражаясь.— Нет, сто раз нет, тысячу раз нет. Это ясно, по-моему.

— Очень ясно,— согласился незнакомец.

— Итак? — спросил Илия Бруш, указывая рукой на набережную.

Но его собеседник, казалось, не понял столь ясного жеста. Он вытащил из кармана трубку и начал заботливо раскуривать. Такой апломб взбесил Илию Бруша.

— Вы хотите, чтобы я вас высадил на землю? — вне себя вскричал он.

Незнакомец кончил раскуривать трубку.

— Вы будете не правы,— молвил он, и в голосе его не было ни малейшей боязни.— И вот вам три довода. Первый: драка не замедлит вызвать вмешательство полиции. Нас обоих заставят отправиться к полицейскому комиссару, чтобы мы объявили наши имена и фамилии и отвечали на нескончаемые вопросы. Это совсем не забавно, признаюсь, и, кроме того, такое приключение совсем не ускорит ваше путешествие, как вы того хотите.

Рассчитывал ли упрямый любитель рыбной ловли на этот аргумент? Если у него был такой расчет, он оправдался. Внезапно укрощенный Илия Бруш казался, решил выслушать защитительную речь до конца. Впрочем, речистый оратор, очень занятый разжиганием трубки, не заметил эффекта своих слов. Он собирался продолжать свои доказательства, но в этот самый момент на баржу прыгнул второй посетитель, приближения которого Илия Бруш, поглощенный спором, не

заметил. Вновь пришедший носил форму немецкого жандарма.

— Господин Илия Бруш? — спросил этот представитель публичной власти.

— Это я, — ответил спрошенный.

— Ваши документы, пожалуйста.

Вопрос упал как камень в середину спокойного болота. Илия Бруш был, видимо, уничтожен.

— Мои документы? — забормотал он. — Но у меня нет документов, если не считать конвертов от адресованных мне писем и квитанций в уплату за квартиру, где я жил в Сальке. Этого достаточно?

— Это не документы, — строго возразил жандарм. — Свидетельство о крещении, проездной служебный билет, рабочая книжка, паспорт — вот документы! Есть у вас что-нибудь в этом роде?

— Абсолютно ничего, — в отчаянии признался Илия Бруш.

— Это печально для вас, — пробормотал жандарм, который, казалось, был искренне раздосадован необходимостью прибегнуть к суровым мерам.

— Для меня! — протестовал рыболов. — Но прошу вас поверить, что я честный человек.

— Я в этом убежден, — заявил жандарм.

— И я ничего и никого не боюсь. Меня, наконец, хорошо знают. Ведь я лауреат последнего рыболовного конкурса «Дунайской лиги» в Зигмарингене, о котором говорила вся печать, и даже здесь я, конечно, найду попутчиков.

— Будьте спокойны, они найдутся, — заверил жандарм. — А пока я вынужден попросить вас последовать к комиссару, который удостоверится в вашей личности.

— К комиссару! — вскричал Илия Бруш. — Но в чем меня обвиняют?

— Совершенно ни в чем, — объяснил жандарм. — Но только я имею приказ. Мне предписано наблюдать за рекой и приводить к комиссару всех, у кого бумаги окажутся не в порядке. Вы на реке? Да. Имеете бумаги? Нет. Ну что ж, я вас увожу. Остальное меня не касается.

— Но это оскорбление! — в отчаянии протестовал Илия Бруш.

— Пусть так,— флегматично заявил жандарм,

Кандидат в пассажиры, убедительную речь которого внезапно прервали, прислушивался к разговору с таким вниманием, что у него даже погасла трубка. Он решил, что для него пришел момент вмешаться.

— А если я поручусь за господина Илия Бруша,— сказал он,— этого будет достаточно?

— Ну, еще посмотрим,— произнес жандарм.— Кто вы такой?

— Вот мой паспорт,— ответил любитель рыбной ловли, протягивая развернутый лист.

Жандарм пробежал документ глазами, и его обращение сразу изменилось.

— Это совсем другое дело,— сказал он.

Он бережно свернул паспорт и протянул владельцу. После этого выпрыгнул на берег и сказал, отведя почтительный поклон компаньону Илия Бруша:

— До свиданья, господа!

Илия Бруш, удивленный как внезапностью этого неожиданного инцидента, так и его разрешением, следил глазами за отступавшим неприятелем.

А в это время его спаситель, начав нить своего рассуждения с пункта, где оно было прервано, продолжал неумолимо:

— Второй мотив, господин Бруш, это тот, что по причинам, вам, может быть, неизвестным, за рекой тщательно следят, как вы в этом только что убедились. Надзор станет еще более строгим по мере того, как вы будете спускаться вниз, и даже усилится, если только это возможно, когда вы будете пересекать Сербию и болгарские провинции Оттоманской империи, страны, охваченные смутой и даже официально находящиеся в состоянии войны с 1 июля. Я полагаю, что еще немало инцидентов случится на вашем пути и что вы не будете досадовать, если к вам, в случае надобности, придет помощник честного горожанина, который, к счастью, обладает некоторым влиянием.

Искусный оратор мог надеяться, что этот второй аргумент, ценность которого сейчас была доказана,

окажется очень убедительным. Но он, без сомнения, не рассчитывал на такой полный успех. Илия Бруш, совершенно убежденный, только и искал случая уступить. Затруднение состояло лишь в том, чтобы найти удобный предлог для отступления.

— Третья и последняя причина,— продолжал, между тем, кандидат в пассажиры,— это та, что я обращаюсь к вам от имени вашего президента, господина Миклеско. Так как вы поставили свое предприятие под покровительство «Дунайской лиги», то она, по меньшей мере, должна иметь наблюдение за его выполнением, чтобы иметь возможность засвидетельствовать, в случае нужды, соблюдение его условий. Когда господин Миклеско узнал о моем намерении составить вам компанию в путешествии, он дал мне почти официальный мандат в этом смысле. Я сожалею о том, что, не предвидя вашего непонятного сопротивления, отказался от рекомендательного письма, которое он мне предлагал для вас.

Илия Бруш испустил вздох облегчения. Мог ли найтись лучший предлог, чтобы согласиться на то, от чего он так яростно отказывался?

— Нужно было сказать об этом! — вскричал он.— Это совсем другое дело, и я виноват в том, что так долго отклонял ваши предложения.

— И так, вы их принимаете?

— Я принимаю.

— Очень хорошо! — сказал любитель ужения, добившийся исполнения своих желаний, и вытащил из кармана несколько банковых билетов.— Вот тысяча флоринов.

— Нужна расписка? — спросил Илия Бруш.

— Если это вас не затруднит.

Рыболов вытащил из ящика чернила, перо и записную книжку, из которой вырвал листок, потом при последнем свете дня начал писать расписку, которую в то же время громко читал.

— «Получил в уплату за рыбу, которую я поймаю на удочку в течение моего настоящего путешествия, и в уплату за проезд от Ульма до Черного моря сумму в

тысячу флоринов от господина...» От господина?..— повторил он вопросительным тоном, подняв перо.

Пассажир Илия Бруша снова принялся раскуривать трубку.

— Иегера, Вена, Лейпцигерштрассе, номер сорок три,— отвечал он в промежутке между двумя затяжками табаку.

СЕРГЕЙ ЛАДКО

Из различных стран земного шара, которые с начала исторического периода особенно подвергались военным испытаниям,— если бы только какая-нибудь страна могла похвалиться тем, что она извлекала из этого хоть маленькую пользу! — нужно упомянуть в первую очередь Юг и Юго-Восток Европы. Вследствие географического положения эти страны, вместе с частью Азии, заключенной между Черным морем и Индом, являлись ареной, где роковым образом сталкивались соперничавшие расы, населяющие старый материк.

Финикийцы, греки, римляне, персы, гунны, готы, славяне, мадьяры, турки и многие другие спорили за право владеть этими злополучными странами. Там проходили племена, чтобы потом осесть в Центральной или Западной Европе, где, после медленного развития, они породили современные национальности.

Если судить по многочисленным пророчествам ученых, будущее улыбается им не больше, чем их трагическое прошлое. По этим пророчествам желтое нашествие обязательно приведет когда-нибудь к резне, какие бывали в древности или в средние века. Когда придет такой день, Южная Россия, Румыния, Сербия, Болгария, Венгрия и даже Турция, удивленная тем, что ей приходится играть такую роль (если только страна, которую так называют сегодня, будет еще в эту эпоху под властью сынов Османа¹), в силу обстоятельств станут передовым оплотом Европы и вынесут первые удары.

В ожидании подобных катастроф, наступление которых представляется, однако, весьма отдаленным,

¹ Сынами Османа в старину называли турок.

различные расы, в течение веков наслаивавшиеся одна на другую между Средиземным морем и Карпатами, кончили тем, что осели со всем своим добром, и в восточных странах стал утверждаться мир, относительный мир между так называемыми цивилизованными нациями. Местные смуты, грабежи, убийства, кажется, с этих пор ограничились частью Балканского полуострова, еще управляемой турками.

Появившиеся впервые в Европе в 1356 году, хозяева Константинополя в 1453 году, турки столкнулись с предшествующими завоевателями, которые, придя прежде них из Центральной Азии и давно уже приняв христианство, начали сливаться с туземными народами и превращаться в устойчивые, постоянные нации. В постоянно возобновлявшейся вечной борьбе за существование эти рождающиеся нации защищались с ожесточением, которому научились у других. Славяне, мадьяры, греки, хорваты, тевтоны противопоставили турецкому нашествию живой барьер, который местами прогибался, но нигде не был полностью опрокинут.

Задержанные по эту сторону Карпат и Дуная, турки оказались даже неспособными удержаться в этих границах, и так называемый «восточный вопрос»¹ есть история их векового отступления.

В отличие от тех завоевателей, которые им предшествовали и которых они хотели заменить, этим азиатским мусульманам никогда не удавалось ассимилировать народы, подпавшие под их власть. Водворившись путем победы, они и остались победителями, распоряжаясь, как господа рабами. При различии религий такой метод управления мог иметь последствием только постоянные восстания угнетенных.

В самом деле, история полна такими восстаниями, которые после столетий борьбы завершились в 1875 году более или менее полной независимостью Греции, Черногории, Румынии и Сербии. Что же касается других христианских народов, они продолжали терпеть владычество последователей Магомета.

¹ Восточный вопрос XVIII—XIX веков — борьба великих держав за преобладающее влияние в Турции и на Балканах.

Это владычество в первые месяцы 1875 года было еще более тяжелым, чем обычно. Под влиянием мусульманской реакции, которая тогда торжествовала при дворе султана, христиане Османской империи были обременены налогами, их убивали, подвергали тысяче мучений. Ответ не заставил себя ждать! В начале лета снова поднялась Герцеговина.

Отряды патриотов вышли на бой и под предводительством таких храбрых командиров, как Пеко Павлович и Любибратич, отвечали ударом на удар посланных против них регулярных войск.

Скоро пожар распространился, захватил Черногорию, Боснию, Сербию. Новое поражение, которое турецкие войска потерпели в ущельях Дуга в январе 1876 года, воспламенило мужество патриотов, и народный гнев начал подниматься в Болгарии. Как всегда, он начался скрытыми заговорами, тайными объединениями, где собиралась пылкая молодежь страны.

В этих тайных сообществах быстро выделялись вожди и утверждали свой авторитет над более или менее многочисленными товарищами, одни — красноречием, другие — силой ума или горячностью патриотизма.

Группы создавались в короткое время, и в каждом городе все группы объединялись в одну.

В Рушукe, значительном болгарском центре, расположенном на берегу Дуная почти напротив румынского города Журжево, наибольший авторитет завоевал лецман Сергей Ладко. Заговорщики не могли сделать лучший выбор.

Достигший примерно тридцати лет, высокого роста, белокурый, как истый северный славянин, геркулесовской силы, необыкновенной ловкости, привычный ко всяким телесным упражнениям, Сергей Ладко обладал всеми физическими качествами, которые так нужны командиру. Но, что было важнее, он имел и моральные качества, необходимые для вождя: энергию в решениях, благоразумие при выполнении, страстную любовь к своей стране.

Сергей Ладко родился в Рушукe, где изучил профессию дунайского лецмана, и покидал город только для того, чтобы проводить в Вену или еще выше или ни-

же — к волнам Черного моря — баржи и шаланды, которые доверялись его превосходному знанию великой реки. В промежутках между этими полуречными, полуморскими плаваниями он посвящал свои досуги уже нию и, пользуясь своими исключительными природными данными, достиг удивительной ловкости в этом искусстве, доходы от которого, присоединенные к лоцманскому заработку, обеспечивали ему полное довольство.

Работа лоцмана и страсть к рыболовству вынуждали Ладко проводить четыре пятых жизни на реке, и он стал считать воду родной стихией. Переплыть Дунай, который у Рушука широк, как морской пролив, он считал просто игрой, и не счесть было спасенных этим от важным пловцом.

Такое достойное и честное существование еще до антитурецких волнений сделало Сергея Ладко популярным в Рушуке. Бесчисленны были его друзья, которых он иногда даже не знал. Можно было бы даже сказать, что эти друзья составляли все городское население, если бы не существовал Иван Стрига.

Он был уроженцем Болгарии, этот Иван Стрига, как и Сергей Ладко, с которым, однако, у Стриги не было ничего общего.

Наружность их была совершенно различна, но в паспорте, который содержит лишь общие приметы, пришлось бы употребить одинаковые термины, чтобы описать и того и другого.

Так же, как и Ладко, Стрига был высок, широк в плечах, силен, имел белокурые волосы и бороду. У него также были голубые глаза. Но этими общими чертами и ограничивалось сходство. Насколько лицо одного с благородными чертами выражало откровенность и сердечность, настолько грубые черты другого говорили о лукавстве и холодной жестокости.

В нравственном отношении различие еще более увеличивалось. В то время как Ладко жил открыто, никто не мог сказать, как добывает Стрига то золото, которое он тратил, не считая. Так как об этом ничего не было известно, людское воображение давало себе полную волю. Говорили, что Стрига предатель своей стра-

ны и народа, служит наемным шпионом у турецких угнетателей; говорили, что к занятию шпионажем он добавляет контрабанду, когда представляется случай, и что всевозможные товары переправляются благодаря ему с румынского берега на болгарский и обратно без уплаты таможенных сборов; говорили даже, покачивая головой, что всего этого еще мало и что Стрига обычно добывает средства грабежом и разбоем; говорили еще... Но чего не скажут? По правде, никто ничего не знал о делах этой подозрительной личности, и, если обидные предположения публики отвечали действительности, он, во всяком случае, был очень ловок и никогда не попадался.

Впрочем, об этих предположениях говорили друг другу по секрету. Никто не рискнул бы громко сказать слово против человека, жестокость и цинизм которого всех устрашали. Стрига мог притворяться, что не знает мнения, какое о нем создалось, и приписывать всеобщему восхищению дружеское расположение, которое многие выказывали ему из трусости; он проходил по городу, как завоеватель, и возмущал его скандалами и оргиями в компании самых развращенных городских обитателей.

Между таким субъектом и Ладко, который вел совсем другой образ жизни, не могло быть никаких отношений, и, в самом деле, они знали друг друга только понаслышке. Логически рассуждая, так должно было и остаться. Но судьба смеется над тем, что мы зовем логикой, и, видно, где-то было предписано, что эти два человека встретились лицом к лицу и стали непримиримыми противниками.

Натче Грегоревич, известной всему городу своей красотой, исполнилось двадцать лет. Сначала с матерью, потом одна, она жила по соседству с Ладко, который знал ее с детства. В течение долгого времени в доме не хватало мужской руки. За пятнадцать лет до начала нашего рассказа отец пал под ударами турок, и воспоминание об этом отвратительном убийстве еще заставляло дрожать от негодования угнетенных, но не поработанных патриотов. Его вдова, вынужденная рассчитывать только на себя, смело принялась за рабо-

ту. Опытная в искусстве вязания кружев и вышивок, которыми у славян самая бедная крестьянка охотно украшает скромный наряд, она сумела обеспечить свое существование.

Для бедняков особенно мрачными являются периоды смуты, и не раз уже кружевница страдала бы от постоянной анархии в Болгарии, если бы Ладко тайно не приходил ей на помощь. Мало-помалу большая дружба установилась между молодым человеком и двумя женщинами, которые предлагали юноше убежище под своим мирным кровом во время его досуга. Часто он стучался вечером в их дверь, и часы протекали у кипящего самовара. Иногда он предлагал в благодарность за их сердечный прием развлечение в виде прогулок или рыбной ловли на Дунае.

Когда умерла госпожа Грегорович, истощенная беспрестанной работой, Ладко продолжал покровительствовать сироте. Это покровительство стало даже более неусыпным, и благодаря ему никогда девушка не страдала от разлуки с матерью, которой она обязана была тем, что не погибла от голода.

Итак, со дня на день любовь закрадывалась в сердца двух молодых людей. Они поняли это благодаря Стриге.

Заметив ту, которую обычно называли «красавицей Рушука», Стрига увлекся ею внезапно и яростно, что хорошо характеризовало его необузданную натуру. Как человек, привыкший, чтобы все склонялись перед его капризами, он явился к девушке и без всяких формальностей предложил ей руку. Впервые в жизни он столкнулся с непобедимым сопротивлением. Натча с риском навлечь на себя ненависть такого ужасного человека объявила, что ничто не заставит ее решиться на подобное замужество. Стрига напрасно возобновлял попытки. Он только добился, что при третьем предложении перед ним наглухо закрыли дверь.

Тогда его злоба перешла границы. Дав волю своей дикой натуре, он разразился такими проклятиями, что Натча испугалась. В тревоге она поделилась своими опасениями с Сергеем Ладко, и доверие девушки загло его гневом, таким же сильным, как испугавший ее

гнев Ивана Стриги. Не желая ничего слушать, Ладко в необычайно резких выражениях бранил человека, осмелившегося поднять взор на Натчу.

Однако Ладко дал себя успокоить. Последовало туманное объяснение, но результат его был совершенно ясен. Часом позднее Сергей и Натча радостно обменялись первыми поцелуями жениха и невесты.

Когда Стрига узнал новость, он чуть не умер от ярости. Он смело явился в дом Грегоровичей с оскорблениями и угрозами. Выброшенный железной рукой, он понял, что отныне здесь есть мужчина, который будет защищать этот дом.

Быть побежденным!.. Найти укротителя ему, Стриге, который так гордился своей атлетической силой!.. Этого унижения он не мог вынести и решил отомстить. С несколькими авантюристами того же сорта он поджидал Ладко вечером, когда тот поднимался с берега реки. На этот раз дело шло не о простой драке, а об умышленном убийстве. Нападающие размахивали ножами.

Это новое нападение имело не больше успеха, чем предыдущее. Действуя веслом, как дубиной, лоцман отразил нападение противников, и Стрига, преследуемый, был принужден постыдно бежать.

Через год после свадьбы Сергея и Натчи, в начале 1876 года, разразились события в Болгарии. Как ни была глубока любовь, которую питал Сергей Ладко к жене, она не заставила его забыть долг перед родиной. Без колебаний он присоединился к тем, которые начали собираться и изыскивать средства прекратить несчастья родной страны.

Прежде всего надо было достать оружие. Многочисленные молодые люди эмигрировали с этой целью, перебрались через реку, поселились в Румынии и даже в России. Среди них находился Сергей Ладко. С сердцем, разрываемым сожалениями, но твердый в исполнении долга, он отправился, оставив далеко от себя любимую, подвергавшуюся всем опасностям, угрожающим во время революции жене партизанского вождя.

В это время ему пришло на ум воспоминание о Стриге, еще увеличившее его опасения. Не воспользу-

ется ли бандит отсутствием счастливого соперника, чтобы поразить его в том, что ему дороже всего? В самом деле, это было возможно. Но Сергей Ладко не стал считаться с этой законной боязнью. Впрочем, Иван Стрига, по-видимому, покинул страну несколько месяцев назад без намерения возвратиться.

Судя по тому, что говорили в городе, он перебрался куда-то на север. Рассказней было много, но они оставались несвязными и противоречивыми. Общественное мнение обвиняло его во всех преступлениях, но в точности никто не знал ни об одном.

Однако отъезд Стриги казался верным фактом, а это и было важно для Ладко.

События оправдали его уверенность. Во время его отсутствия ничто не угрожало безопасности Натчи.

Вскоре после его возвращения появилась необходимость отправиться снова. Вторая экспедиция обещала быть продолжительнее первой. До этого повстанцам удавалось добывать только незначительное количество оружия. Транспорты, доставляемые из России, перевозились по сухопутью через Венгрию и Румынию, то есть через страны, совсем лишенные в то время железных дорог. Болгарские патриоты надеялись легче достигнуть желанного результата, если один из них отправится в Будапешт — собирать посылки с оружием, приходящие по железной дороге, и перегружать его на шаланды, которые будут быстро спускаться по Дунаю.

Ладко, которому доверили это важное поручение, отправился в путь в тот же вечер. В компании одного соотечественника, который должен был вернуть лодку на болгарский берег, он пересек реку, чтобы достигнуть столицы Венгрии наиболее быстрым путем, через Румынию. В этот момент произошел случай, который заставил очень призадуматься посланца заговорщиков.

Его компаньон и он находились не дальше пятидесяти метров от берега, как раздался выстрел. Пуля была, очевидно, предназначена им, так как просвистела мимо их ушей; лоцман в этом почти не сомневался, тем более, что в стрелке, неясно видимом в сумерках, он как будто узнал Стригу. Значит, тот вернулся в Рушук?

Смертельная тоска, которую Ладко испытал при

этом осложнении, не поколебала его решимости. Прежде всего родине он должен пожертвовать свою жизнь. Он знал также, что, если нужно, он пожертвует для нее своим счастьем, в тысячу раз более драгоценным. При звуке ружейного выстрела он упал на дно лодки. Но это была военная хитрость, предназначенная для того, чтобы избежать новой атаки, и эхо еще не перестало звучать в поле, как его рука, сильнее опираясь на весло, быстрее погнала лодку к румынскому берегу, в Журжево, огни которого блестели в сгущающемся мраке.

Прибыв к месту назначения, Ладко деятельно занялся выполнением своего поручения.

Он вошел в сношения с посланцами русского царя, одни из которых оставались на русской границе, а другие пробрались инкогнито в Будапешт или Вену. Несколько шаланд, нагруженных благодаря его заботам оружием и боеприпасами, спустились по течению Дуная.

Он часто получал от Натчи письма, посылаемые на его вымышленное имя и передаваемые на румынскую территорию под покровом ночи. Вести, сначала добрые, под конец стали очень беспокойными. Натча, правда, не называла имени Стриги. Казалось, она даже не знала, что бандит возвратился в Болгарию, и Ладко начал сомневаться в обоснованности своих страхов. Но вскоре стало очевидно, что Стрига донес на него турецким властям, потому что полиция ворвалась в его жилище и сделала обыск, впрочем, безрезультатный. Следовательно, он не должен был спешить с возвращением в Болгарию, так как это оказалось бы длинным самоубийством. Его роль знали, его выслеживали день и ночь, и стоило ему показаться в городе, чтобы его арестовали при первом же шаге. Арест у турок означал казнь, и Ладко вынужден был отказаться от возвращения на родину до того времени, когда широко развернется восстание и когда не будет опасений навлечь самые худшие несчастья на себя и на жену, которую пока не беспокоили. Этот момент не замедлил наступить. Болгария поднялась в мае. По мнению лощмана, это было слишком преждевременно.

Но каково бы ни было его суждение на этот счет, он должен был спешить на помощь своей стране. Поезд доставил его в Сомбор, последний венгерский город на железной дороге, наиболее близкий к Дунаю. Там он сядет на судно, и ему только останется отдаться на волю течения.

Известия, которые он получил в Сомборе, заставили его прервать путешествие. Его опасения оказались чересчур верны. Болгарская революция была раздавлена в зародыше. Турки уже сконцентрировали многочисленные войска в обширном треугольнике, вершинами которого были Рушук, Видин и София, и их железная рука тяжело легла на несчастную Болгарию.

Ладко вынужден был вернуться назад и ждать лучших дней в маленьком городке, где он устроился на житье.

Письма Натчи, которые он вскоре получил, показали ему невозможность принять иное решение. За его домом следили больше, чем когда-либо, и Натча оказалась настоящей пленницей; больше, чем когда-либо, его подстерегали, и приходилось в общих интересах старательно воздерживаться от неблагоприятных поступков.

Ладко изнывал от нетерпения в своем бездействии; пересылка оружия сделалась невозможной после неудачи восстания и сосредоточения турецких отрядов на берегу реки. Но это ожидание, тягостное само по себе, сделалось для него совершенно невыносимым, когда в конце июня он перестал получать известия от своей Натчи.

Он не знал, что и подумать, и его беспокойство сменилось мучительной тоской по мере того, как шло время. Действительно, он вправе был опасаться всего. Первого июля Сербия официально объявила войну султану, и с тех пор дунайскую область наводнили войска, постоянные передвижения которых сопровождались самыми ужасными насилиями. Оказалась ли Натча в числе жертв этой смуты, или, быть может, турецкие власти заключили ее в тюрьму, как заложницу или как предполагаемую сообщницу своего мужа?

После месяца такого молчания он не мог больше

терпеть и решил пренебречь всеми опасностями и проникнуть в Болгарию, чтобы узнать его истинную причину.

Но в интересах самой Натчи ему нужно было действовать благоразумно. Бессмысленно рисковать попасть в руки турецких часовых, если его возвращение не принесет пользы, если он не сумеет проникнуть в Рушук и свободно разгуливать там, невзирая на то, что его подозревают. Нужно действовать умно, смотря по обстоятельствам. В худшем случае, если придется быстро возвратиться за границу, он, по крайней мере, будет иметь радость прижать к сердцу жену.

Несколько дней Сергей Ладко искал разрешения трудной задачи. Ему, наконец, показалось, что он его нашел, и, не доверяясь никому, немедленно принялся за выполнение задуманного им плана.

Удастся ли этот план? Это покажет будущее. Следовало, во всяком случае, попытаться судьбу, и вот почему утром 28 июля 1876 года ближайшие соседи лоцмана, из которых никто не знал его настоящего имени, увидели наглухо закрытым маленький домик, где он одиноко проживал в последние месяцы.

Каков был план Ладко, каким опасностям он шел навстречу, пытаясь его осуществить, каким образом события в Болгарии, и в частности в Рушук, оказались связанными с соревнованием удильщиков в Зигмарингене, читатель узнает при дальнейшем чтении этого ничуть не вымышленного рассказа, главные герои которого еще живут в наши дни на берегах Дуная.

КАРЛ ДРАГОШ

Положив расписку в карман, господин Иегер начал устраиваться. Получив разрешение расположиться на кушетке, он исчез в каюте, унося чемодан. Десять минут спустя он вышел из нее, преобразившись с головы до ног. Одетый, как настоящий рыболов — грубая куртка, высокие сапоги, шапка из меха выдры, — он казался копией Илии Бруша.

Господин Иегер был немного удивлен, что за время

его краткого отсутствия хозяин покинул баржу. Верный взятому на себя обязательству, он не позволил себе ни одного вопроса, когда тот вернулся через полчаса. Но без хлопот со своей стороны он узнал, что Илия Бруш счел долгом послать несколько писем в газеты, чтобы объявить о своем прибытии в Ратисбон на следующий день и в Нейштадт послезавтра вечером. Теперь, когда в игру вмешались интересы господина Иегера, не следовало, в самом деле, пренебрегать публичными встречами, как получилось в Ульме. Илия Бруш даже выразил сожаление, что он не сможет остановиться в городах, которые он минует до Нейштадта, а именно в Нейбурге и Ингольштадте, довольно значительных пунктах. К несчастью, эти остановки не входили в его план, и он принужден от них отказаться.

Господин Иегер был восхищен заботой о его выгоде и не показал досады, что им не придется остановиться в Нейбурге и Ингольштадте. Напротив, он одобрил своего хозяина и еще раз заявил, что ничуть не желает стеснять его свободу, как они условились.

Два компаньона поужинали, сидя лицом к лицу на одной из скамеек. Господин Иегер достал все из того же неистощимого чемодана великолепный окорок, и это произведение города Майнца было по достоинству оценено Илия Брушем, который начал признавать, что его гость добрый малый.

Ночь прошла без приключений. Перед восходом солнца Илия Бруш поднял якорь, не смущая глубокого сна, в который был погружен его приятный пассажир.

В Ульме, где Дунай покидает маленькое королевство Вюртемберг, чтобы перебраться в Баварию, это очень скромная река. Дунай еще не принял больших притоков, которые увеличивают его мощь в нижнем течении, и ничто не предсказывает, что он сделается одной из самых значительных рек Европы.

Быстрота течения, уже очень укротившегося, едва достигла одного лье в час. Барки всевозможных размеров, среди которых было несколько тяжелых судов, нагруженных до предела, спускались по течению, иногда помогая себе широкими парусами, раздуваемыми се-

веро-западным ветром. Погода обещала быть прекрасной, без дождя.

Оказавшись посреди потока, Илия Бруш принялся действовать веслом, ускоряя бег суденышка. Несколько часов спустя проснувшийся господин Иегер нашел его за этим занятием, и рыболов предавался ему до вечера, кроме короткого перерыва для завтрака, во время которого спуск по реке не прекращался. Пассажир не сделал никакого замечания и если удивлялся такой поспешности, то делал это про себя.

Мало слов было сказано во время этого дня. Илия Бруш энергично греб. А господин Иегер наблюдал за судами, бороздившими Дунай, с таким вниманием, которое, конечно, удивило бы его хозяина, если бы тот был менее поглощен своим занятием; иногда же Иегер пробегал взглядом по обоим берегам Дуная. Эти берега значительно понизились. Река даже частью расширилась за счет окрестностей. Левый берег, наполовину затопленный, уже нельзя было ясно различать; по правому же берегу, искусственно поднятому для прокладки железной дороги, бежали поезда, пыхтели паровозы, смешивая свой дым с дымом пароходов, колеса которых били по воде с большим шумом.

У Оффингена, перед которым прошли после полудня, железная дорога уклонилась к югу, решительно уйдя от реки, и правый берег, в свою очередь, превратился в обширные болота, которым не видно было конца. Ночевать остановились в Диллингене.

На следующий день, после такого же трудного перехода, как и предыдущий, якорь бросили в пустынной местности, в нескольких километрах выше Нейбурга, и снова, когда наступил рассвет 15 августа, баржа уже была посреди потока.

Как раз на вечер этого дня Илия Бруш назначил прибытие в Нейштадт. Было бы стыдно явиться туда с пустыми руками. Погода благоприятствовала, переход оказался значительно короче, чем предшествующие, и Илия Бруш решил заняться рыбной ловлей.

Утром он тщательно проверил свои снасти. Его компаньон, сидя на корме баржи, с интересом следил за

его приготовлениями, как и полагается истинному любителю.

Работая, Илия Бруш не пренебрегал разговором.

— Сегодня, как видите, господин Иегер, я рассчитываю удить, и приготовления к ловле немного затянулись. Рыбы недоверчивы по натуре, и не может быть слишком много предосторожностей, чтобы их привлечь. Некоторые из них крайне хитры, и среди них линь. С ним надо сражаться хитростью же, и губы у него такие жесткие, что он может оборвать лесу.

— Не слишком замечательная рыба линь, как мне кажется,— заметил господин Иегер.

— Нет, потому что он предпочитает болотистую воду, и она придает его мясу неприятный вкус.

— А щука?

— Щука превосходна,— объявил Илия Бруш,— но при условии, что она весит не менее пяти-шести фунтов, а в маленьких одни кости. Во всяком случае, щуку нельзя поместить в разряд хитрых, умных рыб.

— В самом деле, господин Бруш? Итак, акулы пресной воды, как их называют...

— Так же глупы, как акулы соленой воды, господин Иегер. Настоящие скоты, на том же уровне, как акулы и угри! Их ловля может доставить выгоду, но славу — никогда... Как заметил один тонкий знаток, это рыбы, «которые ловятся», а не такие, «которых ловят».

Господину Иегеру осталось только удивляться такому убедительному рассуждению Илия Бруша, а равно тщательному вниманию, с каким он готовил свои снасти.

Прежде всего, он взял удилище одновременно легкое и гибкое, которое, будучи согнуто до того, что чуть не ломалось, снова становилось прямым, как прежде. Это удилище состояло из двух колен; первое имело в основании диаметр в четыре сантиметра и уменьшалось до сантиметра в том месте, где начинался кончик из тонкого упругого дерева. Сделанное из орешника, оно имело больше четырех метров длины, что позволяло рыболову, не покидая берега, ловить рыб глубокой воды, таких, как лещ и красноперка.

Илия Бруш, показывая господину Иегеру крючки,

которые он привязал один над другим к леске из флорентийской жилки, сказал:

— Вы видите, господин Иегер, это крючки номер одиннадцатый, с очень тонким стержнем. Для плотвы самая лучшая приманка поджаренные зерна, проколотые с одной стороны и очень размягченные... Ну! Все готово, и остается только попытать счастье.

В то время как господин Иегер прислонился к кровле каюты, рыболов сел на скамейку с подсачком под рукой, потом забросил удочку после методичного покачивания, которому нельзя было отказать в грациозности. Крючки погрузились в желтоватую воду, и грузило придало им вертикальное положение, что является наиболее желательным, по мнению всех профессионалов. Над ними плавал поплавок из лебединого пера, который не смачивается водой и потому превосходен.

Понятно, что глубокое молчание воцарилось в лодке с этого момента. Шум голосов отпугивает рыбу, да, впрочем, у серьезного рыболова есть другое занятие, помимо болтовни. Он должен внимательно следить за всеми движениями поплавка и не упустить момент, когда следует подсекать добычу.

В это утро Илия Бруш мог быть довольным. Он не только поймал два десятка плотвы, но и дюжину карпов и несколько подлещиков. Если господин Иегер в действительности был страстным любителем, каким он старался себя показать, ему оставалось лишь восхищаться быстротой и точностью, с которой его хозяин подсекал так, как это требовалось для данного сорта рыбы. Как только он замечал, что рыба взяла, он остерегался тотчас выводить добычу на поверхность воды, он давал ей походить в глубине и устать от напрасных усилий освободиться и показывал непоколебимое хладнокровие — необходимое качество рыболова, достойного этого звания.

Ужение закончилось около одиннадцати часов. В хорошее время года рыба, в самом деле, перестает клевать, когда солнце, поднимаясь до высшей точки, заставляет блеснуть поверхность воды. Добыча, впрочем, была достаточно обильна. Илия Бруш даже опасался, что ее слишком много, из-за незначительности городка

Нейштадта, где баржа остановилась в пять часов вечера.

Он ошибся. Человек двадцать пять или тридцать сторожили его появление и приветствовали аплодисментами, как только причалило судно. Ему не пришлось много хлопотать, и в несколько мгновений рыба была продана за двадцать семь флоринов, которые Илия Бруш немедленно вручил господину Иегеру в качестве первого дивиденда.

Этот последний, сознавая, что не имеет никаких прав на публичное восхищение, скромно укрывался в каюте, где к нему присоединился Илия Бруш, отделавшись от своих восторженных почитателей. Нужно было, в самом деле, не терять времени для сна, так как ночь предстояла очень короткая. Желая добраться пораньше до Ратисбона, до которого считалось около семидесяти километров, Илия Бруш решил отправиться в час утра, что давало ему возможность поудить днем, несмотря на продолжительность перегона.

Тридцать фунтов рыбы поймал Илия Бруш до полудня, так что зеваки, толпившиеся на набережной Ратисбона, прождали не напрасно. Энтузиазм публики, видимо, увеличивался. Любителями был устроен на свежем воздухе аукцион, и тридцать фунтов рыбы принесли не менее сорока одного флорина лауреату «Дунайской лиги».

Он и не мечтал о подобном успехе, и ему пришла в голову мысль, что господин Иегер, пожалуй, заключил превосходную сделку. В ожидании, пока это дело выяснится, он готов был вручить сорок один флорин законному владельцу, но Илия Брушу оказалось невозможно выполнить свой долг. Господин Иегер, в самом деле, скромно оставил баржу, предупредив компаньона, что его не надо ждать ужинать и что он вернется поздно вечером.

Илия Бруш нашел вполне естественным, что господин Иегер хочет посетить город, который был в продолжение полустолетия местопребыванием имперского сейма. Может быть, он испытал бы меньше удовлетворения и больше удивления, если бы мог видеть, каким

занятиям предавался тогда пассажир, и если бы он узнал его подлинное имя.

«Господин Иегер, Вена, Лейпцигерштрассе, номер 43» — послушно написал Илия Бруш под диктовку незнакомца. Но этот последний очутился бы в большом затруднении, если бы рыболов оказался более любопытным и если бы, предприняв со своей стороны расследование, неприятность которого только что испытал на себе, он, по примеру нескромного жандарма, попросил господина Иегера предъявить документы.

Илия Бруш пренебрег предосторожностью, законность которой ему, однако, продемонстрировали, и это пренебрежение должно было повлечь для него ужасные последствия.

Какое имя немецкий жандарм увидел на паспорте, показанном ему господином Иегером, никто не знал; но, если это было действительно имя настоящего владельца паспорта, жандарм прочитал имя Карла Драгоша.

Страстный любитель рыбной ловли и начальник дунайской полиции были в действительности одним и тем же человеком. Решившись попасть во что бы то ни стало в лодку Илия Бруша и предвидя возможность непобедимого сопротивления, Карл Драгош заранее принял меры. Вмешательство жандарма было подготовлено, и сцену разыграли, как в театре.

Этот случай показал, что Карл Драгош действовал наверняка, потому что Илия Бруш рассматривал теперь как счастливый случай возможность иметь могущественного покровителя среди опасностей, которые перед ним открылись.

Успех был такой полный, что Драгош даже смутился. Почему, прежде всего, Илия Бруш так сильно взволновался после приказа жандарма? Почему он так боялся быть вовлеченным в приключение подобного рода, что из-за этого страха даже пожертвовал любовью к одиночеству, причем самая сила этой любви представлялась чрезмерной? Честный человек, черт возьми, не боится до такой степени появления перед полицейским комиссаром. Самое худшее, что могло из этого выйти, — задержка на несколько часов, и когда не спе-

шишь... Правда, Илия Бруш спешил, над чем тоже стоило пораздумать.

Недоверчивый, как всякий хороший полицейский, Карл Драгош размышлял. Но он был достаточно наделен здравым смыслом, чтобы придавать значение случайным обстоятельствам. Он просто регистрировал эти мелкие замечания в своей памяти и прилагал все силы своего ума к разрешению более серьезной задачи, которую возложил на себя.

Проект, который Карл Драгош приводил в исполнение, напросившись к Илия Брушу в качестве пассажира, не зародился целиком в его мозгу. Настоящим творцом его был Михаил Михайлович, который, впрочем, об этом совсем не подозревал. Когда этот веселый серб от нечего делать намекал в «Свидании рыболовов», что лауреат «Дунайской лиги» может оказаться либо преследуемым преступником, либо преследующим полицейским, Карл Драгош обратил серьезное внимание на это предположение, брошенное наудачу. Конечно, он не принял его буквально. Он-то прекрасно знал, что между рыболовом и сыщиком Карлом Драгошем нет ничего общего. Следуя далее по аналогии, он соображал, что вероятность какой-либо связи между рыболовом и разыскиваемым преступником бесконечно мала. Но если ничего не случилось, то из этого не следует, что ничего не может случиться. Карл Драгош тотчас подумал, что благодушный серб прав, и что сыщик, желающим наблюдать Дунай на полной свободе, оказался бы очень искусным, появившись под маской рыболова, настолько известного, чтобы никто не мог заподозрить обман.

Но как ни соблазнительна была такая комбинация, от нее пришлось отказаться. Конкурс в Зигмарингене прошел, Илия Бруш, победитель турнира, объявил публично о своем проекте, и, конечно, он не согласится по доброй воле на подмен его персоны, подмен тем более сомнительный, что черты лауреата отныне стали известны большому количеству его коллег.

И все же, если приходилось отказаться от мысли, что Илия Бруш позволит другому выполнить под своим именем задуманное им путешествие, быть может, су-

ществовало средство достигнуть той же цели. Раз невозможно стать Илиа Брушем, не может ли Карл Драгош удовольствоваться проездом у него на борту? Кто обратит внимание на компаньона человека, который почти прославился и поэтому употребляет себе на пользу всеобщее сочувствие? И даже, если кто-нибудь нечаянно бросит взгляд на незаметного компаньона, придет ли ему в голову подумать о связи между этой неопределенной личностью и полицейским, который, таким образом, будет выполнять свою миссию в спасительной тени?

Подробно обдумав проект, Карл Драгош нашел его превосходным и решил осуществить. Уже известно, с каким искусством он разыграл первоначальную сцену, но за этой сценой, при надобности, могли последовать другие. Если бы потребовалось, Илиа Бруша потащили бы к комиссару, даже посадили бы в тюрьму под удобным предлогом, запугали бы сотней способов. И можно быть уверенным, что Карл Драгош без всяких угрызений совести разыграл бы роль посредника, и устранный рыболов увидел бы спасителя в пассажире, которого он оттолкнул.

Сыщик был, впрочем, доволен, что восторжествовал без такого жестокого нравственного насилия, и не продолжил комедию дальше первого акта.

Теперь он занял место, и настолько прочно, что, если бы сделал вид, что хочет покинуть хозяина, тот воспротивился бы его уходу с такой же энергией, с какой сопротивлялся водворению. Оставалось извлекать пользу из своего положения.

Для этого Карлу Драгошу пришлось только отдаться на волю течения. Пока его компаньон удил или греб, он наблюдал за рекой, где ничто более или менее важное не ускользало от его опытного взора. Во время пути он виделся со своими людьми, рассеянными вдоль реки. При первом же известии о преступлении он покинет Илиа Бруша, чтобы броситься по следам злодеев; но если при отсутствии преступлений какое-нибудь подзрительное событие привлечет его внимание, он и этим сумеет воспользоваться.

Все это было задумано умно, и чем больше об этом

размышлял Карл Драгош, тем больше хвалил себя за идею, которая обеспечила ему инкогнито на всем протяжении Дуная и увеличила шансы на успех.

К несчастью, рассуждая таким образом, сыщик не думал о случайностях. Он не подозревал, что совокупность самых странных событий через немногие дни повернет розыски в непредвиденном направлении и придаст его миссии неожиданную широту.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

Оставив баржу, Карл Драгош направился в центр города. Он знал Ратисбон и без колебаний шел по молчаливым улицам, где по бокам там и сям возвышались феодальные дворцы в десять этажей, останки некогда шумного города, население которого теперь упало до двадцати шести тысяч.

Карл Драгош не думал осматривать город, как предполагал Илия Бруш. Он шел не в качестве туриста. Невдалеке от моста он очутился перед кафедральным собором с неоконченными башням, но он не бросил рассеянного взгляда на любопытный портал конца XV века. И, конечно, он не шел восхищаться дворцом князей Тур и Таксис¹, готической капеллой и стрельчатым монастырем или коллекцией трубок, курьезной достопримечательностью этого древнего монастыря. Тем более, он не вздумал посетить ратушу, где некогда помещался сейм. Зала этого здания украшена старинными коврами, и привратник не без гордости показывает камеру пыток с различными приспособлениями. Драгошу не пришлось давать «на водку», чтобы оплатить услуги проводника. Он в этом не имел нужды и без посторонних указаний нашел почтовое отделение, где его ждало несколько писем на условленные инициалы. Когда Карл Драгош прочитал письма, причем на лице его не отразилось никаких ощущений, он направился к

¹ Тур и Таксис — германская княжеская фамилия, представители которой прославились устройством почтовых сообщений в Германии.

выходу, но у двери его остановил довольно плохо одетый человек.

Этот человек и Драгош узнали друг друга, так как сыщик жестом остановил вновь пришедшего, когда тот собрался заговорить. Очевидно, этот жест обозначал: «Не здесь!» Оба направились на соседнюю площадь.

— Почему ты не ждал меня на берегу? — спросил Карл Драгош, удостоверившись в отсутствии нескромных ушей.

— Я боялся проглядеть вас, — ответил тот. — И так как я знал, что вы придете на почту...

— Ладно, ты здесь, это главное, — перебил Карл Драгош. — Ничего нового?

— Ничего.

— Даже самого простенького налета в окрестностях?

— Ни в окрестностях, ни в других местах по всему Дунаю.

— Давно ли получены последние новости?

— Телеграмма из Будапештского центрального бюро пришла не больше двух часов назад. По всей линии спокойно.

Карл Драгош немного подумал.

— Ты сошлешься в прокуратуре на меня. Ты назовешься своим именем, Фридрих Ульман, и попросишь, чтобы тебя держали в курсе всех событий вплоть до самых мелких. Затем отправишься в Вену.

— А наши люди?

— Я сам ими займусь. Я увижу их в пути. Встретимся в Вене через неделю. Это приказ.

— Значит, вы оставляете верхнее течение без надзора? — спросил Ульман.

— Местной полиции там достаточно, — ответил Драгош, — и мы появимся при малейшей тревоге. До сих пор, впрочем, выше Вены не случалось ничего такого, что входило бы в нашу компетенцию. Не так они глупы, эти молодчики, чтобы действовать так далеко от своей базы.

— От базы? — переспросил Ульман. — Вы получили какие-нибудь сведения?

— У меня, во всяком случае, есть мнение.

- Какое?
- Ты слишком любопытен! Как бы то ни было, я тебя предупреждаю, что нам придется дебютировать между Веной и Будапештом.
- Почему там, а не в другом месте?
- Потому что там совершено последнее преступление. Ты помнишь этого фермера, которого они «поджаривали» и который был найден обожженным до колен.
- Тем более причин, чтобы они стали действовать в другом месте в ближайший раз.
- Почему?
- Да ведь они скажут себе, что район, где совершено последнее преступление, будет особенно тщательно охраняться. Они пойдут пытаться счастья подальше. Нет смысла действовать дважды подряд в одном месте.
- Тогда они будут рассуждать, как ослы, и ты им подражаешь, Фридрих Ульман,— возразил Карл Драгош.— Я как раз и рассчитываю на их глупость. Все газеты, как ты знаешь, приписывают мне такое намерение: они единодушно опубликовали, что я покину верхний Дунай, так как, по-моему, преступники не рискнут туда вернуться. Поэтому я отправлюсь в южную Венгрию. Бесплезно тебе говорить, что во всем этом нет ни слова правды, но можешь быть уверен, эти тенденциозные сообщения не минуют заинтересованных лиц.
- Вы так думаете?
- Они не направятся в южную Венгрию, чтобы не броситься в волчью пасть.
- Дунай велик,— заметил Ульман.— Есть Сербия, Румыния, Турция...
- А война? Там им нечего делать. Впрочем, увидим. Карл Драгош немного помолчал.
- Мои инструкции выполняются точно? — спросил он.
- Точно.
- Надзор за рекой продолжается?
- День и ночь.
- И не открыли ничего подозрительного?
- Абсолютно ничего. У всех барж и шаланд бумаги в порядке. По этому поводу я должен сказать, что проверка вызывает много недовольства. Речники про-

тестуют, и, если хотите знать мое мнение, они правы. На судах не найдешь того, что мы ищем. Ведь преступления совершаются не на воде.

Карл Драгош нахмурил брови.

— Я придаю большое значение посещению барж, шаланд и даже маленьких суденышек,— повторил он сухим тоном.— Повторяю последний раз для всех, что я не люблю возражений.

— Хорошо, сударь,— степенно согласился Ульман.

Карл Драгош сказал:

— Я еще не знаю, что буду делать... Может быть, я задержусь в Вене. Может быть, доеду до Белграда... Я пока не решил. Так как очень важно не терять связи, держи меня в курсе дела при помощи сообщений, посланных в стольких экземплярах, сколько необходимо для наших людей, рассеянных между Ратисбоном и Веной.

— Слушаюсь, сударь,— ответил Ульман.— А я?.. Где я увижу вас снова?

— В Вене через неделю, как я тебе сказал.

Драгош размышлял несколько мгновений.

— Ты можешь идти,— добавил он.— Не забудь зайти в прокуратуру и садись на первый поезд.

Ульман уже удалялся, когда Драгош снова позвал его.

— Ты слышал о некоем Илии Бруше? — спросил он.

— Это рыболов, который решил спуститься по Дунаю с удочкой?

— Вот именно. Так если увидишь меня с ним, не показывай вида, что знаешь меня.

Когда они расстались, Фридрих Ульман исчез в верхней части города, а Карл Драгош направился в гостиницу «Золотой крест», где заказал обед.

Десяток застольников уже разговаривали о том, о сем, когда Карл Драгош занял место. Он ел с большим аппетитом и не вмешивался в разговор. Напротив, он слушал как человек, имеющий привычку не пропускать мимо ушей всего, что говорится вокруг него. И он услышал, как один из собеседников спросил у другого:

— Ну, что новенького об этой знаменитой банде?

— Не больше, чем о знаменитом Бруше,— ответил

тот. — Его ждут в Ратисбоне, но, кажется, он еще не появлялся.

— Это странно.

— Если только Бруш и глава шайки не одно и то же лицо.

— Вы смеетесь?

— Гм... Кто знает?

Карл Драгош широко раскрыл глаза. Вот уже второй раз предлагалась его вниманию эта гипотеза, очевидно, висевшая в воздухе. Но он ответил на нее незаметным пожатием плеч и окончил обед, не сказав ни слова. Все это шутки. Видно, он хорошо осведомлен, этот болтун, который даже не знает о прибытии Илия Бруша в Ратисбон.

Окончив обед, Карл Драгош спустился на набережную. Там, вместо того чтобы сразу направиться к барже, он задержался на старом каменном мосту, соединяющем Ратисбон и Штадт-ам-Хоф, его пригород, и задумчиво смотрел на реку, где еще скользили суда, спешившие воспользоваться угасающим светом дня.

Он совершенно забылся в своем созерцании, когда чья-то рука ударила его по плечу, и он услышал знакомый голос:

— Можно подумать, господин Иегер, что все это вас интересует.

Карл Драгош повернулся и увидел перед собой улыбающееся лицо Илия Бруша.

— Да, — отвечал он, — это движение по реке очень любопытно. Я не перестаю его наблюдать.

— Ну, господин Иегер, оно вас интересует гораздо больше, когда мы спустимся в нижнюю часть реки, где судов намного больше. Вот увидите, когда мы будем у Железных ворот... Вы их знаете?

— Нет, — ответил Драгош.

— Нужно это видеть, — заявил Илия Бруш. — Если нет в мире реки прекраснее Дуная, то на всем протяжении Дуная самое красивое место — Железные ворота!..

Тем временем мрак совсем сгустился. Большие часы Илия Бруша показывали более девяти часов.

— Я был внизу, на барже, когда заметил вас на

мосту, господин Иегер,— сказал он.— Я подошел сюда напомнить, что завтра мы отправляемся очень рано, и потому сделаем хорошо, если ляжем спать.

— Я с вами согласен, господин Бруш,— ответил Карл Драгош.

Оба спустились к реке. Когда они обогнули мост, пассажир спросил:

— А как с продажей нашей рыбы, господин Бруш? Довольны вы?

— Скажите, я очарован, господин Иегер! Я вам вручу не менее сорока одного флорина!

— Что составит уже шестьдесят восемь с полученными ранее двадцатью семью. И мы еще только в Ратисбоне!.. Ого, господин Бруш, дельце кажется мне не совсем плохим!

— Я тоже начинаю так думать,— согласился рыболов.

Спустя четверть часа они спали друг против друга, и с восходом солнца суденышко было уже в пяти километрах от Ратисбона.

Ниже этого города берега Дуная совершенно различны. На правом расстилаются до горизонта плодородные равнины, богатая сельская местность, где нет недостатка ни в фермах, ни в деревнях; левый берег изобилует глухими лесами, и там поднимаются холмы, сливающиеся с Богемским лесом¹.

Проезжая, господин Иегер и Илия Бруш могли заметить повыше городка Донаустауф летний дворец князей Тур и Таксис и старинный епископский дворец Ратисбона. Далее, на горе Савальтор возвышалась Валгалла, или «Жилище избранных», род Парфенона², построенная королем Людвигом под баварским небом и не имеющая ничего общего с греческим. Внутри музеев, где находятся бюсты германских героев, но музей не так восхищает, как прекрасная внешность здания. Если Валгалла и не может равняться с афинским Пар-

¹ Богемский лес, правильнее Чешский лес,— горный массив на границах Чехословакии, Германии, Австрии.

² Парфенон — величайший памятник древнегреческого искусства, храм богини Афины, построенный в Афинах в V веке до нашей эры.

феноном, она лучше того здания, которое воздвигли шотландцы на одном из холмов Эдинбурга, этой «старой коптильни».

Велико расстояние от Ратисбона до Вены, особенно по извилинам Дуная. На этом водном пути длиной около четырехсот семидесяти пяти километров значительные города редки. Можно отметить только Штраубинг, складочное место земледельческих продуктов Баварии, где баржа остановилась вечером 18 августа, Пассау, куда она прибыла 20-го, и Ленц, который она миновала днем 21-го. Помимо этих городов, из которых два последних имеют некоторое стратегическое значение, но не насчитывают и по двадцать тысяч жителей, больше нет значительных поселений.

За отсутствием созданий рук человеческих турист может бороться со скукой, наблюдая разнообразное зрелище берегов великой реки. Ниже Штраубинга, где Дунай достигает ширины в четыреста метров, он снова начинает суживаться, меж тем как первые отроги Ретийских Альп мало-помалу поднимают его правый берег.

В Пассау, построенном при слиянии трех рек — Дуная, Инна и Ильса, из которых две первые входят в число самых значительных в Европе, Германия остается позади, и правый берег становится австрийским чуть пониже города; левый же берег начинает входить в империю Габсбургов только на несколько километров ниже. Здесь ложе реки представляет собой долину шириной всего около двухсот метров, а дальше, на пути к Вене, оно то расширяется, образуя настоящие озера, усеянные островами и островками, то еще больше суживается, и тогда воды глухо шумят среди крутых берегов.

Илиа Бруш, казалось, совсем не интересовался этой сменой разнообразных и всегда прелестных картин и лишь старался во всю силу своих мускулов ускорить бег лодки. Впрочем, такое равнодушие вполне можно было объяснить тем вниманием, с которым нужно было следить за движением суденышка. Помимо трудностей, представляемых песчаными мельями, трудностей, являющихся, так сказать, разменной монетой дунайской навигации, приходилось бороться и с более серьезными. За несколько километров до Пассау Бруш

должен был преодолеть стремнины Вильсхофена, а ста-
пятьюдесятью километрами ниже, за Грейном, одним
из самых жалких городков Верхней Австрии, находи-
лись ужасные пороги Штрудель и Вирбель.

В этом месте долина превращается в узкий коридор, зажатый дикими крутизнами, между которыми кипят стремительные воды. В старину многочисленные подводные камни делали проход еще более опасным, и нередко суда терпели там большой ущерб. Теперь опасность значительно уменьшилась. Сильнее всего мешавшие движению скалы, тянувшиеся от одного берега до другого, взорваны. Пороги утратили былую ярость, водовороты перестали так сильно кружить суда, и катастрофы сделались значительно реже. Все же и большие шаланды и маленькие лодки должны принимать серьезные предосторожности.

Все это не могло затруднить Илия Бруша. Он проходил теснины, избегал песчаных отмелей, побеждал водовороты и пороги, и все с поразительной ловкостью. Эта ловкость восхищала Карла Драгоша, но вместе с тем он удивлялся, что простой рыболов так превосходно знает Дунай с его предательскими сюрпризами.

Если Илия Бруш удивлял Карла Драгоша, то удивление было взаимным. Рыболов восхищался, ничего в этом не понимая, обширностью связей своего пассажира. Каким бы незначительным ни было местечко, выбранное для ночлега, редко случалось, чтобы господин Иегер не находил там знакомого. Едва лишь причаливала баржа, он выскакивал на землю, и почти тотчас же к нему подходили один или двое. Обменявшись несколькими словами, собеседники исчезали, а господин Иегер возвращался на баржу.

Наконец, Илия Бруш не мог сдержаться.

— Вы всюду имеете понемногу друзей, господин Иегер? — спросил он однажды.

— Конечно, господин Бруш, — ответил Карл Драгош. — Я ведь часто проезжал по этим краям.

— Как турист, господин Иегер?

— Нет, господин Бруш, не как турист. Я путешествовал в то время по делам одного будапештского торг-

ового дома, а при этом занятии не только видишь страну, но и заводишь многочисленные знакомства.

Таковы были немногие события,— если только можно назвать их событиями,— которые отметили путешествие с 18 по 24 августа. В этот день после ночи, проведенной на реке, вдали от жилья, ниже маленького городка Тульн, Илия Бруш пустился в путь до зари, как обычно. Этот день не должен был походить на предыдущие. В самом деле, вечером они будут в Вене, и в первый раз за неделю Илия Бруш собирался удить, чтобы не разочаровать поклонников, которые, без сомнения, найдутся в столице, так как он позаботился известить их о своем прибытии через стоголосую прессу.

Впрочем, разве он не должен был подумать об интересах господина Иегера, забытых во время этой недели отчаянной гонки? Хоть тот и не жаловался, помня условие, но и не мог быть довольным, и Илия Бруш это хорошо понимал. Он возымел намерение дать пассажиру хоть некоторое удовлетворение и решил проплыть в этот последний день не более тридцати километров. Тогда они прибудут в Вену рано и успеют продать рыбу.

В момент, когда Карл Драгош вышел из каюты, улов уже был обильный, но рыболов не успокоился. Около одиннадцати часов он выудил щуку в двадцать фунтов. Это была царская добыча, за которую венские любители, без сомнения, дадут высокую цену.

Ободренный успехом, Илия Бруш решил попытать счастья в последний раз, и в этом была его ошибка, как показали события.

Как это случилось? Он не мог сказать. Дело было в том, что он, всегда такой ловкий, сделал неудачный заброс. Был ли это результат мгновенной рассеянности или другая причина, но его леска получила неверное направление, и крючок после сильного размаха впился ему в лицо и прочертил кровавый след. Илия Бруш испустил крик от боли.

Расцарапав щеку, крючок продолжал свой путь, зацепил очки с большими темными стеклами, которые рыболов носил день и ночь, и эта принадлежность про-

делала опасную дугу в нескольких сантиметрах от поверхности воды.

Заглушив восклицание досады, Илия Бруш бросил беспокойный взгляд на господина Иегера, быстро подтащил блуждающие по воздуху очки и поспешил водворить их на прежнее место. После этого он, казалось, успокоился.

Этот инцидент продолжался несколько секунд, но в эти секунды Карл Драгош успел заметить, что у его хозяина великолепные голубые глаза, живой взгляд которых вряд ли говорил о плохом зрении.

Сыщик не мог не подумать об этой странности, так как привык размышлять надо всем, что привлекало его внимание. Размышления Драгоша еще не пришли к концу, как голубые глаза снова исчезли под темным занавесом, который их обычно скрывал.

Бесполезно говорить, что Илия Бруш в этот день больше не удил. Тщательно перевязав рану, он собрал удочки. Пока лодка плыла вниз по течению, ее пассажиры позавтракали.

Незадолго до этого они миновали подножие Калемберга, горы в триста пятьдесят метров высотой, вершина которой господствует над Веной. Теперь чем ниже они спускались, тем больше оживление берегов говорило о близости большого города. Сначала шли деревни, чем дальше, тем ближе одна к другой. Потом заводы стали загрязнять небо дымом своих высоких труб. Скоро Илия Бруш и его компаньон заметили на берегу несколько фиакров, которые придали этой пригородной местности совершенно городской вид.

В первые часы после полудня баржа оставила позади Нусдорф, пункт, где останавливаются паровые суда из-за своей осадки. Для скромного суденышка рыболова не существовало таких препятствий. Впрочем, на нем не было, как на пароходах, пассажиров, которые потребовали бы, чтобы их перевезли по каналу в центр города.

Ничем не стесненный в своих действиях, Илия Бруш плыл по главному рукаву Дуная. Около четырех часов он остановился у берега и зацепил якорь за одно

из деревьев Пратера, знаменитого парка, который для Вены то же, что Булонский лес для Парижа.

— Что у вас с глазами, господин Бруш? — спросил в это время Карл Драгош, который после случая с очками не произнес ни одного слова.

Илиа Бруш прервал работу и обернулся к пассажиру.

— С глазами? — повторил он вопросительным тоном.

— Да, с глазами,— сказал господин Иегер.— Ведь, я полагаю, вы не для удовольствия носите эти темные очки?

— Ах,— молвил Илиа Бруш,— мои очки?.. У меня слабое зрение, и свет мне вреден, вот и все.

Слабое зрение?.. С такими глазами!..

Дав объяснение, Илиа Бруш закончил устанавливать баржу на якорь. Его пассажир смотрел на него с задумчивым видом.

ОХОТНИКИ И ДИЧЬ

В это послеполуденное августовское время несколько гуляющих оживляли набережную Дуная, которая образует на северо-востоке оконечность парка Пратер. Дожидались ли эти гуляющие Илиа Бруша? Вероятно, потому что этот последний предупредил через газеты о месте и о вероятном часе своего прибытия. Но как эти любопытные, рассеянные по такому обширному пространству, узнают баржу, которая ничем не привлечет их внимание?

Илиа Бруш предвидел эту трудность. Как только его суденышко причалило, он поспешил прикрепить к мачте большой плакат, на котором было написано: «Илиа Бруш, лауреат «Дунайской лиги». Потом на кровле каюты он устроил из пойманной утром рыбы нечто вроде выставки, где щука заняла почетное место.

Эта реклама в американском вкусе имела немедленный результат. Несколько зевак остановились против баржи и глазели на нее от нечего делать. Эти первые зевачи привлекли других. Сборы быстро приня-

ло такие размеры, что подлинно интересующиеся не могли его не заметить. Одни стали собираться, видя, что все люди спешат в одном и том же направлении, а другие, следуя их примеру, побежали сами не зная почему. Менее чем через четверть часа пятьсот человек собрались возле баржи. Илиа Бруш даже не мечтал о таком успехе.

Между публикой и рыболовом не замедлил завязаться разговор.

— Господин Илиа Бруш? — спросил один из присутствующих.

— К вашим услугам, — отвечал спрошенный.

— Позвольте представиться. Клавдиус Рот, один из ваших коллег по «Дунайской лиге».

— Очень приятно, господин Рот!

— Здесь, впрочем, несколько наших коллег. Вот господа Ханиш, Тьетце, Гуго Цвидинек, не считая тех, с которыми я незнаком.

— Я, например, Матиаш Касселик из Будапешта, — сказал один из зрителей.

— А я, — прибавил другой, — Вильгельм Бикель из Вены.

— Я восхищен, господа, что оказался среди знакомых! — воскликнул Илиа Бруш.

Вопросы и ответы быстро чередовались. Разговор сделался всеобщим.

— Какплыли, господин Бруш?

— Превосходно.

— Быстро, во всяком случае. Вас не ждали так скоро.

— Однако я уже пятнадцать дней в пути.

— Да, но ведь так далеко от Донауэшингена до Вены!

— Около девятисот километров, что в среднем составляет шестьдесят километров в сутки.

— Течение делает их едва ли не в двадцать четыре часа.

— Это зависит от местности.

— Верно. А ваша рыба? Легко ли вы ее продаете?

— Прекрасно.

— Тогда вы довольны?

— Очень доволен.
— Сегодня у вас отличный улов. Особенно великолепно щука.
— Да, она в самом деле не плоха.
— Сколько за щуку?
— Как вам будет угодно уплатить. Я хотел бы, с вашего позволения, пустить рыбу с аукциона, оставив щуку к концу.
— На закуску! — пояснил один шутник.

— Превосходная идея! — вскричал господин Рот. — Покупатель щуки вместо того, чтобы съесть мясо, может, если захочет, сделать чучело на память об Илии Бруше!

Эта маленькая речь имела большой успех, и оживленный аукцион начался. Четверть часа спустя рыболов положил в карман кругленькую сумму; знаменитая щука принесла не менее тридцати пяти флоринов.

Когда продажа закончилась, между лауреатом и его почитателями продолжался разговор. Узнав о прошлом, они интересовались его намерениями на будущее. Илия Бруш отвечал, впрочем, любезно и объявил, не делая из этого секрета, что он посвятит следующий день Вене и завтра вечером остановится на ночлег в Пресбурге.

Мало-помалу с приближением вечера количество любопытных уменьшалось, каждый спешил обедать. Принужденный подумать и о своей обеде, Илия Бруш исчез в каюте, предоставив публике восхищаться пассажиром.

Вот почему двое гуляющих, привлеченных сборищем, которое все еще насчитывало сотню людей, заметили только Карла Драгоша, одиноко сидевшего под плакатом, возвещавшим для всеобщего сведения имя и звание лауреата «Дунайской лиги».

Один из вновь пришедших был высокий детина лет тридцати, с широкими плечами, с волосами и бородой того белокурого цвета, который кажется достоянием славянской расы; другой, тоже крепкий по внешности и замечательный необычайной шириной плеч, казался старше, и его седеющие волосы показывали, что ему перевалило за сорок.

При первом взгляде, который младший из двух бро-

сил на баржу, он задрожал и, быстро отступив, увлек за собой компаньона.

— Это он,— молвил младший глухим голосом, как только они выбрались из толпы.

— Ты думаешь?

— Конечно! Разве ты не узнал?

— Как я его узнаю, если я никогда его не видел!

Последовал момент молчания. Оба собеседника размышляли.

— Он один в барже? — спросил старший.

— Совершенно один.

— И это баржа Илиа Бруша?

— Ошибиться невозможно. Фамилия написана на плакате.

— Тогда это непонятно.

После нового молчания заговорил младший:

— Значит, это он делает такое путешествие с большим шумом под именем Илиа Бруша?

— С какой целью?

Человек с белокурой бородой пожал плечами:

— С целью проехать по Дунаю инкогнито, это ясно.

— Черт! — сказал старший из компаньонов.

— Это меня не удивляет,— заметил другой.— Драгош — хитрец, и его замысел превосходно удался бы, если бы случай не привел нас сюда.

Старший из собеседников еще не совсем убедился.

— Так бывает только в романах,— пробормотал он сквозь зубы.

— Правильно, Титча, правильно,— согласился его товарищ,— но Драгош любит романтические приемы. Мы, впрочем, выведем дело начистоту. Около нас говорили, что баржа останется завтра в Вене на весь день. Нам придется вернуться. Если Драгош еще будет тут, значит это он влез в шкуру Илиа Бруша.

— И что мы сделаем в этом случае? — спросил Титча.

Его собеседник ответил не сразу.

— Мы посмотрим,— молвил он.

Оба удалились в сторону города, оставив баржу, окруженную все более рассеивающейся публикой.

Ночь прошла спокойно для Илиа Бруша и его пас-

сажира. Когда этот последний вышел из каюты, он увидел, что Бруш собирается подвергнуть рыболовные принадлежности основательной проверке.

— Хорошая погода, господин Бруш,— сказал Карл Драгош вместо приветствия.

— Хорошая погода, господин Иегер,— согласился Илия Бруш.

— Не рассчитываете ли вы ею воспользоваться, господин Бруш, чтобы посетить город?

— Честное слово, нет, господин Иегер. Я не любопытен по природе и буду занят целый день. После двух недель плавания не мешает навести немножко порядка.

— Как хотите, господин Бруш! А я не намерен подражать вашему равнодушию и думаю остаться на берегу до вечера.

— И хорошо сделаете, господин Иегер,— одобрил Илия Бруш,— потому что вы ведь венский житель. Быть может, у вас тут семья, которая рада будет увидеть вас.

— Заблуждение, господин Бруш, я — холостяк.

— Тем хуже, господин Иегер, тем хуже. Даже и вдвоем не так легко нести жизненную ношу.

Карл Драгош разразился хохотом.

— Черт возьми, господин Бруш, вы невесело настроены сегодня утром!

— Я всегда таков, господин Иегер,— ответил рыболов.— Но пусть это не мешает вам забавляться как можно лучше.

— Я попытаюсь, господин Бруш,— сказал Карл Драгош, удаляясь.

Идя по Пратеру, он вышел на Главную аллею, место прогулок элегантных венцев в хорошую погоду. Но в августе, в тот час, Главная аллея была почти пустынная, и он мог ускорять шаги, не теснясь в толпе.

Но все же там было достаточно публики, и Драгош не заметил двоих прогуливающихся, с которыми встретился, когда миновал Константиновский холм, искусственное возвышение, которым постарались придать разнообразие перспективе Пратера. Не обращая внимания на двоих гуляющих, Карл Драгош спокойно про-

должал свой путь и десять минут спустя вошел в маленькое кафе на круглой площади «Пратер Штерн». Его там ждали. Один из посетителей, уже сидевший за столом, поднялся, увидев его, и подошел встретить.

— Здравствуй, Ульман! — сказал Карл Драгош.

— Здравствуйте, сударь! — ответил Фридрих Ульман.

— Все еще ничего нового?

— Ничего.

— Это хорошо. На этот раз у нас в распоряжении целый день, и мы зрело обсудим, что нам делать.

Если Карл Драгош не заметил двоих гуляющих по Главной аллее, то они, — как раз те два субъекта, которых накануне случай привел к барже Илия Бруша, — наоборот, превосходно видели его. Одновременно они сделали крутой поворот, разминувшись с начальником дунайской полиции, и последовали за ним на достаточном расстоянии, чтобы не быть замеченными. Когда Драгош исчез в маленьком кафе, они вошли в такое же заведение, расположенное напротив, с другой стороны круга, решив оставаться в засаде, если понадобится, целый день.

Их терпение подверглось большому испытанию. Потратив несколько часов, чтобы подробно договориться о будущих действиях, Драгош и Ульман не спеша позавтракали. Окончив завтрак и желая покинуть душную залу, они устроились на свежем воздухе и приказали подать по чашке кофе, которое сделалось необходимым заключением каждой еды. Они уже начали наслаждаться им, когда внезапно Карл Драгош сделал жест удивления и, словно не желая быть замеченным, быстро скрылся в глубине ресторана, откуда через оконные занавески стал наблюдать за человеком, пересекавшим площадь.

— Это он, прокляни меня боже! — бормотал Драгош, следя глазами за Илия Брушем.

И в самом деле, это был Илия Бруш, которого легко было узнать по бритому лицу, темным очкам и волосам, черным, как у южного итальянца.

Когда рыболов повернул на Кайзер-Иозефштрассе, Драгош присоединился к Ульману, оставшемуся на

террасе, отдал приказ дожидаться, сколько потребуется, и устремился по следу.

Илиа Бруш шел, не думая оглядываться, со спокойствием чистой совести. Неторопливым шагом он достиг конца Кайзер-Иозефштрассе, потом через парк Аугартен попал в Бригиттенау. Несколько мгновений он как будто колебался, потом вошел в грязную лавчонку, бедная витрина которой выходила на одну из самых невзрачных улочек этого рабочего района.

Полчаса спустя он снова появился. Все время незаметно преследуемый Карлом Драгошем (проходя мимо, тот прочитал вывеску лавки, в которой побывал его компаньон по путешествию), Илиа Бруш прошел на Рембрандтштрассе, потом, идя левым берегом канала, достиг Пратерштрассе и по ней проследовал до круга. Там он решительно повернул направо и удалился по Главной аллее под сень деревьев Пратера. Очевидно, он возвращался на борт баржи, и Карл Драгош счел бесполезным продолжать слежку.

Он вернулся в маленькое кафе, где его ждал верный Фридрих Ульман.

— Знаешь ли ты еврея по имени Симон Клейн? — спросил сыщик.

— Конечно, — ответил Ульман.

— Что он собой представляет?

— Мало хорошего. Старьевщик, ростовщик, при надобности укрыватель краденого; я думаю, это обрисовывает его с головы до ног.

— Так я и думал, — пробормотал Драгош, казалось, погруженный в глубокие размышления. После недолгого молчания он спросил: — Сколько у нас здесь людей?

— Около сорока, — ответил Ульман.

— Этого достаточно. Слушай меня внимательно. Надо похерить все, о чем мы говорили сегодня утром. Я меняю план, так как чем дальше, тем больше я предчувствую, что дело, где бы оно ни произошло, случится при мне.

— При вас? Я не понимаю.

— Это тебе ни к чему. Ты расставишь людей парно по левому берегу Дуная через каждые пять ки-

лометров, начав за двадцать километров ниже Пресбурга. Их единственная цель — наблюдать за мной. Заметив меня, последняя пара должна опередить переднюю на пять километров и так далее. Понятно? И пусть они не зевают!

— А я? — спросил Ульман.

— А ты устраивайся, чтобы не терять меня из виду. Когда я буду в лодке посреди реки, это не так трудно... Что же касается твоих людей, то они, отправляясь на посты, должны быть возможно лучше осведомлены. В случае надобности тот пост, который узнает о важном событии, должен назначить место сбора и предупредить других.

— Понятно.

— Отправляйтесь в путь сегодня вечером, чтобы завтра я нашел людей на постах.

— Они там будут, — сказал Ульман.

Два или три раза Карл Драгош без устали повторял свой план, и только когда уверился, что подчиненный его превосходно понял, он решил вернуться на баржу, так как уже наступил вечер.

В маленьком кафе на противоположной стороне площади двое гулявших по Пратеру не прекращали свою слежку. Они видели, как Драгош вышел из кафе, но не поняли причины, потому что Илия Бруш не привлек их внимания, как и всякий другой прохожий. Их первое движение было пуститься в погоню, но присутствие Фридриха Ульмана их от этого удержало. Успокоенные, они решили ждать, в уверенности, что Карл Драгош вернется.

Возвращение сыщика доказало, что они поступили правильно, и, когда Драгош исчез с Ульманом внутри кафе, они оставались на страже вплоть до момента, когда начальник полиции и его подчиненный расстались.

Предоставив Ульману направиться к центру, два субъекта снова прицепились к Карлу Драгошу и проследовали за ним по Главной аллее, где утром шли в обратном направлении. После сорокапятиминутной ходьбы они остановились. Уже показалась линия деревьев, окаймлявшая берег Дуная. Не было сомнений, что Драгош возвращается на свое судно.

— Бесплезно иди дальше,— сказал младший. Теперь мы знаем, что Карл Драгош и Илия Бруш одно и то же лицо. Доказательства надежны, а, следуя дальше, мы рискуем, что нас самих заметят.

— Что же теперь делать? — спросил его компаньон с наружностью борца.

— Мы еще об этом поговорим,— ответил другой.— У меня есть идея.

Пока два незнакомца так усердно занимались особой Карла Драгоша и, удаляясь по направлению к «Пратер Штерн», вырабатывали планы, исполнение которых откладывалось не слишком далеко, сыщик возвратился на баржу, не подозревая о том, что за ним самим следили весь этот день. Он нашел Илия Бруша, поглощенного приготовлением обеда, который оба компаньона час спустя разделили, как обычно, сидя верхом на скамейке.

— Ну, господин Иегер, довольны вы прогулкой? — спросил Илия Бруш, когда трубки начали выпускать тучи дыма.

— Восхищен,— ответил Карл Драгош.— А вы, господин Бруш, не изменили своих намерений и не решились немножко прогуляться по Вене?

— Нет, господин Иегер,— заверил Илия Бруш.— Я здесь никого не знаю. Пока вы отсутствовали, я даже не выходил на берег.

— В самом деле?

— Да, это так. Я не покидал лодки, где у меня, впрочем, хватило работы до вечера.

Карл Драгош ничего не сказал. Мысли, которые внушила ему явная ложь хозяина, он предпочел сохранить при себе, и они разговаривали о посторонних вещах, пока не пробил час сна.

ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ

Был ли Илия Бруш виноват в предумышленной лжи или он изменил намерения просто по капризу? Как бы то ни было, то, что он сообщил о себе, отличалось исключительной неточностью.

Отправившись за два часа до рассвета утром 26 августа, он не остановился в Пресбурге, хотя объявил об этом накануне. Двадцать часов отчаянной гребли привели его к пункту на пятнадцать километров ниже города, и он возобновил свои сверхчеловеческие усилия после краткого отдыха.

Илиа Бруш не считал себя обязанным объяснять господину Иегеру, почему он так лихорадочно стремится ускорить свое путешествие, хотя интересы последнего серьезно страдали; а тот, со своей стороны, верный данному слову, не проявлял никаких признаков досады, которую должен был испытывать от такой поспешности.

Занятия Карла Драгоша отвлекали, впрочем, внимание господина Иегера. Маленькие неприятности, которым мог подвергнуться второй, ничего не стоили в сравнении с заботами первого.

В это утро, 26 августа, Карл Драгош сделал, в самом деле, еще одно наблюдение, совершенно необычное, которое, вместе с фактами предшествующих дней, его глубоко смутило. Случилось это около десяти часов утра. В этот момент Карл Драгош, погруженный в размышления, машинально смотрел, как Илиа Бруш, стоя на корме баржи, греб с упорством рабочего вола. Вследствие извилистости русла, по которому они как раз плыли к северо-западу, солнце было позади рыбака. Голова его была обнажена, так как, буквально истекая потом, он бросил к ногам меховую шапку, которую обычно носил, и яркий свет проходил насквозь через его обильную черную шевелюру.

Внезапно Карла Драгоша поразила особенность, самая странная. Илиа Бруш был брюнетом, но только частично. Черные на концах, его волосы у корней неопровержимо оказывались на протяжении нескольких миллиметров белокурыми.

Такое различие цвета было ли природным явлением? Возможно. Но вероятнее, вовремя не была возобновлена окраска волос.

Однако, если на этот счет у Карла Драгоша было сомнение, оно исчезло утром следующего дня, потому что волосы Илиа Бруша потеряли двойную окраску.

Рыболов заметил свою небрежность и исправил ее ночью.

Эти глаза, которые их владелец так тщательно скрывал за непроницаемыми стеклами, эта явная ложь на венской пристани, эти белокурые волосы, превращенные в черные, эта непонятная поспешность, не совместимая с целью путешествия, — все это составляло совокупность улик, из которых следовало заключить... В самом деле, что же следовало заключить? В конце концов, Карл Драгош ничего не знал. Верно, что поведение Илиа Бруша казалось подозрительным, но какой отсюда можно сделать вывод?

Однако предположение, сто раз отвергнутое прежде, в конце концов подействовало на Карла Драгоша, который не переставал раздумывать над задачей, предложенной его догадливости. И это предположение было то самое, которое уже дважды подсказывал ему случай. Сначала веселый серб Михаил Михайлович, потом собеседники в ратисбонском отеле, разве они полшутя, полусерьезно не высказывали мысли, что под маской лауреата скрывается атаман шайки злодеев, терроризирующей целый край? Должен ли он серьезно рассматривать гипотезу, которой сами ее авторы не придавали ни малейшего вероятия?

А в конце концов, почему бы и нет? Правда, факты до сих пор не оправдали такую уверенность. Но они оправдывали всевозможные подозрения. И в действительности, если последующие наблюдения установят основательность подозрений, получится очень забавное приключение, когда одно и то же судно будет везти на такое далекое расстояние атамана бандитов и полицейского, которому предстоит его арестовать.

Этой своей стороной драма обещала превратиться в водевиль, и Карлу Драгошу противно было допустить мысль о возможности такого чудесного совпадения. Но специальные водевильные приемы разве не состоят единственно лишь в концентрации в одном и том же месте и на кратком отрезке времени недоразумений и сюрпризов, которых не замечают или которые кажутся менее веселыми в действительной жизни, по причине их разбросанности и, если можно так выразиться, их со-

стояния разжиженности? Ведь совсем не логично просто отбрасывать факт лишь на том основании, что он кажется ненормальным. Нужно быть более скромным и допустить бесконечное богатство случайных стечений обстоятельств.

Под властью этих забот Карл Драгош утром 28 августа после ночи, проведенной в поле, в нескольких километрах южнее Комарно, завел разговор по вопросу, которого до сих пор никогда не касался.

— Доброе утро, господин Бруш,— сказал он, выходя утром из каюты, где готовил план атаки.

— Доброе утро, господин Иегер,— ответил рыболов, который, как всегда, энергично греб.

— Вы хорошо спали, господин Бруш?

— Превосходно. А вы, господин Иегер?

— Гм... Гм... Так себе.

— Неужели? — сказал Илия Бруш.— Почему же вы не сказали мне, если плохо себя чувствовали?

— Я совершенно здоров, господин Бруш,— возразил Иегер.— Но, тем не менее, ночь показалась мне чересчур длинной. Я совсем не огорчился, признаюсь, когда она кончилась.

— Потому что?..

— Потому что я немного побаивался, в чем хочу теперь признаться.

— Побавались? — повторил Илия Бруш тоном самого чистосердечного изумления.

— Это уже не в первый раз я боялся,— объяснил господин Иегер.— Мне всегда было не по себе, когда вам приходила фантазия ночевать вдали от города или деревни.

— Ба! — сказал Илия Бруш, который точно свалился с облаков.— Нужно было сказать мне, и я бы устроился по-другому.

— Вы забываете, что я обязался предоставить вам полную свободу действий. Обещанное надо выполнять, господин Бруш. Это не мешает мне по временам беспокоиться. Что поделаешь? Я горожанин, и на меня действуют это молчание и эта пустынная природа.

— Дело привычки, господин Иегер,— весело ответил Илия Бруш.— Вы к этому тоже привыкнете, когда

мы подольше попутешествуем. На самом-то деле меньше опасностей в чистом поле, чем в центре большого города, где бродят убийцы и грабители.

— Вероятно, вы правы, господин Бруш, но впечатлениями не распоряжаешься. Тем более, что мои страхи не совсем безрассудны в данном случае, потому что мы пересекаем область, пользующуюся особенно дурной славой.

— Дурной славой? — вскричал Илия Бруш. — Откуда вы это взяли, господин Иегер? Я здесь живу, ваш покорный слуга, и я никогда не слышал, что у этой местности дурная слава!

Теперь была очередь господина Иегера выразить живейшее удивление.

— Вы серьезно говорите, господин Бруш? — воскликнул он. — Тогда вы единственный человек, которому неизвестно то, что знают все от Баварии до Румынии.

— А что же именно? — спросил Илия Бруш.

— Черт возьми! Что банда неуловимых злодеев регулярно опустошает берега Дуная от Пресбурга и до устья!

— Я впервые слышу об этом, — заявил Илия Бруш с чистосердечным видом.

— Невозможно! — поразился господин Иегер. — Да ведь по всей реке ни о чем другом не говорят.

— Новости появляются каждый день, — спокойно заметил Илия Бруш. — И давно начались эти грабежи?

— Уже около восемнадцати месяцев, — отвечал господин Иегер. — И если бы речь шла только о грабежах!.. Но негодяи не ограничиваются грабежами. Если им понадобится, они убивают. За эти восемнадцать месяцев совершенно по меньшей мере десять убийств, виновники которых остались неизвестными. Как раз последнее убийство случилось менее чем в пятидесяти километрах отсюда.

— Я теперь понимаю ваше беспокойство, — сказал Илия Бруш. — Может быть, и я разделял бы его, если бы был лучше осведомлен. В будущем мы станем останавливаться по вечерам как можно ближе к какой-либо деревне или городу, начиная с сегодняшнего ночлега, который устроим в Гроне.

— О, — одобрил господин Иегер, — там мы будем спокойны. Грон — значительный город.

— Я буду очень доволен, — продолжал Илия Бруш, — что вы окажетесь там в безопасности; я ведь намерен покинуть вас в следующую ночь.

— Вы будете отсутствовать?

— Да, господин Иегер, но всего несколько часов. Из Грона, где я надеюсь быть довольно рано, я хочу съездить в Сальку, которая оттуда недалеко. Я ведь там живу, как вы знаете. Я, впрочем, вернусь еще до рассвета, и наше отправление завтра утром не задержится.

— Будь по-вашему, господин Бруш, — согласился господин Иегер. — Я понимаю, что вам хочется побыть у себя, а в Гроне, повторяю, мне нечего бояться.

На полчаса разговор прекратился. После перерыва Карл Драгош начал снова.

— Очень любопытно, — сказал он, — что вы никогда не слыхали разговоров об этих дунайских злодеях. Это тем любопытнее, что делом особенно занимались за несколько дней до рыболовного конкурса в Зигмарингене.

— По какому поводу? — спросил Илия Бруш.

— По поводу создания специальной полицейской бригады под командованием очень искусного, как утверждают, начальника, некоего Карла Драгоша, сыщика из Будапешта.

— Ему хватит работы, — заметил Илия Бруш, на которого это имя, по-видимому, не произвело никакого впечатления. — Дунай велик, и очень неудобно разыскивать людей, о которых ничего неизвестно.

— Вы ошибаетесь, — возразил господин Иегер. — Полиция кое-что знает. Совокупность собранных свидетельств дает, прежде всего, почти полную уверенность насчет атамана шайки.

— И каков же этот субъект? — спросил Илия Бруш.

— Вообще говоря, это человек, внешне похожий на вас...

— Очень благодарен, — смеясь перебил Илия Бруш.

— Да, — продолжал господин Иегер, — он пример-

но вашего роста и вашего телосложения, но в остальном как будто никакого сходства.

— Ну, это еще хорошо,— вздохнул Илия Бруш с видом облегчения, который мог показаться смешным.

— Говорят, что у него прекрасные голубые глаза, и ему не приходится, как вам, носить очки. Впрочем, тогда как вы сильный брюнет и тщательно бреетесь, он ходит с бородой, как утверждают, белокурой. Насчет этого последнего пункта свидетельства, кажется, не очень достоверны.

— Конечно, это является указанием,— заметил Илия Бруш,— но еще достаточно неясным. Блондинов много, и нельзя всех подозревать в преступлениях.

— Знают и другое. Прежде всего, говорят, что этот атаман болгарин... как и вы, господин Бруш!

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Илия Бруш взволнованным голосом.

— По вашему акценту,— объяснил Карл Драгош с невинным видом,— я заключаю о вашем болгарском происхождении... Но, быть может, я ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь,— подтвердил Илия Бруш после краткого колебания.

— Значит, этот атаман — ваш соотечественник. В народе его имя даже переходит из уст в уста.

— Даже!.. Так его знают?

— Разумеется, но это совсем не официально.

— Официально или полуофициально, но каково же имя этой подозрительной личности?

— Правильно или нет, но прибрежные жители относят злодеяния, от которых им столько приходится страдать, на счет некоего Ладко.

— Ладко!..— повторил Илия Бруш и, охваченный живейшим волнением, внезапно перестал грести.

— Ладко,— удостоверил Карл Драгош наблюдая за собеседником уголком глаза.

Но тот уже овладел собой.

— Это странно,— сказал он просто, в то время как весло снова заработало в его руках.

— Что же здесь странного? — настаивал Карл Драгош.— Вы знаете этого Ладко?

— Я? — возразил рыболов.— Меньше всего на

свете. Но ведь Ладко — это не болгарская фамилия. Вот что я вижу здесь странного.

Карл Драгош не стал продолжать разговора, который рисковал сделаться опасным и результаты которого уже удовлетворили его. Удивление рыболова, когда он услышал описание наружности преступника, смущение, когда была названа его предполагаемая национальность, волнение, когда он услышал имя, — всего этого нельзя было отрицать, и это давало новую силу первоначальным подозрениям, но не являлось, однако, решительным доказательством.

Как и предвидел Илиа Бруш, еще не было двух часов пополудни, когда баржа прибыла в Грон. За пятьдесят метров до ближайших домов рыболов причалил к левому берегу, чтобы его не задержали любопытные, как он объяснил, и попросил господина Иегера одного переправиться на правый берег, где он окажется в центре города, на что пассажир согласился охотно.

Выполнив эту задачу, последний превратился в сыщика. Поставив баржу на якорь, он выпрыгнул на набережную в поисках своих людей.

Он не сделал и двадцати шагов, как столкнулся с Фридрихом Ульманом. Между двумя полицейскими произошел быстрый разговор.

— Все идет хорошо?

— Да.

— Нужно замыкать круг, Ульман. Отныне посты наших людей ставь через километр один от другого.

— Значит, становится горячо?

— Да.

— Тем лучше.

— На завтра задача — не терять меня из виду. У меня есть мысль ускорить дело.

— Понятно.

— И чтоб у меня не спали! Ухо остро! Спешить!

— Рассчитывайте на меня.

— Если что-нибудь узнаешь, сигнал с берега, не так ли?

— Условлено.

Собеседники разошлись, и Карл Драгош вернулся на суденышко.

Если бы отдых Драгоша не смущало беспокойство, которое он испытывал, то его нарушил бы в эту ночь оглушительный шум стихий. В полночь с востока пришла гроза и усиливалась с часу на час, а дождь свирепо хлестал.

В то время, когда Илия Бруш вернулся на баржу, около пяти часов утра, дождь лил потоками, и ветер яростно дул как раз против течения. Рыболов, впрочем, отплыл, не колеблясь. Вытащив якорь, он выбрался на середину реки и возобновил свою привычную греблю. Нужна была подлинная смелость, чтобы приняться за работу в таких условиях после утомительной ночи.

В продолжение первых часов утра буря не показывала никакого намерения утихнуть, наоборот, она усиливалась. Баржа, несмотря на помощь течения, с трудом подвигалась против бешеного ветра, и после четырех часов усиленной работы она прошла только двенадцать километров от Грона. Приток Ипель, на правом берегу которого расположена Салька, где, по словам Илия Бруша, он побывал ночью, находился уже не очень далеко.

В это время гроза удвоила ярость, и положение сделалось очень опасным. Если Дунай и нельзя сравнить с морем, он все же достаточно широк, чтобы на нем могли возникать большие волны при сильном ветре. Так было и в этот день, и сила бури заставила Илия Бруша искать убежища у левого берега.

Он до него не добрался.

Его отделяло от берега еще более пятидесяти метров, когда произошло ужасное и редкое явление природы. Несколько выше баржи деревья, росшие на берегу, внезапно устремились в реку, словно начисто срезанные гигантской косой. В то же время вода, поднятая неизмеримой мощью, набросилась на берег и отхлынула от него огромной волной, подхватившей и закружившей баржу.

Очевидно, в верхних слоях атмосферы образовался смерч и присосался к поверхности реки с неотразимой силой.

Илия Бруш понял опасность. Энергичным ударом весла повернув лодку, он направил ее к правому бере-

гу. Если этот маневр и не дал желанного результата, то все же рыболов и пассажир были ему обязаны спасением.

Подхваченная смерчем, продолжавшим свой яростный бег, баржа, по крайней мере, избежала поднимавшейся перед нею водяной горы. Поэтому ее не затопило, что стало бы неизбежно без маневра Илии Бруша. Увлеченная наружным краем воздушного водоворота, баржа помчалась по дуге большого радиуса.

Слегка задетая воздушным осьминогом, щупальца которого на этот раз промахнулись, лодка не была засосана. В несколько секунд смерч пронесся мимо, и волны с ревом покатались вниз по реке, а сопротивление воды понемногу уменьшало скорость суденышка.

К несчастью, прежде чем эта скорость стала обычной, неожиданно возникла новая опасность. Прямо перед лодкой, рассекавшей воду со скоростью экспресса, рыболов внезапно заметил одно из вырванных деревьев, которое медленно плыло по течению вверх корнями.

Суденышко, налетев на корни, могло опрокинуться или, по меньшей мере, получить серьезные повреждения. Илия Бруш испустил крик ужаса, заметив это непредвиденное препятствие.

Но Карл Драгош также увидел опасность и понял ее неизбежность. Не колеблясь, он устремился к носу лодки, схватил руками корни, торчавшие из воды, и, согнувшись дугой, чтобы лучше бороться с напором судна, силился избежать нежелательной встречи.

Ему это удалось. Баржа, отклонившись в сторону, пролетела, как стрела, задев сначала за корни, потом за верхушку дерева, покрытую листьями. Мгновение спустя она должна была оставить позади дерево, мягко увлекаемое потоком; но в это время одна из последних ветвей ударила Карла Драгоша прямо в грудь. Напрасно он сопротивлялся удару. Потеряв равновесие, он перелетел через борт и исчез в воде.

За его падением последовало другое, на этот раз добровольное. Илия Бруш, увидев несчастье с пассажиром, без колебаний бросился на помощь.

Нелегко было рассмотреть что-либо в грязной воде, к тому же взволнованной недавним яростным смерчем.

Целую минуту потратил Илия Бруш напрасно и уже начал отчаиваться в спасении господина Иегера, когда нашел, наконец, этого несчастного под водой в бесчувственном состоянии.

Но это было к лучшему. Утопающий обычно бьется и бессознательно мешает спасти себя. Человек в обмороке — только неподвижная масса, спасение которой зависит исключительно от ловкости спасателя.

Илия Бруш тотчас же поднял над водой голову господина Иегера и быстро поплыл к барже, которая в это время удалилась метров на тридцать. Он к ней приблизился в несколько взмахов, что показалось игрой для искусного пловца. Одной рукой он схватился за борт, а другой поддерживал все еще бесчувственного пассажира.

Оставалось теперь втащить господина Иегера на борт лодки, что было трудной задачей. Илия Бруш целой тысячи усилий благополучно справился с делом.

Положив утопленника на одну из кушеток в каюте, он снял с него одежду и, достав из сундука кусок шерстяной материи, начал энергичные растирания.

Вскоре господин Иегер открыл глаза и пришел в чувство. В общем, погружение в воду было непродолжительным и можно было надеяться, что оно обойдется без серьезных последствий.

— Ну, ну, господин Иегер, — вскричал Илия Бруш, когда его пациент пришел в сознание, — вы решили понырять!

Господин Иегер слабо улыбнулся, не отвечая.

— Это ничего, — продолжал Илия Бруш, не прекращая энергичных растираний. — Нет ничего лучше для здоровья, чем августовское купанье!

— Спасибо, господин Бруш, — пробормотал Карл Драгош.

— Не за что, — весело ответил рыболов. — Это я должен вас благодарить, господин Иегер, потому что вы дали мне превосходный предлог искупаться.

Силы Карла Драгоша возрастали на глазах. Хороший глоток водки, и все будет в порядке. К несчастью, Илия Бруш более взволнованный, чем старался показать, напрасно перерывал свои сундуки. Запасы спир-

тного истощились, и на борту баржи не осталось ни капли.

— Вот это досадно! — вскричал Илия Бруш. — Ни капли водки в нашей кухне!

— Неважно, господин Бруш, — говорил Карл Драгош слабым голосом. — Мне стало гораздо лучше, уверяю вас.

Однако Карла Драгоша трясло, несмотря на его уверения, и прием подкрепительного был бы ему весьма полезен.

— Вы ошибаетесь, — отвечал Илия Бруш, который не питал иллюзий насчет состояния пассажира, — это так просто не пройдет, господин Иегер. Предоставьте мне действовать. Это не займет много времени.

Мгновенно рыболов переменял мокрую одежду на сухую, потом несколькими ударами весла пригнал баржу к левому берегу, где крепко привязал ее.

— Немножко терпения, господин Иегер, — сказал Илия Бруш, соскочив на берег. — Я знаю эту местность, так как вижу приток Ипель. Менее чем в полутора километрах есть деревня, где я найду все нужное. Я вернусь через полчаса.

Сказав это, Илия Бруш удалился, не ожидая ответа.

Оставшись один, Карл Драгош опустил на постель. Он был разбит больше, чем хотел признаться, и, утомленный, закрыл глаза.

Но жизнь быстро брала свое; кровь билась в его жилах. Скоро он открыл глаза и посмотрел вокруг себя.

Прежде всего его еще смутный взор привлек один из сундуков, который Илия Бруш в спешке перед уходом забыл закрыть. Внутренность этого сундука, развороченная в бесполезных поисках, представляла сборище разных вещей. Грубое белье, одежда, сапоги с толстыми подошвами громоздились там в беспорядке.

Почему глаза Карла Драгоша внезапно заблестели? Неужели это зрелище, способное, однако, вызвать мало восторга, заинтересовало его до такой степени, что он после нескольких секунд внимательного рассматривания поднялся на локте, чтобы лучше видеть внутренность ящика?

Конечно, ни одежда, ни белье не могли возбудить

такое любопытство нескромного пассажира, но среди этих предметов испытующий взгляд сыщика увидел нечто более достойное его внимания.

Это был наполовину раскрытый портфель, из которого вываливались многочисленные бумаги. Портфель! Бумаги! Здесь, без сомнения, был ответ на те вопросы, которые Карл Драгош задавал себе уже несколько дней.

Сыщик не мог сдержаться. После короткого колебания он нарушил закон благодарности за гостеприимство, рука его потянулась в сундук и вытащила соблазнительный портфель с его содержимым, которое он тотчас начал рассматривать.

Прежде всего письма, которые Карл Драгош немедленно начал читать; они были адресованы Илиа Брушу в Сальку. Затем документы, среди которых квитанции в оплате квартиры на то же имя. Во всем этом не было ничего интересного.

Карл Драгош уже хотел все это бросить, но последний документ заставил его задрожать. Не было, однако, ничего более невинного, и следовало быть полицейским, чтобы испытать перед таким «документом» иное чувство, кроме глубокой симпатии.

Это был портрет, портрет молодой женщины, совершенная красота которой вдохновила бы живописца. Но полицейский не был художником, и не от восторга перед этим восхитительным лицом забило сердце Карла Драгоша. Он даже едва рассмотрел его черты. По правде говоря, он ничего не заметил в этом портрете, кроме простой надписи, сделанной по-болгарски внизу фотографии. «Моему дорогому мужу от Натчи Ладко» — таковы были слова, которые прочитал ошеломленный Карл Драгош.

Итак, его подозрения оправдались, и заключения, основанные на замеченных им странностях, оказались логичными. Ладко! Это все-таки с Ладко он спускался по Дунаю столько дней. Это все-таки был опасный преступник, напрасно разыскиваемый до сих пор и скрывающийся под безобидной внешностью лауреата «Дунайской лиги».

Как же должен вести себя Карл Драгош после та-

кого открытия? Он еще не успел принять решения, как шум шагов на берегу заставил его быстро бросить портфель в глубину сундука, крышку которого он закрыл. Но вновь пришедший не мог быть Илиа Брушем, который ушел всего десять минут назад.

— Господин Драгош! — позвал голос снаружи.

— Фридрих Ульман! — пробормотал Карл Драгош, который с трудом поднялся и шатаясь вышел из каюты.

— Извините, что я вас позвал, — сказал Фридрих Ульман, увидев начальника. — Но я заметил, что ваш компаньон ушел, и знал, что вы один.

— Что у тебя? — спросил Карл Драгош.

— Новости, сударь. В эту ночь совершено преступление.

— В эту ночь! — вскричал Карл Драгош, тут же подумав об отсутствии Илиа Бруша в предшествующую ночь.

— Поблизости отсюда разгромлена вилла. Пострадал сторож.

— Убит?

— Нет, тяжело ранен.

— Хорошо, — сказал Карл Драгош, сделав подчиненному знак молчать.

Он погрузился в глубокое раздумье. Что делать? Конечно, действовать, и для этого у него хватало сил. Новость, которую он только что получил, оказалась наилучшим лекарством. Не осталось даже следов от случая, жертвой которого он только что чуть не сделался. Ему даже не пришлось опираться на крышу каюты. От нервного возбуждения кровь волнами прилиwała к его лицу.

Да, надо действовать, но как? Дождаться ли возвращения Илиа Бруша, или, вернее, Ладко, потому что таково было настоящее имя его компаньона по путешествию, и неожиданно положить ему руку на плечо именем закона? Это было бы наиболее благоразумным, потому что отныне не было никакого сомнения в виновности так называемого рыболова. Старание скрыть свою настоящую личность, тайна, его окружавшая, имя, которое оказалось его собственным и которое народная

молва приписывала атаману бандитов, его отсутствие в прошлую ночь, совпавшее с совершением нового преступления, — все говорило Карлу Драгошу, что Илия Бруш и есть разыскиваемый бандит.

Но этот бандит спас ему жизнь!.. Вот что осложнило положение!

Как могло получиться, что грабитель, более того — убийца бросился в воду, чтобы вытащить его? И если эта невероятная вещь произошла, возможно ли было только что вырванному от смерти так ответить на преданность своего спасителя? Какой риск, в самом деле, отсрочить арест? Теперь, когда фальшивый Илия Бруш разоблачен, когда его личность установлена, ему невозможно ускользнуть от полицейских агентов, разбросанных по реке, и если расследование приведет в самом деле к так называемому рыболову, у Карла Драгоша под руками окажется более многочисленный персонал, и арест легче будет произвести.

В продолжение пяти минут Карл Драгош на всякие лады обдумывал решение, которое ему предстояло принять.

Отправиться, не повидав Илия Бруша? Или остаться, спрятать Фридриха Ульмана в засаду в каюте и, когда рыболов появится, неожиданно броситься на него, отложив объяснения на дальнейшее?.. Нет, решительно нет. Ответить таким предательством на самоотверженный поступок — это разрывало ему сердце. Лучше было, рискуя дать виновному возможность спастись, начать розыски и на время забыть то, что он знал. Если следствие все-таки приведет его, в конце концов, к Илия Брушу, если долг заставит его рассматривать своего спасителя как врага, тогда по крайней мере они станут биться лицом к лицу и после того, как Драгош даст ему время приготовиться к защите.

Одобрив жестом все последствия, вытекавшие из его решения, Карл Драгош скрылся в каюте. Поспешно набросанной запиской он предупредил Илия Бруша о необходимости отлучиться, и просил хозяина подождать его по меньшей мере сутки. Потом он собрался уходить.

— Сколько у нас людей? — спросил он, выйдя из кабины.

— На месте двое, но уже объявлен сбор. В этот вечер у нас будет двенадцать.

— Хорошо, — одобрил Карл Драгош. — Ты, кажется, сказал, что место преступления недалеко?

— Всего в двух километрах, — ответил Ульман.

— Веди меня, — сказал Карл Драгош и выпрыгнул на берег.

ДВА ПОРАЖЕНИЯ КАРЛА ДРАГОША

В северной части Венгрии Карпаты описывают огромную дугу, западная оконечность которой разделяется на две второстепенные ветви. Одна из них кончается у Дуная на высоте Пресбурга; другая достигает реки в окрестностях Грона, где она оканчивается на правом берегу горой Пилиш в семьсот шестьдесят шесть метров высоты.

Преступление совершилось у подножия этой невысокой горы, куда отправился Карл Драгош, чтобы попытаться отыскать виновников ужасных преступлений, которые ему поручили расследовать.

Укравкой покинув баржу, он сделал над собой усилие и, несмотря на слабость, принял приглашение Фридриха Ульмана. А за несколько часов до того тяжело нагруженная телега остановилась перед плохонькой гостиницей, построенной у подножия одного из холмов, которыми гора Пилиш спускается в долину Дуная.

Положение этого постоянного двора было очень удачно выбрано с коммерческой точки зрения. Он стоял на скрещении трех путей, которые направлялись — один к северу, другой — к юго-востоку и третий — к северо-западу. Эти три пути примыкали к Дунаю: северный — к дуге, которую он описывает перед горой Пилиш, юго-восточный — у города Сентендре, а северо-западный — у города Грон; гостиница была расположена как бы между ножками огромного циркуля, образованного рекой, и ее не могли миновать ломовики, подвозившие товар для перегрузки на суда.

Дунай, который после Грона течет с запада на восток, уклоняется к югу на некотором расстоянии от притока Ипель, потом направляется к северу, описав полукруглость небольшого радиуса. Но почти тотчас он снова извивается, чтобы принять направление с севера на юг, по которому затем следует достаточно долго.

В момент, когда повозка остановилась, солнце едва поднялось. Все еще спали в доме, толстые ставни которого были крепко закрыты.

— Эй там, в трактире! — закричал один из двоих людей, сопровождавших повозку, колотя в дверь рукояткой бича.

— Сейчас! — отвечал изнутри внезапно разбуженный трактирщик.

Через мгновение всклокоченная голова показалась в окне первого этажа.

— Чего вам? — бесцеремонно спросил трактирщик.

— Сначала есть, потом спать, — ответил возчик.

— Сейчас, — сказал хозяин, исчезая внутри.

Повозка въехала во двор через широко открытые ворота. Возчики поспешили отпрячь лошадей и отвести в конюшню, где им был засыпан обильный корм. Все это время хозяин не переставал вертеться около ранних посетителей. Очевидно, ему хотелось завязать разговор, но ломовики, напротив, не желали отвечать.

— Вы очень рано приехали, друзья, — не унимался трактирщик. — Наверно, были в дороге ночью?

— Наверно, — ответил один из возчиков.

— И далеко направляетесь?

— Далеко или близко — это наше дело, — был ответ.

Трактирщик воздержался от замечаний.

— Зачем ты мучишь этого добряка, Фогель? — вмешался другой возчик, до того не открывавший рта. — У нас нет причин скрывать, что мы направляемся в Сентендре.

— Возможно, что мы и не скрываем, — грубо возразил Фогель, — но, я думаю, это не касается никого.

— Конечно, — согласился трактирщик, угодливый, как истый коммерсант. — Я расспрашивал просто по привычке... Господа желают кушать?

— Да, — ответил тот из двух ломовиков, который ка-

зался менее грубым.— Хлеба, сала, окорок, сосиски — все, что у тебя есть.

Повозка, очевидно, прошла длинный путь, так как голодные возчики усердно налегли на еду. Они устали и потому не засиделись за столом. Съев последний кусок, они отправились спать, один на соломе в конюшне, близ лошадей, другой под покрывшкой повозки.

Был полдень, когда они появились снова. Они опять потребовали еды, и им подали обед, как и в первый раз, в большой зале трактира. Теперь они отдыхали и не торопились. За десертом последовали стаканы с водкой, которая исчезла в их грубых глотках, как вода.

После полудня несколько телег останавливалось возле трактира, и многочисленные пешеходы заходили выпить глоточек. Это были по большей части крестьяне, которые с котомкой за спиной и с посохом в руке возвращались в Грон. Почти все они были завсегдатаи, и трактирщику приходилось только радоваться, что у него столь необходимая в его профессии крепкая голова, так как он выпивал почти со всеми клиентами. Это называлось делать коммерцию. Разговаривая, выпивали, а за разговором пересыхали глотки, и это требовало новых возлияний.

Как раз в этот день для разговоров хватало пищи. Совершенное ночью преступление занимало все умы. Новость была принесена первыми прохожими, и каждый добавлял какую-нибудь неизвестную еще подробность или выражал личное мнение.

Так трактирщик постепенно узнал, что великолепная вилла графа Хагенау, расположенная в пятистах метрах от Дуная, была ограблена и что сторожа Христиана серьезно ранили; что преступление, без сомнения, дело неуловимой банды преступников, которым приписывались все нераскрытые злодейства, и что бандитов ищет бригада, недавно созданная для надзора за рекой.

Два возчика не вмешивались в крикливые разговоры и рассуждения о событии. Они молчаливо оставались в сторонке, но, по-видимому, немало были заинтересованы тем, что волновало всех.

Однако шум понемногу утих, и к половине седьмого

вечера они снова остались одни в большой зале, откуда только что удалился последний посетитель. Один из них позвал трактирщика, который старательно поло-
скал стаканы за стойкой. Тот немедленно подбежал.

— Что угодно господам? — спросил он.

— Ужинать, — отвечал возчик.

— А потом, конечно, спать? — спросил трактирщик.

— Нет, хозяин, — ответил тот из ломовиков, кото-
рый казался более общительным. — Мы рассчитываем
отправиться к ночи.

— К ночи?... — удивился трактирщик.

— Конечно, чтобы к рассвету быть на месте назна-
чения.

— В Сентендре?

— Или в Гроне. Это будет зависеть от обстоя-
тельств. Мы ожидаем приятеля, который принесет нам
нужные сведения. Он скажет, где выгоднее сбыть
товар.

Трактирщик вышел из комнаты, чтобы приготовить
кушанья.

— Ты слышал, Кайзерлик? — тихо сказал млад-
ший возчик, наклоняясь к компаньону.

— Да.

— Дело открыто.

— Но ты же не рассчитывал, я полагаю, что оно ос-
танется в тайне?

— И полиция повела кампанию.

— Пусть себе ведет.

— Под начальством Драгоша, как утверждают.

— Это другое дело, Фогель. По-моему, те, которые
боятся только Драгоша, могут спать спокойно.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что я сказал, Фогель.

— Значит, Драгош будет...

— Что?

— Устранен?

— Завтра увидишь. А пока молчок! — кончил воз-
чик, увидев входящего трактирщика.

Тот, кого ждали ломовики, появился только с на-
ступлением ночи. Между тремя сообщниками состоял-
ся быстрый разговор.

— Уверяют, что полиция на следу,— тихо сказал Кайзерлик.

— Она ищет, но не найдет.

— А Драгош?

— Захвачен.

— Кто сделал дело?

— Титча.

— Тогда все хорошо... А нам что делать?

— Немедленно запрягать.

— Чтобы отправиться...

— В Сентендре. Но за полкилометра отсюда повернете назад. Трактир уже закроется, вы проедете незаметно и направитесь на север. Когда вас будут считать в той стороне, вы окажетесь в противоположной.

— Где шаланда?

— В бухте у Пилиша.

— Встреча там?

— Нет, поближе, на поляне, слева от дороги. Ты ее знаешь?

— Да.

— Полтора десятка наших будут там. Вы их встретите.

— А ты?

— Я вернусь за остальными, которых оставил сторожить. Приведу их с собой.

— Тогда в путь,— согласились возчики.

Пять минут спустя телега двинулась. Хозяин, полуоткрыв створку ворот, вежливо поклонился клиентам.

— Итак, решено, вы в Грон? — спросил он.

— Нет,— ответили возчики,— в Сентендре, приятель.

— Счастливого пути, ребята!

— Спасибо, друг!

Повозка покатила направо, к западу, по дороге в Сентендре. Когда она скрылась в темноте, субъект, которого ждали весь день Кайзерлик и Фогель, в свою очередь удалился в противоположном направлении по дороге в Грон.

Трактирщик ничего не заметил. Не занимаясь проезжими, которых, вероятно, никогда больше не увидит, он спешил закрыть дом и улечься на покой.

Телега, которую не спеша везли лошади, через полкилометра повернула, следуя приказу, и направилась назад по только что пройденному пути.

Когда она снова оказалась против гостиницы, все было уже в самом деле закрыто, и телега могла миновать это место без всяких происшествий, но собака, уснувшая посреди дороги, сорвалась с места с таким громким лаем, что испуганная пристяжная рванулась к обочине дороги. Возчики быстро направили лошадь куда следует, и телега исчезла в темноте.

Было около половины одиннадцатого, когда, оставив наезженную дорогу, телега проникла в лесок, темная масса которого поднималась налево. Она вскоре остановилась.

— Кто идет? — спросил голос из потемок.

— Кайзерлик и Фогель, — отозвались возчики.

— Проезжайте, — ответил голос.

Миновав первые ряды деревьев, телега въехала на поляну, где спали десятка полтора людей, растянувшись на мху.

— Атаман здесь? — спросил Кайзерлик.

— Нет еще.

— Он нам приказал тут ждать.

Ожидание было недолгим. Через какие-нибудь полчаса атаман, тот самый субъект, которого так долго ждали в трактире, появился в свою очередь с дюжиной сообщников, так что численность членов шайки превысила два с половиной десятка.

— Все здесь? — спросил он.

— Да, — ответил Кайзерлик, который, казалось, пользовался в банде некоторой властью.

— А Титча?

— Я здесь, — слышался звучный голос.

— Ну? — с беспокойством спросил атаман.

— Полный успех. Птичка в клетке, на борту шаланды.

— В таком случае отправляемся, да побыстрее, — приказал атаман. — Шесть человек на разведку, остальные позади, повозка в середине. До Дуная не более пятисот метров, и перегрузку сделаем одним ма-

хом. Тогда Фогель уведет телегу, и все местные спокойно возвратятся к себе. Прочие сядут на шаланду.

Едва лишь начали выполнять приказ, как один из людей, оставленных настороже близ дороги, прибежал по всю прыть.

— Тревога! — тихо сказал он.

— Что там такое? — спросил главарь банды.

— Слушайте!..

Все навестили уши. С дороги слышался шум идущи людей. К этому шуму примешался звук голосов. Расстояние не превышало сотни туазов¹.

— Оставаться на поляне, — приказал атаман. — Эти люди пройдут, не заметив нас.

Конечно, их не увидят в полной тьме, но дело могло стать более серьезным: если, на их несчастье, по дороге шел взвод полиции, то он направится к реке. Может быть, судно даже найдут, однако все предосторожности были приняты. Пусть агенты полиции переворошат его сверху донизу, они не обнаружат ничего подозрительного. Но если полиция не подозревает о присутствии шаланды, она, возможно, останется в засаде в окрестностях, а в этом случае было бы неблагоприятно отправить повозку.

В конце концов, придется действовать по обстоятельствам. Прождав следующий день на поляне, если потребуется, некоторые из людей спустятся ночью к Дунаю и удостоверятся в отсутствии полицейских.

В данный момент самое важное — не быть обнаруженными и ничем не выдать себя приближавшейся группе.

Эта последняя не замедлила достигнуть места, где дорога шла вдоль поляны. Несмотря на темноту ночи, можно было рассмотреть, что она состоит из дюжины людей, и многозначительное позванивание стали показывало, что они были вооружены. Группа уже почти миновала поляну, когда неожиданный случай совершенно изменил положение вещей. Одна из лошадей,

¹ Ту а з — старинная французская мера длины, равная 1 метру 95 сантиметрам.

испуганная появлением людей на дороге, испустила звонкое ржание, которое повторила ее товарка.

Маршировавшая группа остановилась.

Это действительно был наряд полиции, который спускался к реке под начальством Карла Драгоша, совершенно исцелившегося от последствий утреннего происшествия.

Быть может, если бы люди на поляне знали эту подробность, их беспокойство возросло бы. Но, как уже сказано, их атаман считал, что страшный полицейский вышел из строя. Как он допустил такую ошибку, почему он думал, что ему не придется считаться с противником, который как раз стоял лицом к лицу с ним, это читатель скоро узнает из продолжения нашего рассказа.

Когда утром этого дня Карл Драгош выпрыгнул на берег, подчиненный повел его вверх по реке. Метров через двести-триста они нашли спрятанную у берега лодку, в которую и сели. Тотчас же весла, которыми сильно греб Фридрих Ульман, понесли легкое суденышко на другой берег реки.

— Значит, преступление совершено на правом берегу? — спросил Карл Драгош.

— Да, — ответил Фридрих Ульман.

— Где?

— Вверху. В окрестностях Грона.

— Как? В окрестностях Грона? — вскричал Драгош. — Ведь ты мне только что говорил, что это недалеко.

— Это недалеко, — сказал Ульман. — Тут не больше трех километров.

На самом деле там было четыре, и этот длинный переход не без труда совершил человек, только что ускользнувший от смерти. Несколько раз Карл Драгош должен был останавливаться, чтобы перевести дыхание. Было около трех часов пополудни, когда он достиг, наконец, виллы графа Хагенау, где его ждали служебные обязанности.

Как только ему стало лучше благодаря принятому лекарству, Карл Драгош приказал вести себя к постели сторожа Христиана Хозля. Перевязанный несколь-

ко часов назад хирургом из окрестностей, сторож лежал с бледным лицом, с закрытыми глазами, тяжело дыша. Хотя рана была очень серьезной и затронула легкое, можно было надеяться, что Хоэль поправится, если его не будут беспокоить.

Все же Карлу Драгошу необходимо было получить некоторые сведения, и сторож дал их задыхающимся, прерывистым голосом. Путем терпеливых расспросов сыщик узнал, что шайка преступников в составе пяти-шести человек, самое меньшее, ворвалась в виллу, взломав дверь. Сторож Христиан Хоэль, разбуженный шумом, едва успел подняться, как получил удар кинжалом между лопаток. Поэтому он не знал, что было дальше, и не мог дать никаких указаний насчет нападавших. Впрочем, он услышал, что их атаманом был некий Ладко, имя которого сообщники называли несколько раз с непонятным бахвальством. Лицо Ладко закрывала маска, это был высокий здоровяк с голубыми глазами и большой белокурой бородой.

Эта последняя подробность, способная укрепить подозрения, которые он питал против Илиа Бруша, однако, смутила Карла Драгоша. Илиа Бруш тоже был блондин, это несомненно, но этот блондин перекрасился в брюнета, а краску нельзя снять вечером, чтобы восстановить ее завтра, как можно сделать с париком. В этом было серьезное затруднение, которое Карл Драгош решил выяснить на досуге.

Сторож Христиан не мог, впрочем, дать ему более подробных сведений. Он ничего не мог сказать о других нападавших; они, как и их вожак, из осторожности замаскировались.

Заполучив эти данные, сыщик предложил несколько вопросов о вилле графа Хагенау. Как он узнал, это было очень богатое жилище, обставленное с княжеской роскошью. Драгоценностями, серебром и ценными предметами изобиловали шкафы, на каминах и столах были произведения искусства, на стенах старинные ковры и картины мастеров живописи. Ценные бумаги оставались на хранении в негорючем шкафу, в первом этаже. Нет сомнений, что похитители получили прекрасную добычу.

Это Карл Драгош мог, в самом деле, легко установить, пройдясь по комнатам виллы. Грабеж был полный, совершенный с замечательной методичностью. Громилы, как люди со вкусом, не обременяли себя малоценными вещами. Дорогие предметы исчезли; большие голые квадраты на стенах остались на месте содранных ковров; лишенные лучших полотен, искусно вырезанных, печально висели пустые рамы. Грабители присвоили картины из числа самых дорогих и ковры, самые роскошные. Несгораемый шкаф был взломан, и его содержимое исчезло.

«Это все не унести людям на спине,— сказал сам себе Карл Драгош, осмотрев опустошения.— Здесь было чем нагрузить целую повозку. Нужно ее искать».

Допрос и первоначальный осмотр по необходимости отняли много времени. Приближалась ночь. Важно было до полного ее наступления обнаружить следы телеги, которой, по мнению полицейского, обязательно должны были воспользоваться грабители. Сыщик поспешил выйти из виллы. Ему не пришлось далеко идти. В обширном дворе виллы он нашел на земле следы колес, отпечатавшиеся перед разбитой дверью, и почва была там изрыта копытами долго ожидавших лошадей.

Заметив все это с одного взгляда, Карл Драгош приблизился к месту, где стояли лошади, и внимательно осмотрел почву. Потом, оставив двор, он снова тщательно осмотрел на протяжении сотни метров дорогу, ведущую от решетки виллы к шоссе, и самое шоссе.

Вернувшись обратно, он позвал:

— Ульман!

— Сударь? — ответил агент, приблизившись к начальнику.

— Сколько у нас людей?

— Одиннадцать.

— Мало,— заметил Драгош.

— Однако,— заметил Ульман,— сторож Христиан считает, что нападавших было не более пяти-шести.

— У сторожа Христиана свое мнение, а у меня свое,— возразил Драгош.— Что ж, придется довольствоваться тем, что есть. Ты оставишь одного человека

здесь, десять возьмешь с собой. С нами двумя будет дюжина. Это уже кое-что.

— У вас есть какие-нибудь указания? — спросил Фридрих Ульман.

— Я знаю, где наши грабители... По крайней мере, в какой стороне.

— Осмелюсь ли спросить?..— начал Ульман.

— Откуда я взял такую уверенность? — закончил Карл Драгош.— Ну, это детская забава. Прежде всего, я увидел, что вещей взято слишком много,— значит, нужна была повозка. Я искал эту повозку и нашел ее след. Это телега на четырех колесах, в которую запряжены две лошади; у пристяжной недостает гвоздя на правой передней подкове.

— Как вы смогли все это узнать? — спросил Фридрих Ульман.

— Потому что прошлой ночью шел дождь, и плохо просыхшая почва сохранила отпечатки. Я также узнал, что телега, оставив виллу, повернула налево, в направлении, противоположном дороге на Грон. Мы пойдем туда по следу лошади с приметной подковой. Вряд ли вероятно, чтобы наши молодчики путешествовали днем. Они, без сомнения, прячутся где-нибудь до вечера. А эта область мало населена, и дома здесь немногочисленны. Мы перероем все те, какие попадутся на дороге. Собирай людей, так как уже наступает ночь и дичь должна выбираться на волю.

Карл Драгош и его подчиненные шли медленно, ища новых следов преступников. Было около половины одиннадцатого, когда, напрасно посетив две-три фермы, они добрались до трактира на скрещении трех путей, где два возчика провели день и откуда они отправились всего за три четверти часа до того. Карл Драгош повелительно застучал в дверь.

— Именем закона! — провозгласил Карл Драгош, когда в окне показался трактирщик, сон которого вторично нарушался в этот день, как было предписано судьбой.

— Именем закона!..— повторил трактирщик, испуганный тем, что его дом окружила многочисленная группа людей.— А что я такое сделал?

— Спускайся, и тебе все объяснят. Но не мешай,— нетерпеливо сказал Драгош.

Когда полуодетый трактирщик открыл дверь, полицейский быстро его допросил. Прибыла ли сюда утром повозка? Сколько людей ее сопровождало? Останавливалась ли она здесь? Куда отправилась?

Ответы не заставили себя ждать. Да, повозка с двумя людьми прибыла в гостиницу рано утром. Она там оставалась до вечера и отбыла только по прибытии третьего лица, которого ждали два возчика. Уже пробило половину десятого, когда она удалилась в направлении Сентендре.

— В Сентендре? — настойчиво переспросил Карл Драгош. — Ты в этом уверен?

— Уверен, — утверждал трактирщик.

— Тебе сказали или сам видел?

— Сам видел.

— Гм!.. — пробормотал Карл Драгош и прибавил: — Хорошо. Ложись спать, приятель, да держи язык за зубами.

Трактирщик не заставил просить себя дважды. Дверь закрылась, и наряд полиции остался на дороге.

— Минутку! — скомандовал Карл Драгош своим людям, которые неподвижно ждали, и с фонарем в руке тщательно исследовал почву.

Сначала он не заметил ничего подозрительного, но вот, пересекая дорогу, он подошел к ее обочине. Здесь земля, менее изрытая проезжающими телегами и не так основательно замощенная, сохранила некоторую мягкость. С первого же взгляда Карл Драгош открыл отпечаток подковы, где не хватало гвоздя, и увидел, что лошадь, обладательница приметной подковы, направлялась не к Сентендре и не к Грону, но прямо к реке по северной дороге. По этой же дороге устремился Карл Драгош во главе своих людей.

Три километра были пройдены без всяких происшествий по совершенно пустынной местности, когда налево от дороги раздалось лошадиное ржанье. Удержав людей жестом, Карл Драгош направился к опушке леса, который неясно различался в темноте.

— Кто идет? — вскричал громкий голос.

Никакого ответа не было на этот вопрос. Один из агентов по приказу начальника зажег смолистый факел. Его дымное пламя живо озарило безлунную ночь, но свет угасал в нескольких шагах, бессильный рассеять мрак, еще более сгустившийся под деревьями.

— Вперед! — скомандовал Драгош, проникая в заросли во главе взвода.

Но лес имел своих защитников. Едва только они миновали опушку, как повелительный голос произнес:

— Ни шагу дальше, иначе мы стреляем!

Эта угроза не могла остановить Карла Драгоша, тем более, что при смутном свете факела он, казалось, различил неподвижную массу, без сомнения, повозку, а вокруг нее группировались люди, численность которых сыщик не мог определить.

— Вперед! — скомандовал он снова.

Повинуясь приказу, полицейские продолжали продвигаться, правда, неуверенно, в этом незнакомом лесу. Трудности еще увеличились. Внезапно факел был выбит из рук агента, который его нес. Тьма сделалась полной.

— Увалень! — заворчал Драгош. — Свету, Франц, свету!

Его досада была тем больше, что при последнем мерцании угасавшего факела он увидел, как повозка начала отступать, удаляясь под деревья. К несчастью, о преследовании не могло быть и речи. Взвод полиции встретил живую стену. Перед каждым агентом было два-три противника, и Драгош немного поздно понял, что не располагает достаточными силами для победы. До сих пор еще не было сделано ни одного выстрела ни с той, ни с другой стороны.

— Титча! — позвал в это время голос из мрака.

— Здесь! — отвечал другой голос.

— Повозка?

— Отправилась.

— Тогда надо с этим кончать.

Эти голоса Драгош запомнил. Он никогда их не забудет.

Когда кончился этот краткий разговор, в ход пошли револьверы, сотрясая воздух сухим треском выстрелов.

Пули ранили нескольких полицейских, и Карл Драгош, поняв, что упорствовать бессмысленно, скомандовал отступление.

Наряд полиции выбрался на дорогу, и победители не рискнули его преследовать; ночь обрела утраченный покой.

Сначала нужно было заняться ранеными. Трое полицейских были задеты пулями. После перевязки их отправили назад в сопровождении четырех товарищей. Драгош с Ульманом и тремя другими агентами устремились через поле к Дунаю, слегка уклоняясь в направлении Грона. Сыщик без труда нашел место, где причалил за несколько часов перед этим, и лодку, в которой они с Ульманом переплыли реку. В нее сели пять человек и, перебравшись на левый берег Дуная, стали спускаться по течению.

Карл Драгош потерпел поражение, но задумал взять реванш. Что Илия Бруш и слишком известный Ладко были одним и тем же человеком, в этом сыщик теперь не сомневался; он убедил сам себя, что тот был виновником преступления предыдущей ночи. Очевидно, Ладко спрятал добычу и, не зная, что его шайка открыта, поспешит снова принять фальшивый облик, который до сих пор позволял ему обманывать полицию. Перед рассветом он, конечно, вернется на баржу и станет ждать отсутствующего пассажира, как сделал бы безобидный и честный рыболов, каким Ладко хотел казаться.

Пять решительных людей будут тогда в засаде. Эти пятеро, побежденные Ладко и его бандой, легко восторжествуют над сопротивлением, которое может оказать им этот Ладко, принужденный в одиночестве играть роль Илия Бруша.

Этот хорошо задуманный план, к несчастью, был неисполним. Карл Драгош и его люди могли как угодно обследовать реку, но баржу рыболова оказалось невозможно разыскать. Драгош и Ульман без труда нашли место, где была стоянка Бруша, но не обнаружили ни малейших следов баржи. Баржа исчезла, и Илия Бруш вместе с ней.

С Карлом Драгошем сыграли злую шутку, и это наполнило его яростью.

— Фридрих,— сказал он подчиненному,— я выдохся до конца и не в силах сделать больше ни шагу. Мне надо уснуть на траве, чтобы набраться немного сил. Но один из наших людей должен взять лодку и немедленно подняться в Грон. Как только откроется почтовое отделение, он должен послать телеграмму. Зажги фонарь. Я буду диктовать, пиши.

Фридрих Ульман молча повиновался.

— «Этой ночью совершено преступление в окрестностях Грона. Добыча погружена на шаланду. Строго проводить предписанные обыски». Вот одна,— сказал Драгош, прерывая диктовку.— А теперь другая: «Мандат на арест так называемого Ладко, ложно именующего себя Илия Брушем и играющего роль лауреата «Дунайской лиги» на последнем конкурсе в Зигмарингене. Упомянутый Ладко, он же Илия Бруш, обвиняется в грабежах и убийствах».

— Пусть эта телеграмма будет немедленно передана во все без исключения прибрежные населенные пункты,— приказал Карл Драгош и в изнеможении растянулся на земле.

ПЛЕННИК

Подозрения Карла Драгоша, которые открытие женского портрета окончательно подкрепило, не были целиком ошибочны, время сказать об этом читателю для лучшего понимания нашего рассказа. В одном пункте, по крайней мере, Карл Драгош рассуждал правильно. Да, Илия Бруш и Сергей Ладко — одно лицо. Напротив, Драгош серьезно ошибался, когда приписывал своему компаньону по путешествию целый ряд грабежей и убийств, которые столько месяцев нарушали спокойствие дунайской области, и, в частности, последнее преступление — разграбление виллы графа Хагенау и ранение сторожа Христиана. Ладко, впрочем, не думал, что его пассажир имел подобные мысли. Он только знал, что его фамилией называли известного

преступника, и не мог понять, как могло получиться такое недоразумение.

Сперва Ладко был поражен сообщением об ужасном однофамильце, который, к довершению несчастья, оказался его соотечественником, и испытал инстинктивный страх. Но что ему, в конце концов, до преступника, с которым у него общим было только имя? Невинному нечего бояться. О, он, конечно, был невиновен во всех этих преступлениях.

Вот почему Сергей Ладко, которому мы отныне присвоим его настоящее имя, спокойно оставил баржу в предыдущую ночь, чтобы побывать в Сальке, как он и объявил. Он в самом деле скрывался в этом маленьком городке после отъезда из Рушука; там он в течение долгих недель ждал под именем Илия Бруша известий от своей дорогой Натчи.

Ожидание, как уже известно, сделалось для него невыносимым, и он напрасно искал средства проникнуть инкогнито в Болгарию, когда ему случайно попал на глаза номер газеты «Пестер Ллойд», где с большой сенсацией сообщалось о предстоящем рыболовном конкурсе в Зигмарингене. Читая статью, посвященную соревнованию, изгнанник, такой же искусный рыболов, как и признанный лоцман, составил план, самая причудливость которого обещала, быть может, успех.

Под именем Илия Бруша, которое он носил в Сальке, он вступит в «Дунайскую лигу», явится на конкурс в Зигмарингене и, благодаря виртуозному искусству рыболова, завоюет первый приз. Придав, таким образом, своему вымышленному имени известность, он с большим шумом и даже с возможным заключением пари объявит о намерении спуститься по Дунаю с удочкой от истоков до устья. Не было сомнений, что этот проект взволнует любителей-рыболовов и создаст его автору репутацию среди остальной публики.

Обеспечив себе беспорное гражданское положение, так как обычно к «звездам» питают слепое доверие, Сергей Ладко в самом деле начнет спускаться по Дунаю. Разумеется, он будет, насколько возможно, ускорять ход своей лодки и станет терять на рыбную ловлю минимум времени. И все же он заставит говорить о

себе во время плавания, чтобы о нем не забывали и чтобы он мог открыто высадиться в Рушуке под защитой приобретенной известности.

Чтобы благополучно достигнуть этой единственной цели его предприятия, никто не должен будет заподозрить его настоящее имя или в наружности рыбака Илия Бруша узнать черты лоцмана Сергея Ладко. Первое условие легко было осуществить. Достаточно, преобразившись в лауреата «Дунайской лиги», ошибочно играть эту роль. Сергей Ладко поклялся самому себе оставаться Илия Брушем наперекор всему, что бы ни случилось во время путешествия. Можно было, впрочем, предполагать, что путешествие совершится медленно, но верно, и что никакие приключения не сделают его клятву трудной для выполнения. Удовлетворить второму условию оказалось еще проще. Бритва снесла его бороду, краска изменила цвет волос, большие темные очки скрыли глаза, и этого было достаточно. Сергей Ладко совершенно переменял наружность в ночь перед отъездом из Сальки и пустился в путь до рассвета, уверенный, что его никто не узнает.

В Зигмарингене события развернулись по его плану. Когда он стал бесспорным лауреатом конкурса, его проект был благосклонно принят печатью прибрежных стран. Став достаточно известной личностью для того, чтобы никто не мог заподозрить его подлинное имя, и уверенный, с другой стороны, что рассеянные по реке члены «Дунайской лиги» в случае надобности помогут ему, Сергей Ладко пустился по течению.

В Ульме его постигло первое разочарование: он убедился, что относительная известность не спасает его от зорких глаз администрации. И он был совершенно счастлив, приняв на борт пассажира с бумагами в полном порядке, по-видимому, пользующегося уважением полиции. Конечно, когда он будет в Рушуке и спуск по Дунаю придется прекратить, присутствие постороннего представит известные трудности. Но тогда он объяснится, а до того общество пассажира увеличит шансы на успех путешествия, которое Сергей Ладко страстно желал привести к счастливому концу.

Известие о том, что он носит такое же имя, как

ужасный бандит, и что этот бандит тоже болгарин, заставило Сергея Ладко снова испытать неприятное волнение. Какова бы ни была его невиновность, а следовательно, и безопасность, он понимал, что тождество имен могло вызвать самые прискорбные ошибки и даже важные осложнения.

Если имя, которое он скрывает под псевдонимом Илиа Бруша, откроется, это не только помешает высадке в Рушуке, но можно будет бояться долгой отсрочки.

Против этой опасности Сергей Ладко ничего не мог сделать. Впрочем, если она и была серьезной, не следовало ее преувеличивать. В действительности, было маловероятно, чтобы полиция без особых причин обратила внимание на безобидного рыболова-удильщика, и особенно на рыболова, увенчанного лаврами зигмарингенского конкурса.

Прибыв в Сальку после захода солнца и оставив ее до рассвета, так что его никто не видел, Сергей Ладко только побывал в доме, чтобы удостовериться в отсутствии известий от Натчи. В продолжительности молчания было что-то страшное. Почему молодая женщина не писала уже два месяца? Что с ней случилось? Времена общественных потрясений влекут за собой бедствия отдельных людей, и лоцман говорил себе с тоской, что если он высадится счастливо в Рушуке, то, быть может, появится слишком поздно.

Эта мысль, разбивая ему сердце, в то же время удесятерила силу его мускулов. Это она дала ему после отправления из Грона силу бороться с грозой и остервенелым ветром. Это она заставляла его ускорять шаги, когда он возвращался к барже, неся подкрепительное для господина Иегера.

Велико было его удивление, когда он не нашел пассажира, оставленного в таком тяжелом состоянии, и найденная записка это удивление не уменьшила. Какая важная причина заставила господина Иегера уйти при такой слабости? Какие могли быть у обитателя Вены настоятельные дела в чистом поле, далеко от населенных центров? Здесь была загадка, которую размышления лоцмана вряд ли могли разрешить.

Но какова бы ни была причина отсутствия господи-

на Иегера, оно, во всяком случае, создавало неудобство и удлиняло путешествие, и без того долгое. Без этого непредвиденного происшествия баржа уже была бы посредине реки, и к вечеру много километров прибавилось бы к тем, которые остались за ее кормой.

Очень было сильно искушение не считаться с просьбой господина Иегера, отчалить и без потери времени продолжать путешествие, цель которого притягивала Сергея Ладко, как магнит железо.

Лоцман, однако, решил ждать. Он обязался перед своим пассажиром, и, со всех точек зрения, лучше было потерять день, чтобы не доставлять предлогов к позднейшим протестам.

Чтобы с пользой употребить остаток дня, ему, к счастью, хватило работы. Надо было привести в порядок баржу и исправить повреждения, причиненные бурей.

Сергей Ладко сначала принялся укладывать содержимое сундуков, которые перерыл во время утренних бесполезных поисков. Это у него не потребовало много времени, и, когда он уложил второй сундук, его взгляд упал на портфель, который незадолго перед этим привлек внимание Карла Драгоша. Лоцман открыл портфель, как и полицейский, и как он же, но с совершенно другими чувствами, вытащил портрет с трогательной надписью, который Натча дала ему в момент расставания. Сергей Ладко долго созерцал это очаровательное лицо. Натча!.. Да, это она!.. Это ее дорогие черты, ее чистые глаза, ее губы, полуоткрытые, точно она хочет заговорить.

Со вздохом он положил дорогое изображение в портфель и портфель в сундук, который старательно закрыл; он спрятал ключ в карман и вышел из каюты, чтобы заняться другой работой.

Но работа не шла ему на ум. Скоро руки его опустились, и, сев на скамейку спиной к берегу, он устремил взгляд на реку. Его мысль улетела в Рушук. Он видел свою жену, свой дом, веселый, полный песен... Нет, он не жалел ни о чем. Он снова жертвует своим счастьем для блага родины, если это понадобится... И, однако, как он страдал, что такая горестная жертва при-

несена бесполезно! Революция вспыхнула преждевременно и безжалостно раздавлена. Сколько лет суждено еще Болгарии изнывать под игом угнетателей? И, если он сможет пересечь границу, найдет ли ту, которую любит? Не захватили ли ее турки, как заложницу, как жену одного из своих непримиримых противников? Если это так, что они сделали с Натчей?

Увы! Следы этой скромной семейной драмы затеряются среди грозных событий, потрясающих балканскую область. Кому какое дело до несчастья двух существ среди всеобщего народного отчаяния? Свиные орды наводнили полуостров. От дикого топота лошадей дрожит земля, и даже самые бедные деревушки опустошены войной.

Против турецкого колосса поднялись два пигмея — Сербия и Черногория. Сможет ли этот Давид победить Голиафа¹? Ладко понимал, до какой степени неравны силы, и возлагал надежды на отца всех славян, великого русского царя, который, быть может, соизволит протянуть мощную руку на помощь угнетенным сынам.

Погруженный в свои мысли, Сергей Ладко совершенно забыл о том, где находится. По берегу мог промаршировать целый полк, а он бы не обернулся. Тем более он не заметил приближения трех людей, которые подкрадывались сверху с большой осторожностью.

Но, если Ладко их не видел, они его прекрасно заметили, как только баржа показалась из-за поворота реки. Трое тотчас остановились и стали тихо совещаться.

Один из этих троих уже представлен читателю в венской гавани под именем Титчи. Это он в сопровождении спутника крался за Карлом Драгошем, пока сыщик в свою очередь выслеживал Илиа Бруша; а тот шел посетить одного из посредников, принимавших участие в доставке оружия в Болгарию. Если читатель помнит, слежка привела обоих шпионов к барже; уверившись, что они узнали плавучее обиталище полицейского, люди удалились с намерением извлечь пользу из

¹ В библии рассказывается, как слабый юноша Давид победил свирепого великана Голиафа.

этого открытия. Теперь они решили осуществить свой проект.

Три человека затаились в прибрежной траве и оттуда следили за Сергеем Ладко. А тот, погруженный в размышления, не подозревал об их присутствии и о грозившей ему опасности. А опасность в самом деле была велика, так как люди скрывавшиеся в засаде, состояли в шайке преступников, грабивших дунайскую область, и не очень-то приятно было встретиться с ними в темном уголке. В этой банде Титча играл значительную роль; он являлся первым после атамана, «подвиги» которого доставили лоцману Ладко незаслуженно постыдную славу. Двое других, Сакман и Церланг, были простыми исполнителями.

— Это он! — пробормотал Титча, останавливая жестом сообщников, как только перед ними открылась баржа.

— Драгош? — спросил Сакман.

— Да.

— Ты уверен в этом?

— Абсолютно.

— Но ведь лица не видно, а только спину, — возразил Церланг.

— Мне не к чему смотреть ему в лицо, — сказал Титча. — Я его лица не знаю, я едва заметил его в Вене.

— Так как же...

— Но я превосходно знаю судно, — перебил Титча, — я его очень хорошо рассмотрел, пока я и Ладко скрывались в толпе. Я уверен, что не ошибаюсь.

— Тогда за дело! — сказал один из людей.

— За дело, — согласился Титча, развертывая узел, который держал в руках.

Лоцман даже не подозревал, что за ним подсматривают. Он не заметил, как приблизились трое врагов; он не слышал их шагов, заглушенных густой травой. Погруженный в мечты, он мысленно спешил по реке к Натче и родной стране.

Внезапно множество крепких веревок сразу обвилось вокруг него, ослепило, оглушило, парализовало его члены.

Порывисто вскочив, он инстинктивно бился в на-

прасных усилиях, когда жестокий удар по голове ошеломил его и сбросил на дно баржи. Он, впрочем, успел заметить, что запутался в ячейках рыболовной сети, какими иногда сам ловил рыбу.

Когда Сергей Ладко вышел из полуоцепенения, он уже не был опутан сетью. Его связали крепкой веревкой, и он не мог пошевелинуться; затычка во рту должна была заглушить его крики, непроницаемая повязка закрывала глаза. Первым чувством Сергея Ладко, когда он вернулся к сознанию, было непередаваемое изумление. Что с ним произошло? Что означало это необъяснимое нападение и что с ним хотят сделать? В одном он был по крайней мере уверен: если бы его собирались убить, это было бы уже сделано. Раз он еще в этом мире, значит, на его жизнь не покушаются, и нападающие, кто бы они ни были, только хотели завладеть его особой.

Но зачем, какая цель в таком захвате?

Ответить на вопрос было нелегко. Грабители? Они не стали бы трудиться и так старательно упаковывать жертву, когда удар ножа был бы быстрее и вернее. Впрочем, какие это жалкие, должно быть, грабители, если их привлекло содержимое бедной баржи!

Мщение? Это еще более невозможно. У Илии Бруша не было врагов. Единственные враги Ладко, турки, не могли подозревать, что болгарский патриот скрывается под именем рыболова, а если бы даже узнали об этом, не такой он был важной персоной, чтобы они рискнули на это насилие так далеко от границы, в центре Австрийской империи. Кроме того, турки умертвили бы его с большим вероятием, чем простые разбойники.

Убедившись, что в данный момент тайна неразрешима, Сергей Ладко, как человек дела, перестал об этом раздумывать и стал наблюдать за событиями и искать средства возвратить свободу, если только будет возможно.

По правде говоря, его положение не способствовало наблюдениям. Крепко обмотанный веревкой, он совсем не мог двигаться, а повязка закрывала глаза так плотно, что он не мог бы отличить дня от ночи. Весь уйдя в слух, он убедился, что лежит на дне судна, сво-

его, без сомнения, и что это судно быстро движется под усилиями крепких рук. Он явственно слышал скрип весел об уключины и плеск воды о борта судна.

Куда направлялась баржа? Такова была вторая задача, которую он разрешил довольно легко, определив заметную разницу температур своего левого и правого бока. Толчки, которые испытывала баржа при каждом ударе весел, показали, что он лежал в направлении движения, а в момент нападения неизвестных солнце еще не удалилось от меридиана, Ладко без труда заключил, что половина его туловища находится в тени от борта лодки и что она плывет с востока на запад, следуя, таким образом, по течению, как и в то время, когда она повиновалась законному владельцу.

Те, кто держал его в своей власти, не обменялись ни словом. Шум людских голосов не достигал его слуха, кроме «ха!» гребцов, налегающих на весла. Это молчаливое плавание продолжалось часа полтора, когда солнечные лучи упали на его лицо, и он понял, что повернули к югу. Лоцман не удивился. Превосходное знание малейших извилин реки дало ему понять, что они плывут мимо горы Пилиш. Скоро они направятся на восток, потом на север до того места, откуда Дунай начинает спускаться на Балканский полуостров.

Эти предвидения оправдались только частично. В момент, когда Сергей Ладко рассчитывал, что они достигли середины бухты Пилиш, шум весел внезапно прекратился. Баржа поплыла по течению, и раздался грубый голос.

— Примите крюк,— приказал один из находившихся в лодке.

Почти тотчас же послышался удар, за которым последовал скрип борта о твердую поверхность, а затем Сергея Ладко подняли и стали передавать из рук в руки.

Очевидно, баржа причалила к большому судну, на борт которого пленника погрузили, словно тюк. Ладко напрасно напрягал слух, чтобы уловить хоть какие-нибудь слова. Не было сказано ни слова. Тюремщики обнаруживали себя только прикосновением грубых рук и прерывистым дыханием. Связанного Сергея Ладко дергали туда и сюда, но не лишили возможности раз-

мышлять. Его сначала подняли, потом спустили по лестнице, ступеньки которой он пересчитал поясницей. По ударам и толчкам он понял, что его протащили сквозь узкое отверстие; наконец, освободив от затычки во рту и повязки на глазах, его сбросили, как узел, и над ним, глухо стукнув, захлопнулся трап.

Прошло много времени, прежде чем Сергей Ладко, оглушенный падением, пришел в чувство. Он понял, что его положение не улучшилось, хотя к нему вернулись речь и слух. Если у него вынули затычку изо рта, это означало, что его криков никто не услышит, и снятие повязки с глаз тоже не пошло на пользу. Напрасно он открыл глаза. Вокруг была темнота. И какая темнота! Пленник, который по последовательно пережитым ощущениям предполагал, что его поместили в трюм судна, напрасно старался уловить хотя бы малейший луч света, пробившийся через щель обшивки. Он не различал ничего. Это не была темнота погреба, где глаз все же может различить смутный свет: это была тьма полная, абсолютная, какая бывает только в могиле.

Сколько часов прошло таким образом? Сергей Ладко думал, что была уже полночь, когда до него донесся шум, заглушенный расстоянием. Где-то бегали, топали ногами. Потом шум приблизился. Прямо над его головой волочили тяжелые тюки, и от грузчиков его отделяла всего лишь толщина одной доски.

Шум еще более приблизился. Теперь говорили возле него, без сомнения, за одной из переборок, разделявших его тюрьму, но он не мог уловить смысла слов.

Скоро, впрочем, шум прекратился, и молчание снова водворилось вокруг несчастного лодмана, окруженного непроницаемой тьмой.

Сергей Ладко заснул.

ВО ВЛАСТИ ВРАГА

После того как Карл Драгош и его люди отступили, победители сначала оставались на месте бритвы, готовые сопротивляться новому нападению, а в это время повозка удалялась к Дунаю. Прошло достаточное вре-

мя, чтобы убедиться, что полиция удалилась, и банда преступников по приказу атамана двинулась в путь.

Они скоро достигли реки, протекавшей всего в пятистах метрах. Телега ждала их перед шаландой, темная масса которой виднелась в нескольких метрах от берега. Расстояние было невелико, а работников много. Два лодки быстро перевезли на борт шаланды содержимое повозки. Она сейчас же удалилась и исчезла в темноте, и большинство сражавшихся на поляне рассеялись по окрестностям, получив плату за свою долю добычи. От только что совершенного преступления не осталось никаких следов, кроме тюков, нагроможденных на палубе судна, где осталось всего восемь человек.

В действительности, знаменитая дунайская банда состояла только из этих восьми человек. Распущенные по домам составляли лишь малую долю бесчисленного количества сообщников, которых использовали в районах, где совершалось преступление. Эти последние никогда не участвовали непосредственно в деле и только выполняли обязанности носильщиков, караульщиков или конвоиров с момента, когда нужно было переправить к реке награбленную добычу.

Такая организация была очень остроумной. Благодаря ей банда располагала на всем течении Дуная множеством соучастников, мало понимавших характер операций, которым они содействовали. Набранные из самого темного слоя общества, очень невежественные, они думали, что участвуют просто в перевозке контрабанды, и ни о чем не допытывались. Они не пытались установить какую-нибудь связь между распорядителем экспедиций, в которых они участвовали, и знаменитым Ладко, который скрывал от них свое имя и в то же время как будто находил странное удовольствие оставлять следы своего пребывания на месте каждого преступления.

Их равнодушие менее удивит читателя, если принять во внимание, что преступления происходили на всем огромном протяжении Дуная. Волнение публики постепенно успокаивалось после каждого из них. Зато в полицейских отделениях, где собирались все жалобы прибрежных жителей, имя Ладко приобрело печальную

известность. В городах мещане уделяли ему особое внимание из-за жирных заголовков газетных статей, посвященных Ладко. Но в массе народа, и тем более среди крестьян, он был таким же преступником, как и всякий другой, с которым сталкиваются лишь однажды.

Восемь человек, оставшихся на шаланде, были тесно связаны и образовывали настоящую шайку. На своем судне они поднимались и спускались по Дунаю. Если где-нибудь предстояла выгодная операция, они останавливались, набирали сообщников, потом, когда добыча была в безопасности в плавучем тайнике, отправлялись на новые «подвиги».

Когда шаланда наполнялась, они спускались к Черному морю, где находившийся в их распоряжении пароход ждал в назначенный день. Награбленные богатства, перевезенные на этом пароходе и добытые иногда ценой убийства, превращались в честный груз, который вполне открыто продавался в далеких странах.

Это был исключительный случай, когда в предшествующую ночь о банде заговорили на таком близком расстоянии от места совершенного преступления. Обычно грабители не допускали такой ошибки: она, в случае повторения, могла открыть глаза их несознательным сообщникам. На этот раз атаман шайки имел особую причину не сразу удалиться, и, если причина была и не та, какую ему приписал Карл Драгош, разговаривая в Ульме с Фридрихом Ульманом, все же личность сыщика играла здесь роль.

Когда главарь банды, сопровождаемый помощником Титчей, узнал в Вене Драгоша, за сыщиком начали тайно следить местные сообщники шайки, которые знали лишь самое существенное, и шаланда плыла перед баржей, опережая ее всего на несколько километров. Шпионаж, очень затрудненный в открытой местности, наводненной полицейскими, часто прерывался, и случало было угодно, чтобы Карла Драгоша и его хозяина ни разу не видели вместе. Ничто не заставляло предполагать, что в барже два обитателя и, следовательно, есть возможность ошибки.

Установив такую слежку, атаман бандитов считал себя хозяином положения. Убить сыщика? Он этого не

хотел. Он решил им завладеть хотя бы на время. Когда Карл Драгош окажется в его власти, у преступника появится хорошая возможность вести переговоры в случае серьезных осложнений.

Похищение приходилось откладывать в течение нескольких дней. Или баржа останавливалась на ночлег слишком близко от населенного пункта, или неподалеку оказывались полицейские агенты, рассеянные по берегу, личность которых легко устанавливал опытный бандит.

Наконец утром 29 августа обстоятельства оказались вполне благоприятными. Буря, которая в предыдущую ночь способствовала банде в нападении на виллу графа Хагенау, должна была разогнать полицейских, следовавших за начальником по реке. Вероятно, он на время останется один, без защиты. Этим можно будет воспользоваться.

Как только повозка была нагружена имуществом из виллы, Титча выбрал из своих людей двоих наиболее решительных. Читатель уже видел, как три авантюриста выполнили поручение и как лоцман Сергей Ладко стал их пленником вместо сыщика Карла Драгоша.

После этого Титча мог сообщить атаману об успешном исходе предприятия лишь немногими краткими словами, сказанными на поляне, в момент, когда взвод полиции находился поблизости. Разговор на эту тему обязательно должен был возобновиться на шаланде, но в ту пору было не до того. Прежде всего надлежало скрыться и спрятать многочисленные тюки, разбросанные по палубе, и этим немедленно занялись восемь человек, составлявших экипаж судна. Эти люди быстро снесли или скатили по доскам внутрь судна свою добычу, что потребовало всего несколько минут; потом приступили к окончательной укладке. Для этого пол трюма был поднят, и в нем оказалось зияющее отверстие на том месте, где следовало бы увидеть воду Дуная. Фонарь, опущенный в это второе отделение, позволял различать там нагромождение всевозможных предметов, которые заполняли лишь часть его. Там оставалось достаточно места, чтобы награбленное у графа Хаге-

нау в свою очередь поместилось в оригинальном тайнике.

Замечательно было устроено, в самом деле, это судно, служившее одновременно средством транспорта, жилищем и неприкосновенным складом. Под судном, видимым снаружи, было приделано другое, меньших размеров, палуба которого образовывала дно первого. Это второе судно, глубиной метра в два, имело такое водоизмещение, что могло нести первое, подняв его на фут или два над поверхностью воды. Чтобы хитрость не разоблачилась, внутреннее судно нагружали балластом, достаточным, чтобы затопить его целиком, так что ватерлиния шаланды оказывалась на должном месте.

Когда в тайник погружали награбленные товары, выбрасывалась часть балласта, и осадка судна не изменялась. Поэтому судно, которое при средней нагрузке должно было сидеть в воде едва на фут, погружалось на семь футов. Это не могло представить больших трудностей при плавании по Дунаю и только требовало опытного лоцмана. Такой лоцман у шайки был — Якуб Огул, еврей из Рушука. Прекрасно изучив реку, Якуб Огул мог соперничать с самим Сергеем Ладко в прекрасном знании проходов, рукавов и песчаных мелей; он проводил шаланду уверенной рукой через пороги, усеянные скалами, которые встречались на реке.

Полиция могла обыскивать судно сколько угодно. Она могла измерять внутреннюю и наружную высоту шаланды, не находя никакой разницы. Даже измеряя глубину вокруг судна, нельзя было найти подводный тайник с меньшим обводом и линиями, быстро убежавшими вкось. Всякие обследования приводили к заключению, что шаланда пустая и что эта пустая шаланда сидит в воде настолько, чтобы только сохранять равновесие.

В отношении бумаг все предосторожности были приняты. Во всех случаях, поднималось ли по реке или спускалось судно, оно или шло за товаром, или возвращалось в порт приписки, выгрузив товар. Смотря по обстоятельствам, оно принадлежало то господину Константинеско, коммерсанту из Галаца, то господину

Венцелю Мейеру, предпринимателю из Вены. Бумаги, в изобилии снабженные казенными печатями, были в порядке, и никому не приходило в голову их проверять. Впрочем, проверка лишь показала бы, что в указанных городах живут некие Константинеско и Венцель Мейер.

В действительности владелец назывался Иваном Стригой. Читатель, быть может, помнит, что это имя принадлежит одному из наименее достойных обитателей Рущука, который исчез из города после того, как напрасно пытался помешать свадьбе Сергея Ладко и Натчи Грегорович. О Стриге шли дурные слухи, и людской голос обвинял его во всевозможных преступлениях.

На этот раз народная молва не ошиблась. С семьей негодяям такой же закалки Иван Стрига образовал банду пиратов, и она уже долгое время разбойничала по обоим берегам Дуная.

Найти таким образом путь к легкому обогащению, это уже было кое-что; обеспечить себе безопасность — еще лучше. Для этой цели, вместо того чтобы скрывать свое имя и внешность, как сделал бы обыкновенный преступник, он решил устроить так, чтобы жертвы его знали. Разумеется, они узнавали не собственное его имя. Нет, то, которое он с бесстыдной ловкостью оставлял позади себя, было имя Сергея Ладко.

Скрываться под чужим именем, совершая преступления, давно известная уловка, но Стрига очень хитро выбрал себе псевдоним.

Имя Ладко, как и любое другое имя, способно было создать путаницу на месте преступления и отвести подозрение от действительного виновника; но оно имело только ему свойственные преимущества.

Во-первых, Сергей Ладко не был вымышленной личностью. Он существовал, если только ружейная пуля, пущенная в Ладко при его отъезде из Рущука, не прекратила навсегда его существование. Хотя Стрига и хвалился, что уничтожил своего врага, в действительности он этого не знал. Да это было и не важно. Если вздумают производить розыск в Рущуке и окажется, что Ладко мертв, полиция не поймет, почему на него

пало обвинение. Если же лощман жив, следовательно найдут человека из плоти и крови с такой безукоризненной репутацией, что дело, по всей вероятности, этим и кончится. Тогда, без сомнения, начнут искать тех, кто имеет несчастье быть его однофамильцем. Но, прежде чем просеют через решето всех Ладко в мире, много воды утечет в Дунае!

Если же случайно подозрения против Сергея Ладко пробьют броню его честности, это будет для Стриги вдвойне счастливый результат. Бандиту всегда приятно, когда вместо него судят другого; помимо того, подмена будет еще приятнее и потому, что он питал к своей жертве смертельную ненависть.

Быть может, эти рассуждения были не вполне справедливы, но отсутствие Сергея Ладко делало их логичными, так как никто не знал его патриотической миссии. Почему лощман исчез незаметно? Местная бригада речной полиции уже начала как раз задавать себе этот вопрос в то время, когда Карл Драгош, как ему показалось, открыл истину; а как известно, если полиция начинает задавать себе вопросы, она редко отвечает на них благожелательно.

Итак, положение разъяснено читателю во всей его драматической сложности. Длинная цепь преступлений, которые плохо осведомленные люди приписывают некоему Ладко из Рушука; исчезнувший из родного города лощман с той же фамилией, которого в Рушуке начинают подозревать, правда, пока еще смутно; в это же время за сотни километров оттуда Ладко, обвиняемый Драгошем на основе серьезных улик, скрывается под маской рыболова Илия Бруша; и, в завершение всего, Стрига, принимающий после каждого преступления свое подлинное имя, чтобы свободно разъезжать по Дунаю.

Существенное условие безопасности для преступников — исчезновение всяких компрометирующих следов в самое короткое время. Вот почему в этот вечер вновь захваченную добычу, как обычно, упрятали в тайник. Шум погрузки слышал настоящий Сергей Ладко в своей темнице, в том самом подводном трюме, в глубине которого к нему не могла прийти никакая че-

ловеческая помощь. Затем, поставив на место пол, люди поднялись на палубу. Теперь полиция могла явиться.

Было около трех часов утра. Экипаж судна, утомленный тревогами этой и предыдущей ночи, крайне нуждался в отдыхе, но об этом не могло быть и речи. Стрига, желая поскорее удалиться от места последнего преступления, приказал пуститься в путь, пользуясь наступающим рассветом; приказ был выполнен без ропота, так как каждый понимал его резонность.

Пока поднимали якорь и выводили шаланду на середину реки, Стрига осведомился о подробностях утренней операции.

— Он был совсем один, — ответил Титча. — Драгош сразу запутался в сеть, как простая щука.

— Видел он вас?

— Не думаю. У него были другие заботы.

— Не сопротивлялся он?

— Попробовал, каналья. Пришлось его пристукнуть, чтобы успокоить.

— Но ты его не убил? — живо спросил Стрига.

— Совсем нет! Только оглушил. Я этим воспользовался, чтобы связать его покрепче. Я еще не кончил упаковку, как он не мог бы позвать ни папу, ни маму.

— А теперь?

— Он в трюме, понятно, с двойным дном.

— Знает он, куда его перенесли?

— Ну, тогда он чересчур большой хитрец, — объявил Титча с грубым смехом. — Я ведь не забыл ни затычки во рту, ни повязки на глазах. Их убрали только в трюме. Там, если ему угодно, он может распевать романсы и восхищаться пейзажем.

Стрига молча ухмыльнулся. Титча продолжал:

— Я сделал все по твоему приказу, но куда это нас заведет?

— По крайней мере приведет в расстройство бригаду, лишенную начальника, — ответил Стрига.

Титча пожал плечами.

— Назначат другого, — сказал он.

— Не спорю, но новый, быть может, будет хуже того, которого мы схватили. И, во всяком случае, мы смо-

жем договориться. При надобности мы потребуем паспорта, которые нам необходимы. Очень важно сохранить его живым.

— Он жив,— заверил Титча.

— А подумал ты накормить его?

— Черт...— Титча почесал в затылке.— Совсем об этом позабыли. Но двенадцать часов воздержания никому не повредят, и я отнесу ему обед, когда мы тронемся... Если только ты не захочешь отнести сам и кстати посмотреть на него.

— Нет,— быстро возразил Стрига.— Я предпочитаю, чтобы он меня не видел. Я его знаю, а он меня нет. Это — козырь, которого я не хочу терять.

— Ты можешь надеть маску.

— Это не пройдет с Драгошем. Он не нуждается в том, чтобы видеть лицо. Он узнает человека по росту, ширине плеч и другим приметам.

— Значит, это на свою голову я должен носить ему пишу!

— Нужно же кому-то это делать... Впрочем, Драгош сейчас не опасен, а когда станет опасен снова, мы уже скроемся.

— Аминь! — сказал Титча.

— Пока,— начал опять Стрига,— надо держать его в коробке. Но не очень долго, иначе он умрет от удушья. Поднимите его в каюту на палубе, когда минуем Будапешт, завтра утром после моего отъезда.

— Ты намерен оставить нас? — спросил Титча.

— Да,— отвечал Стрига.— Я буду время от времени покидать шаланду, чтобы собирать сведения на берегу. Я узнаю, что говорят о нашем последнем деле и об исчезновении Драгоша.

— А если тебя сцапают? — возразил Титча.

— Опасности нет. Никто меня не знает, а речная полиция должна бездействовать. Но вообще я появлюсь в совершенно новом виде.

— В каком?

— В виде знаменитого Илия Бруша, знатного рыболова и лауреата «Дунайской лиги».

— Вот это мысль!

— Превосходная! У меня лодка Илия Бруша. Я заимствую его шкуру по примеру Карла Драгоша.

— А если у тебя попросят рыбу?

— Я ее куплю, если понадобится, чтобы продать.

— У тебя есть ответ на все.

— Еще бы, черт возьми!

На этом разговор прекратился. Шаланда плыла по течению. Дул легкий ветерок с севера, который стал попутным, когда чуть выше Визеграда Дунай повернул к югу. До этого, напротив, северный ветер сильно задерживал судно, и Стрига, спеша удалиться от места своих преступлений, приказал грести двумя длинными веслами, которые помогали спускаться против ветра.

Потребовалось три часа, чтобы пройти десять километров и достигнуть первого изгиба реки, потом еще два часа шаланда следовала по дуге, описанной Дунаем, прежде чем он начинает свободно течь на юг. Немного выше Вайцена греблю, наконец, прекратили, и ход судна под парусом значительно ускорился.

Около одиннадцати часов миновали Сентендре, куда будто бы собирались отправиться возчики Кайзерлик и Фогель в предыдущую ночь. Не было и речи о том, чтобы остановиться, и шаланда продолжала держать путь к Будапешту, до которого оставалось еще километров тридцать.

По мере того как спускались вниз, вид берегов становился более суровым. Увеличивалось количество тенистых зеленых островов, иногда разделяемых узкими каналами, где нельзя было пройти шаландам и проходили только увеселительные яхты.

В этой части Дуная судоходство становится довольно бойким. Часто на реке бывает тесно, так как ее ложе сжато между первыми отрогами Норрийских Альп и последними холмами Карпат. Иногда случаются посадки на мель или столкновения, если внимание лоцмана отвлечется хотя бы ненадолго. Впрочем, такие происшествия не опасны и сводятся просто к потере времени. Но сколько криков и споров при таких приключениях!

Шаландой, где Стрига был капитаном, следовало управлять очень хорошо. Размеры ее были значительны, так как водоизмещение превышало двести тонн. На

палубе находилась надстройка — спардек, передняя часть его образовывала рубку, где помещался экипаж. Впереди на мачте поднимали национальный флаг, а у кормы был укреплен длинный брус, при помощи которого поворачивали руль.

Оживление на реке все увеличивалось, как всегда при подходе к большим городам. Легкие паровые или парусные суда с гуляющими или туристами скользили между островами. Вдали дым фабричных труб затемнил горизонт, указывая на приближение к предместьям Будапешта.

В этот момент произошло странное событие. По знаку Стриги Титча прошел в рубку с одним из членов экипажа. Они скоро возвратились, ведя стройную женщину, черты лица которой под повязкой нельзя было рассмотреть. Женщина шла между двумя конвоирами с руками, связанными за спиной, и не пыталась сопротивляться, очевидно зная по опыту, что это бесполезно. Она послушно спустилась по лестнице в трюм, а затем в отделение с двойным дном, и над ней захлопнулся трап.

После этого Титча и его компаньон возвратились к своим делам.

Около трех часов пополудни шаланда оказалась против набережной венгерской столицы. Направо развertyвалась Буда, старинный турецкий город; налево современный город Пешт. В ту эпоху Буда была одним из старинных живописных городов, которые начинают исчезать в наши дни при торжестве все уравнивающего прогресса. Напротив, Пешт, хотя его значение уже стало немаловажным, тогда еще не достиг того удивительного развития, которое сделало его одной из самых значительных и прекрасных столиц Восточной Европы.

На обоих берегах, и в особенности на левом, следовали друг за другом дома с аркадами и террасами, чад которыми возвышались позолоченные солнцем колокольни церквей; длинная цепь набережных отличалась величием и благородством.

Экипаж шаланды не обращал внимания на это очаровательное зрелище. Плавание мимо Будапешта могло грозить этим сомнительным людям неприятными

сюрпризами, и они следили только за рекой, где скрещивались многочисленные суда. Эта благоразумная осторожность позволила Стриге заблаговременно различить среди других лодку с четырьмя людьми, которая направлялась прямо к шаланде. Узнав катер речной полиции, он мигнул Титче, который без дальнейших объяснений ринулся в трюм.

Стрига не ошибся. Через несколько минут катер причалил к судну. Два человека поднялись на борт.

— Капитан? — спросил один из вновь прибывших.

— Это я, — отвечал Стрига, выходя вперед.

— Ваше имя?

— Иван Стрига.

— Национальность?

— Болгарин.

— Откуда судно?

— Из Вены.

— Куда?

— В Галац.

— Его владелец?

— Господин Константинеско из Галаца.

— Грузеная?

— Нет ничего. Возвращаемся пустыми.

— Ваши бумаги?

— Вот они, — сказал Стрига, вручая чиновнику необходимые документы.

— Все в порядке, — одобрил тот, возвращая бумаги после тщательного рассмотрения. — Мы заглянем в ваш трюм.

— Прошу вас, — пригласил Стрига. — Осмелюсь только заметить, что это уже четвертое посещение после нашего отплытия из Вены. Очень неприятно.

Полицейский снял с себя жестом личную ответственность за приказы, исполнителем которых он являлся, и, не отвечая, спустился по лестнице. Сойдя, он сделал несколько шагов по трюму, окинул его взглядом и вновь поднялся. Ему не пришло в голову, что под его ногами находятся два человеческих существа, мужчина и женщина, бессильные позвать на помощь. Осмотр не мог быть более добросовестным и долгим. Шаланда, действительно, оказалась совершенно пустой, не прихо-

дилось перерывать груз, что значительно упрощало дело.

Полицейский возвратился наверх и, не задавая других вопросов, отбыл на катере осматривать другие суда, а шаланда медленно продолжала путь вниз по реке.

Когда последние дома Будапешта остались позади, пришло время заняться пленницей из трюма. Титча и его компаньон исчезли внизу, затем возвратились, ведя женщину, которую несколько часов назад запрятали в темницу; теперь она снова была водворена в рубке. Из других членов экипажа никто не обратил на этот случай ни малейшего внимания.

Остановились только ночью между городами Эрксин и Адони, в тридцати километрах ниже Будапешта, и отплыли на рассвете. В этот день 31 августа спуск по реке перемежался несколькими остановками, во время которых Стрига покидал судно, пользуясь лодкой, захваченной, как полагали бандиты, у Карла Драгоша. Не думая скрываться, он причаливал к деревням, представлялся их обитателям, как знаменитый лауреат «Дунайской лиги», заводил разговоры, которые ловко направлял на интересующие его темы. Сведения оказывались очень скудными. Имя Илиа Бруша не было популярным в этих краях. Конечно, в Мохаче, Апатине, Нейзаце, Землине или Белграде — в этих значительных городах — дело будет обстоять иначе. Но Стрига не намеревался рисковать, показываясь там, и ограничивался собиранием сведений в деревушках, где полиция менее бдительна. К несчастью, крестьяне вообще не знали о конкурсе в Зигмарингене и не любили, когда их расспрашивали. Да, впрочем, от них ничего нельзя было и выпытать. Карла Драгоша они знали не больше, чем Илиа Бруша, и Стрига напрасно пускал в ход свои дипломатические тонкости.

Как было условлено накануне, во время отсутствия Стриги Сергея Ладко перевели наверх и поместили в маленькой каюте, дверь которой старательно закрыли. Может быть, это была излишняя предосторожность, так как пленник оставался тщательно связанным.

Дни от первого до шестого сентября протекли без

происшествий. Гонимая течением и попутным ветром, шаланда продолжала спускаться, делая до шестидесяти километров в сутки. Это расстояние могло стать значительно больше, если бы не частые остановки, вызываемые отлучками Стриги.

Если его вылазки и были бесплодными из-за невозможности собрать нужные сведения, то одну из них Стрига сделал выгодной с другой точки зрения, пустив в ход свои профессиональные «таланты».

Это случилось 5 сентября. В этот день шаланда остановилась на ночлег против маленького местечка Шушек; Стрига отправился на берег, как обычно. Наступил вечер. Крестьяне, которые ложатся спать с солнышком, по большей части уже ушли в свои жилища. Стрига разгуливал в одиночестве, когда заметил дом с виду побогаче других, хозяин которого, всецело доверяя публичной честности, оставил дверь открытой, а сам ушел куда-то по делам.

Стрига, не колеблясь, проник в дом, где оказалась мелочная лавочка, на что указывало наличие полок с товарами. Вытащить из кассы дневную выручку было делом одного мгновения. Не довольствуясь этой скромной добычей, бандит обнаружил во внутренней комнате сундук, открыть который оказалось для Стриги детской игрой; из него он извлек кругленький мешочек, издававший приятный металлический звон.

Так вознагражденный, Стрига поспешил возвратиться на шаланду, которая с рассветом ушла далеко.

Это было единственное приключение в пути.

На борту Стригу занимали другие дела. Время от времени он исчезал в рубке и входил в каюту, расположенную против той, где поместили Сергея Ладко. Иногда его посещение продолжалось всего несколько минут, иногда значительно дольше. В последнем случае нередко на палубу доносился отзвук жестокого спора, где можно было различить спокойный голос женщины и злобный мужской. Результат был всегда одинаков: полное равнодушие экипажа и возвращение разъяренного Стриги, который спешил покинуть судно, чтобы успокоиться.

Обычно он высаживался на правом берегу. На левом берегу города и деревни встречались редко; там до самого горизонта тянулась неизмеримая «пушта».

Пушта, как по преимуществу называют венгерскую равнину, граничит на протяжении более чем в сто лье с Трансильванскими горами.

Железные дороги, которые по ней проходят, пересекают бесконечные пространства пустынных степей, обширных лугов, бескрайних болот, где изобилует водяная дичь. Пушта — это всегда щедро накрытый стол для бесчисленного количества четвероногих гостей, тысяч и тысяч животных, составляющих главное богатство венгерского королевства. Редко кое-где встречаются поля пшеницы или кукурузы.

Ширина реки становится здесь очень значительной, и ее течение разделяют многочисленные острова и островки. Часто Дунай разделяется ими на длинные рукава, где поток приобретает довольно большую скорость.

Эти острова неплодородны. На них растут березы, осины, ивы среди ила, наносимого многочисленными наводнениями. Там скашивают много травы, и барки, нагруженные до краев, перевозят сено на прибрежные фермы.

6 сентября шаланда стала на якорь с наступлением ночи. Стрига в это время отсутствовал. Он не рискнул появиться ни в Нейзаце, ни в Петервардейне, многолюдство которых было для него опасным. Но он избрал для расспросов городок Карловиц, расположенный в двадцати километрах ниже. Он приказал шаланде остановиться за два-три лье от города и ждать своего капитана, который спустится по течению.

Около девяти часов вечера Стрига был еще недалеко от города. Он не торопился. Пустив баржу по воде, он отдался своим мыслям, вообще довольно приятным. Его уловка вполне удалась. Никто его не подозревал, и ничто не мешало собирать сведения. По правде говоря, эти сведения были не очень богаты. Но всеобщее незнание, граничившее с равнодушием, само по себе было благоприятным признаком. Разумеется, в этой местности ходили только смутные слухи о дунайской банде, и

никто не знал о существовании Карла Драгоша, а значит, и его исчезновение не могло никого взволновать.

С другой стороны, быть может, по причине исчезновения начальника, быть может, из-за бедности этой местности активность полиции, казалось, значительно уменьшилась. В течение нескольких дней Стрига не встретил никого, кто имел бы наружность агента, и ничто не говорило о бдительности речной полиции, такой деятельной за двести-триста километров выше по реке.

Все шансы были за то, что шаланда благополучно достигнет цели своего путешествия — Черного моря, где ее груз будет передан на известный пароход. Завтра они минуют Землин и Белград. Нужно только плыть вдоль сербского берега, чтобы избежать всяких прискорбных сюрпризов. В самом деле, в Сербии из-за войны с Турцией должен быть беспорядок, и вряд ли речные власти заинтересуются судном, без груза спускающимся по течению.

Кто знает? Быть может, это последнее путешествие Стриги. Быть может, он укроется в дальних краях, богатый, уважаемый — и счастливый, думал он, вспоминая о пленнице, заключенной на судне.

Таковы были размышления Стриги, когда его взгляд упал на сундуки, крышки которых так долго служили кушетками Карлу Драгошу и его хозяину. Внезапно ему пришла мысль, что вот уже восемь дней он владеет баржей и не подумал обследовать ее содержимое. У него было время исправить эту непонятную забывчивость.

Прежде всего он набросился на сундук с правого борта и мигом взломал его. Он нашел там только белье и одежду, сложенную в порядке. Стрига не нуждался в таком старье, он закрыл сундук и принялся за второй.

Во втором сундуке тоже оказались предметы несложного хозяйства рыболова-путешественника, и разочарованный Стрига уже хотел все это бросить, как вдруг открыл в углу более интересный предмет. От одежды не было толку, но в этом туго набитом портфеле были, по всей вероятности, бумаги. И если бумаги часто бывают немymi, то в некоторых случаях ничто не может сравниться с их красноречием.

Стрига открыл портфель, и оттуда вывалились документы, которые он внимательно рассмотрел. Попадались квитанции и письма, все на имя Илия Бруша, потом его глаза, став круглыми от изумления, остановились на портрете, который прежде вызвал подозрение у Карла Драгоша.

Сначала Стрига ничего не понял. Что в барже были бумаги только на имя Илия Бруша и не нашлось ни одной на имя сыщика, уже это казалось довольно удивительным. Но все же объяснение этой странности могло быть самым естественным. Может быть, Карл Драгош вместо того, чтобы завоевать роль лауреата «Дунайской лиги», как до сих пор думал Стрига, заменил его личность по любовному соглашению, и в этом случае он мог сохранить, с согласия настоящего Илия Бруша, документы для удостоверения личности. Но почему здесь написано имя Ладко, то самое имя, которым Стрига с дьявольской ловкостью метил свои преступления? И почему здесь портрет женщины, от которой Стрига до сих пор не отказался, несмотря на неудачи предыдущих попыток? Кто был настоящий владелец этой баржи, если у него хранится такой интимный и такой странный документ? Кому она, в конце концов, принадлежит — Карлу Драгошу, Илию Брушу или Сергею Ладко — и кого из этих трех людей, двое из которых его так интересовали, держит он пленником на шаланде? Впрочем, Сергея Ладко он сам объявил убитым в тот вечер, когда ружейная пуля свалила одного из двух рушукских беглецов. Но, быть может, он тогда плохо прицелился? О, если бы держать в руках не полицейского, а лоцмана! Во второй раз он не уйдет от Стриги... Этого не надо хранить, как заложника.

Камень на шее сделает дело, и, освободившись от смертельного врага, Стрига устранил главное препятствие для осуществления своих планов.

Присвоив найденный портрет, бандит нетерпеливо начал грести, стремясь поскорее выяснить дело.

Скоро во мраке показался силуэт судна. Стрига быстро причалил, выпрыгнул на палубу и, направившись к каюте пленника, вложил ключ в замочную скважину.

Менее осведомленный, чем его тюремщик, Сергей Ладко не мог строить разные предположения для объяснения своего приключения. Тайна казалась ему непроницаемой, и он отказался строить гипотезы насчет причин, по которым его похитили.

Когда, после лихорадочной дремоты, он очнулся в глубине темницы, его первым ощущением был голод. Он не ел уже более суток, а природа не любит нарушения своих прав, как бы ни были тягостны наши переживания.

Сперва он терпел, потом, когда голод становился все более повелительным, он потерял спокойствие, которое его до этого поддерживало. Может быть, его решили уморить? Он позвал. Никто не отвечал. Он позвал громко. Тот же результат. Он закричал — никакого отклика.

Разъяренный, он попытался разорвать свои веревки. Но они были крепки, и Ладко напрасно катался по полу, напрягая мускулы. При одном из конвульсивных движений его лицо наткнулось на положенный около него предмет. Нужда обостряет чувства. Сергей Ладко немедленно узнал хлеб и кусок сала, без сомнения, положенный здесь, когда он спал. Воспользоваться вниманием тюремщиков было нелегко в его положении. Но необходимость — мать изобретательности, и после нескольких бесплодных попыток пленнику удалось обойтись без помощи рук.

Когда голод был удовлетворен, потянулись медленные, монотонные часы. В тишине ропот, легкая дрожь, подобная дрожи листьев, взволнованных ветерком, коснулись его слуха. Судно, на котором он находился, очевидно, плыло, рассекая воду. Сколько часов прошло таким образом до тех пор, когда над ним был снова поднят трап? Подвешенная на конце бечевки порция, подобная первой, закачалась в отверстии, освещенном смутным светом, и легла возле него.

Еще протекли часы, и трап опять открылся. Спустился человек, приблизился к неподвижному телу, и Сергей Ладко почувствовал во второй раз, что ему затыкают рот. Очевидно, его криков боялись, и где-то близко была помощь? Без сомнения, это было так: едва

ушел человек, пленник услышал, что по потолку его темницы ходят. Он хотел позвать... ни звука не вылетело из его уст... Шум шагов прекратился.

Помощь уже нельзя было получить, когда, немного позднее, у него без всяких объяснений вытащили затычку изо рта. Раз ему позволено звать, значит, для них это неопасно. А тогда к чему кричать?

После третьей порции еды, похожей на две первые, ожидание оказалось наиболее долгим. Без сомнения, была ночь. Сергей Ладко рассчитал, что его заключение продолжалось около сорока восьми часов, когда трап снова открылся и спустилась лестница, по которой в трюм сошли четверо.

Сергей Ладко не имел времени разглядеть этих людей. Быстро ему заткнули рот, завязали глаза и, ослепив его и сделав немым, стали, как в первый раз, передавать из рук в руки.

По ушибам и толчкам он узнал узкое отверстие, трап, как он понял, через который его уже протаскивали раньше. Снова он пересчитал своими боками ступеньки лестницы. Короткий горизонтальный переход, затем его бросили на пол, и он почувствовал, что у него вытаскивают затычку изо рта и снимают повязку с глаз. Едва он открыл глаза, как дверь с шумом захлопнулась.

Сергей Ладко огляделся. Хотя он только переменил тюрьму, но эта была неизмеримо лучше. Через маленькое окошко сюда входил свет, позволяя рассмотреть положенную перед ним обычную пищу, которую до сих пор приходилось разыскивать на ощупь. Солнечный свет вернул ему бодрость, и положение показалось ему менее безнадежным. За этим окошком была свобода. Он постарается ее завоевать.

Долго и безуспешно искал он средство, когда, наконец, в тысячный раз обшаривая взглядом тесную каюту, служившую ему тюремной камерой, он заметил у стенки нечто вроде железной полосы, которая, выходя из пола и вертикально поднимаясь к потолку, вероятно, скрепляла доски обшивки. Эта полоса образовывала выступ, и хотя он не представлял острого угла, все же казалось возможным если не перерезать об него верев-

ку, то перетереть. Такое трудное для выполнения предприятие заслуживало того, чтобы попытаться. С большим трудом подобравшись к этому железному выступу, Сергей Ладко тотчас начал тереть об него веревку, связывавшую ему руки. Почти полная неподвижность, к которой его принуждали путы, делала эту работу тягостной, и движение рук, производимое только толчками всего тела, имело очень короткий размах. И мало того, что работа была медленной, — она крайне утомляла, и уже через пять минут лоцману пришлось отдыхать.

Дважды в день, в часы еды, он прерывал свою работу. Все один и тот же тюремщик приносил ему пищу, и, хотя он скрывал лицо под полотняной маской, Сергей Ладко без колебаний признавал его по седеющим волосам и замечательной ширине плеч. Впрочем, хоть он и не мог разглядеть лицо, общий вид этого человека создавал впечатление, что Ладко где-то его видел. Он не мог сказать точно, но эти могучие плечи, грубая походка, седеющие волосы под маской казались ему знакомыми.

Пища приносилась в определенные часы, а в другое время никто не ходил в его тюрьму. Ничто не нарушало бы тишины, если бы время от времени он не слышал, как отворялась дверь напротив. И потом до него доносился звук двух голосов — мужского и женского. Сергей Ладко бросал работу и напрягал слух, пытаясь различить голоса, вызывавшие в нем смутные и далекие воспоминания.

Только эти попытки узнать отдаленные голоса и прием пищи отрывали пленника от его занятия.

Пять дней прошли таким образом. Ладко уже начал спрашивать себя, достигнет ли он чего-нибудь, как вечером 6 сентября веревка, связывавшая его кисти, внезапно лопнула. Лоцман чуть не испустил крик радости. Дверь открылась. Все тот же человек вошел в келью и положил перед ним обычную пищу.

Оставшись один, Сергей Ладко попытался двинуть освобожденными членами. Сначала это оказалось невозможно. Остававшиеся неподвижными в течение долгой недели, его руки и кисти были точно парализо-

ваны. Мало-помалу способность движения вернулась к ним и постепенно усиливалась. После часа усилий он мог уже кое-как работать руками и развязал ноги. Он был свободен или, по крайней мере, сделал первый шаг к свободе. Второй — это было выбраться наружу через окно, которое он теперь мог достать и через которое он видел если не берег, скрытый темнотой, то дунайскую воду. Обстоятельства ему благоприятствовали. Ночь была темна. Кто поймает его в такую ночь, когда ничего не видно в десяти шагах? Впрочем, в каюту вернутся только завтра. Когда заметят его исчезновение, будет уже поздно.

Серьезная трудность, более чем трудность,— физическая невозможность остановила первую попытку. Достаточно просторное для гибкого, тонкого юноши, окно оказалось слишком узким, чтобы пропустить мужчину в цвете лет и одаренного такими достойными зависти плечами, как у Сергея Ладко. И он, напрасно истощив силы, должен был признать препятствие непреодолимым и, задышавшись, упал обратно в каюту.

Неужели ему не суждено выйти отсюда? Он долго созерцал квадрат ночи в неумолимом окне, потом, решившись на новые усилия, снял одежду и яростным порывом устремился в зияющее отверстие, решив прорваться во что бы то ни стало.

У него текла кровь, трескали кости, но сначала одно плечо, потом рука прошли, и косяк окна уперся в его левое бедро. К несчастью, правое плечо тоже застряло, да так, что каждое новое усилие оказывалось бесполезным.

Одна часть тела освободилась и висела над рекой, а другая оставалась в плену; бока Сергея Ладко были так стиснуты, что он нашел положение невыносимым. Если бежать таким образом оказалось невозможно, следовало искать другие средства. Может быть, ему удастся вырвать один из косяков и расширить отверстие?

Однако для этого надо вернуться в тюрьму, а Ладко понял, что и это невыполнимо. Он не мог двигаться ни вперед, ни назад, и, если не позовет на помощь, не-

избежно принужден будет оставаться в этой мучительной позе.

Напрасно он бился. Все было бесполезно. Он попался в ловушку.

Сергей Ладко перевел дыхание, когда необычный шум шагов заставил его задрожать. Приближалась новая грозная опасность; произошло то, чего не случилось за время его пребывания в тюрьме: у двери остановились, шарили ключом у замочной скважины, вставили ключ...

Движимый отчаянием, лоцман напряг мускулы в сверхчеловеческом усилии...

Тем временем ключ повернулся в замке... шелкнул пружиной... оставалось только толкнуть дверь.

ИМЕНЕМ ЗАКОНА

Открыв дверь, Стрига в нерешительности остановился на пороге. В келье было совершенно темно. Он ничего не видел, кроме смутно вырисовывающегося на более темном фоне прямоугольника окна. Где-то в углу валяется пленник, но его не различишь.

— Титча! — нетерпеливо позвал Стрига. — Свету!

Титча поспешил принести фонарь, дрожащий свет которого осветил каюту. Два человека обежали ее быстрым взглядом, удивленно посмотрели друг на друга. Кюта была пуста. На полу обрывки веревок, небрежно брошенная одежда; и никаких следов пленника.

— Ты объяснишь мне... — начал Стрига.

Вместо ответа Титча бросился к окну и провел пальцем по косяку.

— Удрал, — сказал он, показывая окровавленный палец.

— Удрал! — с проклятием повторил Стрига.

— Но недавно, — продолжал Титча. — Кровь еще свежая. Впрочем, не прошло и двух часов, как я приносил ему еду.

— И ты ничего не заметил в то время?

— Совершенно ничего. Он был связан, как сосиска.

— Дурак, — заворчал Стрига.

Титча, раскрыв руки, ясно выразил этим жестом, что он не понимает, как произошло бегство, и что, во всяком случае, не считает себя виноватым. Стрига этим не удовлетворился.

— Да, дурак,— повторил он яростно, вырвал фонарь из рук компаньона и провел им по каюте.— Надо было почаще посещать пленника и не доверять видимости... Ага! Смотри на этот кусок железа, отполированный трением. Это им он перетер веревку... Ему понадобились на это дни и дни... И ты не заметил ничего!.. Можно ли быть таким ослом!

— Когда ты кончишь? — возразил Титча, в свою очередь рассердившись.— Что я тебе, собака?.. Раз уж тебе так нужен был этот Драгош, сторожил бы его сам!

— Я хотел сделать лучше,— сказал Стрига.— Но прежде всего, Драгоша ли мы тут держали?

— Так кто же это, по-твоему?

— А я знаю? Я вправе предполагать все, раз ты так выполняешь поручения. Ты его узнал, когда схватил?

— Не могу сказать, что узнал,— сознался Титча,— потому что он сидел спиной...

— Эх!..

— Но я прекрасно узнал лодку. Это та самая, которую ты мне показывал в Вене. Уж в этом-то я уверен.

— Лодка!.. Лодка!.. Наконец, каков он был, твой пленник? Высокий?

Сергей Ладко и Иван Стрига были совершенно одинакового роста. Но человек лежащий кажется, неизвестно почему, гораздо выше стоящего, а Титча видел лощмана только распростертым на полу тюрьмы. Вот почему он без всяких колебаний ответил:

— На голову выше тебя!

— Это не Драгош! — пробормотал Стрига, который знал, что он выше сыщика. Он раздумывал несколько мгновений, потом спросил: — Походил он на кого-нибудь из твоих знакомых?

— Моих знакомых? — возразил Титча.— Ничуть!..

— Например, не смахивал ли он на Ладко?

— С чего ты взял? — вскричал Титча.— За каким чертом Драгош будет смахивать на Ладко?

— А если нашим пленником был не Драгош?

— Тем более он не мог быть Ладко, которого я знаю достаточно, черт побери, чтобы не ошибиться.

— Отвечай на мои вопросы,— настаивал Стрига.— Походил он на Ладко?

— Ты бредишь,— протестовал Титча.— Прежде всего, у Ладко есть борода, а у пленника не было.

— Бороду можно сбрить,— заметил Стрига.

— Я не спорю... А потом, пленник носил очки.

Стрига пожал плечами.

— Брюнет он или блондин?

— Брюнет,— убежденно ответил Титча.

— Ты в этом уверен?

— Вполне!

— Тогда это не Ладко!..— снова проворчал Стрига.— Это должен быть Илиа Бруш...

— Какой Илиа Бруш?

— Рыболов.

— Ба! — воскликнул ошеломленный Титча.— Но если пленник не был ни Ладко, ни Драгошем, неважно, что он выбрался на свободу.

Стрига, не отвечая, приблизился, в свою очередь, к окну. Осмотрев следы крови, он перевесился наружу и напрасно пытался рассмотреть что-нибудь в темноте.

— Давно ли он скрылся? — спросил он вполголоса.

— Не больше двух часов,— ответил Титча.

— Ну, тогда он далеко! — вскричал Стрига, с трудом подавляя гнев. После момента раздумья он прибавил: — Сейчас делать нечего. Ночь слишком темна. Птичка улетела, доброго пути! А мы пустимся в путь перед рассветом, чтобы как можно скорее оставить позади Белград.

Мгновение он оставался в задумчивости, потом, не говоря ни слова, оставил каюту и вошел в противоположную. Титча наострил уши. Сначала он не слышал ничего; но скоро через закрытую дверь до него донеслись постепенно усиливающиеся раскаты голоса. С презрением пожав плечами, Титча пошел спать.

Стрига неверно рассуждал о бесполезности немедленных поисков. Может быть, эти поиски и не были бы напрасны, так как беглец ушел недалеко.

Услышав скрип ключа в замке, Сергей Ладко, от-

чаянно рванувшись, преодолел препятствие. Под яростным усилием мускулов сначала плечо, потом бедро проскочили; он проскользнул сквозь узкое окошко, как стрела, и упал головой в дунайскую воду, которая бесшумно расступилась и сомкнулась над ним. Когда он вынырнул на поверхность, течение уже отнесло его от места падения. Мгновение спустя он был за кормой шаланды, перед ним лежал свободный путь.

Ладко не колебался. Он решил дать потоку отнести себя подальше. Когда он будет вне досягаемости, он быстро поплывет к одному из берегов. Правда, он явится туда голым, и это создаст большие трудности, но у него не было выбора. Самое важное — удалиться от плавучей тюрьмы, где он провел такие тягостные дни. А на берегу будет видно.

Внезапно перед ним во мраке возникла небольшая темная масса другого судна. Каково же было его волнение, когда он узнал свою баржу, которая шла за шаландой на буксире! Он инстинктивно уцепился за руль и на мгновение замер неподвижно.

В ночной тишине он услышал звук голосов. Без сомнения, спорили об обстоятельствах его бегства. Он ждал, высунув только голову из темной воды, скрывавшей его своим непроницаемым покровом.

Голоса усилились, потом стихли, и вновь наступило молчание. Сергей Ладко медленно взобрался на баржу и исчез в каюте. Там, насторожившись, он продолжал слушать. Он не услышал ничего, никакого шума вокруг.

В каюте ночная тьма была еще гуще. Ничего не видя, Сергей Ладко шарил, как слепой, чтобы узнать знакомые предметы. Казалось, здесь ничего не тронули. Вот рыболовные снасти. На гвозде все еще висит шапка из меха выдры, которую он сам повесил. Направо его кушетка; налево — та, на которой так долго спал господин Иегер... Но почему открыты сундуки? Их, значит, взломали?.. Невидимые во мраке, его руки неуверенно перебирали скромное имущество... Нет, у него ничего не взяли. Белье и одежда лежали в том порядке, как он их оставил; даже нож оказался на обычном мес-

те... Открыв этот нож, Сергей Ладко пополз на животе к носу лодки.

Как он передвигался! Уши настороже, глаза напряженно впиваются во тьму, дыхание замирает при каждом всплеске воды... Не меньше десяти минут потратил он, прежде чем добрался до цели. Потом схватил канат и перерезал его одним взмахом.

Перерезанная веревка шлепнулась в воду с большим шумом. Ладко с бьющимся сердцем снова упал в баржу. Невозможно, чтобы не услышали падения каната в такой глубокой тишине...

Нет... Ничто не движется... Лощман, мало-помалу выпрямляясь, заметил, что он уже далеко от своих врагов. В самом деле, освободившись, баржа поплыла по течению, и через мгновение ее и стоявшую на якоре шаланду разделила непроницаемая стена мрака.

Когда Сергей Ладко был достаточно далеко, чтобы не бояться погони, он взял весло, и несколько ударов быстро увеличили расстояние. Только тогда он заметил, что дрожит, и решил одеться. Решительно ничто не было тронут в его сундуке, и он без труда нашел белье и необходимую одежду. Потом схватил весло и принялся яростно грести.

Где он был? Он не имел ни малейшего представления. Ничто не указывало, в каком направлении шло судно, на котором он был заточен. Поднималась или спускалась по реке его плавучая тюрьма, он не знал.

Во всяком случае, теперь он снова поплывет вниз, потому что там Рушук и Натча. Если его увезли назад, он наверстает время усиленной работой рук, вот и все. Он решил грести всю ночь, чтобы как можно дальше удалиться от неведомых врагов. Он мог рассчитывать еще на семь часов темноты. За семь часов можно проплыть много. Когда настанет день, он остановится отдохнуть в первом попавшемся городке.

Сергей Ладко сильно греб минут двадцать, когда среди ночи раздался крик, заглушенный расстоянием. Что он выражал — радость, гнев или ужас? Ничего нельзя было сказать об этом смутном отдаленном крике. И, однако, как ни был слаб голос, долетевший к нему издали, он наполнил сердце лощмана неясной тре-

вогой. Где он слышал такой голос?.. Еще немного, и он поклялся бы, что это голос Натчи... Он перестал грести и прислушивался к глухим звукам ночи.

Крик не повторился. Пространство оставалось немым вокруг баржи, которая плыла, увлекаемая течением. Натча!.. Только это имя было у него в голове... Сергей Ладко движением плеч отбросил эту навязчивую идею и принялся за работу.

Время шло. Около полуночи на правом берегу смутно обрисовались дома. Это была деревня Шланкамент; Ладко миновал ее, не узнав.

Несколько часов спустя, на рассвете, показалось другое поселение, Нове Бановице. Он и его не узнал и тоже проехал мимо.

Заря разгоралась, а берега опять стали пустынными.

Лишь только начало светать, Сергей Ладко поспешил исправить недостатки в своей маскировке, которые появились в результате долгого заточения. Через несколько минут его волосы снова сделались черными от корней до кончиков, бритва снесла отросшую бороду, а пропавшие очки были заменены новыми. Сделав это, он принялся грести с неистощимой бодростью.

Время от времени он бросал взгляд назад, но не видел ничего подозрительного. Очевидно, враги остались далеко.

Когда он закончил с неотложными заботами, ощущение завоеванной безопасности позволило ему снова подумать о странности его положения. Кто были враги, от которых ему удалось бежать? Чего они от него хотели? Почему держали так долго в своей власти? Столько вопросов, и он не мог на них ответить. Но кто бы ни были эти враги, он должен, во всяком случае, бояться их в будущем, и эта забота осложнит его путешествие, если только он, несмотря на опасность такого поступка, не попросит защиты полиции от неизвестных похитителей в первом же встречном городе.

Какой это будет город? Он не знал, и ничто не давало ему указаний на пустынных берегах, где далеко одна от другой лепились бедные деревушки.

Только около восьми часов утра опять же на пра-

вом берегу обрисовались на небе высокие колокольни, а на горизонте показался отдаленный город. Сергей Ладко привскочил от радости. Он хорошо знал эти места. Ближе к нему был Землин, последний придунайский город Австро-Венгерской империи; вдали виднелся Белград, сербская столица, тоже расположенная на правом берегу после внезапного изгиба реки, при впадении Савы.

Итак, во время заточения он продолжал спускаться по реке, плавучая тюрьма приблизила его к цели, и, не подозревая об этом, он проделал более пятисот километров.

Сейчас Землин — это спасение. Если понадобится, он найдет там помощь и покровительство. Но решится ли он просить помощи? Если он пожалуется, если расскажет о своем необъяснимом приключении, не начнет ли розыск, первой жертвой которого станет он сам? Быть может, пожелают узнать, кто он такой, куда направляется и, возможно, им удастся узнать имя, которое он поклялся не открывать, что бы ни случилось.

Так и не приняв решения, Сергей Ладко ускорил ход своего суденышка. На колокольнях города пробило половину девятого, когда он привязал лодку к кольцу набережной. Он навел в барже порядок и снова занялся решением проблемы: говорить или молчать. Наконец, он решил воздержаться. Принимая во внимание все, лучше хранить молчание, отдохнуть в каюте, в чем он очень нуждался, и удалиться из Землина незамеченным, как туда явился.

В этот момент четыре человека показались на набережной и остановились перед баржей. Эти люди спрыгнули в нее, и один из них, приблизившись к Сергею Ладко, смотревшему на него с удивлением, спросил:

— Ваше имя Илия Бруш?

— Да,— ответил лоцман, с беспокойством глядя на чиновника.

Этот последний приоткрыл свое одеяние, чтобы показать шарф, окрашенный в государственные цвета Венгрии, опоясывавший его талию.

— Именем закона я вас арестую! — сказал он, кладя руку на плечо лоцмана.

Карл Драгош не помнил, чтобы в продолжение своей деятельности он занимался делом, столь богатым неожиданными инцидентами и столь загадочным, как дело дунайской банды. Невероятная подвижность неуловимой банды, внезапность ее ударов имели в себе что-то необычайное. И вдобавок, ее атаман, только что выслеженный, сделался недосягаемым и, казалось, смеялся над мандатами на его арест, разосланными по всем направлениям!

Сначала можно было подумать, что он просто испарился. Никаких следов ни в верхнем, ни в нижнем течении реки. В частности, будапештская полиция, несмотря на усиленные розыски, ничего не могла открыть. И, однако, он должен был миновать Будапешт, потому что его видели 31 августа у Дюны Фольдвар, на девяносто километров ниже венгерской столицы. Не зная, что роль рыболова в это время разыгрывал Иван Стрига, которому шаланда обеспечивала верное убежище, Карл Драгош не мог ничего понять.

В следующие дни его присутствие было замечено в Шекшарде, Вуковаре, Черевиче, Карловице. Илиа Бруш не скрывался. Далекий от этого, он объявлял свое имя всякому, кто хотел его знать, и даже иногда продавал несколько фунтов рыбы. Правда, другие очень удивлялись, заставляя его за покупкой рыбы, что было достаточно странно.

Так называемый рыболов показывал, во всяком случае, дьявольскую ловкость. Полиция, предупреждаемая о его появлении, очень спешила и всегда появлялась слишком поздно. Напрасно бороздили реку по всем направлениям, ни малейшего следа баржи не обнаруживалось; казалось, она буквально улетучивалась.

Карл Драгош приходил в отчаяние, узнавая о постоянных неудачах своих подчиненных. Неужели дичь ускользнет у него из рук?

Две вещи можно было утверждать наверняка. Первая — так называемый лауреат продолжал спускаться

по реке. Вторая — он, по-видимому, избегал городов, где опасался полиции.

Карл Драгош приказал удвоить бдительность во всех сколько-нибудь значительных городах ниже Будапешта: в Мохаче, Апатине и Нейзаце, а свою штаб-квартиру устроил в Землине. Эти города стали барьерами на пути беглеца.

К несчастью, казалось, что этот последний смеется над всеми препятствиями, нагроможденными перед ним.

Сначала его присутствие заметили ниже Будапешта, затем оно было констатировано, но всегда слишком поздно, ниже Мохача, Апатина и Нейзаца. Драгош, кипя гневом и сознавая, что ставит последнюю карту, собрал настоящую флотилию. По его приказу более тридцати судов крейсировали день и ночь в окрестностях Землина. Уж очень ловок будет противник, если сумеет прорвать эту плотную преграду.

Но как ни были остроумны эти распоряжения, они не имели бы ни малейшего успеха, если бы Сергей Ладко остался пленником в шаланде Стриги. К счастью для спокойствия Драгоша, этого не случилось.

При таких условиях прошел день 6 сентября, и ничего нового не было замечено; Драгош 7-го утром собирался отправиться к флотилии, как вдруг прибежал агент. Преступника арестовали и повели в землинскую тюрьму.

Он поспешил в прокуратуру. Агент был прав. Чересчур знаменитый Ладко, действительно, был под замком.

Новость мгновенно распространилась и взволновала весь город. Только об этом и говорили, и на набережной целый день толпы народа торчали перед баржей известного преступника. Зеваки не обратили никакого внимания на судно, которое три часа спустя прошло мимо Землина. Это судно, самым невинным образом спускавшееся по реке, было шаландой Стриги.

— Что случилось в Землине? — спросил Стрига у своего верного Титчи, заметив оживление на набережной. — Уж не бунт ли?

Он взял зрительную трубу, которую отнял от глаз после внимательного всматривания.

— Дьявол меня заberi, Титча,— вскричал он,— если это не лодка нашего молодчика!

— Ты думаешь? — спросил Титча, овладев трубой.

— Надо все разузнать,— объявил очень взволнованный Стрига.— Я отправлюсь на берег.

— Чтоб тебя схватили? Драгош — хитрец! Если это его баржа, значит, Драгош в Землине. Ты бросишься в пасть волку.

— Ты прав,— согласился Стрига, исчезая в рубке.— Я приму свои меры.

Через четверть часа он явился мастерски «камуфлированный», если позволительно употребить здесь это выражение, заимствованное из жаргона, общего для воров и полицейских. Бороду он сбрил и заменил фальшивыми бакенбардами, волосы спрятал под париком, широкая повязка закрывала один глаз, он с трудом опирался на палку, как человек, едва оправившийся от тяжелой болезни.

— Ну? — спросил он не без гордости.

— Великолечно! — восхитился Титча.

— Слушай,— сказал Стрига.— Пока я буду в Землине, продолжайте ваш путь. На два-три лье ниже Белграда остановитесь и ждите меня.

— Когда ты рассчитываешь вернуться?

— Не беспокойся об этом и скажи Огулу, чтобы он перевез меня на берег в челноке.

В это время шаланда уже миновала Землин. Высадившись на берег достаточно далеко от города, Стрига направился к нему большими шагами. Но, подойдя к окраине, заковылял и, смешавшись с толпой, наполнявшей набережную, жадно прислушивался к разговорам.

Ему недолго пришлось ждать, чтобы войти в курс дела. Никто среди этих оживленных групп не говорил о Драгоше. Не слышно было ничего и об Илиа Бруше. Рассуждали только о Ладко. О каком Ладко? Не о лощмане из Рушука, имя которого использовал для своих целей Стрига, но о том воображаемом Ладко, каким его создали газетные статьи, о Ладко-злодее, о Ладко-

пирате, то есть о нем самом, Стриге. Это его собственный арест служил темой всеобщих разговоров.

Он ничего не мог понять. По-видимому, полиция допустила ошибку, арестовав невинного вместо виновного, и в этом не было ничего удивительного. Но как была связана эта ошибка, понятная ему лучше всякого другого, с присутствием лодки, которую его шаланда вела на буксире еще накануне?

Без сомнения, можно подумать, что Стрига проявил слабость, интересуясь этой стороной вопроса. Существовало то, что вместо него преследовали другого. Пока подозревают этого, не подумают заняться им самим. Это главный пункт. Остальное его не касается.

Все было бы верно, если бы у Стриги не нашлось своих причин осведомиться на этот счет. Судя по всему, можно было думать, что его пленник и хозяин баржи были одним лицом. Но кто же тогда был незнакомец, находившийся в заключении на шаланде и после этого так любезно заместивший ее владельца в когтях полиции? Понятно, Стрига не покинет Землина, пока не разберется в этом вопросе.

Ему пришлось вооружиться терпением. Господин Изар Рона, которому поручили это дело, казалось, не собирался быстро заняться следствием. Три дня прошло, прежде чем он подал признаки жизни. Такое предварительное ожидание составляло часть его системы. По его мнению, лучше всего было выдержать виновного в одиночестве. Одиночество — великий разрушитель нравственной стойкости, и несколько дней секретной камеры превосходно обезоруживают противника, которого судья увидит перед собой.

Господин Изар Рона через двое суток после ареста объяснил свои идеи Карлу Драгошу, который пришел за информацией. Сыщику поневоле пришлось одобрить теорию своего начальника.

— Ну, а все-таки, господин судья,— рискнул он спросить,— когда вы рассчитываете устроить первый допрос?

— Завтра.

— Тогда я зайду завтра вечером, чтобы узнать ре-

зультаты... Я думаю, бесполезно напоминать, на чем основываются наши предположения?

— Бесполезно,— заверил господин Рона.— Я помню наши предыдущие разговоры, а, впрочем, мои записи очень подробны.

— Вы все-таки позвольте мне, господин судья, напомнить вам о моем желании, которое я осмеливаюсь высказать?

— О каком желании?

— Чтобы обо мне не упоминалось в этом деле, по крайней мере, до нового решения. Как я вам докладывал, обвиняемый знает меня только под именем Иегера. Это еще может пригодиться. Очевидно, когда он предстанет перед судом, придется открыть мою подлинную фамилию. Но до этого еще не дошло, и, чтобы удобнее разыскивать виновников, не следует предвирать события.

— Это решено,— обещал судья.

В камере, где его заключили, Сергей Ладко дожидался, пока им займутся.

Последовавшее за предыдущим приключением новое несчастье, такое же непостижимое, не сломило его бодрости. Не пытаясь оказать ни малейшего сопротивления в момент ареста, он позволил отвести себя в тюрьму, после того как напрасно задавал вопросы. Чем он, впрочем, рисковал? Этот арест обязательно должен оказаться ошибкой, которая выяснится при допросе.

К несчастью, первый допрос странно откладывался. Сергей Ладко, помещенный в строжайшую одиночку, день и ночь оставался в камере, куда время от времени сторож бросал беглый взгляд через «глазок», просверленный в двери. Повинуясь приказу господина Изара Рона, этот сторож, быть может, надеялся заметить возрастающие результаты метода изоляции. Во всяком случае, он не получил удовлетворения. Протекали часы и дни, а в позе заключенного ничто не показывало изменения его настроения. Сидя на табуретке, опершись руками на колени, с опущенными глазами и холодным лицом, он сохранял почти абсолютную неподвижность, не выказывая никаких признаков нетер-

пения. С первой же минуты Сергей Ладко решил быть спокойным, и ничто не могло его взволновать. Но, по мере того как шло время, он начинал сожалеть о плавучей тюрьме, которая, по крайней мере, приближала его к Рушуку.

Наконец, на третий день — это уже было 10 сентября — дверь открылась, и его пригласили выйти из камеры. Окруженный четырьмя солдатами со штыками наперевес, он проследовал по длинному коридору, спустился по нескончаемой лестнице, потом пересек улицу, по которой прошел во Дворец Правосудия, построенный против тюрьмы.

Улица кишела народом, теснившимся позади наряда полицейских агентов. Когда показался узник, из толпы донеслись свирепые выкрики ненависти к страшному преступнику, который так долго оставался безнаказанным. Каковы бы ни были чувства Сергея Ладко, подвергшегося таким незаслуженным оскорблениям, он их не показал. Твердым шагом он вошел во дворец и после нового ожидания, наконец, очутился перед судей.

Господин Изар Рона, маленький, тщедушный человек, белокурый, с редкой бородкой, с желчным цветом лица, был чиновником с грубыми манерами.

Оперируя смелыми утверждениями, резкими отрицаниями, он нападал на противника внезапно, более желая внушить страх, чем вызвать доверие.

Конвоиры вышли по знаку судьи. Стоя посреди комнаты, Сергей Ладко ждал, когда судья соблаговолит начать допрос. В углу писарь приготовился вести протокол.

— Садитесь,— приказал господин Рона брюзгливым тоном.

Сергей Ладко повиновался. Чиновник продолжал:

— Ваше имя?

— Илия Бруш.

— Местожительство?

— Салька.

— Профессия?

— Рыболов.

— Вы лжете,— заявил судья, устремив взор на обвиняемого.

Легкая краска покрыла лицо Сергея Ладко, а глаза его блеснули. Но он принудил себя к спокойствию.

— Вы лжете,— повторил господин Рона.— Вас зовут Ладко. Ваше местожительство — Рушук.

Лоцман задрожал. Итак, его настоящее имя стало известно. Как это могло случиться? А судья, от которого волнение подсудимого не ускользнуло, продолжал резким голосом:

— Вы обвиняетесь в трех простых ограблениях, в девятнадцати грабежах со взломом, совершенных приотягчающих обстоятельствах, в трех убийствах и шести покушениях на убийство, и все эти преступления совершены умышленно в течение менее чем трех лет. Что вы можете на это сказать?

Ошеломленный лоцман слушал этот невероятный перечень.

Как! Путаница, которой он опасался, узнав от господина Иегера о существовании своего зловещего однофамильца, все-таки произошла. А если так, зачем ему соглашаться, что он Сергей Ладко? Перед этим у него была мысль во всем признаться и просить судью не выдавать его туркам. Сейчас он понял, что такое признание было бы скорее вредным, чем полезным. Ведь именно его, Сергея Ладко из Рушука, а не кого другого, обвиняют в этой ужасной цепи преступлений. Без сомнения, назвав свое настоящее имя, он добьется, что его невиновность будет доказана. Но сколько на это уйдет времени? Нет, лучше играть до конца роль рыбака Илия Бруша, потому что это имя человека, ни в чем не замешанного.

— Вы ошибаетесь,— заявил твердо лоцман.— Меня зовут Илия Бруш, и я живу в Сальке. Вы легко можете в этом убедиться.

— Это будет сделано,— сказал судья, беря бумагу.— А пока вы должны узнать некоторые из обвинений, которые на вас тяготеют.

Сергей Ладко стал внимательнее. Это его заинтересовало.

— На данный момент,— начал судья,— мы оста-

вим в стороне главные преступления, в которых вас обвиняют, и займемся самыми свежими, совершенными во время вашего путешествия, закончившегося арестом.— Переведя дыхание, господин Рона продолжал: — Ваше присутствие впервые было замечено в Ульме. Мы считаем, что там и началось ваше путешествие.

— Простите, сударь,— живо перебил Сергей Ладко.— Мое путешествие началось значительно раньше Ульма, потому что я завоевал два первых приза на рыболовном конкурсе в Зигмарингене, и я начал спускаться по реке из Донауэшингена.

— В самом деле, верно,— согласился судья,— что некий Илия Бруш был провозглашен лауреатом зигмарингенского конкурса, устроенного «Дунайской лигой», и что этого Илия Бруша видели в Донауэшингене. Но или вы явились в Зигмаринген под вымышленной фамилией, или подменили указанного Илия Бруша в то время, когда он плыл из Донауэшингена в Ульм. Этот пункт мы в свое время выясним, будьте уверены.

Сергей Ладко с глазами, широко раскрытыми от удивления, слушал, как во сне, эти фантастические умозаключения. Еще немного, и воображаемого Илия Бруша внесут в список его жертв! Не желая отвечать, он презрительно пожал плечами, а судья, устремив на него пристальный взгляд, внезапно спросил:

— Что вы делали в Вене 25 августа у еврея Симона Клейна?

Сергей Ладко невольно задрожал во второй раз. Знали даже и это посещение! Правда, в нем не было ничего предосудительного, но признаться — это означало открыть свою подлинную личность, и раз он уже решил все отрицать, нужно до конца идти по этому пути.

— У Симона Клейна? — переспросил он, точно не понимая.

— Вы отпираетесь? — молвил господин Рона.— Я этого ожидал. Так я вам скажу, что, отправляясь к еврею Симону Клейну,— говоря это, судья приподнялся на кресле, чтобы придать своим словам сокрушительную силу,— вы шли туда, чтобы условиться с постоянным укрывателем вашей шайки.

— Моей шайки!..— повторил остолбеневший лодчман.

— Да, ведь верно,— иронически согласился судья,— вы не понимаете, что я хочу сказать, вы не участник банды, вы не Ладко, а безобидный рыболов-удильщик Илия Бруш. Но, если вы в самом деле Илия Бруш, почему вы скрываетесь?

— Я скрываюсь?..— запротестовал Сергей Ладко.

— Черт побери! — вскричал господин Изар Рона.— А для чего же, в таком случае, вы прячете под темными очками свои глаза, самые лучшие на свете,— да, кстати, потрудитесь их снять, эти очки! Зачем вы красите в черный цвет свои белокурые волосы?..

Сергей Ладко был уничтожен.

Полиция знала все, и сеть чем дальше, тем плотнее окружила его; как будто не замечая его смущения, господин Рона продолжал атаку:

— Ну, ну! Вы сбавили прыть, приятель! Вы не знали, что нам столько известно... Но я продолжаю. В Ульме вы взяли пассажира?

— Да,— ответил Сергей Ладко.

— Его имя?

— Господин Иегер.

— Правильно. Не можете ли вы сказать, что случилось с этим господином Иегером?

— Я этого не знаю. Он покинул баржу почти у впадения Ипеля. Я был очень удивлен, не найдя его, когда возвратился к барже.

— Возвратившись, говорите вы. А куда вы уходили?

— В деревушку в окрестностях, чтобы достать подкрепительного для моего пассажира.

— Он был болен?

— Очень болен. Перед этим он чуть не утонул.

— И это вы его спасли, я думаю?

— А кто же это мог быть, если не я?

— Гм!..— сказал судья, немного смущенный. Потом он овладел собой.— Вы рассчитываете, без сомнения, растрогать меня этой историей о спасении?

— Я? — запротестовал Ладко.— Вы допрашиваете, я отвечаю. Вот и все.

— Хорошо,— подытожил Изар Рона.— Но скажи-

те, до этого случая вы никогда не покидали вышу баржу, как я полагаю?

— Один раз, чтобы побывать у себя в Сальке.

— Можете вы точно сказать мне дату этой отлучки?

— Почему же нет, только немного подумаю.

— Я вам помогу. Не случилось ли это в ночь на двадцать девятое августа?

— Возможно.

— Вы это не отрицаете?

— Нет.

— Вы в этом признаетесь?

— Если хотите.

— Итак, мы договорились... Салька находится на левом берегу Дуная, как мне кажется? — спросил господин Рона с простодушным видом.

— Да.

— И, кажется, было темно в ночь на двадцать девятое августа?

— Очень темно. Была ужасная погода.

— Это и объясняет вашу ошибку. По вполне понятному заблуждению, вы, думая причалить к левому берегу, высадились на правом.

— На правом берегу?

Господин Изар Рона внезапно встал и, смотря обвиняемому прямо в глаза, произнес:

— Да, на правом берегу, прямо против виллы графа Хагенау!

Сергей Ладко напрасно перебирал свои воспоминания. Хагенау? Он не знал этого имени.

— Вы очень упорны, — объявил судья, обманутый в попытке запугать допрашиваемого. — Вы, понятно, в первый раз слышали имя графа Хагенау, и если в ночь на двадцать девятое августа его вилла была ограблена, а сторож Христиан Хоэль серьезно ранен, это все произошло без вашего ведома. Где, к черту, у меня голова? Как можете вы знать о преступлениях, совершенных неким Ладко? Ладко, кой дьявол! Ведь это не ваше имя!

— Мое имя Илия Бруш — заявил лоцман, голосом менее уверенным, чем в первый раз.

— Прекрасно, превосходно! Это решено! Но тогда,

если вы не Ладко, почему вы скрылись после совершения этого преступления, чтобы нарушить инкогнито, — и очень скромно при том! — только на весьма приличном расстоянии от виллы Хагенау? Почему вы, прежде так открыто демонстрировавший свою персону, не были замечены ни в Будапеште, ни в Нейзаце, ни в другом сколько-нибудь значительном городе? Почему вы забросили роль рыболова до такой степени, что даже иногда покупали рыбу в деревнях, где соизволили остановиваться?

Все это было китайской грамотой для несчастного лоцмана. Ведь он исчез против своей воли. После той ночи на 29 августа разве не был он все время пленником? При таких условиях что удивительного, если он исчез? Напротив, удивительно, что есть люди, которые обратили на это внимание.

Но это заблуждение полиции, по крайней мере, легко рассеять. Достаточно чистосердечно рассказать о непонятном приключении, жертвой которого он стал. Может быть, правосудие окажется более проницательным и распутает темное дело. Решив все это рассказать, Сергей Ладко нетерпеливо ожидал, когда господин Рона позволит ему вставить слово. Но судья несея на всех парах. Теперь он ходил по кабинету из угла в угол и бросал в лицо обвиняемому поток аргументов, которые считал неотразимыми.

— Если вы не Ладко, — продолжал он с возрастающей горячностью, — как это получилось, что после ограбления виллы Хагенау, совершенного, по несчастной случайности, как раз в то время, когда вы покидали вашу баржу, произошло воровство — да, простое воровство! — в деревне Шушек в ночь на шестое сентября, именно в ту ночь, которую вы должны были провести против этой деревни? Если, наконец, вы не Ладко, зачем находился в вашей лодке портрет, подаренный мужем вашей женой Натчей Ладко?

Господин Рона целил метко, и его последний аргумент имел поразительный эффект. Уничтоженный лоцман опустил голову, и по его лицу катились крупные капли пота.

А судья продолжал еще громче:

— Если вы не Ладко, почему этот портрет исчез в тот день, когда вы почувствовали, что вам грозит опасность? Этот портрет был в вашем сундуке, в сундуке у правого борта. Его там больше нет. Его присутствие вас обвиняло; его отсутствие вас приговаривает. Что вы на это скажете?

— Ничего,— глухо пробормотал Ладко.— Я совершенно не понимаю, что со мной происходит.

— Прекрасно поймете, если захотите! Прервем на время наш интересный разговор. Вас отведут обратно в камеру, где вы можете предаваться размышлениям. А пока подведем итоги сегодняшнему допросу. Вы заявляете: 1. Вас зовут Илия Бруш. 2. Вы получили приз на конкурсе в Зигмарингене. 3. Проживаете в Сальке. 4. Ночь с 28 на 29 августа вы провели у себя в Сальке. Все это будет проверено. Со своей стороны я заявляю: 1. Ваше имя — Ладко. 2. Ваше местожительство — Рушук. 3. В ночь с 28 на 29 августа с помощью многочисленных сообщников вы ограбили виллу Хагенау и вы виновны в покушении на убийство сторожа Христиана Хоэля. 4. Вам приписывается воровство в ночь с 5 на 6 сентября в Шушке, жертвой которого стал некий Келлерман. 5. Вы обвиняетесь в других многочисленных грабежах и убийствах, совершенных в придунайских областях. Начато расследование этих преступлений. Вызваны свидетели, будут устроены очные ставки... Подпишете протокол допроса?.. Нет?.. Как хотите!.. Стража, увести обвиняемого!

Чтобы вернуться в тюрьму, Сергею Ладко снова пришлось пройти через толпу и услышать враждебные выкрики. Народный гнев, казалось, еще увеличился за время долгого допроса, и полиция с трудом охраняла заключенного.

В первых рядах ревущей толпы стоял Стрига. Он пожирал глазами узника, так предупредительно занявшего его место. Но он не узнал этого человека, бритого, с черными волосами, в темных очках, и поставленная перед ним загадка не разрешилась.

Стрига задумчиво удалился вместе с толпой, когда закрылись двери тюрьмы. Решительно, он не знал арестованного. Это не был, во всяком случае, ни Драгош,

ни Ладко. А если так, то какое ему дело до Илия Бруша или всякого другого? Кто бы ни был обвиняемый, важно, что он отвлек внимание правосудия, и у Стриги не было больше причин задерживаться в Землине. И он решил завтра же отправиться на свою шаланду.

Но утром чтение газет заставило его изменить свои намерения. Дело Ладко велось в строгом секрете, и поэтому печать настоятельно стремилась разведать тайну. Ей это удалось. Жатва сведений была очень обильна.

В самом деле, газеты излагали достаточно подробно первый допрос и сопровождали отчеты комментариями, неблагоприятными для обвиняемого. Вообще, журналисты удивлялись упорству, с которым этот последний старался представиться простым рыболовом Илия Брушем из маленького городка Салька. Какой интерес держаться подобной системы защиты, хрупкость которой очевидна? По сведениям прессы, господин Изар Рона уже послал в Грон следственную комиссию. Вскоре в Сальку отправится чиновник и произведет розыск, который разобьет все утверждения обвиняемого. Илия Бруша будут искать и найдут... если он существует, что очень сомнительно.

Эта новость изменила проекты Стриги. Пока он продолжал чтение, странная мысль пришла ему в голову и вполне сложилась, когда он кончил читать. Конечно, очень хорошо, что правосудие схватило невиновного. Но будет еще лучше, если оно его не выпустит. А что для этого нужно? Представить им Илия Бруша во плоти и крови и тем самым уличить в обмане настоящего Илия Бруша, заточенного в Землине. Это обвинение добавится к тем, которые уже привели к аресту, и, может быть, окажется достаточно веским для его решительного обвинения, к большой пользе подлинного преступника.

Стрига немедленно оставил город, но не вернулся на шаланду. Наняв экипаж, он отправился на железную дорогу, и поезд помчал его на север, к Будапешту.

В это время Сергей Ладко в привычной неподвижности считал часы. С первого свидания с судьей он вернулся, испуганный важностью предъявленных ему обвинений. Со временем он сумеет доказать свою невиновность. Но надо вооружиться терпением, так как

обстоятельства, видимо, сложились против него, а правосудие не руководится логикой, когда возводит сооружение из гипотез.

Все-таки от простых подозрений до формальных доказательств далеко. А таких доказательств против него никогда не будет. Единственным свидетелем, которого он мог бояться, и только потому, что тот знал тайну его имени, был еврей Симон Клейн. Но Симон Клейн из чувства профессиональной честности, вероятно, не согласится его признать. Впрочем, захотят ли устраивать очную ставку с его старым венским посредником? Разве судья не объявил, что он прикажет произвести расследование в Сальке? Результат его будет превосходным, и заключенный получит свободу.

Прошло несколько дней, в продолжение которых Сергей Ладко возвращался к этим мыслям с лихорадочной настойчивостью. Салька недалеко, и не нужно столько времени для розысков. Только на седьмой день после первого допроса его снова ввели в кабинет господина Изара Рона.

Судья сидел за столом и, казалось, был очень занят. Он оставил лощмана стоять на ногах минут десять, как будто не замечая его присутствия.

— Мы получили ответ из Сальки,— сказал он, наконец, равнодушно, не поднимая глаз на обвиняемого, которого наблюдал тайком сквозь опущенные ресницы.

— А! — с удовлетворением воскликнул Сергей Ладко.

— Вы были правы,— продолжал господин Рона.— В Сальке действительно есть Илья Бруш, который пользуется прекрасной репутацией.

— А! — еще раз воскликнул лощман, которому уже казалось, что перед ним раскрываются двери тюрьмы.

Судья прикинулся еще более равнодушным и незаинтересованным и пробормотал, как будто не придавая своим словам никакого значения:

— Полицейский комиссар из Грона произвел дознание, и ему удалось говорить с ним самим.

— С ним самим? — повторил, не понимая, Сергей Ладко.

— С ним самим,— подтвердил судья.

Сергею Ладко показалось, что он бредит. Как могли найти в Сальке другого Илия Бруша?

— Это невозможно, сударь,— пробормотал он,— произошла ошибка.

— Судите сами,— возразил судья.— Вот рапорт полицейского комиссара из Грона. Из него видно, что этот чиновник, исполняя поручение, отправился четырнадцатого сентября в Сальку и явился в дом, расположенный на углу набережной и будапештской дороги. Ведь вы, кажется, этот адрес давали? — перебил себя судья.

— Да, сударь,— ответил Сергей Ладко с ошеломленным видом.

— И будапештской дороги,— повторил судья.— Он был принят в этом доме господином Илия Брушем лично, и тот объявил, что он только недавно возвратился после довольно продолжительного отсутствия. Комиссар добавляет, что сведения, которые он собрал о господине Илия Бруше, устанавливают его безупречную порядочность и тот факт, что никакой другой обитатель Сальки не носит это имя... Имеете вы что-нибудь сказать? Прошу вас, не стесняйтесь.

— Нет, сударь,— пробормотал Сергей Ладко, чувствуя, что сходит с ума.

— Вот первый пункт и выяснен,— с удовлетворением заключил господин Рона и посмотрел на узника, как кот на мышь.

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

После второго допроса Сергей Ладко вернулся в камеру, не отдавая себе отчета в том, что делает. Он едва слышал вопросы судьи после того, как ему читали донесение полицейского комиссара из Грона, и отвечал на них с тупым видом. То, что случилось, превосходило его понимание. Чего хотели от него в конце концов? Похищенный, заточенный на борту шаланды неведомыми врагами, он только что добился свободы, чтобы сразу ее потерять; и вот теперь нашелся в Саль-

ке другой Илья Бруш, другой он сам, в его собственном доме!.. Это переходило в фантазмагорию!..

Ошеломленный, сведенный с ума последовательностью необъяснимых событий, он чувствовал, что является игрушкой могущественных враждебных сил, что он, как безвольная и беззащитная добыча, втянут в колеса ужасной машины, называемой правосудием.

Это отчаяние, это исчезновение всякой энергии так красноречиво выражалось на его лице, что один из сопровождающих его тюремщиков растрогался, хотя и считал узника самым отвратительным злодеем.

— Видно, дело идет не так, как вы хотите, приятель? — спросил, вкладывая в звуки голоса некоторое желание ободрить заключенного, этот служитель, хотя и пресыщенный по своей профессии зрелищем людских бедствий.

Он мог говорить с глухим, результат был бы тот же.

— Ну,— снова начал добродушный страж,— не теряйте головы. Господин Изар Рона славный малый, и, может быть, все устроится лучше, чем вы думаете... А пока я оставляю вам вот это... Тут есть кое-что о вашей родной стране... это вас развлечет...

Узник сидел неподвижно. Он ничего не понимал.

Он не слышал, как снаружи застучали засовы, и не видел газеты, которые тюремщик, выдавая без дурных намерений строгий секрет, хранимый его пленником, положил на стол уходя.

Протекали часы. Кончился день, потом прошла ночь, и опять наступил рассвет. Прикованный к стулу, Ладко не чувствовал, как бежит время.

Однако, когда солнечный свет ударил ему в лицо, он как будто вышел из своего оцепенения. Он открыл глаза, и его блуждающий взгляд obeжал камеру. Первое, что он заметил, была газета, оставленная накануне жалостливым тюремщиком.

Газета лежала на столе так, что открывала заголовок, напечатанный огромными буквами. «Резня в Болгарии» — объявлял этот заголовок, на который упал взгляд Сергея Ладко. Он задрожал и лихорадочно схватил газету. Сознание быстро возвращалось к нему. Его глаза метали искры, пока он читал.

События, о которых он таким образом узнал, в то время обсуждались целой Европой и возбуждали всеобщий ропот негодования. С тех пор они стали достоянием истории и отнюдь не составляют одну из славных ее страниц.

Как уже говорилось в начале этого рассказа, вся балканская область была тогда в волнении. Летом 1875 года восстала Герцеговина, и турецкие войска, посланные против нее, не могли ее усмирить. В мае 1876 года поднялась, в свою очередь, Болгария; Порта¹ ответила на восстание сосредоточением многочисленной армии в треугольнике, вершинами которого служили Рушук, Видин и София. Наконец, 1 и 2 июля того же 1876 года Сербия и Черногория выступили на сцену и объявили Турции войну. Сербь под предводительством русского генерала Черняева сначала достигли некоторых успехов, но потом им пришлось с боями отступить к своей границе, и 1 сентября князь Милан вынужден был просить перемирия на десять дней, во время которого умолял о вмешательстве могущественных христианских монархов, на что те, к несчастью, долго не решались.

«Тогда,— пишет Эдуард Дрио в своей «Истории восточного вопроса»,— произошел самый ужасный эпизод этой борьбы; он напоминает резню в Кио во время греческого восстания. Порта, воюя с Сербией и Черногорией, боялась, что болгарское восстание в тылу армии помешает военным операциям. Отдал ли губернатор Болгарии Шефкат-паша приказ подавить восстание, не считаясь со средствами? Это возможно. Банды башибузуков и черкесов, вызванные из Азии, были брошены на Болгарию и затопили ее морем крови. Они дали полную волю своим разнузданным страстям, жгли деревни, убивали мужчин после самых утонченных пыток, распарывали животы женщинам, резали на куски детей. Насчитывалось от двадцати пяти до тридцати тысяч жертв...»

Крупные капли пота катились по лицу Сергея Ладко, когда он читал газету. Что случилось с Натчей среди

¹ Пор та — старинное название Турецкой империи.

этих ужасных потрясений?.. Жива ли она еще? Может быть, она погибла, и ее труп с разрезанным животом, искрошенный на куски, вместе с телами стольких невинных жертв валяется в грязи, в крови, попираемый копытами лошадей?

Сергей Ладко встал и, как дикий зверь в клетке, яростно забегал по камере, точно ища выхода, чтобы улететь на помощь Натче.

Этот порыв отчаяния был недолгим. Придя в чувство, он заставил себя успокоиться и с ясной головой стал искать средства вернуть свободу.

Обратиться к судье, открыть ему без обвиняков всю правду, умолять о снисхождении?.. Неверный ход. Какие у него шансы добиться доверия у предубежденного человека после того, как он долго упорствовал во лжи? В его ли власти разрушить одним словом подозрения, тяготеющие над именем Ладко? Нет. Все равно, понадобится следствие, и оно займет недели, месяцы.

Надо бежать.

В первый раз, когда он сюда вошел, Сергей Ладко исследовал свою камеру. На это не понадобилось много времени. Четыре стены с двумя отверстиями: с одной стороны дверь, с другой — окно. За тремя из этих стен другие камеры, та же тюрьма. Только за окном была свобода.

Ширина этого окна, верхний косяк которого упирался в потолок, составляла метра полтора; доступ к подоконнику преграждали толстые железные прутья, вделанные в стену. Но, если и победить эту трудность, возникала другая. Снаружи род навеса или колпака, боковые края которого прикреплялись к той и другой стороне окна, закрывал вид, оставляя маленький кусочек неба. Не для того, чтобы убежать, а только чтобы изыскать средства к побегу, нужно прежде всего обратиться сквозь решетку, затем подтянуться на руках на вершину колпака для осмотра окрестностей.

Судя по длине лестниц, которые он проходил во время вызовов к судье, Сергей Ладко считал, что он помещается на четвертом этаже тюрьмы. По крайней мере двенадцать — четырнадцать метров отделяло его от земли. Возможно ли их преодолеть? Нетерпеливо стре-

мясь разрешить этот вопрос, он решил приняться за работу немедленно.

Понятно, прежде всего надо было раздобыть инструмент. Когда его схватили, у него все отобрали, а в тюрьме не было ничего подходящего. Стол, табуретка и постель — каменный свод, накрытый тощим соломенным матрацем, — вот вся меблировка.

Сергей Ладко долго и напрасно искал, когда, в сотый раз обшаривая свою одежду, наткнулся на что-то твердое. Как его тюремщики, он и сам до сих пор не думал о такой незначительной вещи, как пряжка от брюк. Но какой нужной показалась ему эта ничтожная вещь, единственный металлический предмет, которым он располагал!

Сняв эту пряжку и не теряя ни минуты, Сергей Ладко принялся за подоконник около одного из прутьев, и камень, упорно царапаемый шпеньками пряжки, начал пылью осыпаться на пол. Эта работа, медленная и тяжелая сама по себе, еще осложнялась беспрестанным надзором, которому подвергался узник. Не проходило и часа без того, чтобы тюремщик не заглядывал в дверной глазок. И поэтому приходилось все время прислушиваться к наружным шумам, при малейшем признаке опасности прекращать работу и уничтожать подозрительные следы.

Для этой цели Сергей Ладко употреблял свой хлеб. Этот хлеб, смешанный с пылью, падавшей из стены, вполне походил цветом на камень и становился настоящей замазкой, под которой скрывалась выковыриваемая дырка. Остатки от выцарапывания он скрывал под сводом своего ложа.

После двенадцатичасовой работы прут был подкопан на глубину в три сантиметра, но шпеньки сточились. Сергей Ладко сломал пряжку и употребил в дело обломки. Еще через двенадцать часов эти стальные кусочки исчезли.

К счастью, удача, которая улыбнулась узнику, точно не хотела его покидать. Когда принесли еду, он рискнул спрятать столовый ножик, и, так как никто не заметил хищения, он повторил его так же успешно на следующий день. У него оказались два орудия, значительно

более надежные, чем то, каким он до сих пор располагал. По правде говоря, это были скверные ножи грубой фабричной работы. Но лезвия их оказались довольно хорошими, а ручки облегчали пользование ими.

С этого времени работа пошла скорее, хотя и недостаточно быстро. Цемент со временем приобрел твердость гранита и лишь с большим трудом крошился. Часто приходилось бросать работу то из-за обхода тюремщиков, то из-за приглашений к судье, который участил допросы.

Результат этих допросов был всегда один и тот же. При каждом вызове проходила вереница свидетелей, показания которых не вносили в дело никакой ясности. Если некоторые находили смутное сходство между Сергеем Ладко и преступником, которого они более или менее ясно разглядели в день, когда стали его жертвами, другие категорически отрицали всякое сходство. Господин Рона напрасно приставлял обвиняемому фальшивые бакенбарды, подстриженные на всевозможные манеры, заставлял показывать глаза или прятать их под темными стеклами очков, ему не удалось получить ни одного формального свидетельства.

Сергей Ладко совсем не интересовался допросами. Он послушно подчинялся экспериментам судьи, наряжался в парики и фальшивые бороды, снимал и надевал очки, не позволяя себе ни малейших замечаний. Его мысли были далеко от этого кабинета. Они оставались в камере, где железный прут, отделявший его от свободы, мало-помалу вылезал из камня.

Четыре дня работы потребовалось, чтобы обнажить его целиком. Это случилось вечером 23 сентября. Теперь оставалось перепилить верхний конец.

Эта часть работы оказалась наиболее трудной. Уцепившись одной рукой за решетку, Сергей Ладко другой рукой водил взад и вперед свое орудие. Простой нож плохо выполнял роль пилы и очень медленно вгрызался в железо. Да и утомительная поза требовала частотного отдыха.

Наконец, 29 сентября, после шести дней героических усилий, Сергей Ладко почувствовал, что глубина надреза достаточна. Еще несколько миллиметров, и

железо будет перепилено целиком. Значит, не будет труда переломить металл, когда он согнет прут. И было время. Лезвие второго ножа уже обратилось в ниточку.

На следующее утро после обхода, свободно располагая целым часом, Сергей Ладко настойчиво продолжал свое предприятие. Как он и предполагал, прут согнулся без труда. Через отверстие он вылез за решетку и, пустив в ход руки, достиг вершины колпака. Он жадно осмотрелся.

Как предполагал узник, от земли его отделяло четырнадцать метров. Это расстояние можно было преодолеть, только располагая веревкой достаточной длины. Но спуск на землю был наименее трудной частью задачи, и она от этого не приближалась к решению.

Сергей Ладко установил, что тюрьму окружала дорожка для часовых, с другой стороны примыкавшая к стене высотой метров в восемь, за которой виднелись крыши домов. Спустившись, нужно было перебраться через стену, а это с первого взгляда казалось невыполнимым.

Судя по дальности домов, тюрьму, очевидно, окружала улица. Оказавшись на этой улице, беглец почувствует себя спасенным. Но как до нее добраться живым-здоровым?

В поисках выхода из положения Сергей Ладко стал внимательно разглядывать все, что открывалось слева. Если он еще и не нашел такого выхода, все же его сердце забилося от волнения. В этом направлении он увидел Дунай, желтые воды которого были покрыты бесчисленными судами всевозможных размеров. Одни из них поднимались или спускались по реке, другие стояли на якорях у набережной. Среди этих последних лоцман с первого взгляда заметил свою баржу. Она ничем не выделялась среди соседних судов, и ничто не показывало, что ее охраняли. Это будет счастливая случайность, если Сергею Ладко удастся ею завладеть. Благодаря барже беглец менее чем через час пересечет границу, а на сербской территории он будет смеяться над австро-венгерским судом.

Сергей Ладко снова взглянул направо, и то, что он

там увидел, заставило его насторожиться. Поддерживаемый на определенных расстояниях солидными скобами, вделанными в стену, с крыши спускался железный стержень,— очевидно, проводник громоотвода,— и проходил не очень далеко от его окна, чтобы потом уйти в землю. Этот стержень сделает спуск довольно легким, если удастся до него дотянуться.

По-видимому, это можно было сделать. На высоте пола его камеры род карниза, одно из архитектурных украшений здания, проходил вдоль стены, образуя выступ шириной в двадцать — двадцать пять сантиметров. При хладнокровии и энергии, может быть, удастся по нему пройти и, таким образом, достигнуть стержня громоотвода.

К несчастью, если и увенчается успехом такая безумно смелая попытка, от этого наружная стена все-таки останется недоступной. Заключенный в камере или во дворе тюрьмы все равно узник.

Сергей Ладко, осматривая стену с таким вниманием, какого он ей до того не уделял, заметил, что ее верхняя часть, чуть ниже конька была украшена с обеих сторон рядом квадратных выступов, выходивших из камня. Он внимательно рассмотрел этот архитектурный орнамент, потом, соскользнув на подоконник, вернулся в камеру и постарался уничтожить все подозрительные следы.

Он принял решение. Средство завоевать свободу наперекор всему было найдено. Каким бы оно ни казалось рискованным, оно могло, оно должно было преуспеть. В конце концов лучше смерть, чем продолжение подобной муки.

Он терпеливо ждал второго обхода. Убедившись в том, что у него есть время, он принялся заканчивать свои приготовления. Пользуясь обломком ножа, он нарезал из простынь полсотни полос в несколько сантиметров шириной. Чтобы не привлечь внимания тюремщиков, он оставил часть полотна, и постель сохранила внешний вид. Ведь не придет же им в голову поднимать одеяло.

Нарезанные полосы он сплел по четыре в форме тесьмы, в которой отдельные волокна, налегая друг на

друга, у концов вплетаются последовательно. Целый день ушел на эту работу. Наконец, 1 октября, незадолго до полудня, у Сергея Ладко оказалась прочная веревка длиной от четырнадцати до пятнадцати метров, которую он тщательно спрятал под кроватью.

Все было готово, и он решил, что бегство совершится в этот же вечер, в девять часов.

В этот последний день Сергей Ладко продумывал мельчайшие подробности своего предприятия, перебирая в уме счастливые случайности и опасности. Что его ждет: свобода или смерть? Это решит ближайшее будущее. Во всяком случае, он рискнет.

Вдруг, перед тем как пробил час действия, судьба приготовила ему последнее испытание. Было около трех часов пополудни, когда засовы его камеры откинулись с большим шумом. Чего от него хотят? Опять поведут к господину Изару Рона? Впрочем, обычный час для допросов уже прошел.

Нет, это был не вызов на допрос. Через открытую дверь Сергей заметил в коридоре, помимо тюремщика, группу из трех незнакомых ему особ. Одной из них была молодая женщина лет двадцати, с нежным и добрым лицом. Из двух сопровождавших ее мужчин один, очевидно, был ее мужем. Обращение и поза тюремщика позволили угадать в другом директора тюрьмы.

Дело, видимо, шло о посещении. Судя по почтительному обращению с ними, посетители были люди высокого круга, быть может, даже путешествующая княжеская чета, при которой директор играл роль чичероне¹.

— Сейчас занимающий эту камеру, — объяснил он гостям, — не кто иной, как знаменитый Ладко, атаман дунайской банды, имя которого, конечно, дошло и до вас.

Молодая женщина пугливо взглянула на знаменитого злодея. Но он совсем не имел ужасного вида, этот прославленный преступник. Нельзя было представить себе атамана бандитов такой легендарной жестокости с чертами исхудалого, изможденного человека, с блед-

¹ Чичероне (итал.) — проводник.

ным лицом, глаза которого выражали отчаяние и глубокою тоску.

— Правда, он упорно настаивает на своей невинности,— беспристрастно добавил директор,— но мы привыкли к таким песням.

Потом он указал посетителям на порядок в келье и на ее превосходную чистоту. В пылу рассуждений он даже перешел порог и приготовился прислониться к окну, чтобы стать лицом к слушателям.

Сердце Сергея Ладко внезапно перестало биться. Сам того не подозревая, оратор слегка прикоснулся к тому месту, где работал узник, и цемент уже начал сыпаться тонкой струйкой. Другим движением он тронул затычку из хлеба и она вывалилась из камня и упала на пол. Сергей Ладко задрожал от ужаса, заметив, что обнаженная оконечность прута ясно показалась в глубине ячейки.

Заметил ли это кто-нибудь? Да! Пока ее муж и директор рассматривали жалкий стол, как предмет высочайшего интереса, а тюремщик, почтительно отвернувшись, глядел в глубину коридора, посетительница устремила взор в углубление, выдолбленное в стене, и выражение ее лица показало, что она поняла его скрытое значение.

Она собирается заговорить... одним сказанным словом разрушить столько трудов... Сергей Ладко ждал и чувствовал, что жизнь по каплям уходит от него.

Немного побледнев, молодая женщина подняла глаза на узника и охватила его всего своим ясным взглядом. Увидела ли она крупные слезы, медленно катившиеся из-под ресниц несчастного? Уловила ли его молчаливую мольбу? Поняла ли его ужасное отчаяние?

Прошло десять трагических секунд, и молодая женщина внезапно повернулась, испустив крик боли. Ее спутники устремились к ней. Что случилось? Ничего серьезного, объяснила она дрожащим голосом, пытаюсь улыбнуться. Просто она глупо подвернула себе ногу, вот и все.

Пока Сергей Ладко незаметно поместился перед обвиняющим прутом, муж, директор и тюремщик засуетились. Двое первых вышли, поддерживая мнимо по-

страдавшую; третий поспешил задвинуть засов. Сергей Ладко остался один.

Какой порыв благодарности к пожалевшему его нежному созданию переполнил грудь Сергея Ладко! Он спасен благодаря ей. Он обязан ей жизнью, больше, чем жизнью,— свободой.

Обессиленный, он упал на кровать. Волнение было слишком жестоким. Его мозг ослабел под этим последним ударом судьбы.

День завершился без происшествий, и, наконец, пробило девять часов на городской башне. Ночь была самая подходящая. Густые тучи покрывали небо и увеличивали темноту.

Отдаленный шум в коридоре возвестил о приближении обхода. Стража перед дверью остановилась. Тюремщик заглянул в глазок и, удовлетворенный, удалился. Заключенный спал, укрывшись одеялом до подбородка. Обход удалился, шум шагов затих.

Момент действовать настал.

Сергей Ладко тотчас вскочил с постели и сложил под одеялом матрац так, чтобы в полумраке камеры он походил на спящего человека. Сделав это, он взял веревку и, снова выскользнув за решетку, сел верхом, как и в прошлый раз, на верхний край колпака.

Карнизы, украшавшие здание, были расположены на высоте пола каждого этажа; таким образом, Сергею Ладко предстояло спуститься на четыре метра. Он предвидел это затруднение. Закинув веревку за один из прутьев и держа оба ее конца, он легко спустился на выступ.

Опираясь спиной о стену, держась левой рукой за веревку, которая его поддерживала, беглец отдыхал. Как сохранить равновесие на узком карнизе? Едва пытался он оставить веревку, как ему казалось, что он летит вниз.

Он благоразумно принудил себя к крайней медлительности движения, и ему удалось перехватить веревку правой рукой, а левой он ощупал боковую стенку колпака. Колпак не был прикреплен непосредственно к окну, и у него должны были существовать какие-то опо-

ры. И в самом деле, рука Ладко нащупала препятствие, в котором он признал крюк, вделанный в стену.

Как ни слаба была точка опоры, представляемая крюком, ею поневоле пришлось удовлетвориться. Зацепившись за него концами пальцев, Сергей Ладко медленно притянул к себе один из двух концов веревки, которая понемногу свалилась ему на плечи. Теперь, если бы даже беглец и захотел, он не смог бы вернуться в камеру. В силу необходимости нужно было доводить дело до конца.

Сергей Ладко рискнул повернуть голову к стержню громоотвода, в котором рассчитывал найти поддержку при спуске. Каков же был его ужас, когда он увидел, что более двух метров отделяло стержень от колпака, который он не решался покинуть, боясь свалиться с высоты!

И, однако, надо было принять решение. Он стоял на узком выступе, опираясь спиной о стену, поддерживаемый над пустотой ничтожным куском железа, готовым выскользнуть из его пальцев, и в таком положении не мог оставаться до бесконечности. Лучше погибнуть, но надо сделать последнюю попытку спастись.

Отклонившись от окна, беглец распрямил левую руку, как спущенную пружину, потом, оставив опору, ринулся направо.

Он упал. Его плечо ударилось о карниз. Но его протянутые руки схватились за громоотвод.

Первая трудность была побеждена. Оставалось справиться со второй.

Сергей Ладко скользил вниз по стержню и останавливался у скобок, прикреплявших его к стене. Там он переводил дух и размышлял.

Земли не видно было во мраке, но снизу до беглеца доносился регулярный звук шагов. Очевидно, там ходил караульный солдат. Судя по звуку, который то усиливался, то утихал, часовой, пройдя часть дорожки, примыкавшей здесь к зданию тюрьмы, поворачивал, чтобы обойти другой фасад, и снова возвращался, беспрерывно маршируя взад-вперед. Сергей Ладко рассчитал, что отсутствие солдата продолжалось три-четыре минуты. За это время нужно преодолеть расстояние, отделявшее его от наружной стены.

Он различал под собой гребень стены, белый цвет которой смутно обрисовывался в темноте, но не мог разглядеть выступов, украшавших ее верхушку.

Сергей Ладко, соскользнув ниже, остановился у одной из скоб. Здесь он был еще на два-три метра выше гребня стены, до которой ему предстояло добраться.

Он держался крепко и мог позволять себе резкие движения. Сложив веревку вдвое, Сергей Ладко сделал на ней скользящую петлю и получил подобие лассо. Держа его за два свободных конца, беглец начал метать лассо на верхушку стены, стараясь зацепить за один из выступов.

Предприятие было трудным. Полный мрак скрывал цель, и следовало рассчитывать только на случайную случайность. Больше двадцати раз он безрезультатно бросал веревку и, наконец, почувствовал сопротивление. Сергей Ладко напрягал мышцы, веревка держалась крепко. Итак, попытка удалась: петля захлестнулась вокруг выступа. Беглец крепко затянул ее. Он пропустил один из свободных концов веревки между стеной и стержнем громоотвода и надежно связал его с другим. Теперь воздушный мостик пролегал над дорожкой для караула.

Уж очень это был ненадежный мостик! Не порвется ли веревка, не отцепится ли от камня, который ее держит? В первом случае совершится ужасное падение с десятиметровой высоты; во втором — он понесется к стене тюрьмы, наподобие маятника, и разобьется об нее.

Ни на одно мгновение Сергей Ладко не колебался перед такими опасностями. Веревка держалась крепко, он лучше связал ее концы, потом, готовый устремиться в пространство, стал прислушиваться к шагам караульного солдата.

Тот как раз был под беглецом. Потом завернул за угол здания, и его шаги затихли. Надо было, не теряя ни секунды, воспользоваться его отсутствием.

Сергей Ладко пустился по воздушной дороге. Вися между небом и землей, он продвигался осторожно и равномерно, не беспокоясь о том, что веревка провисала под его тяжестью и ее провисание увеличивалось по

мере приближения к середине перехода. Он хочет пройти. Он пройдет.

Он прошел. Менее чем в минуту он преодолел головокругительную бездну и достиг гребня стены.

Не беспокоясь об отдыхе, он спешил все больше и больше, опьяненный уверенностью в успехе. Вряд ли десять минут прошло с тех пор, как он покинул камеру, но они ему показались длиннее часа, и он боялся, как бы обход не вздумал войти в камеру. Не откроют ли тогда его исчезновение, хотя он подложил под одеяло свернутый матрац? Нужно быть в этот момент далеко. Баржа здесь, в двух шагах от него! Несколько ударов весла, и он будет недосыгаем для преследователей.

Прервав свою работу при приближении караульного, Сергей Ладко лихорадочно перетянул к себе узел веревки, развязал и подтащил веревку к себе; потом он связал ее снова, обмотал вокруг выступа и начал спуск, уверившись, что улица пустынна.

Благополучно достигнув земли, он заставил веревку упасть к своим ногам и свернул ее в узел. Все было кончено. Он свободен, и никаких следов не осталось от его смелого бегства.

Но, когда он собрался идти разыскивать свою баржу, из мрака донесся голос.

— Черт побери! — слышалось менее чем в десяти шагах. — Да это господин Илиа Бруш, честное слово!

Сергей Ладко вздрогнул от радости. Судьба решительно стала на его сторону и посылает ему помощь друга.

— Господин Иегер! — вскричал он в восхищении, в то время как прохожий вышел из темноты и направился к нему.

ЦЕЛЬ БЛИЗКА!

10 октября рассвет наступил уже в девятый раз, с тех пор как баржа снова начала спускаться по Дунаю. За восемь предшествующих дней она оставила позади более семисот километров. Уже приближался Рушук, они будут там вечером.

На борту ничего не изменилось. Баржа несла, как и

прежде, тех же двух пассажиров, Сергея Ладко и Карла Драгоша, снова превратившихся — один в рыболова Илия Бруша, другой — в добродушного господина Иегера.

Впрочем, манера, с которой первый играл теперь свою роль, делала более трудной роль второго. Загипнотизированный желанием приблизиться к Рушуку, работающий веслом день и ночь, Сергей Ладко пренебрегал самыми элементарными предосторожностями. Он не только сбросил очки, но и забыл о бритье и о краске; изменения, происходившие в его наружности по мере плавания, обличали мнимого Бруша со все возрастающей силой. Его черные волосы бледнели со дня на день, а белокурая борода начинала принимать вполне почтенный вид.

Было бы вполне естественным, если бы Карл Драгош показал некоторое изумление при таком превращении. Однако он ничего не говорил. Решив проделать путешествие до конца, как он обязался, он вознамерился не видеть ничего, что могло бы оказаться неудобным. К тому моменту, когда он встретился лицом к лицу с Сергеем Ладко под стеной тюрьмы, прежние мнения Карла Драгоша уже сильно поколебались, и он был меньше склонен верить в виновность старого товарища по путешествию.

Случай со следствием в Сальке был первой причиной этой перемены. Карл Драгош сам произвел повторное расследование. Не так легко удовлетворяющийся, как полицейский из Грона, он долго расспрашивал жителей городка, и их ответы очень его смущали.

Что некий Илия Бруш, который вел правильную жизнь, обитал в Сальке и оставил ее незадолго до конкурса в Зигмарингене, было неоспоримо установлено. Возвращался ли домой этот Илия Бруш после конкурса, и именно в ночь на 29 августа? По этому пункту сведения были неясны. Если ближайшие соседи как будто припоминали, что в конце августа ночью виднелся свет в окнах дома рыболова, тогда закрытых уже более месяца, они все-таки не могли этого определенно утверждать. Такие сведения, хотя смутные и нерешитель-

тельные, естественно, увеличили раздумье полицейского.

Оставалось выяснить третий пункт. Кто же был тот, с кем, как с Илия Брушем, говорил комиссар из Грона в доме, указанном обвиняемым? На этот счет Драгош не мог получить никаких сведений. Илия Бруша достаточно знали в Сальке, и если он еще раз побывал там, то, очевидно, и прибыл и отправился обратно ночью, так как его никто не видел. Такая таинственность, уже сама по себе подозрительная, стала еще подозрительнее, когда Карл Драгош принял за хозяина трактира. Оказалось, что вечером 12 сентября, за тридцать шесть часов до визита полицейского комиссара из Грона, неизвестный спросил в трактире адрес Илия Бруша. Положение запутывалось. Оно еще более осложнилось, когда допрошенный трактирщик описал наружность незнакомца в таких чертах, которые соответствовали чертам атамана дунайской банды, как их рисовала народная молва.

Все это заставило Карла Драгоша еще более задуматься. Он инстинктивно чувствовал, что дело нечисто, что произошла какая-то грязная махинация, цель которой была ему еще неясна, но, возможно, что подсудимый как раз и явился ее жертвой.

Это впечатление еще более укрепилось, когда по возвращении в Землин он узнал ход следствия. В конце концов, после двадцати дней оно не продвинулось ни на шаг. Не открыли ни одного сообщника, ни один свидетель формально не признал узника, против которого не оказалось других улик, кроме того, что он изменил свою внешность и владел портретом, на котором стояло имя Ладко.

Эти обвинения, присоединенные к другим, могли бы стать важными, но в отдельности теряли всякую ценность. Может быть, даже и переодевание и присутствие портрета имели законную причину.

Карл Драгош в таком состоянии духа склонялся к снисхождению. Вот почему он невольно глубоко расстрогался от наивного доверия Сергея Ладко, проявленного в таких обстоятельствах, когда было бы извинительно не довериться даже самому близкому другу.

Но разве невозможно было совместить чувство жалости с профессиональным долгом, заняв, как прежде, место на барже? Если Илия Бруш в действительности звался Ладко и если этот Ладко был преступником, Карл Драгош, присоединившись к нему, выследит его сообщников. Если же, напротив, лауреат «Дунайской лиги» невиновен, быть может, он все-таки приведет в настоящему преступнику, который воспользовался расследованием в Сальке, чтобы отвести от себя подозрения.

Эти рассуждения, как будто не совсем обоснованные, однако, не были лишены логики. Жалкий вид Сергея Ладко, сверхчеловеческая смелость, которую он проявил, совершив свое фантастическое бегство, и особенно воспоминание об услуге во время бури, оказанной ему рыболовом с такой героической простотой, сделали остальное. Карл Драгош был обязан жизнью этому несчастному, который, задыхаясь, стоял перед ним с окровавленными руками, с исхудалым лицом, по которому струился пот. Мог ли он в награду за все это ввергнуть его обратно в ад? Сыщик на это не решился.

— Идем! — просто сказал он в ответ на радостное восклицание беглеца и увлек его к реке.

Немногими словами обменялись компаньоны за восемь дней, прошедших с тех пор. Сергей Ладко обычно хранил молчание и тратил все силы на то, чтобы увеличить скорость лодки.

Отрывистыми фразами, которые приходилось у него вырывать, он все-таки рассказал о своих непонятных приключениях, начавшихся у притока Ипель. Он рассказал о долгом заключении в землинской тюрьме, последовавшем за еще более странным заключением на борту неизвестной шаланды. Те, кто утверждал, что видели его между Будапештом и Землином, лгали, так как во время этого переезда он был заточен в шаланде со связанными руками и ногами. Во время этого рассказа прежние взгляды Карла Драгоша все более и более менялись. Он невольно устанавливал связь между нападением, жертвой которого стал Илия Бруш, и вмешательством его двойника в Сальке. Без сомнения, рыболов кому-то мешал и подвергался ударам неведомо-

го врага, наружность которого соответствовала описаниям подлинного бандита.

Так, мало-помалу Карл Драгош приближался к истине. Он не мог проверить свои умозаключения, но чувствовал, по крайней мере, как тают со дня на день его старые подозрения.

Однако он ни на один момент не подумал оставить баржу, чтобы вернуться и начать розыски сызнава. Его нюх полицейского говорил ему, что этот след хорош и что рыболов, быть может, невиновный, тем или иным образом связан с историей дунайской банды. Впрочем, в верхнем течении реки все было спокойно, и последовательность совершенных преступлений доказывала, что их виновники тоже спускались по реке, по крайней мере до Землина. И были все шансы за то, что они продолжали спускаться во время заключения Илия Бруша.

В этом предположении Карл Драгош не ошибался. Иван Стрига действительно приближался к Черному морю, обогнав на двенадцать дней баржу в момент ее отправления из Землина. Но эти двенадцать дней выигрыша он постепенно терял, и расстояние, разделявшее два судна, постепенно уменьшалось. День за днем, час за часом, минута за минутой баржа неумолимо догоняла шаланду под яростными усилиями Сергея Ладко.

У этого последнего была одна цель: Рушук. Одна мысль: Натча. Если он пренебрегал предосторожностями, которые принимал раньше, чтобы поддерживать инкогнито, это потому, что он больше о них не думал. Зачем они ему теперь? После ареста, после бегства называться Илия Брушем было так же опасно, как и Сергеем Ладко. Под тем или под другим именем он отныне сможет только тайно пробраться в Рушук под угрозой быть схваченным на месте. Поглощенный одной мыслью, он за все эти восемь дней не обращал никакого внимания на берега реки. Если он заметил, что они миновали Белград — белый город, поднимающийся по холму, над которым господствовал княжеский дворец Конак, и оставили позади его пригород, где перегружается огромное количество товаров, то лишь потому, что

Белград указывал сербскую границу, где кончалась власть господина Изара Рона. А потом он уже не замечал ничего. Он не видел ни Семендрии, древней столицы Сербии, славящейся виноградниками, которыми она окружена; ни Коломбалы, где показывают пещеру, в которой, по преданиям, святой Георгий похоронил труп дракона, убитого его собственными руками; ни Орсовы, после которой Дунай течет между двумя старинными турецкими провинциями, позднее сделавшимися независимыми королевствами; ни Железных ворот, этого знаменитого прохода, окаймленного вертикальными стенами в четыреста метров высоты, где Дунай бешено мчится и с яростью разбивается о скалы, которыми усеяно его ложе; ни Видина, первого довольно значительного болгарского города; ни Никополя, ни Систова, ни других известных болгарских городов, которые он должен был миновать перед Рушуком.

Он предпочитал держаться сербского берега, где чувствовал себя в большей безопасности, и, в самом деле, до Железных ворот полиция его не беспокоила.

Только у Орсовы в первый раз катер речной полиции приказал барже остановиться. Обеспокоенный Сергей Ладко повиновался, ожидая, что ему неминуемо придется отвечать на вопросы. Его совсем не допрашивали. По одному слову Карла Драгоша командир патруля почтительно поклонился, и об обыске не было и речи.

Лощман даже не успел удивиться, как это горожанин из Вены распоряжается по своей воле полицейскими силами. Слишком счастливый, что так хорошо отделался, он нашел вполне естественным могущество, пошедшее ему на пользу, и не выразил никакого изумления, а просто возрастающее нетерпение во время долгого разговора его пассажира с агентом.

В соответствии с приказами как господина Изара Рона, взбешенного бегством арестанта, так и самого Карла Драгоша, речная полиция удвоила бдительность. На определенных дистанциях суда должны были проходить заграждения, и среди них Орсова играла главную роль. Узость реки в этом месте облегчала над-

зор, так что никакому судну не удавалось проскользнуть здесь без тщательного осмотра.

Карл Драгош, допрашивая подчиненного, с досадой узнал, что обыски не дали никаких результатов; более того, новое преступление, очень серьезное ограбление, произошло пять дней назад на румынской территории, при впадении Жиу, против болгарской деревни Рахова.

Итак, дунайская банда снова проскользнула через петли сети. Эта банда забирала не только золото и серебро, но и ценности всякого рода, их добыча была очень громоздкой, и казалось просто невероятным, что ее не могли обнаружить при условиях, когда ни одно судно не могло избавиться от обыска.

И, однако, это было так.

Карл Драгош поражался такой ловкости. Но приходилось считаться с очевидностью; преступление показывало, что бандиты спускаются по реке.

Единственный вывод из этих событий — следовало спешить. Место и день последнего грабежа показывали, что его виновники опередили баржу рыболова километров на триста. Подсчитав время, проведенное Илиа Брушем в тюрьме, то есть время, выигранное дунайской шайкой, можно было убедиться, что скорость шаланды вполтину меньше скорости баржи. Значит, возможно настичь бандитов.

Они немедленно отправились в путь, и утром 6 октября была пересечена болгарская граница. До того Сергей Ладко старался держаться правого берега. Теперь он, по возможности, прижимался к румынской стороне; впрочем, начиная от Лом-Паланки вдоль реки тянулась цепь болот шириной от восьми до десяти километров, мешавшая приближаться к берегу.

Как ни углублялся в свои мысли Сергей Ладко, но с тех пор, как он вошел в болгарские воды, река должна была внушить ему опасения. Ее беспрестанно бороздили паровые шлюпки, миноноски и даже канонерки под турецким флагом. Предвидя, что раньше или позже разразится война с Россией, Турция начала наблюдать за Дунаем и наполнила его своими флотилиями.

И там и здесь был риск, однако лоцман старался

держаться подальше от турецких судов, если это даже грозило столкновением с румынскими властями; но Ладко надеялся, что господин Иегер сможет его защитить, как это случилось в Орсове.

Однако не случилось таких происшествий, которые снова доказали бы могущество пассажира; последняя часть путешествия прошла спокойно, и 10 октября, около четырех часов пополудни, баржа приблизилась, наконец, к Рушуку, который неясно показался на другом берегу. Лоцман выплыл на середину реки и, впервые за много дней бросив работать веслом, спустил якорь.

— Что случилось? — спросил изумленный Карл Драгош.

— Я прибыл, — лаконически ответил Сергей Ладко.

— Прибыл? Но мы ведь не у Черного моря?

— Я вас обманывал, господин Иегер, — без обиняков заявил Сергей Ладко. — У меня никогда не было намерения плыть до Черного моря.

— Ба! — сказал сыщик с возрастающим вниманием.

— Это так. Я отправился с мыслью кончить путь в Рушуке. Мы прибыли.

— А где же Рушук?

— Там, — ответил лоцман, показывая на дома отдаленного города.

— Почему же в таком случае мы не отправляемся туда?

— Потому что я должен дожидаться ночи. Меня ищут, преследуют. Днем я рискую, что меня арестуют при первом шаге.

Это становилось интересным. Неужели все-таки оправдываются первоначальные подозрения Драгоша?

— Как в Землине, — пробормотал вполголоса сыщик.

— Как в Землине, — спокойно согласился Сергей Ладко, — но по другим причинам. Я честный человек, господин Иегер.

— Я в этом не сомневаюсь, господин Бруш, хотя причины бояться ареста редко вызывают сочувствие порядочных людей.

— Мои как раз таковы, господин Иегер, — холодно

уверил Сергей Ладко.— Извините, что я не могу их открыть. Я поклялся хранить тайну и сохраняю ее.

Карл Драгош выразил жестом полнейшее равнодушие. Лоцман продолжал:

— Я понимаю, господин Иегер, что вы не захотите вмешиваться в мои дела. Если желаете, я высажу вас на румынской территории, и вы избежите опасностей, которым я могу подвергнуться.

— Сколько времени вы рассчитываете оставаться в Рушуке? — спросил вместо ответа Карл Драгош.

— Не знаю,— ответил Сергей Ладко.— Если все пойдет, как я желал бы, я вернусь на лодку до утра, и в этом случае буду не один. Если получится по-другому, неизвестно, что я стану делать.

— Я последую за вами до конца, господин Бруш,— не колеблясь объявил Карл Драгош.

— Воля ваша,— молвил Сергей Ладко и больше не сказал ни слова.

Когда наступила ночь, он взялся за весло и приблизился к болгарскому берегу. Была полная темнота, когда он причалил немного ниже последних домов города.

Всем существом стремясь к заветной цели, Сергей Ладко действовал, как под гипнозом. Его четкие и точные движения вели к тому, что нужно было делать, чего он не мог не делать. Слепой ко всему окружающему, он не видел, как его компаньон исчез в каюте, когда якорь был поднят на борт. Внешний мир потерял для него всякую реальность. Для него существовала единственная мечта. И этой мечтой был весь освещенный солнцем, несмотря на тьму ночи, его дом, и в этом доме Натча!.. Кроме Натчи, для него ничего не было под небом.

Как только нос суденышка коснулся берега, он спрыгнул на землю закрепил баржу и удалился быстрыми шагами.

Карл Драгош тотчас вышел из каюты. Он не потерял времени. Кто мог бы узнать энергичного и подтянутого полицейского в этом увальне с тяжелой поступью, превосходно изображавшем венгерского крестьянина.

Сыщик в свою очередь сошел на берег и, следуя за лоцманом, снова отправился на охоту.

Через пять минут Сергей Ладко и Карл Драгош очутились около домов. В Рушук в ту пору, несмотря на его торговое значение, не существовало уличного освещения, и при всем желании трудно было составить понятие о городе, беспорядочно разбросанном по берегу Дуная. Близ пристани теснились ветхие сараи, служившие складами или кабачками. По правде говоря, Ладко и Драгош на все это не обращали внимания. Первый шел быстрым шагом, смотря прямо перед собой, как будто его привлекала цель, сверкающая во тьме. А второй старался не отставать от лоцмана, и потому не сразу заметил двух людей, вышедших из улочки, мимо которой он проходил.

Когда эти двое оказались на дороге, ведущей к реке, они разделились. Один пошел направо, вниз по реке.

— До свиданья,— сказал он по-болгарски.

— До свиданья,— отвечал другой и, повернув налево, двинулся в сторону Карла Драгоша.

При звуке этого голоса сыщик задрожал. Секунду он колебался, невольно замедлив шаг, потом, перестав следовать за лоцманом, круто остановился и повернулся.

Вся совокупность природных и благоприобретенных способностей необходима сыщику, питающему честолюбивую мечту не застыть на нижних ступеньках служебной лестницы. Но наиболее драгоценны из многих качеств, которыми он должен владеть, превосходная зрительная и слуховая память.

Карл Драгош владел этими преимуществами в высокой степени. Его слуховые и зрительные нервы представляли собой настоящие регистрирующие аппараты, и своих зрительных и слуховых ощущений сыщик никогда не забывал. Через месяцы и годы он узнавал с первого взгляда едва рассмотренное лицо и голос, который когда-то прозвучал в его ушах.

Это был как раз один из тех голосов, которые Драгош слышал, и не так давно, чтобы ошибиться. Этот голос донесся до его слуха на поляне, у подножия горы Пилиш, и он будет той путеводной нитью, которую

сыщик так долго искал. Какими бы ни казались изобретательными умозаключения, относившиеся к компаньону по путешествию, это все-таки были только гипотезы. Напротив, голос принес ему, наконец, уверенность. Колебаться между вероятностью и уверенностью было невозможно, и вот почему сыщик оставил Ладко и устремился за новой добычей.

— Добрый вечер, Титча,— сказал по-немецки Карл Драгош, когда человек приблизился к нему.

Тот остановился, стараясь рассмотреть его в темноте.

— Кто это? — спросил он.

— Я,— отвечал Драгош.

— Да кто вы?

— Макс Рейнольд.

— Я знаю такого.

— Но я вас знаю, раз назвал по имени.

— Это верно,— согласился Титча.— Видно, у вас хорошие глаза, приятель?

— Они в самом деле превосходны!

Разговор на мгновение прервался.

— Чего вы от меня хотите? — спросил Титча.

— Говорить с вами,— объявил Драгош.— С вами или с другим. Я только для этого в Рушуке.

— Значит, вы нездешний?

— Нет, я приехал сегодня.

— Хорошенькое время выбрали,— насмешливо заметил Титча, очевидно, намекая на анархию, царившую в Болгарии.

Драгош, сделав равнодушный жест, добавил:

— Я из Грона.

Титча молчал.

— Вы не знаете Грона? — настаивал Драгош.

— Нет.

— Это удивительно, ведь вы были так близко от него.

— Близко? — повторил Титча.— Откуда вы взяли, что я был близко от Грона?

— Черт возьми! — смеясь воскликнул Карл Драгош.— Да ведь она недалеко оттуда, вилла Хагенау.

Титча задрожал. Он попробовал отделаться смелым отрицанием.

— Вилла Хагенау? — пробормотал он, стараясь попасть в насмешливый тон.— Станный разговор, приятель! Я не знаю такой.

— Правда? — иронически сказал Драгош.— А поляну у Пилиша знаете?

Титча, быстро приблизившись, схватил за руку собеседника.

— Да тише же,— сказал он, уже не пытаясь скрыть волнения.— Вы с ума сошли, что так кричите!

— Здесь нет никого,— возразил Драгош.

— Кто знает? И, наконец, чего же вы хотите?

— Говорить с Ладко,— ответил Драгош, не снижая голоса.

Титча крепче сжал его руку.

— Тише,— сказал он, бросая вокруг испуганные взгляды.— Вы дали клятву, чтобы нас повесили?

Карл Драгош расхохотался.

— Ну,— сказал он,— нам трудно будет договориться, если мы станем изображать немых!

— Тогда,— глухо проворчал Титча,— не нужно нападать на людей среди ночи без предупреждения. Есть вещи, о которых лучше не говорить на улице.

— А я и не собираюсь этого делать,— возразил Драгош.— Идем в другое место.

— Куда?

— Все равно. Есть тут где-нибудь кабачок?

— В нескольких шагах отсюда.

— Идем туда.

— Ладно,— согласился Титча.— Следуйте за мной.

Через полсотни метров два компаньона вышли на небольшую площадь. Перед ними в темноте слабо светило окно.

— Здесь,— сказал Титча.

Они вошли в пустынную залу скромной кофейни, всю обстановку которой составляла дюжина столиков.

— Тут будет превосходно,— промолвил Драгош.

Хозяин поспешил к неожиданным посетителям.

— Чего мы выпьем? Я угощаю,— объявил сыщик, хлопая себя по жилету.

- Стакан ракии¹? — предложил Титча.
- Идет ракия! А можжевеловой? Это вам нравится?
- Хороша и можжевеловая,— согласился Титча.

Карл Драгош обернулся к хозяину, ожидавшему приказаний.

- Вы слышали, дружище? Ну, живо!

Пока хозяин суетился, Карл Драгош с одного взгляда оценил противника, с которым предстояла борьба. Он быстро разгадал его. Широкие плечи, бычачья шея, низкий лоб, на который свисали густые седеющие волосы, одним словом, превосходный экземпляр ярмарочного борца низшего сорта, настоящее животное.

Когда были принесены бутылки и два стакана, Титча начал разговор с первоначального пункта.

- Вы сказали, что знаете меня?
- А вы в этом сомневаетесь?
- И что вам известно дело в Гроне?
- Конечно, мы там работали вместе.
- Невозможно!
- Но верно.

— Я ничего не понимаю,— бормотал Титча, напрасно стараясь вспомнить.— Нас было все-таки только восемь...

— Простите,— перебил Драгош,— нас было девять, потому что я был там.

— Вы приложили там руку? — настаивал мало убежденный Титча.

- Да, и в вилле, и на поляне. Это я вел повозку.
- С Фогелем?
- С Фогелем.

Титча одно мгновение раздумывал.

— Этого не может быть,— запротестовал он.— С Фогелем был Кайзерлик.

— Нет, я,— не смущаясь, возразил Драгош.— Кайзерлик оставался с вами.

- Вы в этом уверены?
- Вполне! — заявил Драгош.

Титча, казалось, заколебался. Бандит не блистал

¹ Ракия — род болгарской водки.

сообразительностью. Не замечая, что он сам открыл существование Фогеля и Кайзерлика так называемому Максу Рейнольдту, он считал доказательством, что тот знает их имена.

— Стаканчик можжевеловки? — предложил Драгош.

— От этого не отказываются,— молвил Титча.

Потом, опорожнив стакан одним духом, он пробормотал, наполовину убежденный:

— Это любопытно. Мы в первый раз замешали чужака в наши дела.

— Надо же когда-то начинать,— возразил Карл Драгош.— Я не буду чужаком, когда меня примут в шайку.

— В какую шайку?

— Бесполезно хитрить, приятель. Ведь это уже решено.

— Что решено?

— Что я буду вашим.

— С кем решено?

— С Ладко.

— Да тише вы,— грубо перебил Титча.— Я уже вас предупреждал, что надо хранить это имя для себя.

— На улице! — возразил Драгош.— А здесь?

— Здесь, как и везде, как во всем городе, понятно?

— Почему? — спросил Драгош наудачу.

Но Титча еще сохранил остатки недоверия.

— Если вас спросят,— молвил он осторожно,— говорите, что вы его не знаете, приятель. Вам многое известно, но не все, как я вижу, и не вам водить за нос такую старую лисицу, как я.

Титча ошибался: не ему было тягаться с таким игроком, как Драгош, и старая лисица нашла своего хозяина. Трезвость не была главным качеством бандита, и сыщик, как только это открыл, изобретательно решил использовать слабое место противника. Его настойчивым предложениям бандит сопротивлялся, но слабо. Стаканы можжевеловой следовали за стаканами ракки и наоборот. Влияние алкоголя уже начало сказываться. Глаза Титчи начали блуждать, язык отяжелел, благоразумие исчезло. Как известно, путь пьянства

скользок, и обычно чем больше утоляют жажду, тем она сильнее возрастает.

— Итак, мы говорили,— начал Титча немного вялым голосом,— что это условлено с атаманом?

— Условлено,— объявил Драгош.

— Он хорошо сделал... атаман,— заявил Титча, который в опьянении начал разговаривать с собеседником на ты.— У тебя вид настоящего парня, товарищ.

— Ты смело можешь это утверждать,— в тон ему ответил Драгош.

— Тогда, вот!.. Ты его не увидишь... атамана...

— Почему?

Прежде чем ответить, Титча заметил бутылку рации и осушил ее двумя глотками. Потом хрипло сказал:

— Атаман... отправился.

— Его нет в Рушуке? — настойчиво спросил сильно разочарованный Драгош.

— Нет больше.

— Значит, он здесь был?

— Четыре дня назад.

— А теперь?

— Отправился к морю на шаланде.

— Когда он должен вернуться?

— Недели через две.

— Две недели отсрочки! Эх, вот мое счастье! — вскричал Драгош.

— Ты, верно, очень раззадорился войти в компанию? — с грубым смехом спросил Титча.

— Черт! — ответил Драгош.— Я — крестьянин, а дельце в Гроне принесло мне за одну ночь больше, чем за целый год копания в земле.

— Это тебя и разлакомило! — решил Титча с раскатистым хохотом.

Драгош сделал вид, будто заметил, что стакан его собеседника был пуст, и поспешил его наполнить.

— Ты совсем не пьешь, товарищ! — вскричал он.— За твоё здоровье!

— За твоё! — повторил Титча, опоражнивая стакан одним махом.

Сведения, полученные полицейским, были обильны. Он узнал, сколько сообщников в дунайской шайке: во-

семь, по словам Титчи; имена трех из них и даже четырех, считая атамана; назначение шаланды: море, где, без сомнения, судно заберет добычу; базу для операций: Рушук. Когда Ладко вернется сюда через две недели, все будет готово, чтобы арестовать его немедленно, если не удастся схватить бандитов в устье Дуная.

Но все-таки еще немало оставалось неразрешенных вопросов. Карл Драгош подумал, что, может быть, ему удастся осветить, по крайней мере, один из них, пользуясь опьянением собеседника.

— Почему же,— спросил он равнодушным тоном после некоторого молчания,— ты не хотел сейчас, чтобы я произнес имя Ладко?

Совершенно пьяный, Титча бросил мутный взгляд на компаньона, потом, в приливе внезапной нежности, протянул ему руку:

— Я все тебе скажу, ведь ты друг! — пробормотал он.

— Да!

— Брат!

— Да!

— Молодец, боевой парень!

— Да!

Титча взглянул на бутылки.

— По стаканчику можжевеловки? — предложил он.

— Нет больше,— ответил Драгош.

Видя состояние противника и опасаясь, что тот упадет мертвецки пьяным, сыщик старался выливать на пол добрую часть содержимого бутылок. Но это не устраивало Титчу, который, узнав, что можжевеловой уже нет, скорчил кислую гримасу.

— Тогда ракии! — умолял он.

— Вот,— согласился Карл Драгош и придвинул бутылку, в которой оставалось несколько капель жидкости.— Но осторожно, товарищ! Мы не должны опьянеть.

— Я! — запротестовал Титча, завладев бутылкой.— Я знаю, что могу и чего не могу!

— Мы говорили, что Ладко...— напомнил Драгош, осторожно направляя извилистый путь собеседника к цели.

— Ладко? — повторил Титча, забыв, о чем шла речь.

— Да... Почему нельзя его называть?

Титча пьяно рассмеялся.

— Это тебя интересует, сынок! Это значит, что здесь Ладко произносится Стрига, вот и все.

— Стрига? — повторил Драгош, ничего не понимая.— Почему Стрига?

— Потому что так зовется это дитяtko... Ну, вот ты, тебя зовут... В самом деле, как тебя зовут?

— Рейнольд.

— Ага... Рейнольд... Ну, хорошо! Тебя зовут Рейнольд... Его зовут Стрига... Это ясно.

— Однако в Гроне...— настаивал Драгош.

— Хо! — перебил Титча.— В Гроне это был Ладко... Но в Рушуке это Стрига!

Он подмигнул с хитрым видом.

— Да уж так, ты понимаешь, не пойман — не вор!

Что преступник принимает вымышленное имя, которым прикрывает свои злодеяния, это не может удивить полицейского, но почему именно фамилию Ладко, фамилия, написанная на портрете, найденном в барже?

— Однако существует и настоящий Ладко! — нетерпеливо вскричал Драгош, выразив, таким образом, свое предположение.

— Черт возьми! — сказал Титча.— Это-то и есть самое смешное.

— Но кто же тогда этот Ладко?

— Каналья! — энергично заявил Титча.

— Что он тебе сделал?

— Мне?... Ничего... Стриге...

— А что он сделал Стриге?

— Отнял у него женщину... Прекрасную Натчу.

Натча! Имя, написанное на портрете! Драгош, уверенный, что он на хорошем следу, жадно слушал Титчу, который продолжал, не дожидаясь, чтобы его просили:

— Потом они совсем не друзья, понимаешь! Вот почему Стрига взял его имя. Он хитрец, Стрига!

— Я все-таки не понимаю,— упорствовал Драгош,— почему нельзя называть имя Ладко.

— Потому что это опасно,— объяснил Титча.— В Гроне... и в других местах, ты знаешь, что оно означает... А здесь, Ладко — имя лоцмана, который восстал против правительств... он устраивает заговоры, бездельник... А улицы в Рушукке полны турок!

— Что с ним случилось? — спросил Драгош.

Титча жестом показал незнание.

— Он исчез. Стрига думает, что умер.

— Умер!

— И, вероятно, это правда, потому что женщина у Стриги.

— Какая женщина?

— Ну! Прекрасная Натча... Сначала имя, потом жена... Она недовольна, голубка... Но Стрига держит ее на борту шаланды...

Все стало ясно Драгошу. Он проводил долгие дни не в обществе заурядного преступника, но с изгнанником-патриотом. Какова же в этот момент скорбь несчастного, который, явившись к себе после стольких усилий, нашел опустевший дом?.. Нужно спешить к нему на помощь... А дунайскую банду Драгош, отныне хорошо осведомленный, без труда найдет и уничтожит.

— Жарко,— вздохнул он, притворяясь опьяневшим.

— Очень жарко,— согласился Титча.

— Все ракия...— пробормотал Драгош.

Титча ударил кулаком по столу.

— У тебя слабая голова, малыш! — насмешливо сказал он.— Я... Ты видишь... Готов начать снова...

— Не могу состязаться с тобой...

— Воробышек...— издевался Титча.— Ладно, идем, раз уж тебе так хочется.

Расплатившись с хозяином, компаньоны очутились на площади. Перемена оказалась неблагоприятной для Титчи. На свежем воздухе его опьянение заметно увеличилось. Драгош боялся, что слишком напоил его.

— Скажи,— молвил он, указывая вниз,— этот Ладко...

— Какой Ладко?

— Лоцман. Там он живет?

— Нет.

Карл Драгош повернулся в сторону города.

- Там?
- Вовсе нет.
- Ну, тогда там? — Драгош указал вверх.
- Да,— пробормотал Титча.

Сыщик увлек своего компаньона. Тот шатался и позволял вести себя, бормоча несвязные слова; после пяти минут ходьбы он внезапно остановился, усиливаясь вернуть уверенность.

— Что же толковал Стрига,— запинаясь, сказал он,— что Ладко умер?

— Ну?

— Он не умер, потому что у него кто-то есть.

И Титча указал на лучи света, пробивавшиеся не-вдалеке сквозь ставни окна и падавшие на дорогу. Драгош поспешил к окну. Через щели ставней он и Титча заглянули в дом.

Они увидели не очень большую комнату, довольно хорошо обставленную. Беспорядок и слой пыли, покрывавший мебель, показывали, что эта комната, давно покинутая, послужила местом жестокой борьбы. В центре стоял большой стол, на который облокотился глубоко задумавшийся человек. Пальцы, судорожно вцепившиеся во всклокоченные волосы, красноречиво показывали горестное смятение чувств. Из глаз его текли крупные слезы.

Карл Драгош узнал товарища по путешествию. Но не один он узнал его.

— Это он,— бормотал Титча, делая энергичные усилия побороть опьянение.

— Он?

— Ладко!

Титча провел рукой по лицу и, казалось, немного пришел в себя.

— Он не умер, каналья...— сказал он сквозь зубы.— Но это еще лучше... Турки заплатят за его шкуру дороже, чем она стоит... Стрига будет доволен... Не двигайся отсюда, товарищ,— сказал он, обращаясь к Карлу Драгошу.— Если он пойдет, хватай его!.. Зови на помощь, если понадобится... А я бегу за полицией...

Не дожидаясь ответа, Титча убежал. Он почти не шатался... Волнение вернуло ему равновесие.

Оставшись один, сыщик вошел в дом.

Сергей Ладко не пошевелинулся. Карл Драгош положил ему руку на плечо.

Несчастный поднял голову. Но мысли его были далеко, и блуждающий взгляд показал, что он не узнал своего пассажира. Тот произнес одно лишь слово:

— Натча!..

Сергей Ладко вскочил. Его глаза заблестели, встретившись с глазами Карла Драгоша.

— Идите за мной,— сказал сыщик,— и поспешим!

ВПЛАВЬ

Баржа летела по воде. Опыаненный гневом, возбужденный, Сергей Ладко более яростно, чем когда-либо, налегал на весло. Поборов законы природы силой страсти, он каждую ночь давал себе лишь немногие минуты покоя. Он падал, погружался в свинцовый сон, от которого пробуждался внезапно, часа через два, точно от удара колокола, и принимался за свой ужасающий труд.

Свидетель этой остервенелой погони, Карл Драгош удивлялся, что человеческий организм одарен такой выносливостью. Впрочем, человек, давший возможность наблюдать это поразительное зрелище, черпал энергию из самого страшного отчаяния.

Стремясь ничем не отвлекать несчастного лоцмана, сыщик не нарушал молчания. Все, что следовало сказать, было сказано при отправлении из Рушука. Как только лодка понеслась по течению, Карл Драгош дал все необходимые объяснения. Прежде всего он открыл свое истинное положение. Потом в немногих словах объяснил, что он предпринял это путешествие с целью преследования дунайской банды, атаманом которой народная молва считала некоего Ладко из Рушука.

Лоцман выслушал этот рассказ рассеянно, проявляя лихорадочное нетерпение. Что ему до этого? У него одна мысль, одна цель, одна надежда: Натча!

Его внимание пробудилось лишь с того момента, когда Карл Драгош начал говорить о молодой женщи-

не, рассказывать, как он узнал от Титчи, что Натча спускается по реке пленницей на борту шаланды, где капитаном атаман шайки, подлинное имя которого не Ладко, а Стрига.

При этом имени Сергей Ладко взревел от ярости.

— Стрига! — закричал он, и стиснутая рука его еще сильнее сжала весло.

Он больше не расспрашивал. С тех пор он спешил без отдыха, с наморщенными бровями, с безумными глазами, и вся душа его стремилась вперед, к цели. Он питал в сердце полную уверенность, что достигнет этой цели. Почему? Он не мог бы этого сказать. Он был уверен, и все тут. Шаланду, где Натча-пленница, он узнает с первого взгляда, даже среди тысячи других. Как? Он этого не мог сказать. Но он ее найдет. Об этом не могло быть и спора. Теперь он понял, почему ему казалось, что он знает тюремщика, приносившего еду во время первого заточения, и почему доносившиеся до него голоса будили смутный отзвук в его сердце. Тюремщик был Титча. Голоса были голосами Стриги и Натчи. И больше того, крик, долетевший до него в ночи, оказался криком Натчи, бесполезно призывавшей на помощь. Почему он тогда не остановился?.. Скольких сожалений, скольких упреков совести избежал бы он!..

После бегства он едва разглядел в темноте сумрачную массу плавучей тюрьмы, в которой он оставлял, сам того не зная, милую его сердцу. Ничего! Все придет в свое время! Немыслимо миновать шаланду Стриги; властно заговорит таинственный голос из глубины его существа.

В действительности, расчеты Сергея Ладко были менее самонадеянными, чем можно подумать. Возможность ошибки сильно упала с уменьшением количества шаланд на Дунае. После Орсовы их число не переставало убывать, сделалось совсем незначительным ниже Рушука, и последние остались позади в Силистрѣ. Ниже этого города, который баржа миновала через двадцать четыре часа, на реке осталось только два парусника, рекой овладели почти исключительно паровые суда.

На широте Рушука Дунай огромен. На левом берегу

он разливается нескончаемыми болотами, и ширина русла достигает восьми километров. Ниже он становится еще обширнее, и между Силистрой и Браилой он доходит в иных местах до двадцати километров ширины. Такое пространство воды — настоящее море, на нем хватает и бурь, и огромных пенистых волн; понятно, что плоскодонные шаланды, не приспособленные к морскому плаванию, избегают там появляться.

К счастью Сергея Ладко, погода стояла хорошая. В таком маленьком суденышке, с такими не «морскими» формами, он был бы принужден искать убежища в береговых заливах, если бы подул сильный ветер.

Карл Драгош, от чистого сердца принявший участие в заботах товарища, но преследовавший и другую цель, очень смушался пустынностью этого обширного угрюмого пространства. Не дал ли Титча ложные указания? Исчезновение с Дуная шаланд заставляло Драгоша опасаться, как бы Стрига не последовал их примеру. В конце концов он поделился своим беспокойством с Ладко.

— Может ли шаланда спуститься к морю? — спросил он.

— Да, — отвечал лоцман. — Это случается, хотя и редко.

— Вы и сами их водили?

— Иногда.

— Как они разгружаются?

— Заходят в укрытые бухты гирл¹ или передают груз на пароходы.

— Гирла, говорите вы. Ведь их несколько, в самом деле?

— Главных два, — ответил Сергей Ладко. — Одно, северное, у Килии; другое, южное, у Сулины. Это более значительное.

— Мы из-за этого не ошибемся? — спросил Карл Драгош.

— Нет, — уверил лоцман. — Кто скрывается, тот не

¹ Гирла — на западе Черного моря называют отдельные рукава в дельтах рек.

направится через Сулину. Мы поплывем северным рукавом.

Карл Драгош не совсем удовлетворился этими ответами. Пока они следуют одним путем, банда прекрасно может ускользнуть по другому. Но тут приходилось рассчитывать только на счастье, потому что невозможно установить наблюдение за всеми гирлами реки.

Как будто угадывая его мысли, Сергей Ладко закончил объяснения очень убедительно:

— За килийским гирлом существует бухта, где шаланда может укрыться для перегрузки. Напротив, в сулинском рукаве надо разгружаться в порту Сулина, расположенном на морском берегу. Что же касается георгиевского гирла, оно едва проходимо, хотя и шире всех. Мы не ошибемся.

Утром 14 октября, на четвертый день после отъезда из Рушука, баржа, наконец, вошла в дунайскую дельту. Оставив направо сулинское гирло, лодка смело двинулась по килийскому. В полдень миновали последний значительный пункт — Измаил. Завтра утром они увидят Черное море.

До этого нагонят ли они шаланду Стриги? Едва ли. После того как они оставили главное русло, река стала совершенно пустынной. Насколько хватал глаз, нигде ни паруса, ни дымка. Карла Драгоша пожирало беспокойство.

Однако Сергей Ладко не выказывал опасений, если они и были. Согнувшись над веслом, он неумоимо гнал баржу вперед, следуя по руслу, которое только долгая практика позволяла находить среди низких болотистых берегов.

Его терпеливое упорство должно было получить награду. В тот же день около пяти часов пополудни показалась, наконец, шаланда, стоявшая на якоре в десятке километров ниже Килии. Сергей Ладко, остановив лодку, схватил подзорную трубу и внимательно рассматривал шаланду.

— Это он! — сказал Ладко глухим голосом, опуская трубу.

— Вы в этом уверены?

— Уверен. Я узнал Якуба Огула, искусного лоцма-

на из Рушука, преданного сообщника Стриги, и, конечно, он ведет его судно.

— Что же делать? — спросил Карл Драгош.

Сергей Ладко не ответил. Он думал.

Сыщик продолжал:

— Нужно вернуться в Килию, а если понадобится, то и в Измаил. Там мы получим подкрепление.

Лощман отрицательно покачал головой.

— Возвращаться против течения в Измаил или даже только в Килию отнимет слишком много времени. Шаланда опередит нас, а в море мы ее не найдем. Нет, останемся здесь до ночи. У меня есть замысел. Если мне не удастся, станем следить за шаландой издалека и, когда узнаем место ее стоянки, будем искать помощи в Сулине.

В восемь часов, когда совсем стемнело, Сергей Ладко подвел баржу на расстояние в двести метров от шаланды. Там он тихо опустил якорь. Не говоря ни слова Карлу Драгошу, смотревшему на него с удивлением, он разделся и спустился в реку.

Рассекая воду сильной рукой, он направился прямо к шаланде, смутно видимой во мраке. Приблизившись к ней настолько, чтобы не быть замеченным, он обогнул судно и, борясь с течением, подплыл к рулю и ухватился за него. Он слушал. Почти заглушаемая плеском воды о борта судна, до него донеслась мелодия. Кто-то напевал вполголоса над его головой. Цепляясь руками и ногами за скользкий борт, Сергей Ладко поднялся мощным усилием до верхней части руля и узнал Якуба Огула.

На борту все было спокойно. Никакого шума не доносилось из рубки, где, без сомнения, находился Иван Стрига. Пять человек экипажа спокойно беседовали, растянувшись на палубе в передней части шаланды. Их голоса доносились еле слышно. Якуб Огул находился на корме один. Возвышаясь над рубкой, он сидел на рулевом бруске и, убаюканный ночным спокойствием, напевал любимую песенку.

Песня внезапно оборвалась. Две железные руки обвили вокруг горла певца, и он, сброшенный с места, упал и остался недвижимым. Был ли он мертв? Его

бесчувственное тело с болтающимися руками и ногами свешивалось, как тряпка, с той и другой стороны узкого рулевого бруса. Сергей Ладко ослабил обхват, взял человека за пояс, потом, слегка сжимая коленями руль, соскользнул вниз и тихо погрузился в воду.

На шаланде никто не заподозрил нападения. Иван Стрига не вышел из рубки. Впереди пять собеседников невозмутимо продолжали разговор.

Тем временем Сергей Ладко плыл к барже. Возвращаться было труднее, чем плыть туда. Приходилось бороться с течением и поддерживать тело Якуба Огула. Если тот и не умер, то был близок к этому. Свежесть воды не оживила его; он не шевелился. Сергей Ладко начал бояться, что поступил с ним слишком круто.

Достаточно было пяти минут, чтобы доплыть от баржи до шаланды; но больше получаса потребовалось для обратного перехода. Еще хорошо, что лоцман не заблудился в темноте.

— Помогите мне,— сказал он Карлу Драгошу, схватившись за борт лодки.— Я притащил одного.

С помощью сыщика Ладко перевалил Якуба Огула через борт и уложил в барже.

— Он мертв? — спросил лоцман.

Карл Драгош наклонился над пленником.

— Нет, дышит.

Сергей Ладко вздохнул с удовлетворением и, взяв весло, начал грести против течения.

— Тогда свяжите его, да покрепче, если не хотите, чтобы он ушел, не прощаясь, когда я ссажу вас на берег.

— Значит, мы должны разделиться? — спросил Карл Драгош.

— Да,— ответил Сергей Ладко.— Когда вы будете на суше, я вернусь к шаланде и завтра постараюсь взойти на ее борт.

— Днем?

— Днем. У меня свой план. Будьте покойны, я не подвергнусь опасности, по крайней мере на первое время. Позже, когда мы будем у моря, положение может измениться, согласен. Но я буду рассчитывать на вас в этот момент, который постараюсь всячески оттянуть.

— На меня? Но что я могу сделать?
— Привести помощь.
— Я все сделаю для этого,— горячо заверил Карл Драгош.

— Не сомневаюсь в этом, но у вас будут затруднения. Постарайтесь как можно лучше преодолеть их, вот ваша задача. Не забывайте, что шаланда снимется с якоря завтра в полдень и, если ничто ее не задержит, будет в море в четыре часа. Так и рассчитывайте время.

— Почему вы не хотите остаться со мной? — спросил Карл Драгош, сильно беспокоясь за товарища.

— Потому что вы можете задержаться, и это позволит Стриге выиграть время и исчезнуть. Нельзя упустить его в море. И он его не достигнет, если вы даже явитесь слишком поздно, чтобы помочь мне вооруженной силой. Только в этом случае я, вероятно, погибну.

Лоцман говорил тоном, не допускающим возражений. Понимая, что невозможно заставить его изменить решение, Карл Драгош не настаивал. Баржа подошла к берегу, и Якуб Огул, все еще бесчувственный, был положен на землю.

Сергей Ладко тотчас же оттолкнул баржу, и она исчезла во мраке.

ДУНАЙСКИЙ ЛОЦМАН

Когда Сергей Ладко исчез в темноте, Карл Драгош несколько мгновений раздумывал, что ему делать. Один, в начале ночи, в безлюдном месте бессарабской границы, с бесчувственным телом пленника, от которого долг службы запрещал ему отлучаться... Его положение было весьма затруднительным. Но помощь не придет, если он не станет ее искать, и следовало принять решение. Время не ждало. Одного часа, быть может, одной минуты достаточно будет, чтобы решить судьбу Сергея Ладко. Оставив Якуба Огула, все еще находившегося без сознания, но крепко связанного, так что тот не мог убежать, даже очнувшись, Драгош быстро направился вверх по берегу Дуная.

Через полчаса ходьбы по пустынной местности он уже начал бояться, что ему придется идти до Килии, когда, наконец, заметил дом на берегу реки.

Нелегкое было дело заставить открыть ворота этого дома, казавшегося довольно зажиточной фермой. В такой час и в таком месте недоверие было простительно, и обитатели жилища не решались впустить незнакомого гостя. Трудность увеличилась невозможностью объясниться, так как крестьяне говорили на местном наречии, которого Карл Драгош, хотя и знаток языков, не понимал. Изобретательно пользуясь смесью румынских, русских и немецких слов, Карл Драгош сумел завоевать доверие, и так энергично защищаемая дверь, наконец, открылась.

Оказавшись в доме, сыщик подвергся форменному допросу, из которого вышел с честью, потому что не прошло и двух часов с момента высадки, как к Якубу Огулу подъехала телега.

Пленник все еще не пришел в себя. Он не показал признаков жизни, когда с береговой травы его переложили в телегу, тотчас направившуюся к Килии. До фермы пришлось ехать шагом, а дальше оказалась дорога, хотя и плохая, но все же позволившая ускорить аллюр.

Было за полночь, когда после этих приключений Карл Драгош въехал в Килию. Все спало в городе, и нелегко оказалось найти начальника полиции. Но это ему удалось, он приказал разбудить этого высокопоставленного чиновника, и тот, не слишком рассердившись, охотно предоставил себя в распоряжение Драгоша.

Сыщик воспользовался случаем, чтобы поместить в надежное место Якуба Огула, который начал открывать глаза. Потом, свободный в своих действиях, он мог, наконец, заняться арестом остальной шайки и спасением Сергея Ладко, о чем он беспокоился, быть может, еще больше.

С первого же шага он столкнулся с огромными трудностями. В Килии не нашлось ни одного парового судна, и, с другой стороны, начальник полиции решительно отказался послать своих людей на реку. Это

гирло Дуная находилось тогда в нераздельном владении Румынии и Турции, и возникло опасение, что появление румынской полиции вызовет со стороны Высокой Порты протест, очень нежелательный в момент, когда назревала угроза войны. Если бы румынский чиновник мог перелистать книгу судеб, он прочел бы там, что эта война, предписанная с начала веков, обязательно вспыхнет через несколько месяцев, и был бы, вероятно, менее боязлив. Но, в неведении будущего, он дрожал при мысли замешаться в дипломатический конфликт и последовал мудрому правилу: «Не мое дело», которое, как известно, является девизом чиновников всего света.

Самое большое, на что он решился, это дать Карлу Драгошу совет отправиться в Сулину и указал ему человека, который мог проводить его в трудном путешествии за пятьдесят километров по дунайской дельте.

Разбудить этого человека, уговорить его запрячь телегу, переплыть на правый берег — все это отняло много времени. Было около трех часов утра, когда сыщика мелкой рысцей повезла лошадь, качества которой, к счастью, были лучше ее внешности.

Начальник кикийской полиции справедливо предупреждал о трудностях переезда через дельту. По болотистой дороге, иногда покрытой слоем воды в несколько сантиметров, телега продвигалась с трудом, и без опытности извозчика они несколько раз могли заблудиться на этой равнине, где не было дорожных знаков. Ехали не быстро, и приходилось время от времени давать отдых измученной лошади. Пробило полдень, когда Карл Драгош прибыл в Сулину. Срок, назначенный Сергеем Ладко, истекал через несколько часов! Не теряя времени на то, чтобы подкрепиться, Драгош побежал разыскивать местные власти.

Сулина, позднее перешедшая к Румынии по Берлинскому трактату, была в эпоху этих событий турецким городом. Отношения между Высокой Портой и ее западными соседями были в ту пору крайне напряженными, поэтому Карл Драгош, венгерский подданный, не мог надеяться, что его встретят с распростертыми объятиями, хотя он и защищал всеобщий интерес. Поэ-

тому он не удивился, что местные власти оказали ему достаточно вялую поддержку.

Сулинская полиция, заявили они, не владеет судном, которое можно предоставить в распоряжение Драгоша; он должен рассчитывать на таможенный катер, который обязан помочь, потому что банду грабителей можно без большой натяжки приравнять к шайке контрабандистов. К несчастью, этот катер — паровое судно с достаточно быстрым ходом — как раз отсутствовал. Он крейсировал в море, но, вероятно, недалеко от берега. Карлу Драгошу надо только нанять рыбацью лодку, и когда они выйдут в море, без сомнения, найдут там катер.

Сыщик, в отчаянии от своего бессилия, решил последовать этому совету. В половине второго после полудня лодка подняла парус и вышла за мол в поисках катера. Оставалось не более ста пятидесяти минут, чтобы явиться на помощь Сергею Ладко!

А тот, пока Карл Драгош распутывал цепь неудач, настойчиво проводил свой план.

Все утро он был настороже, скрываясь с лодкой в береговых камышах, чтобы удостовериться, что шаланда не готовится к отплытию. Овладеть Якубом Огулом, — быть может, несколько грубо, но тут не приходилось выбирать средства, — было первой целью, которую Ладко себе поставил. Как он и предвидел, Стрига не осмелился пуститься без лоцмана в весьма опасное плавание; обилие песчаных отмелей делало путь непроходимым для тех, кто не сделал его изучение своей профессией. Можно было опасаться, что пираты, не сумев объяснить исчезновение своего лоцмана, воспользуются первым случаем его заменить. Но гирло Килии не изобилует лоцманами, и до одиннадцати часов утра воды реки были совершенно пустынные, если не считать неподвижной шаланды и скрывающейся баржи. Только в одиннадцать часов со стороны моря показались два судна. Сергей Ладко в подзорную трубу узнал в одном из них лоцманскую лодку. Теперь Иван Стрига сможет получить помощь, которую, вероятно, ждет с нетерпением. Момент действовать настал.

Баржа вышла из камышей и приблизилась к шаланде.

— Эй, на шаланде! — закричал Сергей Ладко, подплыв на расстояние голоса.

— Эй! — был ответ.

На крыше рубки появился человек. Это был Иван Стрига.

Какая ярость бушевала в сердце Сергея Ладко, когда он увидел своего заклятого врага, этого негодяя, который столько месяцев держал Натчу в своей власти!

Но Ладко давно приготовился к этой встрече. Он сдержал гнев жестоким усилием и спросил спокойно:

— Не нужен ли вам лоцман?

Вместо того чтобы ответить, Стрига, защитив глаза рукой, долго всматривался. По правде говоря, одного взгляда было достаточно, чтобы установить личность вновь прибывшего. Но что перед ним муж Натчи, это ему показалось таким необычным и, можно сказать, таким неожиданным, что он не верил своим глазам.

— Не вы ли Сергей Ладко из Рущука? — спросил он в свою очередь.

— Да, это я! — ответил лоцман.

— Вы меня не узнаете?

— Для этого надо быть слепым, — возразил Сергей Ладко. — Я вас прекрасно узнал, Иван Стрига.

— И предлагаете мне свои услуги?..

— Почему же нет? Я — лоцман, — холодно ответил Сергей Ладко.

Стрига одно мгновение колебался. Тот, которого он ненавидел больше всего на свете, добровольно отдавался в его власть. Это было превосходно. Но не скрывалась ли тут ловушка? Однако какую опасность мог представлять один человек для многочисленного решительного экипажа? Пусть он ведет шаланду к морю, раз имел глупость это предложить! А на море, ну уж извините!..

— Причаливайте! — решил пират, губы которого искривила жестокая усмешка, ясно замеченная Сергеем Ладко.

Этот не заставил повторять приглашения. Его бар-

жа подошла к шаланде, на борт которой он поднялся. Перед ним появился Стрига.

— Позвольте мне выразить удивление,— сказал он,— что я вас встречаю в устье Дуная!

Лоцман молчал.

— Вас считали мертвым,— продолжал Стрига,— после того как вы исчезли из Рушука.

Этот намек имел не более успеха, чем предыдущий.

— Но что же с вами случилось? — бесцеремонно спросил Стрига.

— Я не покидал морского берега,— ответил, наконец, Сергей Ладко.

— Так далеко от Рушука! — воскликнул Стрига.

Сергей Ладко нахмурил брови. Этот допрос начал его раздражать. Но, верный принятой на себя роли, он подавил нетерпение и просто объяснил:

— Смутные времена неблагоприятны для дел.

Стрига насмешливо посмотрел на него.

— А вас еще называли патриотом! — иронически вскричал он.

— Я больше не занимаюсь политикой,— сухо сказал Сергей Ладко.

В этот момент взгляд Стриги упал на баржу, которую течение отнесло за корму шаланды. Он сильно вздрогнул. Ошибки быть не могло. Это та самая баржа, которой он пользовался целую неделю и которую видел причаленной у набережной Землина. Значит, Сергей Ладко лжет, уверяя, что не покидал дельту Дуная?

— С тех пор как вы исчезли из Рушука, вы не удалялись из этих краев? — переспросил Стрига, глядя в глаза собеседнику.

— Нет,— ответил Сергей Ладко.

— Вы меня удивляете,— молвил Стрига.

— Почему? Разве вы встречали меня где-нибудь в другом месте?

— Вас? Нет. Но эту лодку... Я готов поклясться, что видел ее сверху, на реке.

— Это вполне возможно,— равнодушно ответил Сергей Ладко.— Я купил ее три дня назад у человека, который говорил, что приплыл из Вены.

— А какой он был? — живо спросил Стрига, подозрения которого перенеслись на Карла Драгоша.

— Брюнет, в темных очках.

— Ага! — задумчиво сказал Стрига.

Ответы лоцмана, видимо, его поколебали. Он не знал теперь, что думать. Но скоро он отделался от всяких предубеждений. Какое ему до всего этого дело? Правду или нет говорит Сергей Ладко, он все равно в его руках. Дурак, полез в пасть волку! Живым он с шаланды не уйдет. Вот уже целые месяцы Стрига лгал Натче, уверяя, что она вдова. Как только они выйдут в море, ложь станет правдой!

— Отправляемся! — заключил он свои мысли.

— В полдень, — спокойно ответил Сергей Ладко и, достав провизию из мешка, который держал в руке, приготовился завтракать.

Пират сделал нетерпеливый жест. Сергей Ладко притворился, что ничего не видит.

— Я должен вас предупредить, — сказал Стрига, — что рассчитываю быть в море до ночи.

— Будете, — заверил лоцман, не показывая ни малейшего желания изменить свое поведение.

Стрига удалился на нос шаланды. Судя по задумчивому выражению лица бандита, его беспокойство не прошло. Что муж предложил провести как раз ту шаланду, где его жену держали пленницей, это совпадение было, в конце концов, не слишком необычайным. И раз уж Сергей Ладко оказался один на борту против шести решительных людей, Стрига поступил бы благо-разумно, если бы не стал расспрашивать дальше. Но он напрасно успокаивал себя таким непогрешимым рассуждением. Ему захотелось узнать, известно ли об исчезновении Натчи главному заинтересованному лицу. Его возбужденное любопытство не давало ему покоя, и он не выдержал.

— Получали ли вы известия из Рущука с тех пор, как его покинули? — спросил он, возвращаясь к лоцману, спокойно продолжавшему завтрак.

— Нет, — ответил тот.

— Это молчание вас не удивляло?

— Почему оно должно было меня удивлять? —

спросил Сергей Ладко, пристально смотря на собеседника.

Как ни был смел бандит, но он смутился от этого твердого взгляда.

— Я думал,— пробормотал он,— что вы там оставили жену.

— А я думаю,— холодно ответил Сергей Ладко,— мы можем вести разговор на всякую тему, кроме этой! Стрига воздержался от замечания.

Через несколько минут после полудня лоцман отдал приказ вытащить якорь, потом подняли парус, и он стал к рулю. В этот момент к нему приблизился Стрига.

— Я должен вас предупредить,— сказал он,— что шаланде нужна глубина.

— Она под балластом,— возразил Сергей Ладко.— Двух футов воды достаточно.

— Ей нужно семь,— заявил Стрига.

— Семь! — вскричал лоцман, для которого одно это слово явилось откровением.

Вот почему дунайская банда до сих пор ускользала от всяких преследований! Ее судно было остроумным обманом. То, что виднелось из воды, было только фальшивой внешностью. Настоящая шаланда была под водой, и в этом тайнике складывалось награбленное. Тайник, как Сергей Ладко знал по опыту, мог превращаться в тюрьму, не имеющую выхода.

— Семь,— повторил Стрига в ответ на восклицание лоцмана.

— Хорошо,— ответил тот без малейших замечаний.

В первые моменты после отплытия Стрига не переставал бдительно наблюдать. Но действия Сергея Ладко его успокоили. Старательно выполняя свои обязанности, лоцман, видимо, не питал враждебных намерений и доказывал, что репутация вполне им заслужена. Под его управлением шаланда послушно маневрировала между невидимыми отмелями и следовала с математической точностью по извилинам фарватера.

Мало-помалу последние опасения пирата исчезли. Плавание шло без происшествий. Скоро они будут в море.

Было четыре часа, когда на последнем изгибе реки море и небо слились на горизонте.

Стрига обратился к лоцману.

— Мы, кажется, пришли? Не пора ли передать управление всегдашнему рулевому?

— Нет еще,— ответил Сергей Ладко.— Самое трудное впереди.

По мере того как приближались к устью, перед глазами открывался все более обширный вид. Находясь на подвижной вершине треугольника, стороны которого открывались мало-помалу, Стрига упорно смотрел на море. Внезапно он схватил подзорную трубу, направил ее на маленький пароход в четыреста-пятьсот тонн, который огибал мыс Северный, и после недолгого наблюдения приказал поднять флаг на верхушке мачты. Таким же сигналом ответили с борта парохода, который, повернув направо, начал приближаться к лиману.

В этот момент Сергей Ладко положил руль сильно налево, шаланда бросилась направо и, пересекая наискось поток, взяла направление на юго-восток, как будто для того, чтобы причалить к правому берегу.

Удивленный Стрига посмотрел на лоцмана, неподвижность которого его успокоила. Без сомнения, песчаная мель заставляла здесь суда следовать по такому извилистому пути.

Стрига не ошибся. Да, песчаная мель в самом деле была на дне реки, но не в стороне моря, и прямо на эту мель Сергей Ладко правил твердой рукой.

Внезапно раздался ужасный треск. Шаланда вся затряслась. От удара упала мачта, начисто сломавшись у основания, и парус скатился, накрывая складками людей, находившихся впереди. Шаланда, безнадежно севшая на мель, стала неподвижно.

На борту все свалились с ног, в том числе и Стрига, который поднялся, опьянев от ярости.

Он бросил взгляд на Сергея Ладко. Лоцмана, казалось, не взволновало происшествие. Он стоял, бросив руль, с руками в карманах куртки, и наблюдал врага, выжидая, что будет дальше.

— Каналья! — взревел Стрига и, размахивая револьвером, бросился к корме.

На расстоянии трех шагов он выстрелил.

Сергей Ладко нагнулся. Пуля пролетела над ним, не задев. Тотчас выпрямившись, он прыгнул на противника и вонзил ему нож в сердце. Стрига рухнул безжизненной массой.

Драма развернулась так быстро, что пять человек экипажа, запутавшиеся, впрочем, в складках паруса, не имели времени вмешаться. Но как они зарычали, увидев, что их атаман упал!

Сергей Ладко бросился по верхней палубе вперед, чтобы их встретить. Там он господствовал над нижней палубой, где люди толпились в смятении.

— Назад! — вскричал он с двумя револьверами в руках, из которых один был вырван у Стриги.

Люди остановились. Они не имели оружия, и, чтобы им завладеть, нужно было проникнуть в рубку под огнем неприятеля.

— Одно слово, ребята, — сказал Сергей Ладко, не оставляя угрожающей позы. — У меня одиннадцать рядов. Это больше, чем нужно, чтобы перебить вас до последнего. Я вас предупреждаю, что буду стрелять, если вы не отступите немедленно на нос судна.

Экипаж совещался в нерешительности. Сергей Ладко понял, что, если они ринутся все зараз, он, без сомнения, уложит некоторых, но остальные убьют его.

— Внимание! Я считаю до трех! — объявил он, не давая им времени опомниться. — Раз!

Люди не двинулись.

— Два! — возгласил лоцман.

В группе произошло движение. Трое готовились к атаке, двое собрались отступать.

— Три! — сказал Ладко и спустил курок.

Один упал с плечом, пробитым пулей, остальные пустились в бегство.

Сергей Ладко, не покидая наблюдательного поста, бросил взгляд на пароход, который повиновался сигналу Стриги. До него оставалось менее мили. Когда он станет борт о борт с шаландой, когда его экипаж присоединится к пиратам, с которыми он более или менее связан, положение сделается самым серьезным.

Пароход все приближался. Он был не более чем в трех кабельтовых, когда, быстро повернув направо, описал большую дугу и удалился в открытое море. Что означал этот маневр? Обеспокоило ли его что-то такое, чего не мог еще заметить Сергей Ладко?

Он ждал с бьющимся сердцем. Прошло несколько минут, и другое судно показалось из-за мыса Южного. Его труба выпускала тучи дыма. Держа направление на шаланду, оно мчалось на всех парах. Сергей Ладко рассмотрел на носу катера, фигуру друга, своего пассажира, господина Иегера, он же сыщик Карл Драгош.

Сергей Ладко был спасен.

Мгновение спустя палубу шаланды наводнила полиция; экипаж сдался, понимая бесполезность сопротивления.

В это время Сергей Ладко устремился в рубку. Он осматривал каюты, одну за другой. Одна из дверей была закрыта. Он высадил ее ударом плеча и остановился на пороге, обезумев от радости.

Натча, вновь завоеванная, протягивала к нему руки.

ЭПИЛОГ

Процесс дунайской банды прошел незамеченным в громе русско-турецкой войны. Негодяи, включая и Титчу, легко пойманного в Рушуке, были повешены, не возбудив всеобщего внимания, что случилось бы в менее трагические времена.

Судебный процесс дал главным заинтересованным лицам объяснение того, что еще оставалось для них непонятным. Сергей Ладко узнал, как по недоразумению он был заточен в шаланду вместо Карла Драгоша, и как Стрига, узнав из газет о посылке следственной комиссии в Сальку, явился в дом рыболова Илии Бруша, чтобы ответить на вопросы полицейского комиссара из Грона.

Он узнал также, как Натча, захваченная дунайской бандой, боролась против притязаний Стриги, а этот последний, думая, что убил врага, не переставал ее уве-

рять, что она вдова. Однажды вечером Стрига в подкрепление своих слов показал молодой женщине ее собственный портрет, утверждая, что отбил его в кровавой схватке у законного владельца. Произошла жестокая сцена, во время которой Стрига дошел до угроз. Тогда-то вырвался у Натчи крик, слышанный беглецом в ночной тиши.

Но это старая история. Сергей Ладко не вспоминал больше о тяжелых днях с тех пор, как имел счастье найти свою дорогую Натчу.

Счастливая пара не могла возвратиться в Болгарию после рассказанных событий и устроилась сначала в румынском городе Журжево. Там и жила она, когда в мае следующего года царь объявил войну султану. Сергей Ладко одним из первых вступил в русскую армию и оказал ей важные услуги благодаря превосходному знанию театра военных действий.

Война кончилась. Болгария стала, наконец, свободной. Сергей Ладко с Натчей вернулись в Рушук, в родной дом, и он снова стал лоцманом. Они живут там еще и теперь, счастливые и уважаемые.

Карл Драгош остался их другом. Долгое время он спускался по Дунаю, по крайней мере раз в год, чтобы побывать в Рушуке. Теперь железные дороги, сеть которых все время развивается, позволяют ему сократить время поездок. Но Сергей Ладко наносил визиты в Будапешт только по извилинам реки, во время своих лоцманских поездок.

Натча подарила ему трех сыновей, которые теперь уже взрослые. Младший после строгого ученичества под началом Карла Драгоша стоит на хорошем пути к самым высоким ступеням судебной администрации Болгарии.

Средний, достойный наследник лауреата «Дунайской лиги», посвятил себя рыбной ловле. Закидывая удочку, он совершенствует методы борьбы с рыбой. Его ловля осетров доставила ему всеобщую известность и состояние, которое обещает стать значительным.

Старший же заменил отца, когда для того пробил час ухода с реки. Он водит теперь шаланды и пароходы

от Вены до моря, через извилистые проходы и коварные отмели великой реки. Он продолжает род дунайских лоцманов.

Но, какова бы ни была разница их общественного положения, сердца трех сыновей Сергея Ладко бьются заодно. Разбросанные жизнью по различным дорогам, они сходятся на их перекрестке. Этот перекресток — одинаковое почитание отца, нежность к матери, любовь к болгарской родине.

ФЛАГ РОДИНЫ

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хелтфул-Хаус

На визитной карточке, которую получил в тот день — 15 июня 189... года — директор лечебницы Хелтфул-Хаус, не было ни герба, ни короны и стояла одна только фамилия

«Граф д'АРТИГАС»

Под фамилией, в нижнем углу карточки, был написан карандашом следующий адрес:

*«На борту шкуны «Эбба»,
якорная стоянка Нью-Берна, залив Памлико».*

Столица Северной Каролины, одного из сорока четырех штатов Америки, довольно крупный город Роли, расположена в глубине страны, на расстоянии около ста пятидесяти миль от побережья. Этот город стал административным центром именно благодаря своему местоположению, так как в промышленном и торговом отношении другие города ему не уступали или даже превосходили его; таковы, например, Уилмингтон, Шарлотт, Фейетвилл, Идентон, Вашингтон, Солсбери, Тарборо, Галифакс, Нью-Берн. Этот последний город расположен в низовьях реки Ньюс, впадающей в залив Памлико, обширную морскую лагуну, защищенную как бы естественным молом — грядой островов и островков у каролинского побережья.

Директор Хелтфул-Хауса никогда не угадал бы, зачем ему вручили визитную карточку, если бы не приложенная записка, в которой граф д'Артигас просил разрешения посетить его лечебницу. Знатный гость, выра-

жая надежду, что директор любезно согласится принять его, собирался прибыть после полудня в сопровождении капитана Спаде, командира шкуны «Эбба».

Желание проникнуть за ограду столь знаменитого в те годы лечебного заведения, весьма модного среди богатых американцев, казалось совершенно естественным со стороны иностранца. Там побывало немало посетителей с менее громким именем, чем граф д'Артигас, и никто не скупился на похвалы директору Хелтфул-Хауса. Поэтому директор поспешил дать просимое разрешение, ответив, что почтет за честь принять графа д'Артигаса в стенах своей лечебницы.

Хелтфул-Хаус обслуживался первоклассным персоналом и привлекал для консультаций самых знаменитых врачей. Это было частное лечебное заведение, независимое от других госпиталей и больниц, подчиненное лишь общему государственному надзору. Там был комфорт, образцовый порядок и в сочетании со здоровым климатом создавались все условия, которые требуются в санаториях подобного рода, предназначенных для богатой клиентуры.

В самом деле, трудно было найти более приятное местоположение для санатория, чем в Хелтфул-Хаусе. На склоне холма расстился парк площадью в двести акров с роскошной растительностью, которой изобилует Северная Америка на широтах, соответствующих Канарским островам и Мадейре. Нижняя часть парка спускалась к широкому устью реки Ньюс, где постоянно веяли свежие ветерки с залива Памлико и морские бризы, перелетавшие через узкую береговую косу.

Хелтфул-Хаус, предоставлявший богатым пациентам идеальный уход и прекрасные гигиенические условия, предназначался главным образом для лечения хронических болезней; однако администрация не отказывалась принимать и больных с умственным расстройством, если только заболевание их не было неизлечимым.

Как раз теперь, вот уже полтора года, там содержался под особым наблюдением весьма знаменитый пациент; это обстоятельство привлекало к Хелтфул-Ха-

усу всеобщее внимание и, возможно, объясняло также и визит графа д'Артигаса.

Человек, о котором идет речь, был француз лет сорока пяти, по имени Тома Рок. В том, что он душевнобольной, не могло быть никаких сомнений. Однако врачи-психиатры пока еще не констатировали у него полной потери умственных способностей. В обыденной жизни он вел себя как человек ненормальный,— это было совершенно очевидно. Но Тома Рок вновь становился разумным, проницательным, логичным, когда обращались к его научной мысли, к его гению,— а, как известно, гениальность часто граничит с безумием. Несомненно, его психика и нервная система были сильно расстроены. Любое раздражение приводило его к неистовым и буйным припадкам. Больной страдал потерей памяти, болезненной рассеянностью, неспособностью сосредоточить внимание на окружающем. Тома Рок превращался мало-помалу в жалкое существо, лишенное разума, не умеющее обходиться без посторонней помощи, утратившее природный инстинкт, которым обладают даже животные,— инстинкт самосохранения, и с него нельзя было спускать глаз, как с малого ребенка. Поэтому служителю флигеля № 17 в нижней части парка Хелтфул-Хаус, где помещался больной, поручено было присматривать за ним днем и ночью.

Обычно сумасшествие, если оно не безнадежно, лечат посредством морального воздействия. Медицина здесь бессильна, ее беспомощность давно уже признана специалистами. Можно ли было с успехом применить моральное воздействие к болезни Тома Рока? В этом позволительно усомниться, даже если больной находится в спокойных и благотворных условиях Хелтфул-Хауса. В самом деле, вечное беспокойство, резкая смена настроений, раздражительность, нелепые причуды, уныние, апатия, отвращение и к серьезным занятиям и к развлечениям — все эти симптомы болезни были налицо. Ни один врач не мог бы здесь ошибиться, и, казалось, никакие лекарства не способны были исцелить больного или улучшить его состояние.

Правильно сказано, что безумие — это чрезмерная субъективность, то есть такое душевное состояние, ког-

да человек всецело поглощен внутренней работой и не интересуется внешними впечатлениями.

У Тома Рока это безразличие ко всему доходило до крайности. Углубленный в самого себя, он жил весь во власти навязчивой идеи, которая и довела его до помешательства. Способно ли какое-нибудь событие, какой-нибудь внешний толчок снова вернуть его к жизни? Это казалось маловероятным, хотя и не невозможным.

Теперь следует объяснить, при каких обстоятельствах француз Рок покинул Францию, зачем приехал в Соединенные Штаты и почему американское правительство сочло необходимым и благоразумным заключить его в эту лечебницу, где за ним должны были наблюдать и тщательно записывать все, что могло вырваться у него во время припадков безумия.

Полтора года тому назад морскому министру в Вашингтоне вручили просьбу об аудиенции от лица Тома Рока, который желал сделать ему важное сообщение.

Едва услышав это имя, министр сразу понял, в чем дело. Хотя он и знал, какого рода будет сообщение и какие требования за ним последуют, он ни минуты не раздумывал и немедленно согласился дать аудиенцию.

В самом деле, Рок был настолько известен, что в интересах вверенного ему дела министр обязан был, не колеблясь, принять посетителя и ознакомиться с предложениями, которые тот хотел сделать ему лично.

Тома Рок был изобретателем, гениальным изобретателем. Несколько важных открытий уже доставили ему громкую известность. Благодаря ему проблемы, считавшиеся до того времени чисто теоретическими, получили практическое применение. Его имя прославилось в науке. В ученом мире он занимал одно из первых мест. Мы увидим дальше, как неудачи, разочарования, даже оскорбления со стороны газетных писак довели его до помешательства и чем была вызвана необходимость поместить его в лечебницу Хелтфул-Хаус.

Последнее его изобретение, военный снаряд, носило название «фульгуратор Рок». Это мощное оружие, по его словам, настолько превосходило все созданное прежде, что государство, обладающее им, стало бы неограниченным властелином всех континентов и морей.

Мы, к сожалению, хорошо знаем, с какими неодолимыми препятствиями сталкиваются изобретатели, когда хотят продвинуть свое изобретение, в особенности если они пытаются предложить его министерским комиссиям. Множество широко известных примеров еще свежо в нашей памяти. Бесполезно распространяться на эту тему, ибо в делах такого рода много закулисных тайн, много темного и труднообъяснимого. Что же касается Тома Рока, следует признать, что, подобно большинству своих предшественников, он предъявлял столь чрезмерные требования, назначал за свое новое оружие столь неслыханную цену, что с ним просто невозможно было вести переговоры.

Его упорство объяснялось тем, — и мы должны это отметить, — что при распространении прежних изобретений, давших плодотворные результаты, его уже не раз бессовестно обманывали. Ему никогда не удавалось получить вознаграждение, на которое он по справедливости мог рассчитывать, и характер его мало-помалу ожесточился. Тома Рок сделался подозрительным, никому не доверял, ставил невыполнимые условия, настаивал, чтобы ему поверили на слово, и заранее, до всяких испытаний, запрашивал такую огромную сумму, что его требования казались всем неприемлемыми.

В первую очередь француз предложил «фульгуратор Рок» Франции. Комиссии, которой было поручено ознакомиться с его предложением, он объяснил в общих чертах, в чем оно состояло. Дело шло об особом самодвижущемся снаряде, снабженном новым взрывчатым веществом, который приводился в действие с помощью воспламенителя также совершенно новой системы.

Когда этот снаряд, пущенный из некоего неведомого орудия, разорвется хотя бы на расстоянии нескольких сот метров от намеченной цели, то получится такое сильное сотрясение воздушных слоев, что любое сооружение в зоне десяти тысяч квадратных метров — крепостной форт или военный корабль — будет совершенно уничтожено. Изобретение Рока было основано на том же принципе, что и ядро пневматической пушки Залинского, уже испытанной в ту пору, но результаты, полученные Роком, превосходили ее по крайней мере во сто раз.

Если орудие Тома Рока действительно обладало такой мощью, оно могло бы обеспечить его родине полное военное превосходство как в наступлении, так и в обороне. Однако не преувеличивал ли он эту мощь, хотя и прекрасно зарекомендовал себя прежними изобретениями? Этот вопрос могли разрешить только пробные испытания. Но Рок наотрез отказывался проводить испытания, пока не получит миллионов, которые требовал за свой фульгуратор.

Очевидно, еще в ту пору умственные способности Тома Рока пришли в расстройство. Он уже не обладал ясным сознанием и здравым рассудком. Чувствовалось, что он ступил на путь, который постепенно приведет его к настоящему безумию. Согласиться на предложенные им условия было немыслимо, на это не пошло бы ни одно правительство.

Французская министерская комиссия прервала переговоры, и все газеты, даже самые оппозиционные, должны были признать, что это решение правильно. Правительство окончательно отвергло предложения Рока, не опасаясь, что какое-либо другое государство согласится их принять.

Нечего удивляться, что в глубоко потрясенной душе изобретателя, при его все возрастающей болезненной замкнутости, чувство патриотизма мало-помалу ослабело и, наконец, совсем заглохло. К чести человеческой природы следует еще раз повторить, что в то время Рок был уже душевнобольным. Он сохранил ясность мысли во всем, что непосредственно касалось его изобретения. Тут он нисколько не утратил своего гениального дарования. Зато в самых обыденных жизненных мелочах его психическое расстройство усиливалось с каждым днем, и он становился почти невменяемым.

Итак, Тома Рок получил отказ. Может быть, следовало принять меры, чтобы он не предложил своего изобретения другим... Об этом вовремя не подумали, и напрасно.

Случилось то, что должно было случиться. Под влиянием болезненной раздражительности патриотическое чувство, присущее каждому гражданину, который ставит интересы своей родины выше своих собствен-

ных, угасло бесследно в душе оскорбленного изобретателя. Он вспомнил о других государствах, пересек границу, забыл незабвенное прошлое и предложил свой фульгуратор Германии.

Германское правительство, ознакомившись с неслыханными требованиями Тома Рока, тоже отказалось принять его предложение. В довершение всего военное министерство только что провело испытания нового баллистического снаряда и решило пренебречь изобретением французского ученого.

Тогда гнев изобретателя обратился в ненависть, лютую ненависть против всего человеческого рода,— в особенности после новой неудачной попытки договориться с советом адмиралтейства Великобритании. Англичане, как люди практические, не сразу оттолкнули Рока, они пытались прощупать его и сторговаться с ним. Но Рок и слышать ничего не хотел. Его секрет стоит миллионы, он должен получить эти миллионы, или же секрет останется при нем. В конце концов адмиралтейство прервало с ним всякие переговоры.

Вот при каких обстоятельствах, в то время как его умственное расстройство усиливалось с каждым днем, Рок сделал последнюю попытку и обратился к правительству Соединенных Штатов,— это произошло года за полтора до начала нашего повествования.

Американцы, еще более практичные, чем англичане, не стали торговаться, ибо, полагаясь на славную репутацию французского химика, верили в исключительную мощь «фульгуратора Рок». Справедливо считая Рока гениальным ученым и объясняя его странности болезненным состоянием, они приняли особые меры, рассчитывая расплатиться с ним позднее по умеренной цене.

Так как Тома Рок обнаруживал явные признаки помешательства, власти сочли благоразумным, в интересах самого изобретателя, запереть ученого в больницу.

Как известно, Рока поместили не в сумасшедший дом, а в лечебницу Хелтфул-Хаус, где имелись все необходимые условия для излечения его болезни. И тем не менее, несмотря на самый заботливый и внимательный уход, цель до сих пор не была достигнута.

Повторим еще раз,— здесь важно подчеркнуть эту особенность,— Тома Рок, несмотря на свою невменяемость, приходил в сознание всякий раз, как речь заходила о его изобретениях. Он оживлялся, говорил твердо и авторитетно, как человек, уверенный в себе, и невольно внушал уважение. В порыве красноречия ученый описывал изумительные качества своего фульгуратора, его поистине необычайную разрушительную силу. Что же касается взрывчатого вещества и воспламенителя, входящих в их состав элементов, секрета их изготовления,— об этом он хранил молчание, и ничто не могло заставить его проговориться. Раз или два, во время буйного припадка, тайна, казалось, готова была сорваться у него с языка, и врачи уже приняли меры предосторожности... Но напрасно. Хотя Рок и утратил инстинкт самосохранения, он все так же бдительно охранял свое открытие.

Флигель № 17 в парке Хелтфул-Хауса находился в саду, окруженном живой изгородью, где Тома Рок мог прогуливаться под наблюдением своего смотрителя. Последний жил в том же флигеле, спал в одной комнате с пациентом и охранял его днем и ночью, не отлучаясь ни на час. Во время галлюцинаций, которыми обычно страдал больной, при переходе от бдения ко сну, смотритель подстерегал его бессвязные слова, прислушиваясь даже к бреду спящего. Этого человека звали Гэйдон. Узнав вскоре после заточения Тома Рока, что в Хелтфул-Хаусе требуется служитель, хорошо знающий французский язык, он предложил свои услуги и был приставлен к новому пациенту в качестве смотрителя.

В действительности же Гэйдон был французским инженером по имени Симон Харт, уже несколько лет состоявшим на службе в одной из химических фирм в Нью-Джерси. Это был человек лет сорока, с широким лбом, с суровым и решительным лицом; во всем его облике чувствовалась энергия и вместе с тем сдержанность. Весьма сведущий в различных вопросах, касающихся современного вооружения, а также изобретений и усовершенствований, способных увеличить его мощь, Симон Харт был знаком со всеми открытиями в обла-

сти взрывчатых веществ, количество которых достигало в ту пору более тысячи ста, и потому не мог не оценить по достоинству такого человека, как Тома Рок. Веря в силу и значение фульгуратора, он не сомневался в том, что изобретатель владел секретом снаряда, способного совершенно изменить условия как оборонительной, так и наступательной войны на суше и на море. Он знал, что безумие пощадило научные идеи больного, что в частично расстроенном мозгу еще брезжило сознание, еще горело пламя, пламя гения. Тогда Симон Харт подумал: если во время припадка ученый выдаст свой секрет, то изобретением француза может воспользоваться не Франция, а чужая страна. И он тут же принял решение наняться служителем к Тома Року, выдав себя за американца, в совершенстве владеющего французским языком. Под предлогом неотложной поездки в Европу он уволился со службы и переименовал имя. Коротче говоря, благодаря удачному стечению обстоятельств его предложение было принято,— и вот уже пятнадцать месяцев Симон Харт состоял зрителем при пациенте Хелтфул-Хауса.

Его решение свидетельствовало о редкой самоотверженности, о высоком патриотизме, ибо работа больничного сторожа весьма тягостна для такого интеллигентного и образованного человека, как Симон Харт. Не надо забывать, что инженер никоим образом не собирался присвоить открытие Тома Рока в случае, если бы удалось его вывести, и вовсе не претендовал на причитающееся ученому денежное вознаграждение.

Итак, Симон Харт, или, вернее, Гейдон, уже пятнадцать месяцев жил бок о бок с сумасшедшим, наблюдая за ним, подслушивая и даже пытаясь задавать вопросы, но так ничего и не добился. Впрочем, теперь он более чем когда-либо был убежден в важности открытия Рока, а потому больше всего боялся, как бы психическое расстройство его подопечного не перешло в полное безумие и как бы после буйного припадка помешательства тот не унес с собой в могилу секрет фульгуратора.

Таково было положение Симона Харта, такова была

задача, которой в интересах своей родины он посвятил себя целиком.

Между тем даже после стольких огорчений и разочарований, благодаря могучей натуре Тома Рока, его физическое здоровье не было подорвано. Нервный горячий темперамент помог ему устоять против всевозможных сокрушительных ударов. Средний рост, большая голова, широкий выпуклый лоб, волосы с проседью, взгляд то блуждающий, то живой, внимательный и властный, когда он увлекался любимыми идеями, густые усы, нос с трепещущими ноздрями, крепко сжатые губы, словно боявшиеся, что с них сорвется запретная тайна, сосредоточенное выражение, как у человека, который долго боролся и полон решимости продолжать борьбу,— таков был изобретатель Тома Рок, заточенный в одном из флигелей Хелтфул-Хауса, не сознающий, быть может, что он стал узником, и находившийся под надзором инженера Симона Харта, принявшего имя смотрителя Гэйдона.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Граф д'Артигас

Кем же был в сущности граф д'Артигас? Испанцем?.. Его фамилия как будто указывала на это. Однако на корме его шкуны золотыми буквами было написано слово «Эбба», чисто норвежского происхождения. А если бы графа спросили, как имя капитана «Эббы» и его помощников, он ответил бы, что капитана зовут Спаде, боцмана — Эфрондат, а кока — Хелим,— удивительно несхожие имена, указывающие на различную национальность членов экипажа.

Можно ли было вывести какое-либо заключение, судя по внешнему виду графа д'Артигаса?.. Вряд ли. Хотя смуглая кожа, черные, как смоль, волосы, изящество осанки и указывали как будто на испанское происхождение, но в общем его облике не хватало многих характерных национальных черт, присущих уроженцам Пиренейского полуострова.

Это был человек выше среднего роста, могучего

сложения, не старше сорока пяти лет от роду. Сдержанный и высокомерный, он напоминал знатного индусского раджу с примесью малайской крови. Если он и не был хладнокровным от природы, то во всяком случае старался таким казаться; жесты его были повелительны и речь немногословна. Со своим экипажем он объяснялся обычно на своеобразном смешанном наречии, распространенном на островах Индийского океана и прилегающих морей. Когда же во время морских путешествий ему случалось посещать берега Старого и Нового Света, он совершенно свободно говорил по-английски, и лишь легкий акцент выдавал его иностранное происхождение.

Каково было прошлое графа д'Артигаса, полное загадочных приключений, каково было настоящее, откуда взялось его состояние, по-видимому огромное, позволявшее ему вести роскошную жизнь богатого джентльмена, где находилась его постоянная резиденция или по крайней мере обычная стоянка шхуны,— этого никто не мог сказать, да никто и не решился бы спросить у графа, настолько он держался замкнуто и гордо. Он не походил на человека, способного выдать себя во время интервью даже ловким американским репортерам.

О графе д'Артигасе знали только то, что говорили о нем газеты, сообщая о прибытии «Эббы» в какой-нибудь порт, чаще всего на восточном побережье Соединенных Штатов. Действительно, шкуна заходила туда почти регулярно, в определенные сроки, чтобы запастись всем необходимым для дальнего плавания. Экипаж «Эббы» не только возобновлял там запасы продовольствия — муки, сухарей, консервов, свежего и сушеного мяса, телятины и баранины, вина, пива, спиртных напитков, но закупал также одежду, разные инструменты, необходимое снаряжение, предметы роскоши, платя за все щедро, по высоким ценам, долларами, гинейями или любой другой монетой.

Из этого следует, что хотя о частной жизни графа д'Артигаса никто ничего не знал, сам он был хорошо известен во многих портах американского побережья, от Флориды до Нью-Ингланда.

Поэтому нечего удивляться, что директор Хелтфул-

Хауса был весьма польщен визитом графа д'Артигаса и принял его чрезвычайно любезно.

В порт Нью-Берна шкуна «Эбба» зашла впервые. И, вероятно, только каприз ее владельца привел «Эббу» к устью реки Ньюс. Что могло ему понадобиться в этих местах? Запастись провиантом?.. Нет, ибо берега залива Памлико не могли снабдить шкуну такими обильными запасами, как портовые города Бостон, Нью-Йорк, Довер, Саванна, Уилмингтон — в Северной Каролине и Чарлстон — в Южной Каролине. В лиманах реки Ньюс и на жалком рынке Нью-Берна не нашлось бы товаров, на которые граф д'Артигас мог обменивать свои пиастры и банковые билеты. Административный центр округа Кроуен насчитывал не более пяти-шести тысяч жителей. Торговля там сводилась к вывозу зерна, свинины, мебели и морского снаряжения. Кроме того, несколько недель тому назад, во время десятидневной стоянки в порту Чарлстона, шкуна уже взяла полный груз, готовясь к рейсу в неизвестном направлении.

Неужели таинственный путешественник прибыл сюда с единственной целью посетить Хелтфул-Хаус?.. Что ж, вполне возможно и даже неудивительно, — ведь лечебница пользовалась громкой и вполне заслуженной славой.

Возможно также, что графу д'Артигасу захотелось встретиться с Тома Роком. Широкая известность французского изобретателя оправдывала подобное любопытство. Еще бы! Гениальный безумец, чьи изобретения грозили совершить полный переворот в методах современной военной науки!

И вот после полудня, как указывалось в записке, граф д'Артигас в сопровождении капитана Спаде, командира «Эббы», появился у ворот Хелтфул-Хауса.

Согласно данным распоряжениям оба посетителя были тотчас приняты и проведены в кабинет директора.

Директор оказал графу д'Артигасу самый любезный прием и вызвался лично сопровождать его, не желая никому уступать чести быть чичероне высокого гостя, за что тот выразил ему горячую благодарность. Во время посещения общих зал и отдельных палат лечебницы директор без усталости расхваливал замечательный

уход за больными, режим, как он уверял, совершенно недостижимый в домашней обстановке, великолепные условия и блестящие результаты лечения, которые и доставили, по его словам, заслуженную славу Хелтфул-Хаусу.

Граф д'Артигас осматривал все со своим обычным хладнокровием, делая вид, будто с интересом слушает эту неиссякаемую болтовню, вероятно, чтобы лучше скрыть истинную цель своего посещения. Однако, посвятив целый час осмотру лечебницы, он счел уместным прервать хозяина следующим вопросом:

— Не находится ли, сэр, у вас на излечении тот больной, о ком так много говорили в последнее время и который привлекает особое внимание к Хелтфул-Хаусу?

— Вероятно, граф, вы хотите узнать о Тома Роке? — спросил директор.

— Именно... о том французе... об изобретателе, который страдает умственным расстройством...

— Тяжелым умственным расстройством, граф, и, может быть, хорошо, что это так! По моему мнению, человечество ничего не выиграло бы от его открытий, которые только умножают способы истребления, а их у нас и так более чем достаточно...

— Совершенно справедливо, господин директор, я держусь на этот счет того же мнения. Истинный прогресс не в разрушении, и тех, кто идет по этому пути, я считаю злыми гениями науки... А что, ваш изобретатель окончательно лишился рассудка?

— Окончательно?.. О нет, граф, это сказывается только в обыденных житейских делах. Тут он уже ничего не соображает и не отвечает за свои поступки. Однако гений ученого остался невредим, мозговое расстройство его не коснулось, и если бы кто-нибудь согласился на неслыханные требования Рока, я не сомневаюсь, что он выпустил бы в свет новое боевое орудие... в котором нет решительно никакой надобности...

— Решительно никакой, господин директор, — подтвердил граф д'Артигас при молчаливом одобрении капитана Спаде.

— Впрочем, граф, вы можете судить об этом сами. Мы как раз подошли к флигелю, где помещается Тома

Рок. Его заточение вполне оправдано с точки зрения общественной безопасности, тем не менее он пользуется здесь самым внимательным уходом и всеми заботами, каких требует его состояние. Кроме того, в Хелтфул-Хаусе он огражден от нескромных посетителей, которые могли бы попытаться...

Директор закончил фразу выразительным кивком головы; при этом на губах иностранного гостя мелькнула неуловимая усмешка.

— Скажите,— спросил граф д'Артигас,— разве Тома Рока никогда не оставляют одного?..

— Никогда, граф, никогда. Он постоянно находится под наблюдением смотрителя, вполне надежного человека, который свободно владеет французским языком. В случае если у больного вырвется невзначай какая-нибудь фраза, относящаяся к его открытию, эти сведения будут тут же записаны, и мы увидим, как надлежит ими воспользоваться.

В этот момент граф д'Артигас бросил быстрый взгляд на капитана Спаде, который кивнул в ответ, как бы говоря: «Понимаю!» И действительно, легко было заметить, наблюдая за капитаном, что он с особым вниманием рассматривал часть парка вокруг флигеля № 17, все подступы, входы и выходы,— вероятно, с заранее намеченной целью.

Сад, прилегающий к флигелю, тянулся до самой ограды Хелтфул-Хауса, которая опоясывала холм, отлого спускающийся к правому берегу реки Ньюс.

Это был одноэтажный флигель с итальянской террасой наверху. Он состоял из двух комнат и прихожей, окна были забраны железной решеткой. Со всех сторон домик окружали деревья с густой, пышной листвой. Перед фасадом зеленели бархатистые лужайки, украшенные кустами и клумбами пестрых цветов. Весь сад, площадью почти в пол-акра, был в исключительном пользовании Тома Рока, который мог прогуливаться там под надзором своего смотрителя.

Первым, кого увидели, войдя в сад, граф д'Артигас, капитан Спаде и директор, был служитель Гэйдон, стоявший на пороге флигеля.

Заметив служителя, граф д'Артигас начал необы-

чайно пристально его рассматривать, на что директор не обратил никакого внимания.

Уже не в первый раз иностранцы приходили навещать больного из флигеля № 17, так как французский изобретатель по справедливости считался любопытнейшим пациентом Хелтфул-Хауса. Однако эти два посетителя неизвестной национальности привлекли особое внимание Гэйдона своим необычным видом. Хотя имя графа д'Артигаса и было ему знакомо, он никогда еще не встречался с этим богатым джентльменом, частым гостем восточного побережья, и не знал, что шкуна «Эбба» бросила якорь в устье реки Ньюс, у подножья холма Хелтфул-Хауса.

— Гэйдон,— обратился к нему директор,— где сейчас Тома Рок?

— Вот он,— ответил смотритель, указывая на человека, который с задумчивым видом прогуливался под деревьями позади флигеля.

— Я разрешил графу д'Артигасу осмотреть Хелтфул-Хаус, и он выразил желание видеть Тома Рока, о котором в последнее время так много говорили...

— И говорили бы гораздо больше,— добавил граф д'Артигас,— если бы американское правительство из предосторожности не заперло его в вашем заведении...

— Необходимая предосторожность, граф.

— Совершенно необходимая, господин директор. Пусть лучше секрет изобретателя угаснет вместе с ним, это будет спокойнее для человечества.

Бросив взгляд на графа д'Артигаса, Гэйдон, не говоря ни слова, направился в глубину аллеи; оба иностранца последовали за ним.

Пройдя всего несколько шагов, посетители оказались лицом к лицу с Тома Роком.

Больной не заметил их приближения и, даже когда они подошли вплотную, не обратил на них внимания.

Между тем капитан Спаде, не возбуждая ни в ком подозрений, тщательно обозревал окрестности и нижнюю часть парка Хелтфул-Хауса, где был расположен флигель № 17. Поднимаясь по аллее, он заметил верхушки мачт, видневшиеся над оградой. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы узнать мачты «Эббы» и

убедиться, что с этой стороны наружная стена огибала правый берег реки Ньюс.

Тем временем граф д'Артигас внимательно разглядывал французского изобретателя. Здоровье этого человека, еще полного сил, по-видимому, нисколько не пострадало от заключения, длящегося уже полтора года. Но его странная поза, бессмысленные жесты, блуждающий взгляд, безразличие ко всему окружающему слишком явно указывали на полное расстройство умственных способностей.

Присев на скамью, Тома Рок кончиком трости нарисовал на песке аллеи чертеж крепости. Затем, встав на колени, насыпал по краям кучки песку, очевидно, изображавшие бастионы. После этого, сорвав несколько листьев с ближайшего деревца, он воткнул их по очереди в каждую кучку наподобие крошечных флажков; все это он проделал с самым серьезным видом, не обращая ни малейшего внимания на присутствующих.

Рок играл в детскую игру, но с серьезностью и важностью, не свойственной ребенку.

— Неужели он совсем сошел с ума? — спросил граф д'Артигас, в тоне которого, несмотря на обычную невозмутимость, послышалось разочарование.

— Я предупреждал вас, граф, что от него ничего нельзя добиться, — ответил директор.

— Нельзя ли сделать так, чтобы он обратил на нас внимание?

— Это довольно трудно, — возразил директор, обернувшись к зрителю. — Попробуйте заговорить, с ним, Гэйдон, может быть, на ваш голос он откликнется?

— Мне он ответит, господин директор, будьте покойны, — сказал Гэйдон.

Затем, тронув за плечо своего подопечного, он ласково позвал:

— Тома Рок!

Помешанный поднял голову и взглянул на зрителя; ясно было, что из всех присутствующих он видел только его, хотя граф д'Артигас, директор и подошедший капитан Спаде стояли тут же, рядом.

— Тома Рок! — повторил Гэйдон по-английски. — Вот два иностранца, которые хотели вас повидать...

Они интересуются вашим здоровьем... вашими работами...

Последние слова как будто заставили изобретателя выйти из состояния вялого безразличия.

— Моими работами?..— переспросил он на английском языке, который знал, как родной.

Схватив камешек и зажав между большим и указательным пальцами, он швырнул его, как мальчишка, в одну из кучек песку и сбил ее. У него вырвался радостный крик:

— Разрушен!.. Бастион разрушен!.. Мое взрывчатое вещество с одного выстрела уничтожило все!

Тома Рок выпрямился, его глаза сверкали торжеством.

— Вы видите,— заметил директор, обращаясь к графу,— его никогда не покидает мысль об изобретении...

— И она умрет вместе с ним,— добавил смотритель.

— Вы не могли бы, Гэйдон, навести его на разговор о фульгураторе?

— Если прикажете, господин директор... я попытаюсь...

— Попробуйте, я думаю, что это заинтересует графа д'Артигаса...

— Разумеется,— подтвердил граф, сохраняя холодное непроницаемое выражение лица и ничем не выдавая волновавших его чувств.

— Должен вас предупредить, что это может вызвать новый припадок,— возразил смотритель.

— Вы оборвете разговор, как только сочтете нужным. Скажите Року, что иностранный гость желает побеседовать о покупке фульгуратора.

— А вы не опасаетесь, что он выдаст свой секрет?..— вмешался граф д'Артигас.

Он спросил это с такой живостью, что Гэйдон недоверчиво взглянул на него, что как будто нимало не обеспокоило загадочного незнакомца.

— Этого нечего бояться,— ответил смотритель.— У Тома Рока не вырвать его тайны никакими обещани-

ями! Пока он не получит из рук в руки требуемые миллионы...

— У меня их нет при себе,— спокойно возразил граф д'Артигас.

Гэйдон подошел к больному и снова, как в первый раз, тронул его за плечо.

— Тома Рок,— сказал он,— эти иностранцы хотели бы купить ваше изобретение.

Рок выпрямился.

— Мое открытие?..— вскричал он.— Мое взрывчатое вещество... мой воспламенитель?

Его нарастающее возбуждение, как и предупреждал Гэйдон, угрожало неминуемым припадком, к которому обычно приводили подобные разговоры.

— Сколько вы за него дадите... сколько? — спросил Рок.

Можно было обещать ему наугад любую сумму, как бы огромна она ни была.

— Сколько... сколько? — настаивал больной.

— Десять миллионов долларов,— отвечал Гэйдон.

— Десять миллионов? — воскликнул Рок.— Только десять миллионов... за фульгуратор, мощность которого в десять миллионов раз превосходит все известные до сих пор снаряды... Десять миллионов... за самодвижущийся снаряд, который при взрыве может разрушить все вокруг на площади в десять тысяч квадратных метров!.. Десять миллионов... за единственный в мире воспламенитель, способный вызвать взрыв невиданной силы!.. Да всех сокровищ земного шара не хватило бы, чтобы оплатить секрет моего снаряда! Скорее я сам откушу себе язык, чем продам фульгуратор за такую цену!.. Десять миллионов, когда он стоит миллиард... миллиард... миллиард!..

Ясно было, что Тома Рок терял всякое представление о реальности, когда с ним начинали вести переговоры. И если бы Гэйдон предложил ему даже десять миллиардов, безумец все равно потребовал бы больше.

Граф д'Артигас и капитан Спаде с самого начала припадка внимательно наблюдали за больным; граф стоял, нахмутив лоб, по-прежнему невозмутимый, ка-

питан покачивал головой, как бы говоря: право, этот бедняга уже ни на что не годен!

Тома Рок вдруг сорвался с места и начал бегать по саду, крича сдавленным от гнева голосом:

— Миллиарды!.. Миллиарды!

— Я вас предупреждал! — сказал Гэйдон, с упреком обращаясь к директору.

Затем он пустился в погоню за сумасшедшим, догнал его, схватил за руку и, не встретив никакого сопротивления, увел во флигель и тотчас запер за собой дверь.

Граф д'Артигас задержался у флигеля, беседуя с директором, между тем как капитан Спаде в последний раз обходил сад вдоль наружной ограды.

— Вот видите, граф, я не преувеличивал, — заметил директор. — Нет сомнений, что болезнь Тома Рока с каждым днем прогрессирует. По-моему, его безумие уже неизлечимо. Пусть даже ему дадут деньги, которые он требует, все равно из него ничего не вытянешь...

— Возможно, — согласился граф д'Артигас, — однако, хотя его денежные претензии и доходят до абсурда, ведь он действительно изобрел снаряд, мощность которого, кажется, безгранична.

— Таково мнение специалистов, граф, но его открытие вскоре погибнет вместе с ним, ибо припадки становятся все тяжелее и повторяются все чаще. Скоро в его душе заглухнет и последнее еще живое чувство — жажда обогащения.

— Зато останется, быть может, жажда мести! — пробормотал про себя граф д'Артигас в ту минуту, когда капитан Спаде догнал его у ворот.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Двойное похищение

Полчаса спустя граф д'Артигас и капитан Спаде шли по обсаженной вековыми буками дороге, которая тянулась вдоль ограды Хелтфул-Хауса над правым берегом реки Ньюс. Они сердечно распростились с директором, заявившим, что он был весьма польщен их

визитом, и поблагодарили его за любезный прием. Сотня долларов, оставленная на прощанье в пользу служащих лечебницы, свидетельствовала о великодушии графа д'Артигаса. Если благородство измеряется щедростью, то этот чужеземец был благороднейший человек,— кто мог в этом сомневаться?

Выйдя за железные ворота Хелтфул-Хауса и очутившись на склоне холма, граф д'Артигас и капитан Спаде обогнули ограду парка, такую высокую, что перелезть через нее нечего было и пытаться. Граф погрузился в раздумье, а его спутник, привыкший ожидать, пока хозяин не обратится к нему первый, хранил молчание.

Граф д'Артигас, остановившись посреди дороги, смерил взглядом высокую стену, за которой виднелся флигель № 17.

— Ты успел за это время обследовать местность? — спросил он.

— Конечно, успел, ваше сиятельство,— отвечал капитан Спаде, делая ударение на титуле.

— Ничего не упустил?

— Ничего из того, что нам нужно. До флигеля легко добраться, ведь он стоит недалеко от ограды, и если вы настаиваете на своем плане...

— Настаиваю, Спаде...

— Несмотря на психическое расстройство Тома Рока?..

— Несмотря ни на что, и если нам удастся его похитить...

— Это уж мое дело. Ручаюсь, что, как только стемнеет, я проникну за ограду парка Хелтфул-Хауса, а затем в сад павильона номер семнадцать, и никто меня не заметит...

— Через решетку главного входа?

— Нет, с этой стороны.

— Но ведь с этой стороны высокая стена, и если даже ты перелезешь через нее, как ты перенесешь Тома Рока? А вдруг сумасшедший позовет на помощь или окажет сопротивление... или сторож подымет тревогу?

— Не беспокойтесь ни о чем. Мы просто войдем и выйдем через эту дверь.

И капитан Спаде показал на узкую дверь в стене в нескольких шагах от них; вероятно, этот выход предназначался для слуг, когда им надо было за чем-нибудь спускаться к берегу Ньюса.

— Отсюда мы проникнем в парк,— продолжал капитан Спаде,— и нам не придется тащить за собой лестницу.

— Но дверь заперта...

— Ее можно отпереть.

— Разве внутри нет засовов?

— Я успел их отодвинуть, когда гулял по саду, а директор ничего не заметил.

Приблизившись к двери, граф д'Артигас спросил:

— Как же ты ее отопрешь?

— А вот ключ,— ответил капитан Спаде.

И показал ключ, который успел вытащить из замка, после того как отодвинул засовы.

— Лучше не придумашь, Спаде,— сказал граф д'Артигас,— теперь устроить похищение, вероятно, будет не слишком трудно. Вернемся на шкуну. Около восьми часов, когда стемнеет, ты сядешь в шлюпку и возьмешь с собой пятерых матросов...

— Да... пять человек,— ответил капитан Спаде.— Этого довольно, даже если проснется сторож и нам придется его прикончить...

— Прикончить? — переспросил граф д'Артигас.— Пожалуй, если это будет необходимо. Но я предпочел бы захватить его тоже и доставить на борт «Эббы». Кто знает, не выведал ли он у Рока часть его тайны?

— Это верно.

— Кроме того, Рок привык к нему, а я не хочу ни в чем нарушать его привычек.

При этих словах граф д'Артигас усмехнулся так выразительно, что капитан Спаде сразу понял, какая роль предназначена смотрителю Хелтфул-Хауса.

Итак, план двойного похищения был разработан и, по-видимому, имел все шансы на успех. Если только за остающиеся до сумерек два часа никто не заметит, что из двери вытасен ключ и засовы отодвинуты,— капита-

ну Спаде с матросами легко удастся проникнуть за ограду парка Хелтфул-Хауса.

Следует отметить, что за исключением Тома Рока, находившегося под особым наблюдением, остальные пациенты лечебницы не требовали специального надзора. Они размещались в палатах главного здания или во флигелях, расположенных в верхней части парка. Все складывалось так, что Тома Рок и зритель Гэйдон, захваченные поодиночке, не смогут ни оказать серьезного сопротивления, ни даже позвать на помощь и станут жертвами похищения, которое подготовил капитан Спаде по приказу графа д'Артигаса.

Иностранец и его спутник направились к маленькой бухте, где их ожидала шлюпка с «Эббы». Шкуна стояла на якоре в двух кабельтовых от берега со свернутыми парусами в желтоватых чехлах, аккуратно принаитованными к реям, как это делается на яхтах. На кормовом флагштоке не было никакого флага. Только на гафеле грот-мачты алел красный вымпел, слегка колеблясь от дуновения стихающего восточного бриза.

Граф д'Артигас и капитан Спаде сели в шлюпку. Две пары весел в несколько минут доставили их на шкуну, и они по трапу поднялись на борт.

Граф д'Артигас тут же спустился в свою каюту на корме, а капитан Спаде направился к носу судна, чтобы отдать последние распоряжения.

Дойдя до бака, он перегнулся через фальшборт, ища глазами какой-то предмет, плавающий на поверхности в нескольких саженьях от шкуны.

Это был небольшой буюк, который покачивался на легких волнах, вызванных морским отливом.

Мало-помалу начинало смеркаться. Неясные очертания Нью-Берна постепенно таяли на левом берегу излучины реки. Лишь черные силуэты домов вырисовывались на горизонте, еще озаренном длинной огненной полосой закатных облаков. На противоположной стороне небо заволакивали тучи, но они стояли высоко, и казалось, нечего было опасаться дождя.

К семи часам в Нью-Берне там и сям засветились окна в разных этажах домов; мерцающие огоньки ниж-

них кварталов города отражались в реке длинными зигзагами, едва колеблясь от стихающего к вечеру бриза. Рыбачьи лодки медленно возвращались в бухточки залива; одни, растянув паруса, ожидали последнего дуновения ветра, другие шли на веслах, рассекавших воду четкими мерными ударами, гулко разносившимися далеко вокруг. Проплыли два парохода, выбрасывая из труб снопы искр и клубы черного дыма, взбивая воду могучими лопастями колес, между тем как балансир паровой машины подымался и опускался над спардеком, ревя, как морское чудовище.

В восемь часов вечера граф д'Артигас появился на палубе шкуны в сопровождении пожилого господина лет пятидесяти.

— Пора, Серкё,— сказал он.

— Я скажу Спаде,— ответил Серкё.

В эту минуту к ним подошел капитан.

— Готовься к отплытию,— обратился к нему граф д'Артигас.

— Все готово.

— Постарайся, чтобы в Хелтфул-Хаусе не подняли тревоги и никто не мог заподозрить, что Тома Рока и его сторожа перевезли на борт «Эббы»...

— Где их, кстати, и не найдут, если придут искать,— вставил Серкё.

При этих словах он пожал плечами и весело расхохотался.

— Все равно, лучше не возбуждать подозрений,— возразил граф д'Артигас.

Шлюпку снарядили. Капитан Спаде с пятью матросами спустились в нее. Четверо гребцов взялись за весла. Пятый, боцман Эфрондат, которому было поручено сторожить шлюпку, занял место у руля, рядом с капитаном Спаде.

— Желаю успеха, Спаде,— с улыбкой крикнул Серкё,— действуй без шума, как влюбленный, который похищает свою красавицу...

— Есть... лишь бы только Гэйдон...

— Нам нужны и Рок и Гэйдон,— приказал граф д'Артигас.

— Будет сделано! — крикнул в ответ капитан Спаде.

Шлюпка отвалила от шкуны; моряки провожали ее взглядом, пока она не исчезла в темноте.

Следует отметить, что, ожидая ее возвращения, на «Эббе» не делали никаких приготовлений к отплытию. По-видимому, и после похищения ее владелец не собирался покинуть якорную стоянку Нью-Берна. Впрочем, как могла шкуна выйти в открытое море? В воздухе не ощущалось ни малейшего ветерка, к тому же через полчаса должен был начаться прилив и погнать волны на много миль вверх по течению реки Ньюс. Поэтому шкуне незачем было сниматься с якоря.

«Эбба» находилась в двух кабельтовых от берега, но в сущности могла бы подойти поближе, так как глубина моря была здесь не менее пятнадцати — двадцати футов, что облегчило бы погрузку на борт по возвращении шлюпки. Если этого не сделали, значит, у графа д'Артигаса были причины не отдавать такого приказа.

Шлюпка прошла расстояние до берега за несколько минут, никем не замеченная.

Берег был безлюден, пустынна была и затененная огромными буками дорога, огибавшая парк Хелтфул-Хауса.

Закинув на берег дрек, шлюпку прочно ошвартовали. Капитан Спаде и четыре матроса высадились, оставив боцмана на корме, и быстро исчезли в густой тени деревьев.

Добравшись до ограды парка, капитан Спаде остановился, а матросы выстроились по обе стороны двери.

После приготовлений, сделанных во время дневного визита, капитану Спаде оставалось лишь вставить ключ в замочную скважину и толкнуть дверь, — если только за это время кто-нибудь из слуг не заметил, что засовы отодвинуты, и не запер их снова.

В этом случае похищение было бы трудно совершить, даже если бы удалось перебраться через стену.

Первым делом капитан Спаде приложил ухо к створке двери.

Не слышно было ни шума шагов, ни движения возле флигеля № 17. Ни один листок не шелестел на вет-

вах буков, окаймлявших дорогу. Стояла мертвая тишина, словно в открытом поле в безветренную ночь.

Вынув ключ из кармана, капитан Спаде осторожно вставил его в замочную скважину. Ключ повернулся, и от слабого толчка дверь отворилась.

Значит, ничто не изменилось с тех пор, как они покинули Хелтфул-Хаус.

Удостоверившись, что около флигеля никого нет, капитан Спаде проскользнул в сад; матросы вошли вслед за ним.

Дверь только притворили, чтобы на обратном пути капитан и его спутники могли сразу выбежать из парка.

В саду, затемненном высокими деревьями и густым кустарником, стоял такой мрак, что, если бы не ярко освещенное окно, было бы трудно разглядеть флигель.

Это окно, без сомнения, выходило из комнаты, которую занимали Тома Рок и служитель Гэйдон, ни днем, ни ночью не покидавший вверенного ему пациента. Капитан Спаде был убежден, что оба они находятся там.

Капитан и его четыре спутника осторожно двинулись вперед, стараясь не споткнуться о камень, не наступить на ветку, чтобы шум не выдал их присутствия. Приблизившись к флигелю, они подошли к боковой двери, как раз возле окна, сквозь занавески которого пробивался свет.

Но как же проникнуть в спальню Тома Рока, если дверь заперта? Вот о чем размышлял капитан Спаде. Раз у него нет ключа от двери, пожалуй, придется разбить стекло в окне, повернуть рукой шпингалет, прыгнуть в комнату и, внезапно набросившись на Гейдона, лишить его возможности позвать на помощь. В самом деле, иного способа нет.

Правда, такое дерзкое нападение представляло известную опасность. Капитан Спаде ясно отдавал себе в этом отчет; он предпочитал действовать хитростью, а не силой.

Но у него не было выбора. Граф д'Артигас велел похитить Тома Рока вместе с Гэйдоном, и надо выполнить его приказ любой ценой.

Подкравшись к окну, капитан Спаде поднялся на

цыпочки и сквозь щель в занавеске окинул взглядом комнату.

Гэйдон находился там, у изголовья Тома Рока; у больного, по-видимому, все еще продолжался припадок. Смотритель ухаживал за ним под наблюдением какого-то третьего лица.

Это был один из врачей Хелтфул-Хауса, которого директор срочно послал во флигель № 17.

Присутствие врача могло, разумеется, только усложнить задачу и затруднить похищение.

Тома Рок, совсем одетый, полулежал в кресле. В эту минуту он казался спокойным. После припадков, постепенно утихавшего, должно было, как всегда, наступить длительное оцепенение и забытие.

В ту минуту, когда капитан Спаде, приподнявшись на носках, заглянул в окно, врач как раз собирался уходить. Капитан расслышал, как он уверял Гэйдона, что ночь пройдет спокойно и его помощь больше не потребуется.

С этими словами доктор направился к двери, находившейся, как мы помним, рядом с окном, у которого притаились капитан Спаде и его подручные. Если не спрятаться, не укрыться в ближайших зарослях, то пришельцев может заметить не только врач, но и смотритель, собиравшийся его проводить.

Прежде чем оба появились на крыльце, матросы по знаку капитана Спаде рассеялись в темноте, а сам он распластался у стены. Лампа, по счастью, осталась в комнате, и его не было видно.

Прощаясь с Гэйдоном, врач сказал, остановившись на верхней ступеньке крыльца:

— Это был один из самых тяжелых припадков, которые перенес наш больной!.. Еще два или три в таком роде, и он потеряет последние остатки разума!

— Право, не понимаю, почему директор не запретит посетителям доступ во флигель? — заметил Гэйдон. — Ведь это некий граф д'Артигас своими разговорами довел нашего пациента до такого состояния.

— Я обращаю на это внимание директора, — обещал доктор.

Он спустился по ступенькам крыльца, и Гэйдон по-

шел проводить его вверх по аллее, оставив дверь флигеля полуоткрытой.

Когда оба удалились шагов на двадцать, капитан Спаде поднялся с земли, и матросы подбежали к нему.

Не следовало ли воспользоваться этим случайным стечением обстоятельств, чтобы проникнуть в спальню, схватить Тома Рока, погруженного в забытие, и затем дожидаться возвращения Гэйдона?

Однако, обнаружив исчезновение Рока, смотритель бросится его искать, позовет на помощь, подымет тревогу... Прибежит врач, проснутся служащие Хелтфул-Хауса... капитан Спаде не успеет добраться до ограды, выбежать из двери и запереть ее за собой...

Впрочем, ему некогда было раздумывать. Шум шагов по песку аллеи указывал, что Гэйдон возвращается обратно к флигелю. Самое лучшее теперь напасть на него врасплох, заглушить его крики прежде, чем он успеет поднять тревогу, лишить его возможности защищаться. Вчетвером-впятером легко будет справиться с ним и вытащить за ограду парка. Похитить же Тома Рока будет совсем не трудно, ибо несчастный безумец даже не поймет, что с ним произошло.

Между тем Гэйдон, обогнув кустарник, подходил к крыльцу. Но не успел он поставить ногу на ступеньку, как на него набросились четыре матроса, повалили на землю, заткнули рот, чтобы заглушить его крики, наложили повязку на глаза и так туго скрутили по рукам и ногам, что он не мог пошевелиться.

Двое матросов остались сторожить его, а капитан Спаде и двое других ворвались в комнату.

Тома Рок, как и предполагал капитан, находился в таком состоянии, что шум борьбы даже не вывел его из забытия. Он полулежал в кресле с закрытыми глазами, и, если бы не прерывистое дыхание, его можно было бы принять за мертвого. Связывать его и затыкать ему рот не было никакой необходимости. Два матроса подняли больного, один за плечи, другой за ноги, и донесли до шлюпки, которую остался сторожить боцман.

Все было сделано в несколько минут.

Капитан Спаде покинул комнату последним, предусмотрительно потушив лампу и плотно затворив за

собой дверь. Теперь можно было надеяться, что похищение обнаружат не раньше завтрашнего утра.

Тем же способом и без всяких затруднений перенесли Гэйдона. Двое матросов подняли его на руки, прошли через сад, огибая кустарники, и донесли до наружной стены.

В этой части парка, всегда пустынной, царил еще больший мрак. На склоне холма даже не было видно освещенных окон верхних строений и флигелей Хелтфул-Хауса.

Подойдя к двери, капитан Спаде без всякого труда отворил ее.

Первыми вышли за ограду те двое, что тащили связанного зрителя. Вслед за ними двое других вынесли на руках Тома Рока. Капитан Спаде вышел последним и запер дверь на ключ, решив бросить его в реку, как только сядет в шлюпку.

Никто не попался им по дороге, никто не встретился на берегу.

В двадцати шагах от ограды они нашли боцмана Эфрондата, который поджидал их, сидя на откосе.

Положив Тома Рока и Гэйдона на корму, капитан Спаде с матросами уселись в шлюпку.

— Выбирай дрек и отваливай! Живо! — скомандовал капитан Спаде.

Боцман повиновался и, оттолкнув шлюпку от берега, вскочил в нее последним. Две пары весел опустились в воду, и лодка понеслась к «Эббе». Сигнальный огонь на фок-мачте указывал место стоянки шкуны, которая за двадцать минут перед этим развернулась на якоре под влиянием морского прилива.

Через две минуты шлюпка пристала к борту «Эббы».

Граф д'Артигас стоял, опершись на фальшборт около трапа.

— Готово, Спаде? — спросил он.

— Готово.

— Обоих?

— Обоих... и сторожа и охраняемого.

— В Хелтфул-Хаусе ничего не подозревают?

— Ничего.

Трудно предположить, что Гэйдон, у которого были

завязаны глаза и уши, мог узнать голос графа д'Артигаса и капитана Спаде.

Следует заметить, кроме того, что ни его, ни Тома Рока не подняли сразу на палубу шкуны. Шлюпка долго покачивалась и терлась бортом о корпус судна. Прошло добрых полчаса, прежде чем Гэйдон, сохранивший все свое хладнокровие, почувствовал, наконец, что его поднимают и затем опускают куда-то в трюм.

Казалось бы, совершив это дерзкое преступление, «Эбба» должна была поскорее сняться с якоря, выйти из устья, пересечь залив Памлико и устремиться в открытое море. Тем не менее на борту судна не делалось никаких приготовлений к отплытию.

Однако разве не опасно было оставаться на месте после двойного похищения, совершенного этим вечером? Неужели граф д'Артигас так ловко спрятал своих пленников, что их не смогут обнаружить при обыске полицейские агенты Нью-Берна, если им покажется подозрительной стоянка «Эббы» по соседству с Хелтфул-Хаусом?

Как бы там ни было, но час спустя после возвращения шлюпки матросы в кубрике, граф д'Артигас, Серкё и капитан Спаде в своих каютах, — словом, все, кроме вахтенных на баке, спали глубоким сном на борту шкуны, неподвижно стоявшей в тихих водах устья Ньюса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Шкуна «Эбба»

Лишь на следующий день «Эбба» не спеша начала приготовления к отплытию. С набережной Нью-Берна можно было видеть, как матросы под командой Эфрондата мыли палубу, освобождали паруса от чехлов, разбирали фалы и поднимали шлюпки, собираясь сняться с якоря.

В восемь часов утра граф д'Артигас еще не показывался на палубе. Его приятель, инженер Серкё, как называли его на шкуне, тоже не выходил из своей каюты. Что же до капитана Спаде, то он давал команде раз-

личные распоряжения, свидетельствующие о скором отплытии.

«Эбба» была замечательно построенным быстроходным судном, хотя ни разу не участвовала в гонках яхт ни в Северной Америке, ни в Великобритании. Высокие мачты, большая парусность, длинные реи, глубокая осадка, обеспечивавшая высокую устойчивость даже при поднятых парусах, устремленный вперед нос, узкая корма, прекрасно обрисованные ватерлинии — все указывало на ходкость и отличные мореходные качества судна, способного выдержать любую штормовую погоду.

И действительно, даже при свежем ветре шкуна «Эбба» легко шла в бейдевинд со скоростью до двенадцати миль в час.

Правда, парусники всегда зависят от капризов погоды. Когда наступает штиль, им поневоле приходится стоять на месте. Хотя они и превосходят паровые яхты своими мореходными качествами, зато не имеют двигателя, обеспечивающего им безостановочное движение.

Казалось бы, это доказывает явное превосходство тех судов, которые одновременно соединяют в себе преимущества парусности и гребного винта. Но, очевидно, граф д'Артигас не разделял этого мнения, предпочитая для своих морских путешествий парусную шкуну, даже когда плавал за пределами Атлантического океана.

В это утро дул легкий западный бриз. Таким образом, пользуясь попутным ветром, «Эбба» легко могла выйти из устья Ньюса, пересечь лагуну Памлико и достичь одного из узких протоков, соединяющих залив с открытым морем.

Между тем прошло два часа, а «Эбба» все еще покачивалась на якоре; начавшийся отлив натягивал ее якорную цепь. Развернувшись из-за сильного течения, шкуна стояла теперь носом к устью Ньюса. Небольшой буюк, который накануне колыхался у левого борта, должно быть, за ночь убрали, так как его не было видно среди плещущихся волн.

Внезапно на расстоянии мили раздался пушечный выстрел. Над береговой батареей взвился легкий дымок. В ответ послышалось несколько залпов из орудий,

установленных на длинной цепи островов, со стороны открытого моря.

В эту минуту на палубе появился граф д'Артигас и инженер Серкё.

Капитан Спаде подошел к ним.

— Пушечный выстрел...— сказал он,

— Мы этого ожидали,— отвечал инженер Серкё, пожимая плечами.

— Это значит, что служащие Хелтфул-Хауса заметили пропажу,— продолжал капитан Спаде.

— Без сомнения, и эти выстрелы означают приказ закрыть все выходы в море.

— Какое нам до этого дело? — спросил граф д'Артигас самым спокойным тоном.

— Решительно никакого,— отвечал инженер Серкё.

Капитан Спаде был прав, говоря, что к этому времени исчезновение Тома Рока и его смотрителя было обнаружено.

Действительно, дежурный врач, совершая ранним утром обычный обход, вошел во флигель № 17 и нашел комнату пустой. Он тотчас же доложил об этом директору, который распорядился обыскать весь парк. После тщательного осмотра выяснилось, что хотя дверь в наружной стене у подножия холма и была заперта, но ключа в замочной скважине не оказалось и вдобавок засовы были отодвинуты изнутри.

Несомненно, именно через эту дверь, вечером или ночью, и было совершено похищение. Но кто его совершил? Все терялись в догадках; ни на кого не падало ни малейшего подозрения. Знали только, что накануне вечером, между семью и половиной восьмого, один из врачей лечебницы посетил Тома Рока, у которого был сильнейший нервный припадок. Оказав ему помощь и оставив больного в бессознательном состоянии, врач вышел из флигеля, а служитель Гэйдон проводил его до конца боковой аллеи.

Что произошло потом?.. Никто не знал.

Об этом двойном похищении сообщили по телеграфу в Нью-Берн, а оттуда в Роли. Губернатор Северной Каролины послал депешу с приказом не выпускать из залива Памлико ни одного корабля, не произведя на

нем самого тщательного обыска. Другая депеша предписывала крейсеру береговой охраны «Фалькону» принять на себя выполнение этого задания. В то же время было приказано взять под строгое наблюдение города и деревни во всем штате.

Поэтому, как увидел граф д'Артигас со шкуны, в двух милях к востоку от устья реки «Фалькон», выполняя приказ, начал приготовления к отплытию. Однако за час с лишним, нужный ему, чтобы развести пары, шкуна успела бы, не опасаясь преследования, уйти на большое расстояние.

— Поднять якорь? — спросил капитан Спаде.

— Конечно, раз ветер попутный, но спешить незачем, — ответил граф д'Артигас.

— Это верно, — подтвердил инженер Серкё, — все равно все выходы из залива Памлико уже взяты под наблюдение, и ни одному кораблю не удастся избежать визита этих джентльменов, столь же любопытных, сколь и бесцеремонных...

— Не беда, снимайся с якоря, — приказал граф д'Артигас. — После того как офицеры крейсера или таможенные чиновники произведут обыск на борту «Эббы», запрет будет снят, и меня крайне удивит, если мы не получим пропуска на выход.

— И притом с бесчисленными извинениями, с пожеланиями счастливого плаванья и скорейшего возвращения! — добавил инженер Серкё, закончив фразу раскатистым смехом.

Когда новость об исчезновении Тома Рока дошла до Нью-Берна, тамошние власти прежде всего задались вопросом, что это такое — побег или похищение? Но так как побег был невозможен без содействия Гэйдона, то первое предположение отвергли. По отзывам директора и администрации смотритель Гэйдон не вызывал ни малейшего подозрения.

Итак, это было похищение, и легко себе представить, какое волнение происшествие вызвало в городе. Как? Исчез французский изобретатель, находившийся под строгой охраной, и вместе с ним исчез секрет фульгуратора, которым никто еще не сумел овладеть?! Не вызовет ли это весьма серьезных последствий?.. Неуже-

ли для Америки безвозвратно потеряна тайна нового снаряда? Если предположить, что похищение совершенно в пользу другого государства, не удастся ли этому государству, захватив в свои руки Тома Рока, добиться от него тех сведений, которых не смогли получить Соединенные Штаты?.. А разве можно предположить, что похитители действовали в пользу какого-нибудь частного лица?..

Поэтому розыски производились во всех округах Северной Каролины. Было установлено особое наблюдение на дорогах, железнодорожных линиях, во всех городах и поселках страны. Что касается моря, то все гавани на побережье были закрыты, от Уилмингтона до Норфолка. Ни одно судно не было избавлено от осмотра офицерами или чиновниками таможни и при малейшем подозрении его следовало тотчас задержать. Не только «Фалькон» разводил пары, но еще несколько катеров, крейсирующих в водах лагуны Памлико, готовились согласно предписанию обследовать залив и обыскать от рубки до трюма все торговые суда, парусные яхты, рыболовные баркасы, как стоявшие на якоре, так и те, что готовились выйти в море.

Тем не менее шкуна «Эбба» явно собиралась сняться с якоря. По всей видимости, графа д'Артигаса несколько не беспокоили ни строгие предписания властей, ни грозившие ему неприятности, в случае если бы на борту шкуны обнаружили Тома Рока и зрителя Гэйдона.

К девяти часам последние приготовления были закончены. Команда вращала брашпиль, выбирая якорную цепь через бортовой клюз, и как только якорь отделился от грунта, матросы быстро подняли паруса.

Несколько минут спустя, поставив два кливера, стаксель, фок и грот, «Эбба» взяла курс на восток, оглябая левый берег реки Ньюс.

В двадцати пяти километрах от Нью-Берна русло реки делает крутой изгиб и почти на таком же расстоянии, расширяясь, поворачивает к северо-западу. Минував Кротон и Хавлок, шкуна достигла этой излучины и направилась к северу, держась у левого берега. В одиннадцать часов утра, при попутном ветре, не встре-

тив по пути ни крейсера, ни парового катера, «Эбба» прошла стрелку острова Сидар, за которым открывается лагуна Памлико.

Это обширное водное пространство раскинулось на сотню километров между островами Сидар и Роудок. Со стороны моря оно ограничено естественным молом в виде цепочки длинных узких островов, которые тянутся с юга на север от мыса Лукаут до мыса Гаттерас и далее до мыса Генри, лежащего на широте Норфолка — одного из городов штата Виргиния, граничащего с Северной Каролиной.

Лагуну Памлико освещает множество маяков, установленных на островах и островках; они облегчают судоходство в ночное время. Это надежное убежище для судов, стремящихся укрыться от бурь Атлантического океана, и прекрасная якорная стоянка.

Лагуна Памлико сообщается с океаном несколькими проливами. Немного дальше маяка на острове Сидар открывается пролив Окракок, за ним пролив Гаттерас, несколько севернее еще три пролива, носящие названия Лоджер-Хед, Нью-Инлет и Орегон.

Из этого описания ясно, что шкуне удобнее всего было пройти через пролив Окракок, и, чтобы не менять галса, она, надо полагать, направлялась именно туда.

Правда, эту часть залива контролировал крейсер «Фалькон», который осматривал торговые суда и рыбацьи баркасы, лавирующие у выхода из лагуны. Но все равно теперь все уже были оповещены о приказе властей и каждый проток находился под наблюдением сторожевых кораблей, не говоря о батареях, установленных у выхода в море.

Находясь на траверсе Окракока, «Эбба», однако, не приближалась к нему, по-видимому, нисколько не избегая паровых катеров, крейсирующих по заливу Памлико. Казалось, красавица яхта просто вышла на утреннюю прогулку и беззаботно плывет вдоль берега, направляясь к проливу Гаттерас.

Должно быть, граф д'Артигас по причинам, известным ему одному, намеревался выйти в море именно через этот пролив, так как шкуна, сделав поворот в четверть румба, направилась к нему.

До этой минуты к «Эббе» не приближались ни офицеры с крейсера, ни агенты из таможни, хотя шкуна вовсе не старалась скрыться. Впрочем, ей все равно не удалось бы обмануть их бдительность.

Может быть, власти признали за «Эббой» особые привилегии и решили избавить ее от обыска? Может быть, графа д'Артигаса считали слишком высокой особой, чтобы задержать его шкуну хотя бы на час?.. Нет, вряд ли. Ведь об этом иностранце, ведущем роскошную жизнь баловня судьбы, в сущности ничего не было известно: ни кто он такой, ни откуда прибыл, ни куда направляется.

Шкуна легким и быстрым ходом продолжала свой путь, скользя по спокойной глади залива Памлико. Утренний бриз развеивал поднятый на гафеле флаг, — красное полотнище с золотым полумесяцем в углу.

Граф д'Артигас сидел на корме в плетеном кресле, какие обычно встречаются на частных яхтах. Он беседовал с инженером Серкё и капитаном Спаде.

— Что-то господа офицеры американского морского флота не торопятся почтить нас своим визитом, — заметил инженер Серкё.

— Пусть приезжают, когда захотят, — отозвался граф д'Артигас тоном полнейшего безразличия.

— Они, вероятно, поджидают «Эббу» у входа в пролив Гаттерас, — сказал капитан Спаде.

— Пусть подождут, — заявил богатый яхтсмен со своим обычным невозмутимым и высокомерным видом.

Предположение капитана Спаде, по всей вероятности, было правильным, так как «Эбба» явно направлялась к указанному проливу. Если «Фалькон» до сих пор не двинулся ей наперерез, значит, он собирается перехватить ее у самого входа в пролив. Там, перед выходом из лагуны Памлико в открытый океан, шкуна не могла бы воспротивиться осмотру.

Как ни странно, ничто не указывало, что граф д'Артигас стремится избежать подобного осмотра. Неужели Тома Рока и Гэйдона так ловко спрятали на борту скуны, что агенты не смогут их обнаружить?..

Однако граф д'Артигас, возможно, чувствовал бы себя не так уверенно, если бы знал, что крейсеру и та-

моженным катерам приказано подвергнуть «Эббу» особенно тщательному обыску.

В самом деле, приезд в Хелтфул-Хаус иностранного гостя привлек к нему внимание. Вначале у директора не было никакого повода заподозрить истинную цель его визита. Однако пациент и зритель исчезли через несколько часов после отъезда графа, а с тех пор никто не посещал флигеля № 17 и никто не общался с Роком. Все это казалось подозрительным, и администрация лечебницы склонялась к мысли, что иностранный посетитель несомненно замешан в этом деле. Разве не мог спутник графа д'Артигаса, осмотрев местоположение и дорогу к флигелю, отодвинуть засовы, вынуть ключ из двери, вернуться с наступлением темноты, проникнуть за ограду парка и совершить похищение, даже без особого труда, так как шкуна «Эбба» стояла на якоре всего в двух или трех кабельтовых от берега?..

Все эти подозрения, в начале расследования зародившиеся у директора и служащих лечебницы, еще усилились, когда шкуна снялась с якоря, вышла из устья Ньюса и устремилась к выходу из залива Памлико.

Поэтому, по приказу властей Нью-Берна, крейсеру «Фалькон» и таможенным паровым катерам было предписано следить за шкуной «Эббой», задержать ее прежде, чем она проникнет в пролив и, подвергнуть самому тщательному осмотру, обыскав все каюты, рубку, камбуз и трюмы до последнего уголка. Шкуну нельзя выпускать из бухты, пока офицеры не удостоверятся лично, что ни Тома Рока, ни Гэйдона действительно нет на борту.

Граф д'Артигас, конечно, не мог предполагать, что подозрения падали именно на него и что за его яхтой приказано установить особое наблюдение. Впрочем, если бы даже он об этом и знал, разве такого властного надменного человека могли обеспокоить подобные пустяки?

Около трех часов пополудни шкуна, находившаяся на расстоянии менее мили от пролива Гаттерас, начала лавировать, держа курс на середину пролива.

Обыскав несколько рыболовных баркасов, собиравшихся выйти в море, «Фалькон» стал на страже у входа в пролив. «Эбба» отнюдь не пыталась пройти незаме-

ченной или ускорить ход, чтобы уклониться от осмотра, обязательного в тот день для всех судов в заливе Памлико. Простому паруснику все равно не уйти от преследования военного корабля, и если бы шкуна не подчинилась приказу лечь в дрейф, ее скоро принудили бы к этому двумя-тремя выстрелами береговых батарей.

В эту минуту от крейсера отвалила шлюпка с десятью матросами и двумя офицерами; налегая на весла, они помчались наперерез «Эббе».

Со своего кресла на корме граф д'Артигас спокойно наблюдал за этим маневром, покуривая отличную гаванскую сигару.

Когда шлюпка приблизилась на расстояние полкабельтова, один из матросов встал и начал махать сигнальным флажком.

— Приказ остановиться, — сказал инженер Серкё.

— Да, в самом деле, — кивнул граф д'Артигас.

— Приказ подождать...

— Что ж, подождем.

Капитан Спаде немедленно отдал распоряжение лечь в дрейф. Кливер, стаксель и грот были вынесены на ветер, тогда как над фоком был поднят фор-марсель.

Шкуна убавила скорость и стала на месте, лишь отлив слегка сносил ее по течению.

Гребцы налегли на весла, и шлюпка с «Фалькона» сошлась борт о борт с «Эббой», зацепившись багром за ванты гротмачты. Со шкуны тут же спустили штормтрап; два офицера и восемь матросов поднялись на борт, оставив двоих гребцов сторожить шлюпку.

Команда шкуны выстроилась на баке судна.

Старший по чину офицер — лейтенант морской службы — подошел к владельцу «Эббы», который поднялся с кресла ему навстречу; вот какими вопросами и ответами они обменялись:

— Я имею честь говорить с графом д'Артигасом, владельцем шкуны?

— Да, сэр.

— Ее название?

— «Эбба».

— Кто ею командует?

- Капитан Спаде.
- Ее национальная принадлежность?
- Индо-малайская.

Офицер поднял глаза на флаг шкуны; тут граф д'Артигас в свою очередь задал ему вопрос:

— Могу ли я узнать, сэр, чему я обязан удовольствием видеть вас у себя на борту?

— Мы получили приказ осмотреть все корабли, которые стоят на якоре в лагуне Памлико или собираются выйти в море,— ответил лейтенант.

Он не счел нужным сообщать, что «Эббу» было приказано обыскать более тщательно, чем какое-либо другое судно.

— Надеюсь, граф, что вы не намереваетесь противиться...

— Конечно нет, сэр,— ответил граф д'Артигас.— Моя шкуна в вашем полном распоряжении от верхушки мачты до трюма. Я хотел бы только спросить, почему корабли, находящиеся сегодня в заливе Памлико, подлежат такой строгой проверке?

— Не вижу причин оставлять вас в неизвестности, граф,— ответил офицер.— Губернатору Северной Каролины сообщили о злом похищении, совершенном в Хелтфул-Хаусе, и власти желают удостовериться, что похищенных не привезли ночью на какое-нибудь судно...

— Да что вы! — воскликнул граф д'Артигас, разыгрывая удивление.— А кого же это похитили из Хелтфул-Хауса?

— Одного изобретателя, сумасшедшего, который стал жертвой преступников вместе со своим сторожем...

— Сумасшедшего, говорите вы?.. Уж не о французе ли Тома Роке идет речь?

— Именно о нем.

— Тот самый Тома Рок, кого мы с капитаном Спаде видели вчера при посещении лечебницы?.. с кем я беседовал в присутствии директора?.. с ним еще случился сильнейший припадок перед нашим уходом?..

Офицер внимательно наблюдал за иностранцем, стараясь уловить что-либо подозрительное в его поведении или в словах.

— Это просто невероятно! — прибавил граф д'Артигас таким тоном, словно в первый раз слышал о похищении из Хелтфул-Хауса. — Сэр, — продолжал он, — мне понятно, насколько обеспокоены власти исчезновением такого человека, как Тома Рок, и я одобряю принятые меры предосторожности. Мне незачем уверять вас, что на борту «Эббы» нет ни французского изобретателя, ни его сторожа. Впрочем, вы сами можете в этом убедиться, произведя на шкуне самый тщательный обыск. Капитан Спаде, будьте любезны проводить господ офицеров.

С этими словами, холодно поклонившись лейтенанту «Фалькона», граф д'Артигас снова уселся в кресло и вновь закурил свою сигару.

Оба офицера и восемь матросов в сопровождении капитана Спаде тут же приступили к обыску.

Первым делом они спустились через люк в кормовую каюту — роскошно обставленный салон с панелями из дорогих сортов дерева, богатой мебелью, изящными безделушками, коврами и дорогими штофными обоями.

Нечего и говорить, что салон, прилегающие каюты и спальня графа д'Артигаса были обысканы со всем старанием, на какое только способны опытейшие полицейские агенты. К тому же капитан Спаде ревностно помогал офицерам в их поисках, не желая допустить, чтобы на владельца «Эббы» падало хоть малейшее подозрение.

Из салона и кормовых кают офицеры перешли в комфортабельно устроенную столовую. Они обыскали кладовые, камбуз, каюты капитана Спаде и боцмана на носу судна, затем кубрик команды, но нигде не нашли и следов Тома Рока и Гэйдона.

Оставался трюм и подпалубные помещения, требующие особенно внимательного осмотра. Открыв люки, капитан Спаде зажег два фонаря, чтобы облегчить розыски.

В трюме были обнаружены цистерны с водой, всевозможная провизия, ящики вина, бочки спирта, джина, водки и виски, пивные бочки, запасы угля, — всего в изобилии, как будто шкуна готовилась к даль-

нему плаванью. Пробираясь среди грузов, пролезая в щели между тюками и ящиками, американские моряки спустились до внутренней обшивки, до самого днища... Но их труды пропали даром.

Не оставалось сомнений, что графа д'Артигаса напрасно заподозрили как соучастника в похищении пациента Хелтфул-Хауса и его сторожа.

Обыск, длившийся около двух часов, не дал никаких результатов.

В половине шестого, добросовестно обследовав все внутренние помещения и получив полную уверенность, что там не спрятаны ни Тома Рок, ни Гэйдон, матросы и офицеры «Фалькона» поднялись на палубу. Снаружи они осмотрели переднюю палубу, шлюпки и, никого не найдя, пришли к убеждению, что «Эббу» заподозрили напрасно.

Офицерам ничего не оставалось, как распрощаться с графом д'Артигасом, и они направились к нему.

— Простите за беспокойство, граф,— сказал лейтенант.

— Помилуйте! Вы обязаны были повиноваться приказу и исполнить данное вам поручение, господа...

— К тому же это простая формальность,— любезно добавил офицер.

Легким кивком головы граф д'Артигас выразил согласие с этим объяснением.

— Я уже говорил вам, господа, что не принимал никакого участия в этом похищении.

— Мы вполне убедились в этом, граф. Нам пора возвратиться на крейсер.

— Как вам угодно. Имеет ли теперь право моя шкуна свободно выйти в море?

— Разумеется.

— До свиданья, господа офицеры, до свиданья,— ведь я частый гость в здешних местах и не замедлю сюда вернуться. Надеюсь, что к моему возвращению вы найдете преступных похитителей и водворите Тома Рока обратно в Хелтфул-Хаус. Это весьма желательно в интересах Соединенных Штатов и, думаю, в интересах всего человечества.

После этих слов офицеры вежливо откланялись

графу д'Артигасу, который небрежно кивнул им в ответ.

Капитан Спаде проводил незваных гостей до шторм-трапа, и они, спустившись в шлюпку вместе с матросами, вернулись на крейсер, поджидавший их в двух кабельтовых.

По знаку графа д'Артигаса капитан Спаде приказал снова поднять паруса. Ветер свежел, и «Эбба» быстрым ходом направилась к проливу Гаттерас.

Полчаса спустя, миновав пролив, шкуна вышла в открытый океан.

В течение часа она держала курс на ост-норд-ост. Но в нескольких милях от берега, как это обычно бывает, бриз, дующий с суши, затих. Паруса заполоскались на мачтах, руль перестал слушаться рулевого, и «Эбба» замерла неподвижно на гладкой поверхности моря при полном штиле.

Казалось, шкуна на всю ночь потеряла возможность продолжать свой путь.

Капитан Спаде не покидал наблюдательного поста на носу судна. Со времени выхода в море он беспрестанно переводил взгляд с левого борта на правый, словно стараясь разглядеть какой-то предмет, плавающий на поверхности.

Внезапно он крикнул громким голосом:

— Убрать паруса!

Выполняя команду, матросы поспешили взять на гитовы и подтянули спущенные паруса к реям, даже не закрыв их чехлами.

Не собирался ли граф д'Артигас дожидаться здесь рассвета и заодно утреннего бриза? Однако в таких случаях суда обычно остаются под парусами, чтобы воспользоваться первым дуновением попутного ветра.

В море спустили шлюпку, и в нее сел капитан Спаде с матросом, который, гребя кормовым веслом, направил ее к некоему предмету, выплывшему на поверхность саженьх в десяти от левого борта.

Это был небольшой буюк вроде того, что покачивался на волнах реки Ньюс, когда «Эбба» стояла на якоре у берега Хелтфул-Хауса.

Подтянув буюк вместе с прикрепленным к нему швартовым, шлюпка подплыла с ним к носу шкуны.

Спущенный с борта по команде боцмана буксирный конец прикрепили к швартовым. Затем капитан Спаде с матросом вернулись на палубу шкуны, и шлюпку подняли на борт.

Почти тотчас же буксирный конец натянулся, и «Эбба» со свернутыми парусами помчалась на восток со скоростью не менее десяти миль в час.

Спустилась ночь, и огни американского побережья вскоре погасли на туманном горизонте.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Где я?

(Записки инженера Симона Харта)

Где я?... Что произошло со мной после внезапного нападения у входа во флигель?

Проводив врача, я собирался подняться на крыльцо, вернуться в комнату, запереть дверь и снова дежурить у изголовья Тома Рока, как вдруг на меня набросились какие-то люди и сбили меня с ног... Кто они такие? Я не мог их видеть — мне завязали глаза. Я не мог позвать на помощь — мне заткнули рот кляпом. Я не мог сопротивляться — меня связали по рукам и ногам... Вскоре я почувствовал, что меня схватили, пронесли около сотни шагов... подняли вверх, опустили... положили куда-то...

Но куда? Куда?

А Тома Рок, что случилось с ним? Не на него ли покушались неизвестные вместо меня? Вполне правдоподобная гипотеза. Ведь для всех я только служитель Гэйдон, а не инженер Симон Харт; о моей истинной профессии, о моей истинной национальности никто не подозревает, а кому мог понадобиться простой больничный служитель?

Очевидно, покушение было совершено на французского изобретателя. Вероятно, его похитили из Хелтфул-Хауса, надеясь вырвать у него тайну фульгуратора.

Однако я строю предположения в уверенности, что

Тома Рок исчез вместе со мной... Так ли это... Да... Конечно, так... На этот счет не может быть сомнений. Не похоже, что я попал в руки грабителей, хотевших совершить только кражу... Те поступили бы совсем иначе. Лишив меня возможности позвать на помощь и похитив Тома Рока, они просто бросили бы меня где-нибудь в углу сада и не стали бы запирасть... туда, где я нахожусь.

Но где? Все тот же неразрешимый вопрос,— вот уже несколько часов, как я бьюсь над ним!

Как бы то ни было, со мной случилось необычайное приключение. Чем оно окончится, к чему может привести,— не знаю, даже гадать не смею. Во всяком случае, я постараюсь запомнить минута за минутой все мельчайшие подробности этого темного дела, а потом, если будет возможность, стану ежедневно записывать свои наблюдения... Как знать, что сулит мне будущее и не удастся ли мне в новых условиях раскрыть, наконец, секрет фульгуратора Рока? Если в один прекрасный день я окажусь на свободе, необходимо, чтобы люди узнали эту тайну, а также обнаружили, кто виновник или виновники преступного покушения, грозящего такими страшными последствиями!

Я беспрестанно возвращаюсь к тому же вопросу, надеясь, что какая-нибудь случайность поможет мне разрешить его.

Где я нахожусь?..

Припомним все по порядку.

Когда меня вынесли за ограду Хелтфул-Хауса, я почувствовал, что меня осторожно кладут на скамью какой-то лодки, накренившейся набок, должно быть, шлюпки небольших размеров...

Почти сейчас же лодку снова качнуло, как будто в нее внесли еще одного человека. Можно ли сомневаться, что это был Тома Рок? Ему-то не стоило затыкать рот, завязывать глаза, спутывать его по рукам и ногам. Он, вероятно, был схвачен еще в состоянии прострации, не способный сопротивляться, не в силах даже понять, что он стал жертвой нападения. Доказательством того, что я не ошибся, служит характерный запах эфира, который я почувствовал, несмотря на повязку. Ведь

вчера, перед уходом, доктор дал больному несколько капель эфира и,— я отлично помню,— когда Рок метался в припадке, немного этой быстро испаряющейся жидкости пролилось ему на платье. Значит, нет ничего удивительного, что запах сохранился, и я ощутил его. Да... в шлюпке, рядом со мной лежал Тома Рок. А вернись я во флигель на несколько минут позже, я бы уже не нашел там больного...

Меня мучает мысль... почему это графу д'Артигасу пришла злополучная фантазия посетить Хелтфул-Хаус? Если бы мой пациент не встретился с ним, ничего бы не случилось. Разговор об изобретении и довел Рока до этого на редкость тяжелого припадка. Главная вина лежит на директоре, который не внял моим предостережениям. Если б он послушался меня, к больному не пришлось бы вызывать врача, я бы запер дверь во флигель и покушение бы сорвалось...

О том, какую выгоду может принести похищение Тома Рока частному лицу или одному из государств Старого Света, не стоит и говорить. На этот счет, мне кажется, я могу быть совершенно спокоен. Никому не удастся добиться того, чего я не мог добиться за эти полтора года. На той стадии умственного расстройства, на какой находится мой соотечественник, всякая попытка выведать его секрет обречена на неудачу. В самом деле, его состояние с каждым днем ухудшается, безумие прогрессирует, скоро будут поражены даже те области мозга, которые до сих пор оставались нетронутыми.

Впрочем, сейчас речь идет не о Роке, а обо мне самом; вот что со мной произошло дальше.

Качнувшись несколько раз с боку на бок, лодка пошла на веслах. Переезд длился не более минуты. Затем я почувствовал легкий толчок. Очевидно, стукнувшись носом о корпус судна, шлюпка стала с ним рядом. После этого слышался шум и движение. Кто-то ходил, разговаривал, отдавал команду. Я не мог разобрать слов сквозь плотную повязку, но смутно слышал гул голосов, длившийся минут пять-шесть.

Прежде всего мне пришла в голову мысль, что меня перенесут со шлюпки на борт корабля и запрут в глу-

бине трюма до тех пор, пока корабль не выйдет в открытое море. Разумеется, пока судно плывет в водах лагуны Памлико, ни Тома Рока, ни его зрителя не могут выпустить на палубу.

И в самом деле, меня, все еще связанного, схватили за ноги и за плечи. Как ни странно, судя по ощущению, меня не поднимают через борт на палубу, но напротив, опускают вниз. Уж не хотят ли бросить меня в море, утопить, чтобы избавиться от неугодного свидетеля?.. На миг меня пронзила эта мысль, и я содрогнулся с головы до ног. Невольно я глубоко вздохнул, вобрав в легкие побольше воздуха, которого мне скоро не будет хватать...

Но нет! Меня бережно опустили на пол, показавшийся мне холодным, как металл. Затем положили навзничь и, к моему величайшему удивлению, развязали стягивавшие меня веревки. Шум шагов вокруг меня стих. Через минуту я услышал стук захлопнувшейся двери.

Где же я? где? и есть ли тут еще кто-нибудь? Я срываю повязку с глаз и вытаскиваю кляп изо рта...

Вокруг темнота, полная темнота. Ни щелочки, ни малейшего проблеска света, как бывает даже в наглухо запертых комнатах.

Я зову... кричу долго и настойчиво... Никакого ответа. Голос мой звучит глухо, словно теряется в звуконепроницаемой среде.

Кроме того, мои легкие вдыхают горячий, тяжелый, душный воздух, мне скоро станет трудно, невозможно дышать, если в помещение не откроют доступ свежему воздуху.

Тогда я протягиваю руки и стараюсь определить на ощупь, где я нахожусь.

Я заперт в каком-то чулане величиной не больше трех-четырех кубических метров, обитом листовым железом. Проводя рукой по стенам, я определяю, что они скреплены заклепками, как водонепроницаемые переборки на кораблях.

Ища выхода, я нащупываю на одной из стен что-то вроде дверной рамы, петли которой выдаются на несколько сантиметров. Дверь отворается, должно быть,

вовнутрь, и, вероятно, меня внесли в это тесное помещение именно через нее.

Приложив ухо к двери, я ничего не слышу. Полный мрак и мертвая тишина, странная тишина, нарушаемая лишь гулом металлического пола, когда я по нему ступаю. Не доносится никаких привычных на море звуков, ни журчания воды вдоль корпуса корабля, ни плеска волн, струящихся за кормой. Не чувствуется даже легкого покачивания, хотя в устье Ньюса прилив всегда вызывает заметное волнение.

Но почему, в сущности, я решил, что это тесное помещение находится на корабле? Правда, меня доставили сюда на лодке, и переезд длился не более минуты, однако действительно ли я плыву сейчас по водам Ньюса? В самом деле, разве не могла шлюпка, вместо того чтобы отвезти меня на судно, ожидавшее ее на реке у подошвы холма Хелтфул-Хауса, пристать к берегу в другом месте? В таком случае меня, может быть, высадили на сушу и заперли в каком-нибудь подземелье? Это объяснило бы полную неподвижность моей темницы. С другой стороны, откуда здесь эти металлические переборки, скрепленные заклепками, откуда легкий запах соленой воды, своеобразный запах, присущий всем морским судам, в природе которого я не могу ошибиться?..

Со времени моего заточения прошло, как мне кажется, часа четыре. Значит, сейчас должно быть около полуночи. Неужели я останусь здесь до утра? Хорошо, что я пообедал в шесть часов, как это принято в Хелтфул-Хаусе. Голода я не чувствую, но меня сильно клонит ко сну. Надеюсь, однако, у меня хватит силы воли не заснуть... Я не поддамся сну... Надо отвлечься каким-нибудь внешним впечатлением! Но чем же? Ни один звук, ни один луч света не проникает в этот железный гроб... Терпение! Может быть, мое ухо уловит хоть какой-нибудь шум, пусть еле слышный. Я напряженно прислушиваюсь, я весь обращаюсь в слух. Затем стараюсь поймать хоть какое-нибудь движение, колебание, покачиванье — я должен его ощутить, если только я не на твердой земле. Допустим, что судно еще стоит на якоре, должно же оно отплыть... или... иначе я

не могу понять, зачем же нас похитили, Тома Рока и меня?..

Наконец... нет, это не ошибка... Я чувствую легкую бортовую качку и убеждаюсь, что я не на суше... еле заметное колебание без толчков и перебоев. Скорее скольжение по водной поверхности.

Будем рассуждать хладнокровно. Я нахожусь на борту какого-то корабля, парусника или парохода, который стоял на якоре в устье Ньюса, ожидая исхода дерзкого нападения. Меня перевезли сюда на шлюпке; однако, повторяю, у меня не было ощущения, будто меня подняли через борт на палубу. Может быть, меня внесли через боковой люк в корпусе корабля? Не все ли равно в конце концов! Спустили меня в трюм или нет,— во всяком случае я на судне, которое покачивается на волнах.

Вероятно, мне скоро вернут свободу и Тома Року тоже, если его упрятали так же старательно, как и меня. Под свободой я разумею возможность выходить на палубу, когда мне вздумается. Однако это произойдет не раньше, чем через несколько часов, так как нас не выпустят наружу, пока судно не выйдет в открытое море. Если это парусник, ему придется ждать бриза, попутного бриза, дующего с суши ранним утром, когда оживают все парусники в заливе Памлико. Правда, если это паровое судно...

Нет! На борту парохода я неизбежно почувствовал бы запах угля, смазочного масла, дым из кочегарки. И затем я ощущал бы работу винта, вращение лопастей, сотрясение машины, толчки поршней...

Так или иначе, самое лучшее — запастись терпением. Ведь только завтра меня выпустят из этой дыры. К тому же, если мне и не вернут свободы, то хоть принесут поесть! Право, непохоже на то, что меня решили уморить голодом. Тогда уж гораздо проще было бы утопить меня в реке, чем переносить на корабль. Да и чем я опасен для них в открытом океане? Моих криков о помощи никто не услышит. Мои протесты будут бесполезны, мои упреки и обвинения — еще бесполезнее!

И потом, зачем я мог понадобиться этим преступникам? Для них я просто Гэйдон, больничный служи-

тель — ничтожество. Им надо было похитить из Хелтфул-Хауса именно Тома Рока. А меня... меня прихватили впридачу просто потому, что в эту минуту я входил во флигель...

Во всяком случае, что бы ни случилось, кто бы ни были виновники этого темного дела, куда бы они меня ни везли, я твердо решил одно: по-прежнему играть роль слугителя. Никто, решительно никто, не должен подозревать, что под личиной Гэйдона скрывается инженер Симон Харт. Это сулит два преимущества: во-первых, беднягу сторожа никто не станет остерегаться, а во-вторых, так будет легче раскрыть этот тайный заговор и расстроить планы преступников, если мне удастся спастись.

Но что за мысли! Прежде чем бежать, надо сначала прибыть на место назначения. О побеге я успею еще подумать потом, когда представится подходящий случай. До тех пор самое главное, чтобы никто не знал, кто я такой, и клянусь, никто этого не узнает.

Вот теперь уж нет никаких сомнений — мы отплываем! Итак, первое мое предположение было правильным. Однако если корабль, на котором мы плывем, не пароход, то это и не парусное судно. Его несомненно приводит в движение какой-то мощный механизм. Правда, я не слышу характерного стука паровой машины, заставляющей работать колеса или гребной винт, должен признать также, что судно не сотрясается от толчков поршней в цилиндрах. Скорее это непрерывное равномерное вращательное движение, которое производит двигатель неизвестной системы. Ошибиться невозможно: судно обладает особым двигателем. Но каким?

Не работает ли здесь одна из появившихся в последнее время турбин, которые, действуя внутри подводной трубы, призваны вскоре заменить гребной винт, так как лучше преодолевают сопротивление воды и сообщают большую скорость судну?

Через несколько часов я получу представление об этом новом способе судоходства и о непонятном, таинственном двигателе.

Не менее удивительно и то, что здесь совершенно

не ощущается ни бортовая, ни килевая качка. Залив Памлико обычно не бывает таким спокойным. Достаточно одних приливов и отливов, чтобы вызвать постоянное волнение на его поверхности.

Правда, в эти часы мог наступить штиль, — ведь береговой бриз, помнится, стих с наступлением вечера. Нет! Все равно это кажется мне необъяснимым, так как на любом судне, приводимом в действие двигателем, независимо от скорости движения, всегда ощущается легкое дрожание корпуса, а я этого совершенно не чувствую.

Все эти мысли неотступно преследуют меня. Несмотря на неодолимое желание заснуть, несмотря на гнетущее оцепенение, охватившее меня в этом спертom воздухе, я твердо решил не поддаваться сну. Я буду бодрствовать до утра, хотя бы утро настало для меня не раньше, чем в мою камеру проникнет дневной свет. Мне мало отворенной двери, я буду ждать, пока меня освободят из этой дыры и выведут на палубу...

Я сажусь на пол в углу и прислоняюсь к стене, — ведь здесь нет даже скамьи. Но, почувствовав, что веки слипаются и меня одолевает дремота, — тут же вскакиваю на ноги. В ярости начинаю бить в стену кулаками, звать на помощь... Напрасно я расшибаю руки о стальные заклепки обшивки: на мои крики никто не приходит.

Нет!.. Это недостойно. Я же дал слово держать себя в руках, и вот с самого начала теряю самообладание и веду себя глупо, как ребенок...

Отсутствие килевой и бортовой качки несомненно доказывает, что корабль еще не вышел в открытое море. Быть может, вместо того чтобы пересечь залив Памлико, он пошел вверх по течению Ньюса?.. Нет!.. Зачем ему забираться в глубь страны? Выкрав Тома Рока из Хелтфул-Хауса, похитители без сомнения намеревались увести его из Соединенных Штатов, — вероятно, на один из далеких островов Атлантического океана или в какой-нибудь порт Старого Света. Значит, наш корабль не идет вверх по короткому руслу реки Ньюс. Мы находимся в водах лагуны Памлико во время мертвого штиля.

Пусть так! Но, выйдя в открытое море, корабль не может избежать качки, всегда ощутимой даже при полном безветрии на судах средних размеров. Разве только я нахожусь на борту крейсера или броненосца... а это совершенно невероятно!

Вдруг мне почудилось... В самом деле, я не ошибаюсь... Снаружи слышится шум... шум шагов. Шаги приближаются к железной переборке, к той стене, где находится дверь моей камеры... Вероятно, это кто-нибудь из команды. Отопрут ли мне дверь наконец! Я прислушиваюсь... Люди разговаривают, я слышу голоса, но не могу разобрать ни слова. Они говорят на совершенно непонятном языке... Я зову, я кричу... Никакого ответа!

Мне остается только ждать, ждать, ждать! Я твержу это слово, и оно отдается в моей больной голове, словно удары колокола!

Попробуем высчитать, сколько прошло времени.

Судно снялось с якоря не меньше четырех-пяти часов тому назад. По-моему, сейчас уже далеко за полночь. К несчастью, в этой кромешной тьме мои карманные часы не могут мне помочь.

Итак, если мы плывем около пяти часов, корабль должен был уже выйти из залива Памлико, через проток Окракок или Гаттерас — безразлично. Стало быть, он уже ушел на добрую милю в открытое море. И, однако, я не ощущаю никакой качки.

Вот что необъяснимо, вот что невероятно!.. Полно... Неужели я ошибся? Неужели я поддался обману чувств? Разве я не заперт в глубине трюма на некоем неведомом корабле?

Проходит еще час, и вдруг судовые машины прекращают работу. Я совершенно убежден, что теперь судно стоит неподвижно. Неужели оно прибыло на место назначения? В таком случае мы зашли в какой-нибудь порт на побережье, к северу или к югу от залива Памлико. Однако маловероятно, что, похитив Тома Рока из Хелтфул-Хауса, преступники собираются тут же высадить его на берег. Тогда похищение неизбежно обнаружится, и виновники рискуют попасть в руки американской полиции.

Впрочем, если корабль прибыл на стоянку, я вскоре

услышу лязг якорной цепи, пропускаемой через клюз, а когда отданный якорь коснется грунта, последует толчок... Я жду этого толчка, я его почувствую... Это должно случиться скоро... всего через несколько минут.

Я жду... я напрягаю слух.

На судне царит томительная, тревожная тишина. Невольно задаю себе вопрос, есть ли здесь живые существа, кроме меня?

Я чувствую, как мною овладевает странное оцепенение... Воздух отравлен... Мне не хватает дыхания... Грудь давит какая-то тяжесть, и я не в силах сбросить ее.

Пытаюсь бороться... Невозможно... Воздух накалился до того, что я принужден растянуться на полу и скинуть с себя верхнюю одежду. Веки мои тяжелеют, смыкаются, я чувствую полный упадок сил и, наконец, забываюсь глубоким тяжелым сном...

Сколько времени я спал? Не знаю. Ночь теперь или день? Понятия не имею. Прежде всего я замечаю, что мне стало легче дышать. Воздух, наполняющий легкие, уже не отравлен углекислотой.

Значит ли это, что помещение проветрили, пока я спал? Неужели дверь отпирали? Неужели кто-то вошел в эту тесную камеру?

Да, и тому есть доказательство.

Моя рука случайно натывается в темноте на какой-то предмет — сосуд с жидкостью, распространяющей приятный аромат. Я подношу его к пересохшим губам; меня так мучит жажда, что я готов выпить даже соленой морской воды.

Это эль, превосходный эль, — я выпиваю залпом целую пинту — он освежает меня, подкрепляет мои силы.

Однако если тюремщики не дали мне умереть от жажды, не обрекли же они меня, надеюсь, на голодную смерть.

Нет... в углу оставлена корзинка, а в ней круглый хлеб и кусок холодного мяса.

Я принимаю за еду, ем с жадностью, и силы мои постепенно восстанавливаются.

Значит, меня не бросили на произвол судьбы, как я боялся. Какие-то люди входили в мою темную конуру и впустили в дверь свежего воздуха, кислорода, без кото-

рого я бы задохнулся. Кто-то позаботился о том, чтобы я мог утолять голод и жажду до тех пор, пока меня не освободят.

Как долго продлится мое заточение? Несколько дней? или месяцев?

Впрочем, я не могу ни сосчитать, сколько времени я спал, ни определить, хотя бы приблизительно, который теперь час. Правда, я позаботился завести свои карманные часы, но это часы без боя. Попробую нащупать стрелки... Да, мне кажется, часовая стрелка стала на цифре восемь... вероятно, сейчас восемь часов утра.

В чем я действительно уверен, так это в том, что судно стоит на месте. Внутри не ощущается ни малейшего сотрясения,— по-видимому, двигатель бездействует. Между тем время идет, тянется, проходят бесконечные томительные часы, и я спрашиваю себя, неужели мои тюремщики дожидаются ночи, чтобы снова войти в камеру, проветрить ее, оставить провизию, пока я сплю... Да, они хотят воспользоваться моим сном.

На этот раз я твердо решил бороться с дремотой. Я даже притворюсь спящим... и кто бы ни вошел, я поставлю его ответить на мои вопросы!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На палубе

Наконец-то я на свежем воздухе и могу дышать полной грудью. Наконец-то меня выпустили из душной каморки и вывели на палубу корабля... Окинув взглядом морскую даль, я нигде не вижу земли. Ничего, кроме круговой линии горизонта, ничего, кроме моря и неба! Нет! Не видно даже смутных очертаний материка на западе, с той стороны, где тянется на тысячи миль побережье Северной Америки.

Заходящее солнце озаряет косыми лучами водную гладь океана... Сейчас, должно быть, около шести часов вечера... Я смотрю на циферблат... Да, шесть часов тринадцать минут.

Вот что произошло за эту ночь, ночь на 17 июня.

Как уже было сказано, я ждал, чтобы отперли

дверь моей камеры, твердо решив не поддаваться сну. Я не сомневался, что день уже наступил, но время тянулось, и никто не приходил. От провизии, которую мне принесли, не осталось ни крошки. Я начал страдать от голода, но не от жажды, так как сохранил немного эля.

Вскоре я почувствовал легкое покачивание корпуса судна. Очевидно, шкуна снова вышла в море, проводя ночь на стоянке, должно быть в какой-нибудь пустынной бухте у берега, так как раньше я не ощущал характерных толчков, обычных при бросании якоря.

Было шесть часов, когда за металлической переборкой раздались шаги. Войдет ли кто-нибудь ко мне? Да. Ключ щелкнул в замке, и дверь отворилась. Свет фонаря рассеял глубокий мрак камеры, в которой я провел долгие часы заточения.

Вошли два человека, но я не успел рассмотреть их лица. Схватив меня за руки, они завязали мне глаза плотной тряпкой, так что я ничего не мог видеть.

Что означала эта мера предосторожности? Что со мной собирались делать? Я попробовал вырваться. Меня крепко держали. Я задавал вопросы. Никакого ответа. Двое неизвестных обменялись несколькими словами на незнакомом мне языке,— на каком, я не мог определить.

Положительно, со мной обращаются слишком уж бесцеремонно! Правда, в их глазах я просто слуга сумасшедшего дома, стоит ли считаться с таким ничтожеством! Однако я далеко не уверен, что с инженером Симоном Хартом обращались бы более почтительно.

На этот раз мне все же не заткнули рот кляпом и не связали по рукам и ногам. Меня просто крепко держат, чтобы я не мог убежать.

Минуту спустя меня выводят из камеры и вталкивают в тесный коридор. Под ногами гулко звенят ступени железного трапа. Затем мне в лицо ударяет свежий ветер, и я жадно вдыхаю его сквозь повязку.

Тут меня поднимают и ставят на пол, на этот раз не металлический, а деревянный; должно быть, это палуба корабля.

Наконец матросы отпускают меня. Я свободен.

Прежде всего я срываю повязку с головы и оглядываюсь вокруг.

Я стою на палубе шкуны, которая идет полным ходом, оставляя за кормой длинный пенистый след.

Я принужден ухватиться за бакштаг, чтобы не упасть, так солнечный свет ослепляет меня после двухдневного заточения в полной темноте.

По палубе ходят человек десять матросов с грубыми, суровыми лицами самого разнообразного типа; мне трудно определить их национальность. Впрочем, они почти не обращают на меня внимания.

Что до шкуны, то, мне кажется, ее водоизмещение не более двухсот пятидесяти — трехсот тонн. Широкий корпус, высокие мачты и большая площадь парусности должны обеспечить ей быстрый ход при попутном ветре.

На корме за рулем стоит матрос с загорелым обветренным лицом. Держась за ручки штурвального колеса, он правит шкуной, делая резкие повороты.

Мне хотелось бы узнать название этого судна, напоминающего своим видом яхту. Написано ли оно на корме, или на носу судна?

Обратившись к одному из матросов, я спрашиваю:
— Что это за корабль?

Никакого ответа, — можно подумать, что он даже не понимает меня.

— Где капитан?

Матрос не отвечает и на этот вопрос.

Я направляюсь к носу судна. На баке подвешен судовой колокол. Может быть, на медной стенке колокола высечено название шкуны?

Нет, ничего.

Вернувшись на корму, я задаю тот же вопрос рулевому.

Бросив на меня угрюмый взгляд, он пожимает плечами и, расставив ноги, выравнивает шкуну, сильно накренившуюся на левый борт.

Я оглядываюсь, чтобы узнать, нет ли здесь Тома Рока. Его нигде не видно... Неужели его нет на борту? Это очень странно. Зачем было похищать из Хелтфул-Хауса одного слугителя Гэйдона? Никто ни разу не за-

подозрил, что на самом деле я инженер Симон Харт, да если бы даже это стало известно, зачем я мог понадобиться похитителям и чего они от меня хотят?

Раз Тома Рока нет на палубе, значит, его заперли в одной из кают; лишь бы только с ним обращались по-вежливее, чем с его бывшим смотрителем!

Что такое? Как это я сразу не заметил! Каким же образом движется эта шкуна? Паруса убраны все до последнего, бриз стих... редкие порывы ветра, дующего с востока прямо в лоб, только препятствуют ходу судна... И тем не менее шкуна быстро несется вперед, слегка зарываясь носом и рассекая форштевнем волны, струящиеся белой пеной вдоль ватерлинии. Длинный волнистый след тянется далеко за кормой.

Значит, это паровая яхта? Нет! Между грот- и фок-мачтой не видно никакой трубы. Может быть, это судно с электрическим двигателем, снабженное аккумуляторами или гальванической батареей большой мощности; они-то приводят в движение гребной винт и сообщают кораблю подобную скорость?

Право же, нельзя иначе объяснить его движение. Во всяком случае, судно несомненно движется при помощи гребного винта, и я смогу в этом удостовериться, наклонившись над гакабортом; тогда мне останется только выяснить, какая же механическая сила приводит его в действие.

Рулевой не мешает мне приблизиться, смерив меня насмешливым взглядом.

Перегнувшись через борт, я смотрю...

Никаких признаков бурлящей клокочущей струи, которую обычно вызывает вращение винта... Ничего, кроме ровного следа за кормой, тянущегося на три-четыре кабельтовых, как за простым парусным судном.

Какой же двигатель придает шкуне такую удивительную скорость? Как я уже говорил, ветер скорее встречный, и море лишь слабо колышется.

А все-таки я узнаю, в чем дело! Во что бы то ни стало! И, пользуясь тем, что команда не обращает на меня никакого внимания, я возвращаюсь на нос.

Около носового люка я встречаю человека, лицо которого кажется мне знакомым. Облокотившись на

борт, он смотрит на меня и дает мне подойти... Он как будто ждет, что я с ним заговорю.

Я припоминаю... Это он сопровождал графа д'Артигаса во время его посещения Хелтфул-Хауса. Да, конечно, я не ошибся.

Значит, Тома Рока похитил этот богатый иностранец, значит, я нахожусь на борту его яхты «Эбба», хорошо известной в восточных портах Северной Америки... Ну, что ж! Человек у люка должен объяснить мне то, что я имею право знать. Насколько помню, они с графом д'Артигасом говорили по-английски. Он поймет меня и не сможет уклониться от ответа на мои вопросы.

Я полагаю, что это капитан «Эббы».

— Капитан, я вас видел в Хелтфул-Хаусе,— говорю я.— Вы меня узнаете?

Он оглядывает меня с ног до головы, не удостоивая ответом.

— Я смотритель Гэйдон, сторож Тома Рока,— продолжаю я,— и хочу знать, зачем вы меня похитили и привезли на шхуну?

Капитан прерывает меня жестом; вместо ответа он подает знак стоящим на баке матросам.

Те подбегают, хватают меня за руки и, не обращая внимания на мои протесты, насильно тащат вниз по лестнице в люк.

В сущности это не лестница, а вертикальный трап со ступенями из железных прутьев, вделанных в переборку. Я спускаюсь на площадку, откуда несколько дверей ведут в кубрик, капитанскую каюту и прилегающие помещения.

Неужели меня снова запрут в ту же темную камеру в глубине трюма?..

Повернув налево, меня вводят в каюту, освещенную иллюминатором; он открыт, и в него врывается свежий ветер. Мебель каюты состоит из койки с застланной постелью, стола, кресла, умывальника и шкафа.

Стол накрыт на один прибор. Мне остается только сесть за стол, после чего я обращаюсь с вопросом к поваренку, который, поставив передо мной кушанья, собирается уходить.

Еще один глухонемой! Или этот негритенок просто не понимает английского языка?

Когда дверь за ним затворилась, я с аппетитом принялся за еду, отложив все вопросы на будущее в надежде, что когда-нибудь все же получу на них ответ.

Правда, я опять взаперти, но на этот раз в несравненно лучших условиях, которых меня, надеюсь, не лишат до прибытия в гавань.

Мои мысли вертятся вокруг одного: совершенно ясно, что именно граф д'Артигас подготовил похищение, что он его зачинщик, и французский изобретатель несомненно находится на борту «Эббы» в какой-нибудь не менее комфортабельной каюте.

Кто он такой, этот граф, собственно говоря? Откуда взялся этот иностранец? Захватив Рока в свои руки, он, видимо, хочет любой ценой завладеть секретом фульгуратора? Это весьма правдоподобно. В таком случае надо быть начеку и не выдать себя; если обо мне узнают правду, я потеряю всякую надежду получить свободу.

Сколько мне нужно решить загадок, сколько раскрыть тайн — происхождение графа д'Артигаса, его планы на будущее, курс, которым следует шкуна, место ее обычной стоянки... и, наконец, необходимо понять, почему судно без парусов и без винта плывет со скоростью не менее десяти миль в час!..

С наступлением вечера холодный ветер дует в иллюминатор каюты, и я прикрываю его. Так как дверь заперта снаружи, я почитаю за лучшее растянуться на койке и заснуть под легкое покачиванье таинственной шкуны, плывущей по волнам Атлантического океана.

На следующее утро я просыпаюсь с зарей, одеваюсь, привожу себя в порядок и жду.

Мне приходит в голову проверить, заперта ли дверь каюты.

Нет, не заперта. Толкнув ее, я взбираюсь по трапу и выхожу из люка.

Матросы моют палубу; на корме стоит капитан с каким-то незнакомцем. Мое появление несколько не удивляет его, и он кивком головы указывает на меня своему собеседнику.

Этого человека я еще никогда не встречал. На вид ему лет пятьдесят; у него черная борода и волосы с проседью, тонкое насмешливое лицо, живые умные глаза. По типу он напоминает эллина, и я убеждаюсь в его греческом происхождении, когда капитан «Эббы» называет его Серкё,— инженер Серкё.

Что касается самого капитана, его зовут Спаде — имя, по-видимому, итальянское. Грек, итальянец — разноплеменная команда, набранная со всего света на шкуну с норвежским названием,— все это, право же, кажется мне подозрительным.

А сам граф д'Артигас с его азиатским типом и испанской фамилией — откуда он взялся?

Капитан Спаде вполголоса разговаривает с инженером Серкё, наблюдая за рулевым, который правит, как будто вовсе не сверяясь с показаниями компаса, установленного в нактоузе у него перед глазами. Скорее он следит за сигналами матроса на носу судна, который жестами указывает ему то лево руля, то право руля.

Там, возле носовой рубки, я вижу Тома Рока. Он смотрит на необозримый пустынный океан, без единой полоски земли на горизонте. Двое матросов, стоя рядом, не спускают с него глаз. Ведь от помешанного можно всего ожидать,— он способен даже выброситься за борт.

Я еще не знаю, разрешат ли мне общаться с моим бывшим пациентом.

Я направляюсь к нему; капитан Спаде и инженер Серкё зорко следят за мной.

Приблизившись к Тома Року, который меня не замечает, я становлюсь рядом с ним.

Тома Рок не трогается с места и, кажется, не узнает меня. Оживленный, с горящими глазами, он смотрит в морскую даль, с наслаждением, полной грудью вдыхая живительный соленый воздух. Он радуется атмосфере, насыщенной кислородом, и яркому солнечному свету, льющемуся с безоблачного неба, он купается в его лучах. Сознает ли он перемену в своем положении? Не успел ли уже позабыть и Хелтфул-Хаус, и флигель, где его держали под надзором, и смотрителя Гэйдона?

Вполне возможно. Прошное изгладилось из его памяти, он весь в настоящем.

По-видимому, Тома Рок и здесь, на палубе «Эббы», среди океана, остается все тем же помешанным, за которым я ухаживал полтора года. Его психическое состояние не улучшилось, рассудок вернется к нему только, когда речь зайдет о его изобретениях. Графу д'Артигасу известна эта особенность по опыту, и, очевидно, он именно на нее и рассчитывает, надеясь рано или поздно вывести у изобретателя его тайну. Но как он думает воспользоваться этой тайной?

— Тома Рок! — зову я.

Услышав мой голос, он вздрагивает, но, мельком взглянув на меня, отворачивается.

Я беру его за руку, пожимаю ее. Он быстро выдергивает руку, так и не узнав меня, отходит в сторону и направляется на корму, где стоят инженер Серкё и капитан Спаде.

Любопытно, заговорит ли Тома Рок с кем-нибудь из них и станет ли отвечать на вопросы, после того как не откликнулся на мой зов?

В эту минуту на его лице мелькнул проблеск мысли; его внимание несомненно привлёк необъяснимый ход шкуны.

Действительно, он переводит взгляд на мачты и свернутые паруса «Эббы», которая быстро несется по гладкой поверхности моря.

Повернув назад, вдоль правого борта, Тома Рок останавливается там, где должна бы находиться труба судна, будь «Эбба» паровой яхтой, — труба, изрыгающая клубы черного дыма.

То, что поразило меня, озадачило и его... Так же как и я, он не может найти объяснения и тоже спешит на корму, чтобы увидеть работу винта.

За бортом шкуны резвится стая дельфинов. Несмотря на быстрый ход «Эббы», эти проворные животные без труда обгоняют ее, прыгая, кувыркаясь, играя в родной стихии с изумительной легкостью.

Не обращая на них внимания, Тома Рок наклоняется над фальшбортом.

Инженер Серкё и капитан Спаде, боясь, что он сва-

лится в море, спешат к нему и, крепко схватив за руки, уводят обратно на палубу.

Мой опытный глаз замечает, что Тома Рок находится в состоянии сильнейшего возбуждения. Он кружится на месте, жестикулирует и, ни к кому не обращаясь, выкрикивает бессвязные слова...

Совершенно ясно, что у него скоро начнется припадок, как в последний вечер во флигеле Хелтфул-Хауса, припадок, имевший тогда роковые последствия. Надо бы подойти к нему и увести его в каюту; быть может, скоро и меня позовут туда для ухода за больным.

Инженер Серкё и капитан Спаде не спускают с него глаз, вероятно желая посмотреть, что будет дальше. Вот что делает Тома Рок.

Подойдя к грот-мачте и убедившись, что на ней нет парусов, помешанный толкает ее, обхватывает обеими руками и трясет, точно хочет свалить. Затем, видя, что его усилия напрасны, он перебегает к фок-мачте и также пытается сломать ее. Его нервное возбуждение все возрастает. Непонятное бормотанье сменяется нечленораздельными криками...

Внезапно бросившись к вантам левого борта, он хватается за них. Боюсь, что он взберется сейчас по веревочной лестнице и поднимется на марс фок-мачты... Если его не остановить, он может упасть на палубу, а если судно накренится,— сорваться в море.

По знаку капитана Спаде подбежавшие матросы хватают Рока, напрасно пытаясь оттащить его от вантов, в которые он вцепился изо всех сил. Во время припадков силы больного удесят�ряются,— мне это хорошо известно: чтобы справиться с ним, мне часто приходилось звать на помощь санитаров.

На этот раз матросам шкуны — крепким, здоровым ребятам — удастся быстро укротить несчастного безумца. Его сбивают с ног и кладут на палубу, крепко держа за руки, несмотря на яростное сопротивление.

Теперь нужно только унести его в каюту, уложить на койку и оставить в покое, пока не кончится припадок. Так и поступают по приказанию какого-то нового лица, появившегося на палубе.

Услышав голос этого человека, я оборачиваюсь и узнаю его.

На палубе стоит граф д'Артигас с суровым лицом и высокомерной осанкой, такой же, каким я видел его в Хелтфул-Хаусе.

Я тотчас же подхожу к нему. Я непременно должен добиться объяснения, и я его потребую!

— По какому праву, сударь?..— спрашиваю я.

— По праву сильного! — отвечает граф д'Артигас.

И удаляется на корму, в то время как Тома Рока уносят в каюту.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Два дня плавания

Возможно, если потребуют обстоятельства, мне придется открыть графу д'Артигасу, что на самом деле я инженер Симон Харт. Как знать, не станут ли со мной лучше обращаться, чем обращались со служителем Гэйдоном? Во всяком случае, это надо хорошенько обдумать. Я твердо убежден, что владелец «Эббы» велел похитить французского изобретателя в надежде захватить в свои руки «фульгуратор Рок», которого ни в Старом ни в Новом Свете не пожелали купить за баснословную цену, запрошенную автором. Поэтому, если Тома Рок откроет свой секрет, пожалуй, мне лучше по-прежнему иметь к нему доступ, оставаться при больном в качестве санитара и выполнять свои прежние обязанности. Да, я не должен упускать возможности все видеть, все слышать... и, кто знает? узнать, наконец, то, что мне не удалось открыть в Хелтфул-Хаусе!

Куда же теперь идет шкуна «Эбба»? Вот первый вопрос.

Кто такой граф д'Артигас? Вот второй вопрос.

Первый несомненно разрешится через несколько дней, принимая во внимание необычайную скорость этой фантастической яхты с таинственным двигателем, систему которого я в конце концов непременно разгадаю.

Насчет второго вопроса я не уверен, что его удастся когда-либо разрешить.

Действительно, этот загадочный незнакомец, по-моему, имеет особо веские причины скрывать свое происхождение, и, боюсь, никакие приметы не помогут мне определить его национальность. Хотя граф д'Артигас свободно говорит по-английски, как я убедился во время посещения им Хелтфул-Хауса, все же в его говоре слышится жесткий вибрирующий акцент, несвойственный северным народам. За время моих странствий в обоих полушариях я не слышал ничего похожего на этот акцент, кроме разве особой жесткости произношения, характерной для малайских наречий. И в самом деле, судя по его смуглой, почти оливковой коже с медным отливом, черным, как смоль, вьющимся волосам, глубоко запавшим глазам, жгучему взгляду неподвижных зрачков, высокому росту, широким плечам, крепким мускулам, свидетельствующим о большой физической силе, вполне возможно, что граф д'Артигас принадлежит к одной из рас Дальнего Востока.

Я подозреваю, что д'Артигас — фамилия вымышленная, так же как и графский титул. Хотя его шкуна носит норвежское название, сам хозяин отнюдь не скандинавского происхождения. Он несколько не похож на уроженцев северных стран, спокойных, белокурых, с добродушными лицами и светло-голубыми глазами.

В конце концов кто бы он ни был, этот человек велел похитить Тома Рока и меня вместе с ним, причем несомненно с какой-то преступной целью.

Далее, действовал ли он в пользу иностранной державы или в своих собственных интересах? Намерен ли он один использовать новое изобретение и имеет ли возможность и средства это осуществить? Вот третий вопрос, на который я еще не могу ответить. Из того, что я увижу и услышу в дальнейшем, мне, может быть, удастся разрешить эту задачу, перед тем как я убегу отсюда, если только побег будет возможен.

«Эбба» продолжает идти прежним ходом, приводимая в движение своим таинственным двигателем. Я мо-

гу свободно разгуливать по палубе, не заходя, однако, дальше носового люка перед фок-мачтой.

Один раз я попытался было подойти к бушприту и посмотреть, перегнувшись через борт, как форштивень рассекает волны. Но вахтенные матросы, очевидно выполняя заранее отданный приказ, не пропустили меня, и один из них крикнул хриплым голосом на ломаном английском языке:

— Назад! Назад! Вы мешаете маневрам!

Однако никаких маневров не производилось.

Поняли ли они, что я старался разгадать, какого рода механизм приводит в движение шкуну? Вероятно, поняли, и капитан Спаде, присутствовавший при этом, несомненно догадался, что я пытаюсь проникнуть в тайну нашего странного плавания. Даже простого больничного сторожа должно удивить, что судно без парусов, без гребного винта развивает такую скорость. Словом, по той или иной причине, мне запрещен вход на носовую палубу «Эббы».

К десяти часам попутный северо-западный ветер свежеет,— и капитан Спаде дает команду боцману.

Боцман, со свистком в зубах, тотчас же приказывает поднять грот, фок, кливер и стаксель. Матросы выполняют команду с наименьшей расторопностью и дисциплиной, чем на любом военном корабле.

«Эбба» слегка накреняется на левый борт, и ход ее заметно ускоряется. Мотор, однако же, не перестает работать, ибо даже при таком положении парусов шкуна не могла бы идти с подобной быстротой. Тем не менее паруса увеличивают ее скорость благодаря свежему ровному ветру, дующему в одном направлении.

Небо ясно, облака на западе, поднимаясь все выше, постепенно рассеиваются, и море сверкает в потоках солнечных лучей.

Теперь моя основная задача выяснить, куда направляется корабль. Я немало плавал по морям и умею определять скорость судна. По моим расчетам «Эбба» делает десять-одиннадцать миль в час. Курс ее остается прежним, что легко проверить, взглянув на компас, установленный в нактоузе перед рулевым. Смотрителю Гэйдону запрещено ходить только на носо-

вую часть судна, но не на корму. Мне не раз удавалось бросить быстрый взгляд на компас, стрелка которого неизменно указывает на восток, или, говоря точнее, на ост-зюйд-ост.

Таким образом мы пересекаем Атлантический океан, оставив далеко на западе побережье Северной Америки.

Я стараюсь припомнить, какие острова или группы островов встретятся нам в этом направлении, на пути к берегам Старого Света.

Северная Каролина, оставленная нами двое суток тому назад, лежит на тридцать пятой параллели; если продолжить эту параллель к востоку, она, насколько помню, пересекает африканский берег приблизительно на уровне Марокко. На той же широте в трех тысячах миль от Америки расположены Азорские острова. Неужели «Эбба» направляется туда и ее обычная стоянка находится у одного из островов этого архипелага, принадлежащего Португалии? Нет, я не могу принять подобную гипотезу.

Впрочем, на той же тридцать пятой параллели, гораздо ближе Азорских островов, всего в тысяче двухстах километрах от побережья, расположена группа Бермудских островов, принадлежащих Англии. Если граф д'Артигас взялся похитить Тома Рока для какой-либо европейской державы, то, вероятнее всего, эта держава — Соединенное королевство Великобритании и Ирландии. Хотя, по правде говоря, не исключена возможность, что он затеял дело в своих собственных интересах.

Три или четыре раза за этот день граф д'Артигас выходит на палубу; стоя на корме, он внимательно изучает горизонт. Как только в море появляется парус или дымок парового судна, он долго смотрит на него в сильную подзорную трубу. Надо добавить, что он не устает замечать мое присутствие на палубе.

Время от времени к нему подходит капитан Спаде, и они обмениваются короткими фразами на языке, которого я не могу ни понять, ни определить.

Охотнее всего владелец «Эббы» беседует с инженером Серкё, который, по-видимому, пользуется его осо-

бым расположением. Этот инженер довольно словоохотлив, менее угрюм и замкнут, чем его спутники; любопытно, какое положение он занимает на шкуне? Может быть, это личный друг графа д'Артигаса, друг, который сопутствует графу в морских путешествиях, деля с ним завидную жизнь богатого яхтсмена?.. Так или иначе, это единственный человек, относящийся ко мне если не с симпатией, то хотя бы с некоторым интересом.

Что касается Тома Рока, то его не видно с самого утра, и он, должно быть, лежит взаперти у себя в каюте, еще не оправившись от вчерашнего припадка.

Я убедился в этом, когда около трех часов пополудни, задержавшись у входа в люк, граф д'Артигас знаком подозвал меня к себе.

Не знаю, чего он от меня хочет, но отлично знаю, что я ему скажу.

— Долго ли продолжаются припадки Тома Рока? — спросил он по-английски.

— Иной раз по двое суток, — ответил я.

— Что нужно с ним делать?

— Оставить его в покое, пока он не заснет. После крепкого ночного сна приступ кончается, и Тома Рок возвращается к своему обычному состоянию.

— Хорошо, смотритель Гэйдон, если потребуется, вы будете по-прежнему ухаживать за больным, как в Хелтфул-Хаусе.

— Ухаживать за больным?

— Да... на борту шкуны, до тех пор пока мы не придем.

— Куда?

— Туда, куда мы прибудем завтра после полудня, — ответил граф д'Артигас.

«Завтра... — подумал я. — Значит, мы держим путь не к африканскому берегу и даже не к Азорским островам. Остается предположить, что «Эбба» бросит якорь у Бермудских островов».

Граф д'Артигас уже поставил ногу на верхнюю ступеньку трапа, когда я в свою очередь задал ему вопрос.

— Сударь, я хочу знать, я имею право знать, куда мы едем и...

— Здесь у вас нет никаких прав, смотритель Гэйдон. Ваше дело — отвечать, когда вас спрашивают.

— Я протестую!

— Протестуйте,— холодно ответил надменный иностранец, бросив на меня недобрый взгляд.

С этими словами он спустился в люк, оставив меня вдвоем с инженером Серкё.

— На вашем месте я бы смирился, смотритель Гэйдон,— сказал тот, насмешливо улыбаясь.— Когда человека захватили в тиски...

— Он имеет право кричать, я полагаю...

— Какой смысл, раз никто не может вас услышать?

— Меня услышат позже...

— Позже... этого долго ждать! Ну что же, кричите сколько угодно!

После этого иронического совета инженер Серкё удалился, оставив меня одного с моими мыслями.

Около четырех часов дня в шести милях к востоку показался большой корабль, идущий нам навстречу. Он быстро приближается и растет у нас на глазах. Из двух его труб вырываются клубы черного дыма. Несомненно это военный корабль, так как на грот-мачте развевается узкий вымпел, и хотя на гафеле не видно флага, я как будто узнаю крейсер американского флота.

Интересно, будет ли «Эбба» согласно обычаю салютовать крейсеру, когда мы поравняемся с ним.

Очевидно, нет, ибо в ту же минуту шкуна меняет курс с явным намерением избежать встречи.

Подобный маневр со стороны подозрительной яхты ничуть не удивляет меня. Но я крайне поражен тем, как капитан Спаде производит этот маневр.

В самом деле, подойдя к брашпилю на баке, капитан останавливается у небольшого сигнального аппарата, вроде пульта, передающего на пароходах команду в машинное отделение. Лишь только он нажимает одну из кнопок аппарата, «Эбба» делает поворот в четверть румба к юго-востоку, а матросы ослабляют школы парусов.

Очевидно, был отдан некий приказ механику неведомой машины, управляющей движением шкуны при

помощи неведомого двигателя, система которого мне пока еще неизвестна.

В результате этого маневра «Эбба» уклоняется в сторону от крейсера, который продолжает идти, не изменяя курса. Да и ради чего стал бы военный корабль преследовать парусную яхту, не вызывающую никаких подозрений?

Однако «Эбба» поступает совершенно иначе, когда около шести часов вечера с левого борта появляется второй корабль. На этот раз капитан Спаде, подав команду в аппарат, ложится на прежний курс и, вместо того чтобы избежать встречи с судном, идет на восток, прямо ему наперерез.

Час спустя оба корабля находятся всего на расстоянии трех-четырех миль друг от друга.

Ветер к тому времени совершенно стихает; команда встречного корабля, трехмачтового торгового судна, спешит убрать верхние паруса. До утра на ветер рассчитывать не приходится, и завтра, при таком штиле, трехмачтовик несомненно окажется на прежнем месте. Что касается «Эббы», она продолжает идти на сближение при помощи своего таинственного двигателя.

Капитан Спаде, разумеется, приказывает тоже спустить паруса, и команда под наблюдением боцмана Эфрондата выполняет приказ с такой же изумительной быстротой, как на гоночных яхтах.

Тут капитан Спаде подходит к правому борту, где я стою, и без церемоний приказывает мне спуститься в каюту.

Приходится повиноваться. Однако прежде чем покинуть палубу, я успеваю заметить, что боцман вовсе не торопится зажигать сигнальные огни, тогда как на трехмачтовом судне уже горит зеленый огонь на правом борту и красный — на левом.

Для меня ясно, что шкуна намеревается пройти незамеченной мимо встречного корабля. Ход ее несколько замедлился, но направление не изменилось.

По моему расчету «Эбба» со вчерашнего дня ушла на восток миль на двести.

Вернувшись в свою каюту, я чувствую какое-то смутное беспокойство. На столе меня ждет ужин, но,

едва притронувшись к пище, я ложусь на койку, встревоженный, сам не знаю почему, и напрасно стараюсь заснуть.

Такое томительное состояние продолжается около двух часов. Тишину нарушает лишь мерное покачивание шкуны, журчание воды, струящейся вдоль корпуса, да легкие толчки при поворотах судна на гладкой поверхности спокойного моря.

В моей голове теснятся тревожные мысли, воспоминания обо всем, что произошло за последние два дня, и я никак не могу успокоиться. Итак завтра, после полудня, мы пристанем к берегу. Завтра, на суше, я снова возьмусь за свои обязанности по уходу за больным Тома Роком, «если это потребуется», как сказал граф д'Артигас.

Когда меня впервые заперли в глубине трюма, я заметил, в какой момент шкуна вышла в море из залива Памлико; теперь — около десяти часов вечера — я чувствую, что она остановилась.

Чем вызвана эта остановка? Когда капитан Спаде приказал мне уйти с палубы, никакой земли не было видно на горизонте. По пути нашего следования на картах нанесены лишь Бермудские острова, а в наступающих сумерках сигнальщики на мачтах едва ли могут их заметить раньше, чем мы пройдем еще пятьдесят — шестьдесят миль.

К тому же «Эбба» не только легла в дрейф, но стоит совершенно неподвижно. Едва ощущается легкое, равномерное бортовое покачивание. Даже зыбь почти не чувствуется. Ни малейшее дуновение ветра не рябит гладкой поверхности океана.

Мои мысли обращаются к торговому судну; оно стояло от нас не больше чем в полутора милях, когда я спускался в каюту. Если бы шкуна продолжала идти ему наперерез, она бы уже поравнялась с ним. Теперь же расстояние между двумя кораблями не должно превышать одного-двух кабельтовых. Трехмачтовое судно легло в дрейф при заходе солнца, и его не могло отнестись к западу. Без сомнения, оно на прежнем месте, и, будь ночь посветлее, я бы увидел его через иллюминатор каюты.

Мне приходит в голову, что сейчас представляется удобный случай, которым следует воспользоваться. Почему бы не попытаться убежать, раз всякая надежда быть отпущенным на свободу для меня потеряна? Правда, я не умею плавать, но неужели, бросившись в море со спасательным кругом, я не доплыву до трехмачтовика, если мне удастся обмануть бдительность вахтенных матросов?

Значит, надо прежде всего выйти из каюты и подняться по трапу... Ни в кубрике, ни на палубе «Эббы» не слышно никакого шума... Должно быть, в этот час команда уже спит... Рискнем...

Я пробую отворить дверь каюты, но она заперта снаружи. Этого следовало ожидать.

Придется отказаться от плана побега, сулившего, впрочем, мало надежды на успех.

Самое лучшее — уснуть, ибо если я не утомлен физически, то сильно измучен нравственно. Меня преследуют неотступные вопросы, запутанные противоречивые мысли... Хоть бы забыться сном!..

Должно быть, мне это удалось, так как я внезапно просыпаюсь от какого-то странного шума, шума необычного, — такого я еще ни разу не слышал на борту шкуны.

За стеклом иллюминатора, обращенного на восток, занимается рассвет. Я смотрю на часы. Они показывают половину пятого утра.

Первым делом надо узнать, тронулась ли в путь «Эбба».

Нет, конечно, — ни на парусах, ни при помощи мотора. Иначе я чувствовал бы знакомое покачиванье и дрожание корпуса судна; в этом я не мог бы ошибиться. Кроме того, море, по-видимому, так же спокойно на восходе солнца, как было вчера на закате. Если «Эбба» и шла на парусах, пока я спал, то сейчас во всяком случае она стоит неподвижно.

Станный шум происходит от беготни и топота ног на верхней палубе, — слышатся шаги людей, нагруженных тяжелой ношей. В то же время мне кажется, что такой же шум и суeta доносятся из-под пола моей каюты, из трюма, сообщающегося с палубой через большой

люк позади фок-мачты. Я различаю также какое-то трение и царапание вдоль корпуса шкуны, над ватерлинией. Может быть, к судну пристали шлюпки? Может быть, матросы грузят или выгружают товары?

Однако трудно предположить, что мы причалили к берегу. Граф д'Артигас сказал, что «Эбба» не прибудет к месту назначения раньше чем через сутки. А вчера вечером, как я уже говорил, она находилась еще на расстоянии пятидесяти — шестидесяти миль от ближайшей земли — Бермудских островов. Немыслимо представить себе, что шкуна повернула обратно на запад и приблизилась к американскому побережью, — расстояние слишком велико. Вероятнее всего, судно стояло на месте всю ночь. Перед сном я заметил, что шкуна остановилась, и сейчас она по-прежнему не двигается.

Остается ждать, пока мне разрешат подняться на палубу. Дверь каюты, как я только что убедился, все еще заперта. Неужели меня не выпустят, когда настанет день? Не думаю.

Проходит час. В иллюминатор проникает свет зари. Я выглядываю наружу. Море заволакивает легкий туман, который быстро рассеется при первых солнечных лучах.

Окинув взглядом пространство на полмили кругом, я нигде не вижу трехмачтового парусника; должно быть, он стоит с противоположной стороны «Эббы», с левого борта.

Но вот раздается скрип в замочной скважине, и ключ поворачивается. Распахнув дверь, я избегаю по железному трапу и выхожу на палубу в ту минуту, когда матросы закрывают носовой люк.

Я ишу глазами графа д'Артигаса. Его здесь нет, он еще не выходил из каюты.

Капитан Спаде и инженер Серкё наблюдают за погрузкой каких-то тюков, которые, по-видимому, вытащили из трюма и переносят на карму. Этим и объяснялись, вероятно, шум и суета, которые я слышал, когда проснулся. Раз команда выносит товары из трюма, значит, мы скоро прибудем на место... Мы уже недалеко от порта, и, может быть, через несколько часов шкуна станет на якорь.

Позвольте... а где же парусник, стоявший рядом, за левым бортом? Ведь со вчерашнего вечера не было ветра, значит, он должен был остаться на прежнем месте...

Я обращаю взгляд в его сторону...

Трехмачтовое судно исчезло, море пустынно, не видно ни одного корабля, ни одного парусника ни на севере, ни на юге, вплоть до самого горизонта.

Подумав, я могу найти этому лишь одно объяснение, правда требующее оговорки; должно быть, пока я спал, «Эбба» все-таки продолжала рейс и прошла большое расстояние, оставив позади трехмачтовый парусник: только поэтому я и не вижу его рядом со шкуной.

Конечно, мне и в голову не приходит спросить об этом ни капитана Спаде, ни даже инженера Серкё, они все равно не удостоили бы меня ответом.

В эту минуту капитан Спаде, подойдя к сигнальному аппарату, нажимает одну из кнопок верхнего ряда. Почти тотчас же «Эбба» сотрясается от сильного толчка. Затем, не поднимая парусов, она снова пускается в путь на восток с поразительной, необъяснимой скоростью.

Два часа спустя у кормового люка появляется граф д'Артигас и занимает свое обычное место у гака-борта. Капитан Спаде и инженер Серкё о чем-то совещаются с ним вполголоса.

Все трое, поднеся к глазам подзорные трубы, обозревают линию горизонта с юго-востока на северо-восток.

Нет ничего удивительного, что и я пристально вглядываюсь в даль в том же направлении, но, не имея подзорной трубы, не могу ничего рассмотреть в просторах океана.

После завтрака мы все поднимаемся на палубу, за исключением Тома Рока, не выходявшего из каюты со вчерашнего дня.

В половине второго сторожевой матрос с марса фокмачты подает сигнал, что видна земля. «Эбба» мчится с такой необычайной быстротой, что, надеюсь, скоро и мне удастся увидеть очертания берега.

Действительно, часа через два милях в восьми от нас вырисовываются смутные контуры земли. По мере

того как шкуна приближается, очертания становятся все яснее. Это гора или по крайней мере возвышенность. Над ее вершиной, вздымаясь к небу, клубится дым.

Вулкан в этих широтах?! Так неужели же это...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Бэк-Кап

По моим расчетам «Эбба» не могла встретить в этой части Атлантического океана другого архипелага, кроме Бермудских островов. Я делаю такой вывод, во-первых, зная расстояние, отделяющее нас от американского побережья, и, во-вторых, курс, взятый нами по выходе из залива Памлико. Шкуна неизменно шла курсом ост-зюйд-ост, и пройденное расстояние, судя по скорости хода, составляет приблизительно девятьсот или тысячу километров.

Между тем шкуна продолжает идти вперед, не снижая скорости; граф д'Артигас с инженером Серкё стоят на корме подле рулевого. Капитан Спаде переходит на нос.

Интересно, проплывем ли мы мимо этого одинокого островка, не заходя туда?

Вряд ли, так как наступает день и час, назначенные для прибытия на место стоянки.

Все матросы уже выстроились на палубе в ожидании команды, а боцман Эфрондат готовится отдать якорь.

Не позже двух часов я буду знать, высадимся мы здесь или нет. Наконец-то я получу первый ответ на один из множества вопросов, занимающих меня с тех пор, как шкуна вышла в океан.

Однако трудно поверить, что место стоянки «Эббы» находится именно на одном из Бермудских островов, среди английских владений — если только граф д'Артигас не похитил Тома Рока по заданию Великобритании; впрочем, эта гипотеза маловероятна.

Тут я вдруг замечаю, что этот загадочный человек весьма пристально наблюдает за мной. Хотя он и не

может заподозрить, что перед ним инженер Симон Харт, его все же интересует, как я отношусь к этому приключению. Ведь беднягу сторожа Гэйдона ожидающая его судьба должна тревожить не меньше, чем любого джентльмена, будь он даже владельцем этой странной парусной яхты. Признаюсь, меня немного беспокоит настойчивость, с какой он меня разглядывает.

Ах, если бы граф д'Артигас мог знать, какая догадка меня сейчас осенила,— ручаюсь, что он не поколебался бы тут же выбросить меня за борт!..

Рассудок подсказывает мне, что надо быть осторожнее и осмотрительнее, чем когда-либо.

В самом деле, не вызывая ни в ком подозрений,— даже в инженере Серкё при всей его проницательности,— я внезапно приоткрыл уголок таинственной завесы. Неожиданная догадка отчасти пролила свет и на мою будущую судьбу.

При приближении «Эббы» очертания острова, или, вернее, островка, к которому она держит путь, все более четко вырисовываются на светлом фоне неба. Солнце, миновав зенит, клонится к закату и ярко озаряет островок своими лучами. Он стоит особняком, во всяком случае ни к северу, ни к югу от него не видно других островов архипелага.

По мере того как расстояние сокращается, остров вырастает на глазах, и кажется, будто линия горизонта за ним постепенно опускается.

Этот островок, весьма необычного строения, по форме очень похож на опрокинутую чашку, над которой вздымаются черные клубы дыма. Вершина горы — или, если угодно, донышко чашки,— возвышается над уровнем моря, вероятно, на сотню метров, а склоны обрываются в море правильными крутыми гранями, такими же голыми и бесплодными, как утесы у ее подножия, о которые разбиваются волны прибоя.

Благодаря одной замечательной природной особенности мореплаватели узнают маленький островок уже издали,— эта особенность — сквозная скала с западной стороны. Через естественную арку, образующую как бы ручку опрокинутой чашки, прорываются бурные

пенистые волны и проникают лучи солнца, когда оно восходит над горизонтом. Всем своим видом островок вполне оправдывает данное ему название Бэк-Кап¹.

Так вот, я запомнил этот островок, я сразу узнал его! Он расположен на краю Бермудского архипелага. Это «опрокинутая чашка», на которой мне довелось побывать несколько лет тому назад... Нет, я не ошибаюсь! Я не раз взбирался на эти известковые скалы, я обогнул подошву горы с восточной стороны. Да, это Бэк-Кап!

Будь у меня поменьше выдержки, я вскрикнул бы от удивления... и радости, а это вызвало бы вполне понятное подозрение у графа д'Артигаса.

Вот при каких обстоятельствах мне пришлось исследовать Бэк-Кап во время пребывания на Бермудских островах.

Этот архипелаг, расположенный примерно в тысяче километров от Северной Каролины, состоит из нескольких сотен островов и островков. В центре его шестьдесят четвертый меридиан пересекается с тридцать второй параллелью. После кораблекрушения англичанина Ломера, который разбился у здешних берегов в 1609 году, Бермудские острова перешли во владение Великобритании, вследствие чего население ее колоний увеличилось на десять тысяч человек. Англия решила присоединить, или, вернее, захватить, эту группу островов не ради производства хлопка, кофе, индиго, аррорута и других товаров. Здесь было весьма подходящее место для морской базы среди океана, недалеко от Соединенных Штатов. Захват не вызвал никаких протестов со стороны других держав, и с тех пор Бермудскими островами управляет британский губернатор при участии местного совета и генеральной ассамблеи.

Главные острова архипелага носят названия Сент-Дейвидс, Сомерсет, Гамильтон, Сент-Джорджес. На этом последнем острове имеется порт и город того же названия, ставший столицей архипелага.

Самый крупный из островов не превышает двадцати километров в длину и четырех в ширину. Не считая

¹ Back-Cap — вверх дном (англ.).

островов средней величины, архипелаг представляет собою скопление островков и рифов, рассыпанных на площади в двенадцать квадратных лье. Хотя на Бермудах прекрасный, здоровый климат, зимой в Атлантическом океане бушуют неистовые бури, и подступы к островам опасны для мореплавателей.

Главный недостаток архипелага — отсутствие рек и родников. Благодаря обильно выпадающим дождям жители восполняют нехватку воды, собирая ее для своих надобностей в водоемы. Для этого они сооружают обширные цистерны, которые частые ливни щедро наполняют водой. Конструкция их поистине достойна всяческого восхищения и делает честь человеческому гению.

Интересуясь этими замечательными работами и желая ознакомиться с устройством водоемов, я принял путешествие на Бермудский архипелаг.

В то время я работал инженером в одном из учреждений штата Нью-Джерси. Взяв отпуск на несколько недель, я поехал в Нью-Йорк, а оттуда отправился пароходом на Бермудские острова.

И вот, во время моего пребывания в большом порту Саутгемптон на острове Гамильтон, там произошло странное явление природы, весьма заинтересовавшее геологов.

В один прекрасный день в порт Саутгемптон приплыла целая флотилия рыбацких лодок с рыбаками, их женами и детьми.

Уже больше пятидесяти лет как семьи эти поселились на восточном побережье Бэк-Капа. Они построили там деревянные хижины и каменные домики. Рыбакам было чрезвычайно удобно жить на самом взморье, в местах богатых рыбой и особенно благоприятных для китобойного промысла, так как к Бермудским островам, особенно в марте и апреле, приплывает множество кашалотов.

До сих пор ничто не нарушило покоя здешних жителей и не мешало их мирному промыслу. Условия жизни не казались им слишком суровыми благодаря близости и удобству сообщения с островами Гамильтон и Сент-Джорджес. На прочных баркасах, оснащенных паруса-

ми наподобие тендеров, рыбаки вывозили богатый улов и привозили взамен все необходимое для своих семей.

Почему же они вдруг покинули родной остров, решив, как вскоре стало известно, никогда больше туда не возвращаться? Это объяснялось тем, что их жизни на Бэк-Капе с некоторых пор стала угрожать опасность.

Два месяца тому назад рыбаков поразил, а затем и встревожил глухой гул и грохот, доносившийся из недр Бэк-Капа. В то же время из вершины горы — иначе говоря, со дна опрокинутой чашки — начали вырываться дым и пламя. До сих пор никто не подозревал, что островок этот вулканического происхождения и вершина его образует кратер, так как никто не мог взобраться по крутым скалистым склонам. Но теперь не оставалось сомнений, что Бэк-Кап огнедышащая гора и что жителям поселка угрожает извержение вулкана.

В течение двух месяцев не раз повторялись подземные толчки и удары, сотрясавшие весь островок; длинные языки пламени взвивались над верхушкой горы — в особенности по ночам, — и где-то в глубине раздавался ужасающий грохот; все эти признаки неопровержимо свидетельствовали о работе плутонических сил в недрах острова, предвещая в недалеком будущем извержение вулкана.

Страшась неминуемой катастрофы на узкой прибрежной полосе, на которой даже негде было бы укрыться от потоков лавы, опасаясь к тому же возможности полного разрушения Бэк-Капа, жители поселка, не долго думая, обратились в бегство. Погрузив все имущество на рыбацьи лодки, они переправились в порт Саутгемптон в поисках пристанища.

Известие о том, что бездействующий много веков вулкан на западном краю архипелага начинает пробуждаться, вызвало панику на Бермудских островах. Одних эта новость испугала, в других пробудила любопытство. Я принадлежал к последним. Кроме того, важно было исследовать на месте это таинственное явление и проверить, не преувеличивали ли рыбаки его возможных последствий.

Бэк-Кап выступает из воды отдельным массивом к

западу от архипелага и соединяется с ним причудливой цепочкой из мелких островков и рифов, неприступных для мореплавателей с восточной стороны. «Опрокинутую чашку» не видно ни с острова Сент-Джорд-жес, ни с острова Гамильтон, так как вершина ее не превышает сотни метров.

Тендер из порта Саутгемптон доставил меня и нескольких путешественников на побережье, где еще стояли покинутые хижины бермудских рыбаков.

Внутри скалы по-прежнему раздавался гул, а над кратером клубились пары.

Не оставалось никаких сомнений: древний вулкан Бэк-Капа снова пробудился под действием подземного огня. Можно было опасаться, что со дня на день произойдет извержение со всеми его последствиями.

Тщетно пытались мы взобраться наверх к кратеру вулкана. По крутым, гладким, скользким склонам, без выемок и выступов, которые могли бы служить опорой для ног, по неприступным кручам, обрывающимся в море под углом в 75—80 градусов, всякое восхождение было немыслимо. Я никогда не видел ничего бесплоднее этих суровых скал, лишь кое-где поросших редкими пучками дикой люцерны.

После многих безуспешных попыток вскарабкаться на вершину мы решили обойти остров кругом. Но за исключением приморской полосы, занятой рыбацким поселком, берег у подножия скал был совершенно непроходим из-за обвалов и осыпей, загромождавших его с севера, с юга и с запада.

Итак, исследователи острова принуждены были ограничиться этим далеко недостаточным осмотром. Во всяком случае, глядя на дым и огонь, вырывавшиеся из кратера, слушая глухие раскаты и взрывы, сотрясавшие порою недра горы, мы могли только одобрить решение рыбаков покинуть остров, которому грозили гибель и разрушение.

Вот при каких обстоятельствах я посетил когда-то Бэк-Кап, и нет ничего удивительного, что, едва увидев причудливые очертания островка, я сразу узнал его.

Нет! Повторяю,— графу д'Артигасу вряд ли доставило бы удовольствие, что смотритель Гэйдон знает

этот островок, особенно если «Эбба» бросит там якорь; впрочем, на нем ведь нет гавани,— вот почему это кажется мне невероятным.

Пока шкуна приближается к берегу, я рассматриваю Бэк-Кап, куда ни один из бермудских рыбаков так и не пожелал вернуться. Рыбачий поселок совершенно заброшен, и я не могу понять, зачем «Эбба» выбрала здесь место для стоянки.

Впрочем, граф д'Артигас со спутниками, может быть, вовсе и не думает высаживаться на побережье Бэк-Капа? Если даже шкуна и найдет временное убежище между утесами в какой-нибудь узкой бухте, вряд ли богатому яхтсмену придет в голову избрать своей резиденцией эти бесплодные скалы, ничем не защищенные от бурь Атлантического океана. Жизнь на этих суровых берегах подходит для бедных рыбаков, но никак не для графа д'Артигаса, инженера Серкё, капитана Спаде и экипажа шкуны.

До Бэк-Капа остается не более полумили; он несколько не похож на другие острова архипелага с холмами, покрытыми густой зеленью. Лишь кое-где в извилинах и трещинах между камнями торчат кустики можжевельника да чахлые хвойные деревца, составляющие основную растительность Бермудских островов. Прибрежные скалы у подножия острова покрыты густыми гирляндами водорослей, выброшенных прибоем, а также слоем бесчисленных волокнистых саргассо, из Саргассова моря, огромное количество которых наносит течением к рифам Бэк-Капа.

Единственные живые обитатели одинокого острова это птицы — снегири, «*mota cyllas cyalis*» с синеватым оперением, морские чайки и бакланы, которые тучами кружатся над островом, стрелой проносясь сквозь клубы пара, вырывающиеся из кратера.

На расстоянии двух кабельтовых от берега шкуна замедляет ход и застопоривает (это подходящее слово!) перед узким проходом среди нагромождения скал, едва выступающих из воды.

Неужели «Эбба» рискнет пройти этим опасным извилистым фарватером?..

Нет, вероятнее всего, после остановки на несколько

часов,— хоть мне и непонятно для какой цели,— шкуна снова возьмет курс на восток.

Во всяком случае не видно никаких приготовлений к длительной стоянке. Якоря остаются на крамболах, якорные цепи не готовы к отдаче, шлюпки не спущены.

В эту минуту на носу появляется граф д'Артигас с инженером Серкё и капитаном Спаде, и тут начинается маневр, совершенно для меня необъяснимый.

За левым фальшбортом, почти у фок-мачты, я замечаю плавучий буюк, который матросы подтягивают к носу шкуны.

Вскоре вокруг этого места прозрачная вода забурлила, потемнела, и из глубины поднялась какая-то черная масса. Неужели это огромный кашалот вынырнул на поверхность подышать воздухом?.. Не потопит ли он «Эббу» ударом своего страшного хвоста?..

Нет! Теперь мне все понятно! Я знаю, какой механизм сообщает шкуне без парусов и без винта такую изумительную скорость! Вот он выплывает наверх, неутомимый двигатель, который провел «Эббу» на буксире от американских берегов до Бермудского архипелага. Он здесь, он колышется на волнах рядом с ней. Это подводная лодка, невидимый буксир, «tug»¹ с гребным винтом, приводимым в действие током либо от аккумуляторов, либо от распространенной в последнее время гальванической батареи.

Над рубкой подводного буксира, обшитого листовой сталью и напоминающего по форме длинное веретено, помещается площадка с люком посредине, ведущим во внутреннее помещение. Над площадкой спереди возвышается перископ, оптический прибор с чечевицеобразными стеклами, сквозь которые можно освещать электричеством морские глубины. Сейчас, освободившись от балласта воды в резервуарах, подводная лодка всплыла на поверхность. Люк на площадке теперь откроется, и свежий воздух провентилирует все внутри. Вполне возможно, что, погружаясь в воду днем, подводная лодка по ночам всплывала и буксировала «Эббу», оставаясь на поверхности.

¹ Буксирное судно (англ.).

Однако здесь возникает новый вопрос. Если подводная лодка приводится в движение электрическим током, ее должна снабжать энергией какая-то электрозарядная станция. Где же находится этот источник электрической энергии? Не на островке же Бэк-Кап, надо полагать?

Кроме того, непонятно, зачем шкуна прибегает к помощи подводного буксира? Почему на ней самой не установлен двигатель, как на многих парусных яхтах?

Однако мне некогда предаваться размышлениям или, вернее, искать объяснение всем этим необъяснимым загадкам.

Подводная лодка становится рядом с «Эббой». Люк открывается. На площадку выходят несколько матросов — весь ее экипаж; по-видимому, капитан Спаде держит с ней связь при помощи электрического сигнального аппарата на носу шкуны, соединенного с буксирным судном подводным кабелем. Именно с «Эббы» подается команда, каким курсом следовать.

Тут ко мне подходит инженер Серкё и говорит одно слово:

— Пересадка.

— Куда? — спрашиваю я.

— Туда... на буксир, живо!

Как всегда, мне приходится повиноваться, и я спешу перелезть через фальшборт.

В эту минуту на палубу поднимается Тома Рок в сопровождении одного из матросов. Он кажется очень спокойным, равнодушным ко всему на свете и без всякого сопротивления пересаживается на буксирное судно. Когда мы сходимся у отверстия люка, к нам присоединяются граф д'Артигас и инженер Серкё.

Капитан Спаде с командой остается на шкуне, за исключением четырех матросов, которые садятся в только что спущенную на воду шлюпку. Они берут с собой длинный трос, очевидно, чтобы провести «Эббу» на буксире между рифами. Значит, тут, среди скал, существует бухта, где яхта графа д'Артигаса может надежно укрыться от бурь океана? Значит, именно здесь ее якорная стоянка?

Лишь только «Эбба» отходит от буксирного судна,

как трос, крепящий ее к шлюпке, натягивается и, проплыв полкабельтовых, матросы швартуют ее к железным причальным кольцам, вделанным в скалу. После этого, выбирая трос, они медленно и осторожно подтягивают шкуну к причалу.

Пять минут спустя «Эбба» исчезает за грядой прибрежных скал, и теперь с открытого моря не видно даже верхушек ее мачт.

Кто на Бермудских островах догадается, что здесь, в потаенной бухте, находится стоянка парусной шкуны? Кому в Америке придет в голову, что известный во всех портах побережья богатый яхтсмен скрывается на одиноком островке Бэк-Кап?

Через двадцать минут шлюпка с четырьмя гребцами возвращается обратно.

Очевидно, подводная лодка дожидалась только их, чтобы отплыть... но куда?

В самом деле, экипаж шлюпки поднимается на площадку, машину включают, гребной винт начинает вращаться, ударяя лопастями по воде, и буксирное судно в надводном положении, таща за собой шлюпку и огибая рифы с юга, направляется к Бэк-Капу.

В трех кабельтовых открывается новый проход, ведущий к острову, и лодка входит в него, лавируя по извилистому фарватеру. У подошвы горы двое матросов по команде вытаскивают шлюпку на узкий песчаный берег, защищенный от волн и бурунов; здесь она может спокойно лежать, пока «Эбба» снова не выйдет в плаванье.

Как только оба матроса возвращаются на борт, инженер Серкё знаком велит мне спуститься вниз.

Трап с железными перекладинами ведет во внутреннее помещение, набитое всевозможными тюками и ящиками, которым, должно быть, не нашлось места в перегруженном трюме шкуны. Меня вталкивают в боковую каюту, дверь запирают, и я снова оказываюсь в заточении среди полной темноты.

Я тотчас же узнаю эту камеру. Именно здесь я провел долгие часы после того, как меня похитили из Хелтфул-Хауса, именно отсюда меня выпустили на палу-

бу, когда шкуна вышла из залива Памлико в открытое море.

Нет сомнения, что с Тома Роком поступили так же, как со мной, что его тоже заперли где-нибудь в другой каюте.

Раздается гулкий удар, стук захлопнувшегося люка, и подводная лодка немедленно начинает погружаться.

Действительно, я чувствую, что мы опускаемся вниз по мере того как ее резервуары заполняются водой.

Затем движение сверху вниз сменяется движением вперед, и подводная лодка скользит в морских глубинах.

Три минуты спустя она останавливается, и мне кажется, что мы всплываем на поверхность.

Снова раздается металлический стук,— на этот раз люк открывается.

Дверь моей камеры отпирают, и я быстро взбегаю на палубу.

Я оглядываюсь кругом.

Подводная лодка проникла в самый центр острова Бэк-Кап.

Так вот где находится таинственное уединенное убежище, в котором живут граф д'Артигас и его спутники, порвав все связи с человечеством!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В глубине пещеры

На другой день я без всякой помехи произвел первую разведку обширной пещеры Бэк-Капа.

Какую тревожную ночь провел я, осаждаемый странными видениями, и с каким нетерпением ждал утра!

По приезде меня отвели в грот, находившийся шагах в ста от того места, где подошла к берегу подводная лодка. В этом гроте, размером десять на двенадцать футов, горела электрическая лампочка; едва я очутился внутри, как тяжелая дверь захлопнулась за мной.

Нет ничего удивительного в том, что пещера осве-

щается электричеством, ведь этим светом пользуются и на борту подводного буксира. Но где же добывают электрическую энергию?.. Откуда она берется?.. Неужели внутри этого огромного грота устроен целый завод со всем оборудованием — динамо-машинами, аккумуляторами?..

В моей камере оказался стол, уставленный яствами, посланная на ночь койка, плетеное кресло и шкаф с несколькими сменами белья и платья. В ящике я нашел бумагу, чернильницу, перья. В правом углу стоял столик с туалетными принадлежностями. Все кругом блестело чистотой.

Свежая рыба, мясные консервы, хлеб из первосортной муки, эль и виски — таково было меню этой первой трапезы. Но ел я без всякого аппетита, как говорится, через силу: нервы мои были слишком напряжены.

Необходимо все же взять себя в руки, победить волнение и тревогу, обдумать все хладнокровно. Я хочу раскрыть тайну горстки людей, зарывшихся в недрах Бэк-Капа... и я ее раскрою.

Итак, граф д'Артигас обосновался внутри острова. Эта пещера, о существовании которой никто не подозревает, служит ему приютом, когда он не плавает на своей «Эббе» у берегов Нового, а может быть, и Старого Света. Здесь находится открытое им неведомое убежище, куда ведет лишь подводный ход — «ворота», зияющие на глубине двенадцати — пятнадцати футов под поверхностью океана.

Почему этот человек бежит от других людей?.. Что таит в себе его прошлое?.. Если имя д'Артигас и графский титул лишь присвоены им, как я сильно подозреваю, то почему он скрывает свое подлинное лицо?.. Не изгнанник ли он или беглец, который предпочел это место ссылки всякому другому?.. Или, может быть, это злодей, зарывшийся в недоступной глазу норе, чтобы пользоваться полной безнаказанностью и избежать кары за свои преступления?.. Я вправе строить всевозможные догадки по поводу этого подозрительного человека, и я пользуюсь этим правом.

И тут передо мной встает все тот же вопрос, на который я не в силах дать удовлетворительного ответа.

Зачем Тома Рока похитили из Хелтфул-Хауса при известных нам обстоятельствах?.. Не надеется ли граф д'Артигас вырвать у изобретателя тайну фульгуратора и употребить этот снаряд для защиты Бэк-Капа, если по воле случая его тайное убежище будет обнаружено?.. Допустим, но ведь колонию Бэк-Капа нетрудно взять измором, ибо одной подводной лодки недостаточно, чтобы обеспечить снабжение пиратов!.. Да и шкуне не вырваться из окружения, кроме того, приметы ее тотчас же сообщат во все морские порты!.. К чему же послужит тогда изобретение Тома Рока в руках графа д'Артигаса? Положительно ничего не понимаю.

Около семи часов утра я вскакиваю с постели. Хоть я и не могу выбраться из пещеры, но по крайней мере камера моя не заперта. Ничто не мешает мне покинуть ее, и я открываю дверь...

В тридцати метрах от меня тянется скалистый выступ, нечто вроде набережной, уходящей вправо и влево.

Несколько матросов с «Эббы» как раз выгружают товары из трюма подводного буксира, пришвартованного к небольшому каменному молу.

Мои глаза постепенно привыкают и тусклому свету, разлитому по пещере; он проникает в нее сверху, так как посередине свода зияет довольно большое отверстие.

«Вот откуда,— думаю я,— вырываются эти пары или, точнее, дым, указавший нам на близость Бэк-Капа за три-четыре мили от островка».

Целый рой мыслей мгновенно проносится у меня в голове.

«Так значит, Бэк-Кап не вулкан, как все считают и как я сам считал до сих пор... Оказывается, пары, языки пламени, замеченные несколько лет назад, иного происхождения... Гул, так испугавший бермудских рыбаков, был вызван отнюдь не борьбой подземных сил... Эти явления создавались искусственно... по воле властелина островка, пожелавшего отпугнуть жителей, поселившихся на побережье. И графу д'Артигасу это удалось... Он остался единственным хозяином Бэк-Капа. При помощи взрывов и дыма горящих водорослей,

вырывавшегося из мнимого кратера, граф д'Артигас создал легенду о существовании вулкана, о его неожиданном пробуждении и неминуемом извержении, которого, однако, до сих пор не произошло!..»

Так, очевидно, и было в действительности, причем даже после бегства бермудских рыбаков над вершиной Бэк-Капа продолжал клубиться густой дым.

Между тем становится все светлее, проблески дня проникают в мнимый кратер по мере того, как солнце поднимается над горизонтом. Теперь я могу довольно точно определить размеры этой пещеры. Вот, впрочем, данные, которые я получил впоследствии.

Островок Бэк-Кап имеет форму почти правильного круга; длина его окружности равна тысяче двумстам метрам, а площадь внутри каменной чаши — пятидесяти тысячам квадратных метров, или пяти гектарам. Толщина стен у основания — от тридцати до ста метров.

Следовательно, за вычетом стен, пещера занимает почти все внутреннее пространство скалистого массива, возвышающегося над поверхностью океана. Что касается подводного туннеля, по которому мы проникли внутрь Бэк-Капа, то, по-моему, он достигает в длину метров сорока.

Эти цифры, хотя и не вполне точные, позволяют судить о размерах пещеры. Но как бы велика она ни была, напомним, что в Старом и в Новом Свете существуют пещеры гораздо обширнее, ставшие предметом всестороннего спелеологического исследования.

В самом деле, в области Крайна, в графствах Нортумберленд и Дербинир, в Пьемонте, на Пелопоннесе, на Балеарских островах, в Венгрии и Калифорнии встречаются пещеры больших размеров, чем Бэк-Кап. То же можно сказать об известных пещерах на юге Бельгии и о Мамонтовой пещере в Кентукки в Соединенных Штатах Америки. В ней насчитывается двести двадцать шесть залов с куполообразными сводами, семь речек, восемь водопадов, тридцать два провала неизвестной глубины и подземное море площадью в пять-шесть квадратных лье, которое еще не вполне исследовано.

Я знаю Мамонтову пещеру в Кентукки, ибо бывал там, как и тысячи других туристов. Главный из ее залов послужит мне для сравнения с пещерой Бэк-Капа. Как и в Мамонтовой пещере, своды покоятся здесь на колоннах различной формы и величины, которые придают ей вид готического собора с притворами, боковыми приделами, клиросами, хотя это сооружение природы и лишено гармонии, свойственной церковной архитектуре. Единственная разница между двумя пещерами заключается в том, что в Кентукки высота свода достигает ста тридцати метров, а в Бэк-Капе не более шестидесяти, да и то в самом центре, возле круглого отверстия, через которое вырываются наружу клубы дыма и языки пламени.

Есть еще одна чрезвычайно важная особенность: в большинство упомянутых мной пещер легко проникнуть, вот почему рано или поздно все они были открыты.

Иначе обстоит дело с Бэк-Капом. На картах этой части Атлантического океана Бэк-Кап обозначен как островок, принадлежащий к группе Бермудских, и никому не могло прийти в голову, что внутри этого скалистого массива скрыта огромная пещера. Чтобы найти ее, надо было туда проникнуть, а чтобы проникнуть, требовалась подводная лодка, вроде той, какой владеет граф д'Артигас.

Я думаю, что только случай помог этому странному яхтовладельцу обнаружить подводный туннель и основать внутри островка Бэк-Кап свою подозрительную колонию.

Осматривая водное пространство внутри пещеры, я замечаю, что размеры его весьма невелики — всего каких-нибудь триста — триста пятьдесят метров в окружности. Собственно говоря, это небольшое озеро, окруженное отвесными скалами, зато оно прекрасно подходит для стоянки подводного буксира, ибо, как я узнал впоследствии, глубина его не менее сорока метров.

При взгляде на расположение и структуру этого грота сразу становится ясно, что он образовался благодаря работе морских волн и относится к пещерам как нептунического, так и плутонического происхождения.

Таковы, например, гроты Крозон и Моргат в заливе Дуарнене во Франции, пещера Бонифаччо на побережье Корсики, пещера Торгатен в Норвегии, высота которой не менее пятисот метров, таковы, наконец, известняковые пещеры в Греции, гибралтарские пещеры в Испании и туранские в Кокхинине. Словом, их строение указывает на то, что они появились в результате двойной работы геологических сил.

Островок Бэк-Кап состоит по большей части из известняковых скал. Они полого поднимаются от берега озера к стенам пещеры, разделенные полосками мелко-го песка; кое-где торчат желтоватые кустики камне-ломки, жесткие и густые. Ближе к воде камни покрыты толстым слоем саргассовых и других водорослей; одни из них высохли, другие, еще мокрые, распространяют вокруг себя терпкий запах моря. Очевидно, течением их принесло через подводный ход и выбросило на берег озерка. Впрочем, это не единственное топливо, употребляемое для многочисленных нужд колонии Бэк-Ка-па. Я вижу целую гору каменного угля, очевидно доставленного на борту подводного буксира и шкуны. Но, повторяю, густой дым, вырывающийся из кратера островка, получается от сжигания большого количества высушенных водорослей.

Продолжая прогулку, я обнаруживаю на северном берегу озерка жилища этой колонии троглодитов, — разве окружающие меня люди не заслуживают такого наименования? Эта часть пещеры очень удачно названа «Ульем». Действительно, в толще известняковой стены рукою человека выдолблено несколько рядов ячеек, в которых и ютятся эти осы в человеческом образе.

В восточной части строение пещеры совсем иное. Здесь высятся, переплетаются, множатся, разбегаются в разные стороны сотни естественных колонн, поддерживающих высокие своды. Настоящий лес каменных стволов, теряющихся в самом темном конце пещеры. Между этими колоннами извиваются, пересекаясь, тропинки, ведущие в глубину Бэк-Капа.

Сосчитав ячейки улья, нетрудно определить, что

число спутников графа д'Артигаса достигает восьмидесяти, а может быть, и ста человек.

Этот странный граф как раз появился перед одной из ячеек, расположенной особняком; к нему только что подошли капитан Спаде и инженер Серкё. Обменявшись несколькими словами, все трое спускаются к берегу и останавливаются возле мола, к которому пришвартован подводный буксир.

Выгрузив товары, человек двенадцать матросов перевозят их в лодке на другой берег, где в стене пещеры высечены помещения для складов колонии Бэк-Капа.

Отверстия туннеля не видно под водой. Вчера я заметил, что, подплыв к островку, буксиру пришлось опуститься на несколько метров ниже уровня океана. Значит, пещера Бэк-Капа отличается в этом отношении от таких пещер, как Фингалова или Моргат, вход в которые всегда открыт даже во время прилива. Существует ли какой-нибудь другой искусственный или естественный выход на берег моря?.. Вот что необходимо выяснить.

Островок Бэк-Кап поистине заслуживает свое название. Он действительно очень похож на огромную опрокинутую чашку. Причем не только по внешнему виду, но, оказывается, и по внутреннему строению, хотя никто об этом не знает.

Как я уже говорил, Улей расположен на северном, мягко закругляющемся берегу озера, то есть влево от подводного туннеля. На противоположном берегу устроены склады, где хранятся всевозможные товары: бочки вина, водки, пива, ящики с консервами, множество тюков с клеймами различных стран. Можно подумать, что здесь собраны по меньшей мере грузы двадцати кораблей. Немного дальше за дощатым забором высится довольно внушительное строение, назначение которого не трудно угадать. От высокого столба над ним расходятся в разные стороны толстые медные провода, питающие током мощные электрические фонари под сводами пещеры, а также маленькие лампочки в каждой ячейке Улья. Немало фонарей подвешено также между естественными колоннами, что позволяет освещать самые темные закоулки пещеры.

Передо мной встает вопрос: разрешат ли мне свободно разгуливать внутри островка Бэк-Кап?.. Надеюсь, что да. Для чего графу д'Артигасу стеснять мою свободу, запрещать мне ходить по его таинственным владениям?.. Разве я не пленник, заключенный в этой пещере? И можно ли выбраться отсюда иначе, чем через туннель?.. Ведь пройти по этому ходу, постоянно скрытому под водой, невозможно.

Но даже если предположить, что мне удастся выбраться по туннелю, разве мое исчезновение не будет тут же обнаружено?.. Десять матросов выедут на подводном буксире, высадутся на берег островка и обыщут каждый камень, каждую ямку... Меня тотчас же схватят, водворят обратно в Улей и на этот раз уж, наверно, лишат свободы передвижения...

Итак, приходится бросить всякую мысль о побеге до тех пор, пока такая попытка не будет иметь серьезных шансов на успех. Но если только представится благоприятный случай, я ни за что его не упущу.

Расхаживая вдоль Улья, я имею возможность разглядеть некоторых сообщников графа д'Артигаса, добровольно ведущих однообразное существование в глубине Бэк-Капа. Их не менее сотни, если судить по числу ячеек Улья.

Никто не обращает на меня внимания. Я замечаю, что колонисты Бэк-Капа, очевидно, набраны отовсюду понемногу. В их внешности нет ни одной общенациональной черты; этих людей нельзя отнести к североамериканцам, европейцам или обитателям Азии. Цвет кожи у всех разный, от белого до медно-красного и черного, но черного не африканского, а скорее австралийского. Короче говоря, большинство, по-моему, — малайцы, так как этот тип встречается среди них очень часто. Прибавлю, что граф д'Артигас несомненно уроженец голландских островов западной части Тихого океана, что инженер Серкё по происхождению левантинец, а капитан Спаде — итальянец.

Но если колонисты Бэк-Капа не связаны национальными узами, то их объединяет, конечно, общность низменных инстинктов и привычек. Что за подозрительные физиономии, что за свирепые выражения лиц!

Поистине, эти молодчики похожи на дикарей! Видно, что у них жестокий нрав, что они никогда не обуздывали своих страстей, не останавливались ни перед какими крайностями. В голову мне невольно приходит мысль, что после ряда преступлений, краж, поджогов, убийств и вооруженных нападений, совершенных сообщая, они решили искать пристанища в глубине этой пещеры, так как уверены, что здесь им обеспечена полная безнаказанность... В таком случае граф д'Артигас всего лишь главарь шайки злодеев, Спаде и Серкё — его подручные, а Бэк-Кап — притон пиратов...

Я все больше убеждаюсь, что это именно так. Меня весьма удивит, если окажется, что я был неправ. К тому же наблюдения, сделанные во время этого первого осмотра, лишь подтверждают мое мнение и оправдывают самые мрачные догадки.

Во всяком случае, кто бы ни были спутники графа д'Артигаса и по каким бы причинам ни собрались здесь, по-видимому, они беспрекословно признают его неограниченную власть. Но если суровая дисциплина держит этих людей в узде, то существуют, очевидно, какие-то преимущества, вознаграждающие их за добровольное рабство. Какие же?

Обогнув ту часть озера, куда выходит подводный туннель, я добираюсь до противоположного берега. Как я уже заметил раньше, здесь устроены склады товаров, которые шкуна «Эбба» привозит из каждого рейса. Обширные углубления, вырытые в стенах пещеры, могут вместить и действительно вмещают изрядное количество тюков и ящиков.

За складами находится электрическая станция. Проходя мимо ее окон, я замечаю внутри аппараты новейшего изобретения, негромоздкие, усовершенствованные. Нет и следа паровых машин, работающих на угле и обладающих такими сложными механизмами. Как я и думал, здесь применяют гальванические батареи высокого напряжения, питающие током лампы пещеры и динамо-машины буксира. Электрический ток используется, очевидно, и для различных хозяйственных надобностей, для отопления Улья и приготовления пищи. Я замечаю также, что ток подведен к находя-

щимся поблизости перегонным кубам, служащим для добычи пресной воды. Колонистам Бэк-Капа не приходится собирать обильную в здешних местах дождевую воду. В нескольких шагах от электрической станции виднеется круглый водоем, совершенно такой же, как тот, что я осматривал на Бермудских островах, но значительно меньших размеров. Действительно, там требуется обеспечить водой население в десять тысяч человек... здесь же всего какую-нибудь сотню...

Я еще не знаю, как называть этих людей. Конечно, у главаря их, графа д'Артигаса, да и у них самих имеются веские причины прятаться в недрах островка Бэк-Кап,— это ясно, как день. Но что это за причины?.. Когда люди укрываются в стенах монастыря с намерением отгородиться от всего человечества, такой поступок еще можно понять. Но, по правде сказать, спутники графа д'Артигаса нисколько не похожи ни на бенедиктинцев, ни на картезианцев!

Продолжая свою прогулку по лесу каменных стволов, я добрался до конца пещеры. Никто меня не держал, никто со мной не заговорил, никто, по-видимому, даже не заинтересовался моей особой. Эта часть пещеры Бэк-Капа чрезвычайно любопытна и напоминает по красоте самые чудесные гроты Кентукки и Баlearских островов. Само собой разумеется, нигде здесь не чувствуется рука человека. Всюду видна лишь работа природы, и с удивлением, почти с ужасом, думаешь о геологических силах, способных создать такие грандиозные постройки. По эту сторону озера довольно темно, так как сюда почти не проникает свет из кратера. Зато вечером, при свете электрических ламп, пещера, вероятно, представляет фантастическое зрелище. Но, несмотря на все свои поиски, я нигде не обнаружил выхода на волю.

Следует отметить, что на островке нашли пристанище многочисленные птицы: бакланы, чайки, морские ласточки, обитающие на побережье Бермудских островов. Здесь, очевидно, за ними никогда не охотились, и птицы размножаются на приволье, нисколько не боясь соседства с человеком.

Впрочем, на Бэк-Капе есть и другие животные. Не-

далеко от Улья устроены загоны для коров, свиней, овец, домашней птицы. Итак, питание колонии должно быть не только обильно, но и разнообразно, если прибавить ко всему этому еще продукты рыбной ловли, которой поселенцы занимаются как снаружи, среди прибрежных скал, так и во внутреннем озере, где водятся рыбы самых разнообразных пород.

Словом, достаточно взглянуть на обитателей Бэк-Капа, чтобы убедиться, что они живут в полном довольстве. Это все сильные, крепкие люди, похожие по внешности на моряков, опаленных тропическим солнцем, люди, полной грудью вдыхавшие воздух океанских просторов, в жилах которых течет здоровая кровь. Среди них нет ни детей, ни стариков, одни лишь мужчины в возрасте от тридцати до пятидесяти лет.

Но почему эти люди согласились вести такой странный образ жизни?.. Неужели они никогда не покидают своего убежища внутри острова Бэк-Кап?..

Возможно, я вскоре это узнаю.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Кер Каррадже

Отведенная мне каморка расположена в ста шагах от жилища графа д'Артигаса — одной из последних ячеек в этом ряду Улья. Тома Рока поместили не со мной, но я полагаю, что его комната находится тут же рядом. Для того чтобы служитель Гэйдон продолжал ухаживать за бывшим пациентом Хелтфул-Хауса, наши камеры должны быть смежными... Надеюсь скоро узнать, так ли это.

Капитан Спаде и инженер Серкё живут отдельно, поблизости от особняка д'Артигаса.

Особняк?.. Да, почему бы не назвать так это жилище, отделанное с известным вкусом? Искусные руки обтесали камень и создали затейливо украшенный фасад с широкой дверью. Свет проникает в дом через окна, пробитые в известняке, в них вставлены рамы с цветными стеклами. В доме много комнат, столовая и гостиная с огромными витражами; все устроено так,

что свежий воздух в избытке поступает в помещение. Обстановка состоит из мебели самого различного происхождения; клейма на ней указывают, что она вывезена из Франции, Англии, Америки. Очевидно, ее владелец любит смешение стилей. Кухня и службы помещаются в соседних ячейках, позади Улья.

Выйдя к вечеру из своей комнаты с твердым намерением «добиться аудиенции» у графа д'Артигаса, я увидел, что он поднимается от берега озера к Улью. То ли граф меня не заметил, то ли хотел избежать встречи, но он ускорил шаг, и мне не удалось его догнать.

«Он все же должен меня принять!» — сказал я себе.

Я торопливо подхожу к особняку и останавливаюсь перед только что захлопнувшейся дверью.

Какой-то дюжий верзила, очевидно, малаец, так как кожа у него очень темная, тотчас же вырастает на пороге. Он что-то кричит грубым голосом, очевидно, требует, чтобы я ушел прочь.

Я не подчиняюсь этому приказанию и дважды настойчиво повторяю по-английски:

— Доложите графу д'Артигасу, что я прошу немедленно меня принять.

С таким же успехом я мог бы обратиться к скалам Бэк-Капа! По-видимому, этот дикарь не понимает ни слова по-английски и отвечает мне лишь угрожающим криком.

Мне приходит в голову мысль силою ворваться в дом и самому позвать графа д'Артигаса, да так громко, чтобы он не мог меня не услышать. Но такая попытка лишь привела бы в ярость малайца, который, наверно, обладает богатырской силой.

Итак, я откладываю до другого раза объяснение, которое мне рано или поздно обязаны дать.

Я иду вдоль Улья в восточном направлении и невольно задумываюсь о Тома Роке. Удивительно, что я не видел его целый день. Не случился ли с ним новый припадок?

Это мало вероятно. Если бы Тома Рок заболел, граф д'Артигас тотчас вызвал бы к нему служителя Гэйдона — ведь он сам говорил мне об этом.

Не прошел я и ста шагов, как увидел инженера Серкё.

Этот насмешник как всегда в прекрасном настроении и на этот раз весьма любезен. Завидев меня, он улыбается, вовсе не пытаясь избежать встречи. Если бы он знал, что я его коллега — впрочем, инженер ли он сам? — то, быть может, обходился бы со мной с большим уважением... Но я остерегусь сообщать ему свое имя и звание.

Инженер Серкё остановился, глаза его блестят, губы складываются в ироническую усмешку, он здоровается со мной, сопровождая свои слова учтивым поклоном.

Я холодно отвечаю на его любезное приветствие, но он делает вид, что не замечает этого.

— Да благословит вас святой Ионатан, господин Гэйдон! — произносит он своим веселым звучным голосом. — Надеюсь, вы не жалеете о том, что счастливый случай привел вас в эту чудеснейшую... да, прекраснейшую из всех пещер, хоть она известна менее других на нашем сфероиде!..

Признаюсь, что ученое слово в разговоре с простым служителем меня несколько удивляет, но я кратко отвечаю:

— Я не стал бы ни о чем жалеть, господин Серкё, если бы, осмотрев эту интересную пещеру, имел возможность выйти из нее.

— Как! Вы уже собираетесь нас покинуть, господин Гэйдон... и вернуться в этот унылый Хелтфул-Хаус?.. Вы даже не успели хорошенько осмотреть наши великолепные владения, полюбоваться бесподобными красотами, созданными природой без всякого участия человека...

— С меня вполне достаточно того, что я видел, — заявляю я, — и если вы говорите со мной серьезно, то я так же серьезно отвечаю, что больше ничего не желаю здесь видеть.

— Полноте, господин Гэйдон, позвольте вам заметить, что вы не успели оценить всех преимуществ жизни в этом месте, которому нет равных на земле!.. Тихое, спокойное существование без всяких забот, обеспечен-

ное будущее, материальные условия, каких нигде не найти, ровный здоровый климат: в пещере вы защищены от жестоких бурь, опустошающих острова Атлантического океана, от зимней стужи и от летнего зноя!.. Смена времен года почти не влияет здесь на погоду! Нам не приходится опасаться ни гнева Плутона, ни ярости Нептуна!

Эта ссылка на мифологию кажется мне более чем неуместной. Ясно, что инженер Серкё издевается надо мной. Разве зритель Гэйдон слышал когда-нибудь о Плуtone или о Нептуне?

— Вполне возможно, сударь,— говорю я,— что здешний климат вам нравится, что вы оценили по достоинству все преимущества жизни в глубине острова...

Я чуть не проговорился, чуть было не произнес название Бэк-Кап... но вовремя спохватился. Какую беду навлек бы я на себя, если бы меня заподозрили в том, что мне известно название островка, а следовательно, и его местоположение на западе Бермудского архипелага?

Вместо этого я говорю:

— Но если здешний климат мне не нравится, ведь я имею право переменить его...

— Действительно, имеете право.

— Я требую, чтобы меня отпустили отсюда и дали возможность вернуться в Америку.

— Мне нечего вам возразить, господин Гэйдон,— отвечает инженер Серкё,— ваше требование вполне резонно. Заметьте, однако, что мы живем здесь в полной независимости, не подчиняемся ни одному иностранному государству, не покоряемся ничьей власти, не принадлежим ни к Старому, ни к Новому Свету... А эти преимущества ценит каждый человек с гордой душой и отважным сердцем... Кроме того, какие величественные образы прошлого возникают у всякого образованного человека при виде этих гротов, словно созданных рукою богов. В таких пещерах бессмертные небожители вешали некогда свои пророчества устами оракула Трофония...

Положительно инженер Серкё питает слабость к мифологии! Сперва Плутон и Нептун, а теперь Трофо-

ний! Черт возьми! Уж не воображает ли он, что болыничный служитель знает, кто такой Трофоний?.. Ясно, этот насмешник продолжает издеваться надо мной, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не ответить ему в том же тоне.

— Я только что хотел войти в этот дом,— продолжаю я отрывисто,— он принадлежит, если не ошибаюсь, графу д'Артигасу, но меня не пропустили...

— Кто же, господин Гэйдон?..

— Какой-то человек, находящийся в услужении у графа.

— По всей вероятности, он получил строгий приказ, касающийся вашей особы.

— Желает или не желает граф, но ему придется меня выслушать...

— Боюсь, что добиться этого будет трудно, даже невозможно,— заявляет, улыбаясь, инженер Серкё.

— Почему?

— Потому что графа д'Артигаса здесь нет.

— Вы смеетесь надо мной!.. Я только что видел его...

— Тот, кого вы видели, господин Гэйдон, вовсе не граф д'Артигас...

— Кто же он в таком случае?..

— Пират Кер Каррадже.

Это имя было произнесено резким голосом; инженер Серкё тут же ушел, и мне даже в голову не пришло задерживать его.

Пират Кер Каррадже!

Да!.. Для меня имя Кера Каррадже — настоящее откровение!.. Это имя мне знакомо и вызывает целый рой воспоминаний!.. Оно сразу объясняет то, что казалось необъяснимым!.. Теперь я понимаю, в руки какого человека попал!..

Собрав воедино то, что я уже знал, и то, что мне сообщил в Бэк-Капе сам инженер Серкё, я могу рассказать следующее о прошлом и о настоящем этого Кера Каррадже.

Восемь или девять лет тому назад корабли, плававшие в западной части Тихого океана, подвергались бесчисленным вооруженным нападениям, пиратским набегам, отличавшимся неслыханной дерзостью. Под

предводительством грозного капитана там орудовала шайка злодеев, собравшихся со всего света: дезертиры из колониальных гарнизонов, беглые каторжники, матросы, покинувшие свои корабли. Ядро этой шайки составляли подонки населения Европы и Америки, отчаянные головорезы, которых привлекли в Новый Южный Уэльс на юге Австралии открытые там богатые золотые россыпи. Среди этих золотоискателей находились капитан Спаде и инженер Серкё, люди, порвавшие со своей средой; вскоре их тесно связало сходство характеров и стремлений.

Оба были образованны, решительны и, конечно, добились бы успеха на любом поприще благодаря своим незаурядным способностям. Но, не имея ни совести, ни убеждений, они хотели лишь одного — разбогатеть любыми средствами, будь то спекуляция или азартная игра, хотя прекрасно могли достигнуть того же упорным честным трудом. Вот почему они пустились на самые рискованные авантюры, то богатея, то разоряясь, как большинство проходимцев, сбежавшихся в поисках наживы в страны, где было найдено золото.

На золотых приисках Нового Южного Уэльса подвизался в то время человек небывалой отваги, один из тех смельчаков, которые ни перед чем не отступают, даже перед преступлением, почему и пользуются неограниченной властью над людьми с необузданными страстями и дурными наклонностями.

Этого человека звали Кер Каррадже.

Несмотря на все предпринятые розыски, никому не удалось установить ни происхождение, ни национальность, ни прошлое этого пирата. Но хотя сам он избегал преследований, его имя, — по крайней мере то, которое он присвоил себе, — облетело весь свет. Имя Кера Каррадже произносили с отвращением и ужасом, ибо оно принадлежало существу легендарному, невидимому, неуловимому.

Я имею все основания считать, что Кер Каррадже малаец. Впрочем, не все ли равно. Несомненно одно: его не зря считали грозным корсаром, вдохновителем бесчисленных нападений, совершенных в водах далеких морей.

После нескольких лет, проведенных на австралийских приисках, где он познакомился с инженером Серкё и с капитаном Спаде, Керу Каррадже удалось захватить корабль, стоявший в Мельбурнском порту в провинции Виктория. Под его началом собралось человек тридцать негодяев, число которых вскоре утроилось. В этой части Тихого океана, где морской разбой — занятие пока еще легкое и, скажем прямо, прибыльное, Кер Каррадже разграбил огромное количество судов, перебил их экипажи и совершил множество набегов на острова, которые колонисты были не в силах защитить. Хотя пиратский корабль Кера Каррадже под командой капитана Спаде бывал не раз замечен, однако никому не удавалось его захватить. Казалось, это судно обладает даром исчезать в нужную минуту среди лабиринта островов, где Кер Каррадже знал все ходы и выходы.

Ужас царил под этими широтами. Англичане, французы, немцы, русские, американцы напрасно посылали свои суда, чтобы поймать корабль-призрак, он появлялся неизвестно откуда и исчезал неизвестно куда, совершив новые грабежи и убийства. В конце концов власти потеряли всякую надежду изловить и покарать морских разбойников.

В один прекрасный день все эти преступления прекратились. О Кере Каррадже не было больше ни слуху ни духу. Покинул ли он Тихий океан?.. Занялся ли морским разбоем в другом месте? Неизвестно. До поры до времени все было тихо. Очевидно, несмотря на груды золота, растраченные на оргии и кутежи, богатство пиратов не иссякло, и теперь Кер Каррадже со своими дружками спокойно пользовался плодами совершенных злодеяний, спрятав награбленные сокровища в каком-нибудь надежном, никому не известном месте.

Куда же исчезла шайка злодеев?.. Все поиски были тщетны. Вместе с опасностью прошли и страхи; вскоре стали забываться и пиратские набег, ареной которых служил Тихий океан.

Я рассказал то, что было прежде, теперь расскажу о том, чего никто никогда не узнает, если мне не удастся бежать из пещеры Бэк-Капа.

В самом деле, когда злодеи покинули воды Тихого

океана, они обладали огромными богатствами. Они потопили свой корабль и разбрелись по свету, заранее условившись встретиться в Америке.

В это же время инженер Серкё, человек, хорошо знающий свое дело и весьма искусный механик, специально изучавший системы подводных лодок, предложил Керу Каррадже построить подводное судно и возобновить свою преступную деятельность в новых условиях, гораздо более спокойных для корсаров и опасных для их жертв.

Кер Каррадже тотчас же понял все преимущества плана своего сообщника; денег у него было достаточно, оставалось только претворить эту идею в жизнь.

На шведских верфях в Гетеборге для так называемого графа д'Артигаса построили шхуну «Эбба», а на верфь Крампс в Филадельфии он передал чертежи подводной лодки — заказ, не вызвавший ни малейших подозрений. Впрочем, как мы скоро узнаем, подводное судно графа тут же погибло вместе со всем экипажем.

Итак, по чертежам инженера Серкё и под его личным наблюдением построили подводное судно, используя при этом последние новшества науки кораблестроения. Ток, вырабатываемый гальваническими батареями последнего образца, питал динамо-машину, приводя в движение вал гребного винта и сообщая судну необычайную скорость.

Само собой разумеется, что никто не признал в графе д'Артигасе бывшего пирата Кера Каррадже, а в инженере Серкё ближайшего его сообщника. Графа знали как знатного и богатого иностранца, который уже целый год посещал на своей «Эббе» порты Соединенных Штатов, ибо шкуна была спущена на воду много раньше подводной лодки.

Постройка этой лодки заняла не меньше полутора лет. Зато когда она была готова, то вызвала восхищение всех, кто интересовался подводной навигацией. Новое судно графа д'Артигаса оказалось гораздо лучше подводных лодок Губэ, Жимнота, Зэдэ и прочих столь усовершенствованных типов подводных кораблей нашего времени. Все в нем было превосходно: форма, внутреннее устройство, система вентиляции, оборудо-

вание, устойчивость, быстрота погружения, управляемость, легкость маневрирования в надводном и подводном положении, необычайная скорость, высокое напряжение гальванической батареи, ток которой превращался в механическую энергию.

Во всех этих качествах нетрудно было убедиться, ибо вслед за несколькими весьма удачными опытами в четырех милях от Чарлстона провели специальное испытание подводной лодки, на которое были приглашены многочисленные американские и иностранные суда — военные, торговые, яхты и т. д.

Нечего и говорить, что «Эбба» находилась тут же, имея на борту графа д'Артигаса, инженера Серкё, капитана Спаде и всех матросов, за исключением шести человек, назначенных управлять новым подводным судном, под командой механика Гибсона, весьма смелого и ловкого англичанина.

В программу этого окончательного испытания входили маневры не только на поверхности океана, но и под водой, где лодка должна была пробыть больше часа, а затем снова всплыть возле буя, установленного в нескольких милях от берега.

В назначенный час, едва только крышка верхнего люка закрылась, судно проделало ряд маневров на море, и как показанная им скорость, так и быстрая перемена галсов вызвали у зрителей вполне заслуженное восхищение.

Затем, по сигналу с «Эббы», оно стало медленно погружаться и вскоре исчезло у всех на глазах.

Некоторые корабли направились к тому месту, где лодка должна была всплыть.

Прошло три часа... подводная лодка все не показывалась. Никто не знал самого главного, а именно, что по приказу графа д'Артигаса и инженера Серкё судно, предназначенное служить невидимым буксиром «Эббы», всплыло на много миль дальше. За исключением людей, посвященных в эту тайну, все решили, что подводная лодка погибла из-за пробойны в корпусе или неисправности машины. На борту «Эббы» прекрасно разыграли отчаяние, вызванное этим горестным событием, тогда как на других судах скорбь была вполне

искренней. Произвели промеры глубин, послали водолазов для обследования пути, якобы пройденного судом. Все поиски оказались тщетными, не оставалось сомнений, что лодка погребена в пучине Атлантического океана.

Два дня спустя граф д'Артигас вышел в море, а через двое суток встретил свой подводный буксир в условленном месте.

Вот каким образом Кер Каррадже стал владельцем замечательной подводной лодки, которая должна была нести двойную службу: тянуть на буксире шкуну и нападать на другие суда. Обладая грозным средством разрушения, о существовании которого никто не подозревал, граф д'Артигас возобновил свои пиратские набеги, уверенный теперь в полной безопасности и безнаказанности.

Все эти подробности я узнал от инженера Серкё, который очень гордился своим детищем и к тому же был вполне спокоен, что пленник пещеры Бэк-Капа никогда не раскроет ее тайны. Нетрудно понять, какой страшной силой обладал теперь Кер Каррадже. По ночам его подводный буксир нападал на встречные суда, экипажам которых и в голову не приходило остерегаться безобидной яхты. Он таранил вражеский корабль, затем шкуна брала его на бордаж, а пираты истребляли людей и грабили товары. Вот почему в морском вестнике под рубрикой «пропал без вести» стали вновь появляться многочисленные названия судов, вселяя отчаяние в сердца.

После отвратительной комедии, разыгранной в Чарлстонской бухте, Кер Каррадже целый год разбойничал в Атлантическом океане у берегов Соединенных Штатов. Его богатства неизмеримо возросли. Излишки награбленных товаров продавались на далеких рынках, и в руки пиратов рекой текло золото и серебро. Но у них не было тайного убежища, чтобы прятать сокровища в ожидании дележа.

Случай пришел им на помощь. Исследуя морские глубины возле Бермудских островов, инженер Серкё и механик Гибсон обнаружили у основания островка Бэк-Кап подводный туннель, ведущий в глубину горно-

го массива. Где бы мог найти Кер Каррадже убежище, лучше скрытое от посторонних глаз?.. Вот каким образом этот островок, служивший некогда приютом рыбакам, стал пристанищем шайки опасных преступников.

Под высокими сводами пещеры Бэк-Капа началась новая жизнь графа д'Артигаса и его сообщников, которую мне и довелось наблюдать. Инженер Серкё построил там электрическую станцию, оборудованную без машин, ибо их заказ за границей мог вызвать подозрения; он ограничился лишь гальваническими батареями, для которых не требуется ничего, кроме металлических пластинок и химических растворов, а ими «Эбба» запасалась во время стоянок в портах Соединенных Штатов.

Теперь нетрудно угадать, что произошло в ночь с девятнадцатого на двадцатое июня. Если несмотря на штиль трехмачтовое судно наутро бесследно исчезло, значит, подводный буксир напал на него, шкуна взяла на бордаж, и оно было разграблено и потоплено вместе со всем экипажем... Товары его уже находились на борту «Эббы», когда корабль погрузился в пучину Атлантического океана!..

Понимаю теперь, в руки каких разбойников я попал, но чем все это кончится?.. Удастся ли мне когда-нибудь вырваться из тюрьмы Бэк-Капа, разоблачить самозванного графа д'Артигаса и освободить моря и океаны от пиратской шайки Кера Каррадже?..

Но как бы ни был грозен Кер Каррадже, разве он не станет во сто раз опаснее, если овладеет «фульгуратором Рок»?.. Да, несомненно! Если он будет применять это новое средство уничтожения, — ни одно коммерческое судно, ни один военный корабль не избежат гибели.

Долго меня преследуют тягостные мысли, вызванные именем Кера Каррадже. Мне приходит на память все, что я когда-либо слышал о знаменитом пирате: его жизнь в те времена, когда он разбойничал в Тихом океане, многочисленные экспедиции, снаряженные против него морскими державами, бесплодность всех этих попыток. Так, значит, это он виновник необъяснимой гибели судов, исчезнувших за последние годы у берегов

Северной Америки... Кер Каррадже не пропал бесследно, а лишь переменял театр военных действий... Люди думали, что избавились от него, а корсар продолжал совершать разбойничьи набеги в этой оживленной части Атлантического океана, с помощью подводной лодки, которую считают погребенной на дне Чарлстонской бухты...

«Теперь,— говорил я себе,— мне известно подлинное имя и подлинное убежище знаменитого корсара: Кер Каррадже и Бэк-Кап! Но если Серкё произнес в моем присутствии имя Кера Каррадже, то сделал это, вероятно, с разрешения главаря пиратов... Не дал ли он мне этим понять, что я должен навсегда отказаться от надежды получить свободу?..»

Инженер Серкё несомненно заметил, какое впечатление произвело на меня это имя. После разговора со мной он направился прямо к жилищу Кера Каррадже, очевидно, с намерением рассказать ему о нашей беседе.

После долгой прогулки по берегу озера я уже собирался вернуться в свою камеру, когда услышал сзади чьи-то шаги. Я обернулся.

Передо мной стоит граф д'Артигас в сопровождении капитана Спаде. Он испытующе смотрит на меня. Тогда в порыве возмущения, позабыв об осторожности, я кричу:

— По какому праву вы держите меня здесь, сударь! Вы похитили меня из Хелтфул-Хауса, чтобы ухаживать за изобретателем Роком, но я отказываюсь служить ему и требую, чтобы вы меня отпустили...

Главарь шайки пиратов не делает ни одного движения, не произносит ни единого слова.

Не помня себя от гнева, я продолжаю:

— Отвечайте же, граф д'Артигас, впрочем, ведь я знаю, кто вы,— отвечайте, Кер Каррадже...

И он отвечает:

— Граф д'Артигас и Кер Каррадже одно и то же лицо, точно так же, как служитель Гэйдон и инженер Симон Харт, а Кер Каррадже никогда не вернет свободы инженеру Харту, которому известна его тайна!..

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Прошло пять недель

Положение ясно. Кер Каррадже знает, кто я... Ему это было уже известно, когда он приказал похитить Тома Рока вместе с его служителем...

Как он открыл это, как узнал то, что мне удалось скрыть от всего персонала Хелтфул-Хауса, как выяснил, что обязанности служителя при Тома Роке исполняет французский инженер?.. Понятия не имею, но это факт.

Очевидно, у Кера Каррадже есть возможность добывать сведения, которые несомненно стоят ему очень дорого, но зато приносят огромную пользу. К тому же, когда человек такого склада хочет добиться поставленной цели, денег он не жалеет.

Отныне Кер Каррадже или, вернее, его сообщник, инженер Серкё, заменит меня подле изобретателя Тома Рока. Добьется ли он большего, чем я?.. Дай Бог, чтобы этого не случилось, чтобы цивилизованный мир был избавлен от такого ужасного несчастья!

Я не ответил на последнюю фразу Кера Каррадже. Она сразила меня подобно выстрелу в упор. Однако я не пал духом, как, быть может, ожидал самозванный граф д'Артигас.

Нет! Я прямо посмотрел ему в глаза: они метали молнии, но я не опустил взгляда. Я скрестил руки на груди так же, как и он. А меж тем моя жизнь была целиком в его власти. Подай он только знак, и я упал бы к его ногам, убитый выстрелом из револьвера... Мое тело бросили бы в озерко, и через подводный ход его унесло бы течением в открытое море...

После этой сцены меня оставили, как и прежде, на свободе. Никаких мер против меня не было принято. Я мог гулять сколько вздумается среди известняковых колонн, добираться до конца пещеры, у которой — увы, это более чем достоверно! — нет иного выхода, кроме подводного туннеля.

Я вернулся в свою ячейку на краю Улья, обуреваемый тревожными мыслями, под впечатлением того нового, что произошло со мной. Я говорил себе: «Пусть

Керу Каррадже известно, что я инженер Симон Харт, но по крайней мере он не должен догадываться, что я знаю точное местоположение островка Бэк-Кап».

Что касается плана поручить Тома Рока моим заботам, полагаю, что граф д'Артигас никогда о нем серьезно не помышлял, прекрасно зная, кто я такой. В общем, я жалею об этом, ибо изобретатель несомненно станет предметом настойчивых домогательств, инженер же Серкё пустит в ход все средства, чтобы вывести состав взрывчатого вещества и воспламенителя и использовать их в своих мерзких целях во время пиратских набегов... Да! Лучше бы мне оставаться служителем Тома Рока... как в Хелтфул-Хаусе, так и здесь.

Прошло две недели, но я ни разу не встретил своего бывшего подопечного. Никто, повторяю, не мешает мне ежедневно совершать прогулки. Я свободен от всяких забот о материальной стороне жизни. Еду мне приносят с величайшей аккуратностью из кухни графа д'Артигаса — никак не могу отвыкнуть от этого имени и титула и мысленно все еще величаю так Кера Каррадже. Правда, я очень невзыскателен в отношении пищи, но во всяком случае было бы несправедливо выражать малейшее недовольство по этому поводу. Стол не оставляет желать ничего лучшего благодаря запасам, возобновляемым при каждом новом рейсе «Эббы».

К счастью, меня не лишили возможности писать в эти долгие часы безделья. Вот почему я не только рассказал в своем дневнике все, что случилось после моего похищения из Хелтфул-Хауса, но и продолжаю вести изо дня в день свои записи. Я буду делать это до тех пор, пока у меня не вырвут пера из рук. Бог даст, дневник поможет со временем раскрыть тайну островка Бэк-Кап.

С пятого по двадцать пятое июля.— За эти две недели ни одна из моих попыток увидеться с изобретателем не увенчалась успехом. Очевидно, приняты меры, чтобы вырвать его из-под моего влияния, каким бы ничтожным оно ни было. Я надеюсь только на то, что граф д'Артигас, инженер Серкё и капитан Спаде напрасно потратят время и силы, пытаясь овладеть его тайной.

Три или четыре раза — насколько мне известно — Тома Рок и инженер Серкё прогуливались вместе по берегу озера. По моим наблюдениям, изобретатель довольно внимательно слушал своего собеседника. Инженер Серкё провел его по всей пещере, показал электрическую станцию, подробно объяснил устройство подводного буксира... Судя по всему, психическое состояние Тома Рока улучшилось с тех пор, как он покинул Хелтфул-Хаус.

Року отвели отдельную комнату в «особняке» самого Кера Каррадже. Не сомневаюсь, что злодеи ежедневно пытаются склонить его на свою сторону, особенно инженер Серкё. Если Року предложат за изобретение назначенную им самим баснословную цену (вряд ли он отдает себе отчет в стоимости денег), устоит ли он против соблазна?.. Ведь пираты могут ослепить его огромным количеством золота — своей добычей за долгие годы морского разбоя!.. При своей болезненной неуравновешенности не поддастся ли изобретатель на уговоры, не откроет ли состав фульгуратора?.. Тогда останется только доставить все нужное в Бэк-Кап, и Тома Рок получит полную возможность заниматься своими химическими опытами. Снаряды же и остальное оборудование нетрудно изготовить на любом американском заводе, заказав все в разное время и по частям, чтобы не возбуждать подозрений... При мысли о том, какие беды может натворить столь грозное оружие в руках пиратов, волосы у меня становятся дыбом!

Эти мучительные мысли не дают мне ни минуты покоя, они гложут мне сердце, подтачивают здоровье. Хотя в пещере Бэк-Капа воздух необыкновенно чист, у меня бывают приступы удушья. Толстые стены пещеры словно давят меня всей своей тяжестью. Кроме того, я чувствую себя отрезанным от людей, как бы живущим за пределами нашей планеты в полном неведении того, что происходит в мире!.. Ах, если бы можно было бежать через отверстие, зияющее над озером в своде пещеры, выбраться на вершину островка... и спуститься на его побережье!..

Двадцать пятого июля утром я вижу, наконец, Тома Рока. Он один на противоположном берегу. Со вче-

рашнего дня я не встречаю Кера Каррадже, инженера Серкё и капитана Спаде и спрашиваю себя, не отправились ли они в какую-нибудь «экспедицию» на борту своей шкуны?..

Направляюсь к изобретателю, внимательно разглядывая его, прежде чем он успел меня увидеть.

Лицо его серьезно, задумчиво, в нем нет ни малейших признаков безумия. Он идет медленно, опустив глаза и не глядя по сторонам; под мышкой он держит небольшую доску с каким-то чертежом.

Вдруг он поднимает голову, делает шаг вперед и узнает меня.

— Ах, это ты... Гэйдон!..— кричит Тома Рок.— Я вырвался из твоих лап!.. Я свободен!

В самом деле, он должен считать себя более свободным в Бэк-Капе, чем в Хелтфул-Хаусе. Но мой вид пробуждает в нем неприятные воспоминания, а это может вызвать припадок... В необычайном возбуждении Тома Рок продолжает:

— Да... это ты... Гэйдон!.. Не подходи... не подходи ко мне!.. Ты хочешь схватить меня... опять засадить под замок... Не бывать этому никогда!.. У меня есть друзья, они меня защитят!.. Они могущественны, богаты!.. Граф д'Артигас дает мне деньги!.. Инженер Серкё мне помогает!.. Они займутся моим изобретением! Мы создадим здесь «фульгуратор Рок»... Убирайся!.. Убирайся прочь!..

Тома Рок вне себя от ярости. Он говорит все громче, размахивает руками и вытаскивает из кармана пачки долларов и кредитных билетов. На землю падают золотые монеты, английские, французские, американские, немецкие. Откуда у него эти деньги, если не от Кера Каррадже, в обмен за проданную тайну изобретения?..

На шум, вызванный этой неприятной сценой, прибегают несколько человек и останавливаются неподалеку, наблюдая за нами. Затем они хватают Рока и увлекают за собой. Не видя меня больше, изобретатель перестает сопротивляться и вновь обретает душевный покой.

Двадцать седьмое июля.— Два дня тому назад, спустившись ранним утром на берег озера, я дошел до конца небольшого каменного мола.

Подводного буксира нет на обычной стоянке у подножия скал, не видно его нигде и в другом месте. Впрочем, ни Кер Каррадже, ни инженер Серкё в тот день не уехали, как я предполагал, — я видел их мельком вчера вечером.

Однако есть все основания полагать, что сегодня они вместе с капитаном Спаде и его матросами отправились на буксире в бухточку, где стоит шкуна, и в настоящее время «Эбба» находится в открытом море.

Не задумали ли злодеи новый пиратский набег?.. Вполне возможно. Но возможно также и другое: Кер Каррадже, превратившийся на борту своей яхты в графа д'Артигаса, решил отправиться в какой-нибудь пункт на побережье, чтобы запастись там химическими веществами, необходимыми для изготовления «фульгуратора Рок»...

Если бы я мог спрятаться на борту подводного буксира, незаметно проскользнуть в трюм «Эббы» и укрыться там до прихода в какую-нибудь гавань!.. Тогда, быть может, я сумел бы вырваться из плена... и избавить мир от этой шайки пиратов!..

Вот какие мысли неотступно преследуют меня... Бежать... бежать во что бы то ни стало!.. Но побег возможен лишь через туннель на борту подводного буксира!.. Не безумие ли думать об этом?.. Да!.. безумие... А между тем как же иначе выбраться из Бэк-Капа?..

Пока я размышляю об этом, на воде метрах в двадцати от мола появляется пенный след, и на поверхность озера всплывает буксир. Почти тотчас же крышка люка откидывается, и из него выходит механик Гибсон с несколькими матросами. Другие пираты выбегают на скалы, чтобы принять конец швартова и подтянуть судно к причалу.

Значит, на этот раз «Эбба» отправилась в плавание без буксира, который лишь доставил Кера Каррадже и его спутника на борт скуны и вывел ее в открытое море.

Все это лишь подтверждает мою догадку, что поездка предпринята с единственной целью добраться до одного из американских портов, где граф д'Артигас купит необходимые ему химические вещества и закажет

снаряды на каком-нибудь заводе. Затем, в заранее назначенный день, буксир выйдет из туннеля, встретится со шкуной, и Кер Каррадже вернется в пещеру Бэк-Капа...

Положительно все удастся этому злодею, и дело движется быстрее, чем я предполагал!

Третье августа.— Сегодня произошло неожиданное событие, местом действия которого стало наше озеро,— событие очень любопытное и, очевидно, очень редкое.

Около трех часов пополудни вода в нем забурлила, затем на две-три минуты все успокоилось, после чего то же самое повторилось на середине озера.

Человек пятнадцать пиратов, заметив это непонятное явление, спустились на берег, глядя на воду с удивлением и даже, как мне показалось, со страхом.

Буксир не мог вызвать волнения в озере, так как он преспокойно стоит у причала. А предположение, что другой подводной лодке удалось проникнуть сюда через туннель, кажется по меньшей мере маловероятным.

Почти тотчас же на противоположном берегу раздаются крики. Другие пираты что-то объясняют первым на непонятном для меня наречии, и, обменявшись десятком гортанных фраз, все поспешно бегут к Улью.

Не заметили ли они под водой какое-нибудь морское чудовище?.. Не побежали ли за оружием, чтобы его убить, или за рыболовной снастью, чтобы его изловить?..

Я угадал, ибо минуту спустя пираты возвращаются на берег, вооруженные ружьями с разрывными пулями и гарпунами на длинных веревках.

В самом деле, это кит, или, вернее, китообразное из породы кашалотов, которых так много водится возле Бермудских островов; он пробрался через туннель и теперь барахтается в глубине озера. Если животному пришлось искать убежища внутри Бэк-Капа, то не значит ли это, что его преследовали, что за ним гнались китобой?..

Проходит несколько минут, и вот кашалот поднимается на поверхность воды. Его огромная блестящая зеленоватая туша мелькает среди пены, можно поду-

мать, что животное борется с каким-то опасным противником. Когда кашалот выплывает, две громадные струи с оглушительным шумом вырываются из его водометных отверстий.

«Если животное приплыло сюда через туннель, спасаясь от китобоев,— говорю я себе,— значит, поблизости от Бэк-Капа находится судно... быть может, всего в нескольких кабельтовых от берега... Лодки китобоев, очевидно, подошли с запада к самому острову, лавируя между рифами... А у меня нет никакой возможности установить с ними связь...»

Даже если мои предположения справедливы, разве я могу пробраться к китобоям через толстые стены пещеры?..

К тому же я вскоре узнаю причину появления кашалота. Дело вовсе не в преследующих его китобоях, а в стае акул, огромных пятнистых акул, которыми кишит море у Бермудских островов. Я без труда различаю их в воде. Их штук пять или шесть, они поворачиваются, ложатся на бок, открывая огромные пасти с двумя рядами острых зубов, похожих на зубья пилы. Эти хищники напали на кашалота, который может защищаться лишь ударами хвоста. Кашалот уже получил огромные раны, вода становится красноватой, он ныряет, всплывает, плещется в воде, безуспешно пытается отбиться от страшных врагов.

И все же не прожорливые акулы выйдут победителями из борьбы. Добыча ускользнет от них, ибо человек со своими орудиями могущественнее, чем они. Здесь, на берегу, собралось немало соратников Кера Карраджа, которые ничуть не лучше этих акул, так как пираты и морские хищники стоят друг друга! Разбойники пытаются захватить кашалота, ведь он — ценная добыча для Бэк-Капа!..

В этот миг кашалот приближается к причалу, где стоят малаец графа д'Артигаса и несколько других наиболее крепких пиратов. Малаец вооружен гарпуном на длинной веревке. Он размахивается и бросает его с поразительной силой и ловкостью.

Кашалот, тяжело раненный в левый бок, быстро

уходит под воду, сопровождаемый акулами, которые ныряют вслед за ним.

Веревка гарпуна разматывается на пятьдесят — шестьдесят метров. Остается лишь потянуть за нее, и раненое животное выплывет из глубины, чтобы испустить дух на поверхности озера. Это и делает малаец со своими приятелями осторожно, не спеша, чтобы не вырвать гарпун вместе с мясом, и вскоре кашалот появляется у стены пещеры, близ отверстия туннеля.

Раненное насмерть огромное животное неистовствует, бьется в страшной агонии, изрыгает целые столбы пены, воздуха и воды, смешанной с кровью. Вдруг яростным ударом хвоста кашалот выбрасывает на скалы бьющуюся в предсмертных судорогах акулу.

От толчка гарпун выскакивает из бока кашалота, и тот опять уходит в глубину. Когда он в последний раз появляется на поверхности, хвост его с такой силой бьет по воде, что в озере образуется огромная впадина, обнажая верхнюю часть туннеля.

Акулы набрасываются на свою добычу, но под градом выстрелов одни гибнут, другие спасаются бегством.

Нашла ли стая акул подводный ход, сумела ли выбраться из пещеры и уплыть в открытое море?.. Вполне возможно. Тем не менее лучше несколько дней не купаться в озере. Что касается кашалота, то двое пиратов вскочили в лодку, чтобы пригнать его к берегу. Когда тушу вытащили на мол, малаец, как видно, не новичок в этом деле, занялся ее свеживанием.

Зато теперь я точно знаю, в какое именно место пещеры выходит отверстие туннеля... Оно находится в западной стене, всего лишь в трех метрах от поверхности воды. Однако к чему мне в сущности эти сведения!..

Седьмое августа.— Вот уже двенадцать дней, как уехали граф д'Артигас, инженер Серкё и капитан Спаде. Ничто пока не предвещает скорого возвращения шкуны. Однако я заметил, что буксир стоит наготове, словно пароход под парами, и его гальванические батареи все время работают под наблюдением механика Гибсона. Если шкуна «Эбба» не боится посещать порты Соединенных Штатов среди бела дня, то, вероятнее

всего, она предпочтет подойти к Бэк-Капу вечером. Поэтому я полагаю, что Кер Каррадже и его спутники вернутся ночью.

Десятое августа.— Вчера вечером, часов около восьми, как я и предполагал, подводная лодка, погружившись в озеро, выбралась из туннеля как раз вовремя, чтобы взять на буксир «Эббу», и, проведя ее по фарватеру в бухту, доставила обратно экипаж шкуны и всех пассажиров.

Выйдя сегодня утром из своей комнаты, я вижу Тома Рока и инженера Серкё, которые спускаются к озеру, оживленно беседуя. О чем они говорят, легко догадаться. Я стою шагах в двадцати от них и наблюдаю за своим бывшим подопечным.

Глаза изобретателя блестят, морщины на лбу разглаживаются, лицо преобразается в то время, как инженер Серкё отвечает на его вопросы. Рок не может устоять на месте от нетерпения и поспешно направляется к причалу.

Инженер Серкё идет вслед за ним, и оба останавливаются на берегу, возле буксира.

Матросы, занятые выгрузкой товаров, только что поставили на скалистый берег десять ящиков средней величины. На ящиках красной краской выведены какие-то буквы, которые Рок рассматривает с величайшим вниманием.

Инженер Серкё приказывает переправить ящики — каждый из них вмещает примерно один гектолитр — на склады, расположенные на левом берегу озера. Пираты тотчас же грузят их в лодку и перевозят.

По-моему, в этих ящиках упакованы химические элементы, которые при соединении или смешивании должны дать взрывчатое вещество и воспламенитель... Снаряды же, очевидно, заказаны на каком-нибудь американском заводе. Когда они будут готовы, шкуна отправится за ними и привезет на островок Бэк-Кап...

Итак, на этот раз «Эбба» вернулась без награбленных товаров, не запятнав себя новыми пиратскими набегами. Но каким страшным оружием будет владеть Кер Каррадже для нападения и обороны на море!

Ведь, по словам Тома Рока, его фульгуратор может сразу уничтожить весь земной шар!.. Как знать, не делает ли он когда-нибудь такой попытки?..

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Советы инженера Серкё

Принявшись за работу, Тома Рок проводит целые дни в сарае, превращенном в лабораторию на левом берегу озера. Никто не входит туда, кроме него. Уж не хочет ли он работать один над своими препаратами, никому не сообщая их состава?.. Вполне возможно. Условия применения «фульгуратора Рок», насколько я знаю, весьма просты. В самом деле, такого рода снаряд не требует ни пушки, ни мортиры, ни катапульты, как ядро Залинского. Снаряд Рока самодвижущийся; сила, вызывающая это движение, заключена в самом фульгураторе, и всякий корабль, находящийся в зоне его действия в момент взрыва, может погибнуть от одного лишь чудовищного сотрясения воздушных слоев. Кто справится с Кером Каррадже, если в руки к нему попадет такое разрушительное средство?..

С одиннадцатого по семнадцатое августа.— Всю эту неделю Тома Рок работал без передышки. Каждое утро он отправляется в свою лабораторию и возвращается оттуда лишь к ночи. Я даже не пытаюсь подойти к изобретателю или заговорить с ним. Хоть Тома Рока по-прежнему равнодушен ко всему, что не касается его дела, разум изобретателя, по-видимому, прояснился. Да и почему бы не возродиться теперь его дарованию? Разве этот талантливый человек не добился полного удовлетворения своих запросов?.. Разве он не осуществляет теперь давным-давно задуманный план?

Ночь с семнадцатого на восемнадцатое августа.— В час ночи меня внезапно будят звуки выстрелов, доносящихся снаружи.

«Не нападение ли это на Бэк-Кап?..— думаю я.— Быть может, шкуна графа д'Артигаса вызвала подозрение властей, и преследователи настигли ее у наших скалистых берегов?.. Не пытаются ли они уничтожить

островок из орудий?.. Неужели справедливое возмездие настигнет злодеев прежде, чем Тома Рок создаст свое взрывчатое вещество, прежде чем снаряды будут доставлены на Бэк-Кап?..»

Оглушительные залпы следуют один за другим через довольно правильные промежутки времени. Мне приходит в голову мысль, что стоит только потопить «Эббу», как у пиратов порвется всякая связь с внешним миром и снабжение островка станет невозможным...

Правда, достаточно и подводного буксира, чтобы доставить графа д'Артигаса в любой пункт американского побережья, а денег на постройку новой яхты у него хватит с лихвой... Пусть так!.. Но даст Бог, Бэк-Кап будет разрушен до того, как Кер Каррадже воспользуется «фульгуратором Рок»!..

На следующий день, с первым проблеском зари, я выбегаю из своей комнаты...

Около Улья не заметно ничего нового.

Пираты занимаются своими обычными делами. Буксир стоит у причала. Я вижу Тома Рока, идущего в свою лабораторию. Кер Каррадже и инженер Серкё спокойно прохаживаются по берегу озера. Никакого нападения этой ночью не было... И, однако, меня разбудил гул близкой стрельбы...

Тем временем Кер Каррадже направляется к себе домой, а инженер Серкё подходит ко мне, как всегда насмешливо улыбаясь.

— Ну как, господин Симон Харт,— спрашивает он,— привыкаете понемногу к новой обстановке? Оценили ли вы по достоинству все преимущества нашей волшебной пещеры?.. Отказались ли, наконец, от надежды вернуть себе свободу... бежать из этого очаровательного убежища... и покинуть,— продолжает он, напевая старинный французский романс:

...Чудесные места,
Где Сильвия цвела,
Пленяя всех красотой...

Стоит ли сердиться на этого балагура?.. Я отвечаю с полным спокойствием:

— Нет, сударь, я не отказался от этой мысли и все еще надеюсь, что вы вернете мне свободу...

— Полноте, господин Харт, разве мы в силах расстаться с таким уважаемым человеком, как вы, да вдобавок с дорогим коллегой! Ведь, слушая бредни Тома Рока, вы могли открыть хотя бы часть его тайны... Вы просто шутите!..

Так вот по какой причине злодеи держат меня в пещере Бэк-Капа... Они полагают, что изобретение Рока мне отчасти известно... Надеются, что заставят меня говорить, если изобретатель откажется открыть свой секрет... Вот почему меня похитили вместе с ним... и до сих пор еще не бросили в озеро с камнем на шее!.. Знать это бесполезно!

— Отнюдь не шучу,— говорю я в ответ на последние слова инженера Серкё.

— Допустим,— продолжает мой собеседник.— Но если бы я имел честь быть инженером Симоном Хартом, то рассуждал бы следующим образом: принимая во внимание, во-первых, личность Кера Каррадже, причины, побудившие его выбрать столь таинственное убежище и необходимость уберечь эту пещеру от нескромных глаз не только в интересах графа д'Артигаса, но и в интересах его соратников...

— Сообщников, хотите вы сказать...

— Сообщников, будь по-вашему!.. Принимая во внимание, во-вторых, что вам известны подлинное имя графа д'Артигаса и тайна «несгораемого шкафа», в котором спрятаны его богатства...

— Богатства, награбленные и запятнанные кровью, господин Серкё!

— Пусть так!.. Но вы должны понять, что вопрос о вашем освобождении никогда не будет решен так, как вы того желаете...

Спорить в этих условиях бесполезно, и я меняю тему разговора.

— Могу ли я узнать,— спрашиваю я,— как вам удалось выяснить, что служитель Гэйдон и инженер Симон Харт одно и то же лицо?

— Не вижу причин скрывать это от вас, дорогой коллега... Чистая случайность... Мы были связаны с заводом, на котором вы работали, и узнали, что вы ушли оттуда при довольно странных обстоятельствах... Меж-

ду тем, побывав в Хелтфул-Хаусе за несколько месяцев до посещения графа д'Артигаса, я встретил вас там... и узнал...

— Вы?..

— Да, собственной персоной, и с той минуты я дал себе слово, что вы будете нашим спутником на борту «Эббы»...

Не могу вспомнить, чтобы я видел этого Серкё в Хелтфул-Хаусе, но, возможно, он говорит правду.

«Надеюсь,— подумал я,— что придет день, когда эта причуда вам дорого обойдется!»

— Если не ошибаюсь,— неожиданно спрашиваю я,— вам удалось убедить Тома Рока продать секрет фальсификатора?..

— Да, господин Харт, за миллионы... Впрочем, эти миллионы сами плывут нам в руки!.. Вот почему мы не поскупились, и теперь у Тома Рока карманы битком набиты золотом!..

— Но на что ему эти миллионы, если он не свободен, если не может уехать и воспользоваться ими?

— Такие соображения ничуть не волнуют изобретателя, господин Харт!.. Этот гениальный человек не думает о будущем! Он живет только настоящим... Пока там, в Америке, по его чертежам делают снаряды, он возится здесь с химическими препаратами, ведь мы в изобилии снабдили ученого всем необходимым. Хе... хе... Что за превосходная выдумка этот самодвижущийся снаряд, самостоятельно развивающий все большую скорость благодаря особому, постепенно разгорающемуся пороху!.. Это изобретение вызовет коренной переворот в способах ведения войны!..

— Оборонительной войны, господин Серкё?

— А также и наступательной, господин Харт.

— Естественно,— отвечаю я.

И, не давая инженеру Серкё опомниться, прибавляю:

— Итак... то, чего никто не мог добиться от Рока...

— Мы добились без особого труда...

— Заплатив ему...

— Баснословную цену... и к тому же играя на одной струнке, весьма чувствительной у этого человека...

— Какая же эта струнка?

— Жажда мести.

— Кому же он хочет мстить?

— Всем, кого считает своими врагами: тем, кто старался обескуражить его, лишить веры в свои силы, кто отказывал ему, прогонял, заставлял переезжать из страны в страну, выпрашивая деньги за свое выдающееся изобретение! Теперь всякий патриотизм угас в его душе. У Тома Рока осталась лишь одна мысль, одно страстное желание: отомстить людям, отказавшим ему в признании... и даже всему человечеству!.. Право, господин Харт, ваши правительства в Европе и Америке совершили непростительную оплошность, не пожелав дать настоящую цену за «фульгуратор Рок»!

Инженер Серкё с воодушевлением описывает мне различные преимущества нового взрывчатого вещества; по его словам, оно не идет ни в какое сравнение с тем, которое добывается из нитрометана путем замены одного из трех атомов водорода атомом соды,— открытие, весьма нашумевшее в последнее время.

— А какая разрушительная сила! — продолжает инженер Серкё.— В этом отношении «фульгуратор Рок» похож на ядро Залинского, только он во сто раз сильнее и не требует специального аппарата для метания; ведь у него, фигурально выражаясь, имеются собственные крылья!

Я жадно слушаю, надеясь узнать хотя бы часть тайны. Но нет. Инженер Серкё не проговаривается.

— Открыл ли вам Тома Рок состав своего взрывчатого вещества? — спрашиваю я.

— Да, господин Харт,— уж не прогневайтесь,— и скоро мы получим и спрячем в надежном месте огромные запасы «фульгуратора Рок».

— Но не подвергаете ли вы себя опасности... постоянной опасности, накапливая так много этого вещества?.. Ведь достаточно простой неосторожности, и взрыв уничтожит островок...

И опять название острова чуть не сорвалось у меня с языка. Узнай пираты, что Симону Харту известно не только подлинное имя графа д'Артигаса, но и местонахождение Бэк-Капа, и они найдут, пожалуй, что их пленник слишком много знает.

К счастью, инженер Серкё не заметил, как я прикусил себе язык.

— Нам нечего опасаться,— отвечает он.— Взрывчатое вещество Рока воспламеняется совершенно особым способом. Ни сотрясение, ни искры не могут вызвать взрыва...

— А разве Рок не продал вам также секрет своего воспламенителя?..

— Нет еще, господин Харт, но сделка состоится в ближайшее время! Итак, повторяю, опасности нет никакой, и вы можете спать совершенно спокойно!.. Тысяча чертей! Нам вовсе неохота взлететь на воздух вместе с пещерой и всеми нашими сокровищами! Если дела пойдут и впредь так же хорошо, то через несколько лет мы разделим полученные доходы; надо думать, они будут весьма велики, и доля каждого составит вполне приличное состояние, которое он будет тратить по собственному усмотрению... после ликвидации фирмы «Кер Каррадже и К^о»! Прибавлю к этому, что доноса мы боимся не больше, чем взрыва... ведь вы один могли бы донести на нас, дорогой господин Харт! Вот почему я советую вам, как человеку практичному, примириться со своей участью, покориться неизбежности и набраться терпения до ликвидации фирмы... Тогда мы решим, как с вами поступить в интересах нашей общей безопасности!

Надо сознаться, в словах инженера Серкё нет ничего обнадеживающего. Правда, до тех пор многое может измениться. Из этого разговора следует запомнить одно: хотя Тома Рок и продал свое взрывчатое вещество фирме «Кер Каррадже и К^о», он все же сохранил в тайне состав воспламенителя, без которого взрывчатое вещество стоит не больше, чем придорожная пыль.

Однако прежде, чем закончить этот разговор, я должен высказать инженеру Серкё одно соображение, моему достаточно веское.

— Сударь,— говорю я,— вам известен теперь состав взрывчатого вещества, что ж, превосходно. Но скажите, действительно ли оно обладает той разрушительной силой, которую ему приписывает изобретатель?.. Ведь это взрывчатое вещество никогда еще не

испытывали?.. Не купили ли вы такой же безобидный порошок, как щепотка табака?

— Мне кажется, господин Харт, что вы лучше осведомлены на этот счет, чем стараетесь показать. Тем не менее я весьма признателен за интерес, который вы проявляете к нашему делу: поверьте, вам совершенно незачем беспокоиться. Прошлой ночью мы проделали ряд решающих опытов. При помощи всего нескольких граммов этого вещества огромные каменные глыбы превратились в прах.

Речь идет, очевидно, о взрывах, которые я принял ночью за выстрелы.

— Итак, дорогой коллега,— продолжает инженер Серкё,— смею вас заверить, что мы застрахованы от всяких неожиданностей. Действие этого взрывчатого вещества превосходит все ожидания. Несколько тысяч тонн «фульгуратора Рок» было бы достаточно, чтобы уничтожить наш сфероид и рассеять его осколки в мировом пространстве, как это случилось с планетой, распавшейся на части в зоне между Марсом и Юпитером. Можете не сомневаться — фульгуратор уничтожит любой корабль на расстоянии, значительно превышающем дальность самых мощных орудий, а поражаемое им пространство достигает доброй мили... Слабое место изобретения заключается в трудности регулировать наводку; чтобы изменить ее, требуется пока еще довольно длительное время...

Инженер Серкё умолкает, как человек, который боится сказать лишнее, и после паузы добавляет:

— Словом, господин Харт, я кончаю наш разговор тем же, с чего я начал. Покоритесь неизбежности!.. Примиритесь без задних мыслей с этой новой для вас жизнью!.. Наслаждайтесь спокойными радостями нашего подземного существования!.. Здесь можно сберечь здоровье, если оно в порядке, восстановить силы, если они подорваны... Последнее как раз и произошло с вашим соотечественником!.. Да... Покоритесь своей участи. Это самое разумное, что вы можете сделать!

После чего сей любитель бесплатных советов покидает меня, дружески помахав на прощанье рукой, как

человек, чье доброе отношение нельзя не оценить. Но сколько иронии сквозит в его словах, жестах, взгляде, и представится ли мне когда-нибудь возможность отомстить ему за все?..

Во всяком случае, я узнал из нашего разговора, что обращаться с фульгуратором довольно сложно. Изменить наводку и расширить поражаемое пространство длиною в милю, вероятно, не легко, и корабль, находящийся вне этой зоны, избежит действия взрыва... Если бы я мог уведомить об этом тех, кому грозит ужасная опасность!..

Двадцатое августа.— Прошло два дня, но ничего нового не случилось. В своих ежедневных прогулках я забираюсь в самые дальние уголки Бэк-Капа. Вечером, когда свет электрических ламп озаряет длинную анфиладу арок, невольно испытываешь почти религиозное благоговение, созерцая чудеса природы в этой пещере, ставшей моей темницей. Впрочем, я не теряю надежды отыскать в окружающих меня толстых стенах какую-нибудь не замеченную пиратами щель и бежать через нее на волю!.. Правда... когда я выберусь наружу, мне придется ждать, чтобы в виду островка прошло какое-нибудь судно... К тому же о моем побеге тут же станет известно... Меня не замедлят схватить... если только... да... шлюпка... шлюпка «Эббы», спрятанная в глубине бухточки!.. Если бы мне удалось захватить шлюпку... проскользнуть среди рифов... добраться до Сент-Джорджеса или Гамильтона...

Вечером, часов около девяти, выйдя прогуляться, я растянулся на песке у подножия одной из естественных колонн, метрах в ста от Улья, на восточном берегу озера. Вскоре я услышал поблизости шум шагов, а затем чьи-то голоса.

Я сжался в комок, стараясь спрятаться за массивным основанием колонны, и прислушался...

Мне знакомы эти голоса. Они принадлежат Керу Каррадже и инженеру Серкё... Вот оба пирата остановились и беседуют по-английски — на языке, принятом на Бэк-Капе, так что я понимаю все, что они говорят.

Речь идет о Тома Роке или, точнее, об его фульгураторе.

— Через неделю,— замечает Кер Каррадже,— я думаю выйти в море на «Эббе» и вскоре привезу из Виргинии разные детали, они, наверно, уже готовы на заводе...

— А когда мы их получим,— отвечает инженер Серкё,— я займусь здесь устройством установок для фульгуратора. Но прежде надо проделать одну работу, на мой взгляд, совершенно необходимую...

— А именно? — спрашивает Кер Каррадже.

— Надо пробить стену пещеры.

— Пробить?..

— О, всего лишь узкий проход, не шире, чем нужно для одного человека, нечто вроде коридора. В случае надобности мы без труда завалим его камнями; выход же наружу будет незаметен среди скал.

— К чему это, Серкё?..

— Я часто думал о необходимости иметь еще один ход сообщения с внешним миром... Неизвестно, что ждет нас в будущем...

— Но ведь стены пещеры чрезвычайно массивны, да и порода здесь очень твердая...— замечает Кер Каррадже.

— С несколькими крупинками взрывчатого вещества «Рок»,— отвечает инженер Серкё,— я берусь превратить скалы в мельчайшую пыль, которая разлетится от одного дуновения!

Легко понять, как заинтересовал меня этот разговор.

Итак, они собираются проделать, помимо подводного туннеля, новый ход сообщения между пещерой и побережьем Бэк-Капа... Как знать, не представится ли мне тогда случай спастись бегством?

Едва эта мысль промелькнула у меня в голове, как Кер Каррадже ответил:

— Решено, Серкё! В самом деле, если придется когда-нибудь защищать Бэк-Кап, мы сумеем помешать судам подойти к островку... Правда, наше убежище не так легко открыть, тут врагам может помочь лишь случай... или донос...

— Нам нечего опасаться ни того, ни другого,— заверяет сообщника инженер Серкё.

— Со стороны наших товарищей — согласен, но со стороны этого Симона Харта...

— Симона Харта! — восклицает инженер Серкё.— Но сперва ему надо бежать... а из пещеры Бэк-Капа не убежишь!.. К тому же Симон Харт — славный малый, и, признаюсь, он меня интересует... Ведь он — мой коллега, и, как мне кажется, знает об изобретении Тома Рока больше, чем следует... Я думаю, что в конце концов мы с ним поладим и будем беседовать о физике, механике, баллистике как настоящие друзья...

— Пусть так! — милостиво соглашается граф д'Артигас.— Но как только мы овладеем всей тайной, лучше будет отделаться от...

— Время терпит, Кер Каррадже...

«Но потерпит ли Бог, негодяи!» — думаю я, стараюсь успокоиться: сердце мое неистово бьется.

И, однако, на что мне надеяться, кроме скорого вмешательства providения?..

Тут разговор заходит о другом, и Кер Каррадже замечает:

— Теперь, когда мы знаем состав взрывчатого вещества, Серкё, нам надо во что бы то ни стало вырвать у Рока секрет воспламенителя...

— Что правда, то правда,— отвечает инженер Серкё,— и я стараюсь изо всех сил. К несчастью, Рок очень несговорчив. Он не хочет и слышать об этом. Впрочем, он уже изготовил несколько капель воспламенителя для испытания взрывчатого вещества, а теперь приготовит и побольше, когда мы вздумаем пробить каменную стену.

— А для наших морских экспедиций?..— спрашивает Кер Каррадже.

— Терпение!.. Еще немного, и в наших руках окажутся все громы и молнии фульгуратора...

— Ты в этом уверен, Серкё?..

— Вполне уверен... если только мы не поскупимся, Кер Каррадже.

На этом разговор закончился, и оба пирата удалились, по счастью, так и не заметив меня. Если инженер Серкё готов вступить за коллегу, то граф д'Артигас, по-видимому, относится ко мне менее благожелатель-

но. При первом же подозрении меня бросят в озерко, и если я выберусь из туннеля в открытое море, то лишь в виде бездыханного трупa, уносимого отливом.

Двадцать первое августа.— Сегодня инженер Серкё начал обследовать пещеру, желая выбрать такое место для нового туннеля, чтобы снаружи никто не мог заподозрить о его существовании. После тщательных изысканий было решено пробить северную стену пещеры в двадцати метрах от первых ячеек Улья.

Не дождусь, когда туннель будет окончен. Кто знает, не удастся ли мне воспользоваться им для побега?.. Ах, если бы я умел плавать, то попытался бы бежать через подводный ход, ведь теперь мне точно известно, где он находится. Во время недавнего сражения между кашалотом и акулами, когда воды озера отхлынули от стены пещеры, верхняя часть туннеля обнажилась... Я его видел... Но открывается ли он во время сильных отливов?.. В полнолуние или в новолуние, когда уровень воды в море особенно низок, возможно, что... не премину в этом убедиться!

К чему мне это? Не знаю, однако я не должен ничем пренебрегать, лишь бы вырваться из пещеры Бэк-Капа.

Двадцать девятое августа.— Сегодня утром я присутствовал при отплытии подводного буксира. Очевидно, он направляется в один из американских портов, чтобы получить там уже готовый заказ.

Граф д'Артигас разговаривает несколько минут с инженером Серкё, который, кажется, не собирается его сопровождать. По-видимому, он дает своему дружку какие-то распоряжения. Уж не обо мне ли идет речь? Затем, сойдя на площадку подводного судна, он спускается вниз в сопровождении капитана Спаде и матросов «Эббы». Как только люк закрыли, буксир погружается, и по гладкой поверхности озера пробегает лишь легкая рябь.

Часы текут, день подходит к концу. Подводное судно не вернулось, значит, оно ведет на буксире шкуну... а, может, и топит встречные суда...

По всей вероятности, шкуна недолго пробудет в

плавании, так как достаточно и недели, чтобы совершить путешествие туда и обратно.

К тому же погода благоприятствует «Эббе», если судить по полному безветрию в пещере. Ведь на широте Бермудских островов август — самое хорошее время года. Ах, если бы только я мог найти какую-нибудь трещину в этих толстых стенах и выбраться из своей темницы!..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Плыви с Богом!..

С двадцать девятого августа по десятое сентября.— Прошло тринадцать дней, а «Эбба» еще не вернулась. Неужели она направилась не к берегам Америки?.. Не задержал ли шкуну какой-нибудь пиратский набег?.. Мне кажется, однако, что у Кера Каррадже была лишь одна забота: привезти составные части фульгуратора. Правда, завод в Виргинии мог запоздать с выполнением заказа...

Впрочем, инженер Серкё не проявляет нетерпения. При встрече со мной он, как всегда, напускает на себя добродушный вид, но у меня есть основания ему не доверять. Коллега подчеркнуто любезно осведомляется о моем здоровье, настойчиво советует примириться со своей участью, называет меня «Али-Баба», уверяет, что на земном шаре нет места очаровательней этой сказочной пещеры из «Тысячи и одной ночи», говорит, что я живу здесь на всем готовом, не платя ни налогов, ни поборов, и что даже в благословенном княжестве Монако люди не знают такого беззаботного существования...

Слушая ироническую болтовню инженера Серкё, я чувствую, как порой вся кровь бросается мне в лицо. С трудом преодолеваю искушение кинуться на этого негодяя, на этого насмешника и задушить его... Меня тут же убьют... Ну и пусть... Не лучше ли такой конец, чем жить долгие годы среди презренных злодеев, обосновавшихся в этой мрачной пещере?

Но все же рассудок берет верх, и я только пожимаю плечами.

В первые дни после отплытия «Эббы» я лишь мельком видел Тома Рока. Запершись в лаборатории, он занимается своими бесконечными опытами. Если изобретатель использует все предоставленные в его распоряжение химические элементы, то у него будет чем взорвать не только Бэк-Кап, но и все Бермудские острова в придачу!

Я по-прежнему цепляюсь за надежду, что Тома Рок не согласится открыть состав воспламенителя, не выдаст своей последней тайны, несмотря на все усилия инженера Серкё... Не будет ли обманута и эта надежда?..

Тринадцатое сентября.— Сегодня я убедился воочию в огромной силе взрывчатого вещества и увидел также, как используют воспламенитель.

Утром пираты начали пробивать в намеченном месте туннель, чтобы установить сообщение с побережьем острова.

Под руководством инженера Серкё они прежде всего принялись долбить стену пещеры у основания — задача весьма сложная, так как известняк не уступает здесь по крепости граниту. Сначала работали кирками; пираты владели ими мастерски, и все же, если бы, кроме кирки, у них ничего не было, этот тяжелый труд затянулся бы надолго, ведь стены пещеры имеют внизу не менее двадцати — двадцати пяти метров толщины. Но благодаря «фульгуратору Рок» пробить скалу разбойникам удастся довольно быстро.

Я был просто поражен тем, что увидел. Прокладка туннеля в горной породе, которая едва поддается кирке, оказалась делом чрезвычайно легким.

Да, нескольких граммов взрывчатого вещества было достаточно, чтобы раздробить камень, раскрошить его, превратить в почти невесомую пыль, которая рассеивается, как дым, от малейшего дуновения! Да, повторяю, эти пять — десять граммов порошка взорвались с грохотом, похожим на выстрел артиллерийского орудия из-за сильнейшего сотрясения воздуха, и пробили углубление размером в целый кубический метр.

При первом опыте, хотя была использована лишь микроскопическая доза взрывчатого вещества, пираты, находившиеся поблизости, упали навзничь. Двое были тяжело ранены, а самого инженера Серкё отбросило взрывом на несколько шагов и довольно сильно ушибло.

Опишу, как обращаются с этим веществом, обладающим невиданной до сих пор разрушительной силой.

В горной породе пробивают шурф длиной в пять сантиметров, имеющий в сечении десять квадратных миллиметров. Затем в него закладывают несколько граммов взрывчатого вещества, даже не затыкая отверстие снаружи.

Тут на сцену выступает Тома Рок. В руке он держит небольшую стеклянную трубку, содержащую гомогенную маслянистую жидкость, которая при соприкосновении с воздухом очень быстро свертывается. Изобретатель капает в шурф всего одну каплю этой жидкости и не спеша отходит в сторону. В самом деле, требуется известное время — около тридцати пяти секунд — для завершения реакции воспламенителя и взрывчатого вещества. А затем происходит взрыв такой разрушительной силы, что, подчеркиваю, ее можно считать неограниченной, и во всяком случае она в тысячи раз превосходит все, что нам до сих пор известно.

Легко поверить, что в этих условиях толстая стена будет пробита за какую-нибудь неделю.

Девятнадцатое сентября.— С некоторых пор я наблюдаю приливы и отливы, которые здесь очень ощутимы; дважды в сутки через подводный канал течение устремляется то в озерко, то обратно в океан. Несомненно, что любой предмет, находящийся на поверхности воды, будет подхвачен отливом и унесен в открытое море, если только отверстие туннеля хоть немного выступит из воды. Но ведь уровень воды бывает ниже всего в период равноденствия!.. Что ж, в этом нетрудно убедиться, так как осеннее равноденствие скоро наступит. Послезавтра двадцать первое сентября, а сегодня, девятнадцатого, я уже видел, как при малой воде обнажилось верхнее полукружие туннеля.

Сам я не могу проплыть через подводный туннель,

но разве брошенную в озерко бутылку не унесет течением во время отлива?.. Если же поможет случай,— правда, случай, граничащий с чудом,— бутылку подберет какой-нибудь корабль, проходящий поблизости от Бэк-Капа... Или же волны выбросят ее на берег одного из Бермудских островов... А если бы в бутылке находилась записка...

Эта мысль не дает мне покоя. Но тут же возникают сомнения: ведь бутылка может разбиться о стенки туннеля или по выходе в океан о прибрежные скалы... Да... но если ее заменить герметически закупоренным бочоном, вроде тех, что прикрепляют к рыболовным сетям? Бочонок не такой хрупкий, как бутылка, у него больше шансов достигнуть открытого моря...

Двадцатое сентября.— Сегодня вечером я незаметно пробрался на один из складов, где лежат груды награбленных вещей, и нашел там маленький бочонок, вполне пригодный для моего замысла.

Тщательно спрятав бочонок под одеждой, я возвращаюсь в Улей и забираюсь в свою ячейку. Затем, не теряя ни минуты, принимаюсь за дело. Бумага, чернила, перо — у меня ни в чем нет недостатка, вот почему я уже три месяца регулярно веду этот дневник.

Беру лист бумаги и пишу.

«Тома Рок и его служитель Гэйдон, или, точнее, французский инженер Симон Харт, занимавшие флигель № 17 в Хелтфул-Хаусе, около Нью-Берна в штате Северная Каролина, Соединенные Штаты Америки, были похищены одновременно пятнадцатого июня и отведены на борт шкуны «Эбба», принадлежащей графу д'Артигасу. С девятнадцатого числа того же месяца оба они заключены в пещере, служащей убежищем вышеупомянутому графу д'Артигасу,— настоящее имя которого Кер Каррадже,— корсару, занимавшемуся некогда разбоем в западной части Тихого океана с сотней бандитов, составляющих шайку этого опасного злодея. Как только в руках пиратов окажется «фульгуратор Рок», обладающий поистине неограниченной разрушительной силой, Кер Каррадже снова примется за свои разбойничьи набеги, но теперь уж в условиях почти полной безнаказанности.

Вот почему заинтересованные государства должны как можно скорее уничтожить притон бандитов.

Пещера, где скрывается пират Кер Каррадже, расположена внутри островка Бэк-Кап, который ошибочно считают действующим вулканом. Это самый западный остров Бермудского архипелага; с востока он недоступен из-за рифов, но открыт с юга, запада и севера.

Сообщение между внешней и внутренней частью Бэк-Капа возможно только через туннель, который лежит на несколько метров ниже уровня моря, в конце узкого залива на западе островка. Поэтому проникнуть в пещеру Бэк-Капа можно только на подводной лодке, по крайней мере пока не будет закончен новый туннель, выходящей на северо-запад.

Пират Кер Каррадже владеет прекрасным подводным судном, тем самым, которое построил себе граф д'Артигас, хотя оно и считается погибшим во время испытаний в Чарлстонской бухте. Эта подводная лодка не только служит пиратам для сообщения с пещерой, но также водит на буксире шкуну и нападает на торговые суда в районе Бермудских островов.

Шкуна «Эбба», прекрасно известная на западном побережье Америки, пользуется для стоянки маленькой бухточкой, скрытой среди скал на западной стороне островка и поэтому невидимой с моря.

Прежде чем произвести высадку на Бэк-Капе,— и лучше всего на западном берегу, где жили прежде бермудские рыбаки,— следует пробить брешь в скалистом склоне острова при помощи мощных мелинитовых зарядов. После высадки через эту брешь можно будет проникнуть в пещеру.

Необходимо также принять меры на случай, если изготовление «фульгуратора Рок» уже будет закончено. Вполне возможно, что захваченный врасплох Кер Каррадже попытается применить это средство для защиты Бэк-Капа. Вот почему надо запомнить следующее: если разрушительная сила фульгуратора превосходит все, что можно себе представить, то радиус его действия не превышает тысячи семисот — тысячи восьмисот метров. В этих пределах наводку можно менять, но это требует большой затраты времени, и судно, бла-

гополучно миновавшее опасную зону, может беспрепятственно подойти к островку.

Документ этот составлен сегодня, двадцатого сентября, в восемь часов вечера и подписан мной собственноручно.

Инженер *Симон Харт*».

Таково содержание моей записки. В ней имеются необходимые сведения об островке, нанесенном на все современные карты, и об обороне Бэк-Капа, которую, быть может, предпримет Кер Каррадже, а также совет действовать без промедления. Я приложил к записке план пещеры, с указанием местонахождения подводного туннеля, озера, Улья, жилища Кера Каррадже, моей комнаты и лаборатории Тома Рока. Но будут ли подобраны эти бумаги каким-нибудь кораблем?..

Наконец, завернув свое письмо в большой кусок просмоленного полотна, я вложил его в обитый железом бочонок длиною в пятнадцать и шириной в восемь сантиметров. Как я в этом убедился, он не пропускает воду и вполне выдержит удары о стенки туннеля или о прибрежные скалы.

Правда, вместо того, чтобы попасть в надежные руки, бочонок будет, возможно, подхвачен приливом, выброшен на скалистый берег островка и найден матросами «Эббы», когда шкуна станет на якорь в глубине бухточки... Если подписанный мною документ, разблаचाющий графа д'Артигаса, попадет в руки Кера Каррадже, мне уже не придется мечтать о побеге из Бэк-Капа: судьба моя будет тут же решена...

Наступила ночь. Легко догадаться, с каким лихорадочным нетерпением я ждал ее! По моим наблюдениям, уровень воды в озере бывает ниже всего вечером, без четверти девять. В это время верхняя часть туннеля обнажается сантиметров на пятьдесят. Этого расстояния вполне достаточно, чтобы бочонок свободно проплыл по туннелю. Я собираюсь к тому же бросить его в воду на полчаса раньше, чтобы течение, устремляющееся из озера в море, успело подхватить его.

Около восьми часов вечера выхожу из своей комнаты среди сгущающейся темноты. На берегу ни души. Я

направляюсь к стене пещеры, где находится туннель. При свете последней электрической лампочки, горящей в этой части пещеры, замечаю, что над поверхностью озера выступает полукруглый свод туннеля, в который бурно устремляется поток воды.

Спустившись со скалистого берега к самому озеру, я бросаю в воду бочонок с драгоценным документом: в нем моя последняя надежда!

«Плыви с Богом! Плыви с Богом!» — повторяю я, как говорят обычно наши французские моряки.

Маленький бочонок сперва покачивается на месте, потом его прибывает обратно к берегу. Мне приходится с силой оттолкнуть бочонок, чтобы его подхватило течением...

Действительно, не проходит и двадцати секунд, как он исчезает в туннеле...

Да... Плыви с Богом!.. Да сохранит тебя небо, мой милый бочонок!.. Да защитит оно всех тех, кому угрожает Кер Каррадже! И пусть обрушится на эту шайку пиратов кара людского правосудия!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Сражение «Суорда» с подводным буксиром

Всю эту ночь я провел без сна, неотступно следуя в мыслях за своим драгоценным бочонком. Сколько раз мне казалось, что он разбился о скалы или же его занесло волнами в соседнюю бухточку и выбросило на берег... Весь я покрылся холодным потом... Нет, туннель, наконец, пройден... бочонок благополучно проплыл между рифами... отлив несет его в открытое море... Великий Боже! А что, если волны опять прибьют бочонок к островку, увлекут его в туннель и... с наступлением утра я снова увижу его в озерке...

Я поднимаюсь на заре и спешу к берегу...

Ни одного предмета не плавает на спокойной глади озерка.

В следующие дни работа по прокладке нового хода продолжалась по-прежнему. Двадцать третьего сентября, в четыре часа дня, инженер Серкё приказал

взорвать последнюю скалу. Сообщение с морским берегом установлено — это всего лишь узкий коридор, по которому приходится идти, согнувшись в три погибели. Снаружи отверстие нового туннеля теряется среди прибрежных скал, и в случае необходимости ничего не стоит завалить его.

Нечего и говорить, что отныне проход будет строго охраняться. Без разрешения никто не войдет по нему в пещеру и не выйдет из нее... Итак, побег с этой стороны невозможен...

Двадцать пятое сентября. — Сегодня утром подводный буксир неожиданно появляется на поверхности озера. Граф д'Артигас, капитан Спаде и команда шкуны выходят на берег. Приступают к выгрузке товаров, привезенных на «Эббе». Я вижу ящики с сушеным мясом и консервами, бочки с вином и водкой, несколько тюков для Тома Рока. Вместе с ними пираты вытаскивают и складывают на земле какие-то металлические части круглой формы.

Тома Рок присутствует при выгрузке. Глаза его возбужденно блестят. Схватив одну из этих частей, он внимательно рассматривает ее и с довольным видом кивает головой. Я замечаю, что радость уже не проявляется у него в бессвязных словах и восклицаниях, а сам он ничем больше не напоминает бывшего пациента из Хелтфул-Хауса. Я даже спрашиваю себя, не излечился ли изобретатель окончательно от своего предполагаемого помешательства?..

Наконец Тома Рок садится в лодку, служащую для внутреннего сообщения по озеру, и вместе с инженером Серкё едет в лабораторию. Через час весь груз подводного буксира уже переправлен на другой берег.

Кер Каррадже обменялся лишь несколькими словами с инженером Серкё. Немного позже они опять встретились и долго беседовали, прохаживаясь вдоль Улья.

Закончив разговор, оба направились к новому проходу в стене и вошли в него друг за другом в сопровождении капитана Спаде. Как жаль, что я не могу пробраться туда вслед за ними!.. Как жаль, что не могу вдохнуть полной грудью воздух морских просторов, ко-

торый доходит до пещеры Бэк-Капа, потеряв всю свою живительную силу!..

С двадцать шестого сентября по десятое октября.— Прошло две недели. Под руководством инженера Серкё и Тома Рока все это время велись работы по изготовлению снарядов. Потом занялись сооружением пусковых установок. Это обычные козлы, к которым приделаны своего рода желоба с изменяемым углом наклона. Такую установку легко поместить не только на палубе «Эббы», но и на площадке буксира, конечно, когда он держится на поверхности воды.

Так, значит, Кер Каррадже станет властелином морей, плавая по ним на своей утлой шкуне!.. Ни один военный корабль не пересечет поражаемую зону и не приблизится к «Эббе». Она же останется вне досягаемости для любых вражеских снарядов!.. Только бы моя записка попала в надежные руки... только бы люди узнали о существовании пещеры Бэк-Капа!.. Тогда удасться если не уничтожить этот притон разбойников, то по крайней мере взять его измором!..

Двадцатое октября.— К своему крайнему удивлению, я не вижу сегодня утром буксира на обычном месте! Припоминаю, что как раз накануне были возобновлены элементы его гальванических батарей, и я еще тогда подумал: пираты хотят быть наготове. Если буксир вышел в море теперь, когда существует новый ход сообщения, то не иначе как для пиратских набегов. В самом деле, на Бэк-Капе сейчас нет недостатка ни в снарядах, ни в химических веществах, необходимых Року.

Между тем наступил период осеннего равноденствия. Частые бури проносятся над Бермудскими островами. Штормы свирепствуют на море. Это чувствуется по всему: ветер с силой врывается сверху в мнимый кратер Бэк-Капа, клочки тумана, смешанного с дождем, вихрем кружатся внутри обширной пещеры, разгулявшиеся на озере волны обдают брызгами и пеной прибрежные скалы.

Но действительно ли шкуна покинула бухточку Бэк-Капа?.. Не слишком ли это хрупкое суденышко,

чтобы выйти в море в такую непогоду, даже при помощи подводного буксира?

С другой стороны, буксир вряд ли ушел в плавание без шкуны, хотя ему нечего опасаться волнения, — ведь он без труда избежит его, опустившись на несколько метров ниже поверхности океана!..

Не знаю, чем объяснить исчезновение подводной лодки — тем более что плавание ее, очевидно, затягивается, так как она не вернулась даже к вечеру.

На этот раз инженер Серкё остался в Бэк-Капе. Уехали только Кер Каррадже, капитан Спаде и команды буксира и «Эббы»...

Жизнь в нашей колонии заживо погребенных по-прежнему течет среди удручающего однообразия. Я часами сижу, забившись в свою ячейку, размышляю, надеюсь, отчаиваюсь, все туманнее представляя себе, что случилось с бочонком, брошенным мной на произвол судьбы, и веду этот дневник, который, вероятно, не переживет меня...

Тома Рок без усталости работает в лаборатории над своим воспламенителем. Я все еще тешу себя надеждой, что он ни за какие деньги не продаст секрета этой жидкости... но в глубине души знаю, что он, не колеблясь, отдаст свое изобретение на службу Кера Каррадже.

Прогуливаясь около Улья, я часто встречаю инженера Серкё. Он всякий раз охотно разговаривает со мной... правда, по-прежнему в шутливо-дерзком тоне.

Мы беседуем обо всем понемногу, но редко говорим о моем положении, — ведь стоит мне пожаловаться, как я навлекаю на себя насмешки.

Двадцать второе октября. — Сегодня я решился спросить у инженера Серкё, действительно ли шкуна ушла в плавание с подводным буксиром.

— Да, господин Симон Харт, — ответил он. — Правда, погода стоит собачья, и волны в открытом море разгулялись не на шутку, но вы можете не беспокоиться о нашей дорогой «Эббе»!..

— Плавание шкуны затянется?

— Мы ждем ее обратно через двое суток... Это последнее путешествие графа д'Артигаса перед наступ-

лением зимних бурь, скоро ни одно судно не выйдет в море под этими широтами.

— Эта поездка увеселительная... или деловая? — отваживаюсь я спросить.

Инженер Серкё отвечает, улыбаясь:

— Деловая, господин Харт, вполне деловая! Наши снаряды уже готовы, и как только установится хорошая погода, мы возобновим нападения...

— На злополучные суда...

— Не столько злополучные... сколько богато нагруженные!

— Это же морской разбой! Надеюсь, вы не всегда будете пользоваться безнаказанностью! — не выдерживаю я.

— Успокойтесь, дорогой коллега, успокойтесь!.. Вы же прекрасно знаете, что никто никогда не откроет нашего убежища, никто никогда не проникнет в тайну острова Бэк-Кап!.. К тому же обращаться с этими снарядами проще простого, а сила их так велика, что мы без труда уничтожим любое судно, если оно приблизится на известное расстояние к островку...

— При условии,— возражаю я,— что вы купите у Тома Рока состав его воспламенителя, как купили секрет фульгуратора...

— Сделка уже состоялась, господин Харт,— разрешите успокоить вас на этот счет.

Из категорического заявления инженера Серкё можно было бы заключить, что несчастье совершилось, если бы не его неуверенный тон; словам этим, по-видимому, все же нельзя вполне доверять.

Двадцать пятое октября.— Какое страшное происшествие! Не понимаю, как я остался жив!.. Просто чудо, что я могу опять сесть за дневник, прерванный два дня тому назад!.. Улыбнись мне счастье, и я был бы свободен!.. Находился бы в эту минуту в одном из ближайших портов — в Сент-Джорджесе или Гамильтоне... Тайна Бэк-Капа была бы раскрыта... Приметы «Эббы» стали бы известны во всех портах мира, и пиратская шкуна нигде не могла бы появиться. Снабжать Бэк-Кап продовольствием стало бы невозможно.

Бандиты Кера Каррадже были бы осуждены в пещере на голодную смерть!..

Вот что произошло.

Двадцать третьего октября, около восьми часов вечера, я вышел из Улья в состоянии непонятного нервного возбуждения, словно предчувствуя приближение какого-то важного события. Напрасно я искал успокоения во сне. Меня мучила бессонница, и я, наконец, покинул свою комнату.

За пределами пещеры Бэк-Капа, очевидно, бушевала непогода. Ветер врывался в кратер, вздымая волны на поверхности озера.

Я спустился на берег возле Улья.

Было холодно, сыро. Кругом ни души. Все трутни Улья забились в свои ячейки.

Только один человек охранял туннель, хотя из предосторожности его наружный вход был завален камнями. Как я заметил, часовой со своего поста не мог видеть побережья озера. На берегу справа и слева горело по одному фонарю, и в глубине пещеры, между колоннами, царил полный мрак.

Я наугад пробирался в темноте, когда мимо меня прошел какой-то человек.

Я узнал Тома Рока.

Изобретатель шел медленно, погруженный, как всегда, в свои мысли; воображение его неустанно работало, ум неустанно решал какие-то проблемы.

Не представился ли мне удобный случай поговорить с изобретателем, открыть то, что ему, по всей вероятности, неизвестно... Он не знает... не может знать, в чьи руки попал... Он не подозревает, что граф д'Артигас не кто иной, как пират Кер Каррадже... Не представляет себе, что продал часть своего изобретения разбойнику. Надо объяснить Року, что он никогда не воспользуется полученными миллионами... Так же, как и я, он никогда не покинет пещеры Бэк-Капа, ставшей нашей тюрьмой... Да!.. Я постараюсь вызвать в нем чувство человечности, опишу несчастья, в которых он будет виновен, если откроет свою последнюю тайну...

Тут нить моих размышлений оборвалась, ибо кто-то с силой схватил меня сзади.

Двое людей крепко держали меня за руки, в то время как третий вырос передо мной.

Я хотел было позвать на помощь.

— Ни звука! — сказал по-английски незнакомец. — Вы Симон Харт?..

— Откуда вы меня знаете?..

— Я видел, как вы вышли из своей комнаты...

— Кто вы?..

— Лейтенант британского военного флота Дэвон, с корабля «Стэндард», стоящего в Бермудах.

Я задыхался от волнения, не мог выговорить ни слова.

— Мы прибыли, чтобы вырвать вас из рук Кера Каррадже и увезти вместе с вами французского избрателя Тома Рока... — пояснил лейтенант Дэвон.

— Тома Рока?.. — пробормотал я.

— Да... Подписанный вами документ был подобран на берегу возле Сент-Джорджеса...

— В бочонке, лейтенант Дэвон?.. Я бросил его в это озеро...

— Да, из вложенной в него записки мы узнали, что островок Бэк-Кап стал пристанищем Кера Каррадже и его шайки... Кер Каррадже, мнимый граф д'Артигас, совершил двойное похищение в Хелтфул-Хаусе...

— Ах, лейтенант Дэвон...

— Не будем терять ни минуты... Надо воспользоваться темнотой...

— Одно слово, лейтенант Дэвон... Как вы проникли в глубину Бэк-Капа?..

— На подводной лодке «Суорд», уже полгода находящейся на испытании в Сент-Джорджесе...

— На подводной лодке?..

— Да, она ждет нас у подножия скалы.

— Ждет... здесь!.. — повторил я.

— Но скажите, господин Харт, где буксир Кера Каррадже?..

— Ушел в плавание... вот уже три недели...

— Кер Каррадже не в Бэк-Капе?..

— Нет... но должен вернуться со дня на день, с часу на час...

— Впрочем, не все ли равно, — ответил лейтенант

Дэвон.— Речь идет не о Кере Каррадже... Нами получен приказ увезти Тома Рока... и вас, господин Харт... «Суорд» не уйдет из этого озера, не захватив вас обоих... Если я не вернусь в Сент-Джорджес, там поймут, что я потерпел неудачу... и предпримут новую попытку.

— Но где же «Суорд», лейтенант?..

— С этой стороны... под защитой берега, там его не видно. Благодаря вашим указаниям мы без труда нашли подводный туннель... «Суорд» благополучно миновал его... Десять минут назад он всплыл на поверхность озера... Взяв с собой двух людей, я сошел на берег... Я видел, как вы вышли из комнаты, обозначенной на вашем плане... Знаете ли вы, где Тома Рок?..

— В нескольких шагах отсюда... Он только что прошел в свою лабораторию...

— Да поможет нам Бог, господин Харт!

— Вы правы, лейтенант Дэвон! Да поможет нам Бог.

Лейтенант, двое матросов и я направились по тропинке, огибающей озеро. Пройдя шагов десять, мы заметили Тома Рока. Броситься на него, заткнуть ему рот кляпом, прежде чем он успел крикнуть, связать, прежде чем он сделал хотя бы одно движение, перенести его туда, где стоял на причале «Суорд»,— все это заняло не больше минуты.

«Суорд» — подводная лодка водоизмещением не более двенадцати тонн, следовательно, она и по размерам и по мощности значительно уступает подводному буксиру Кера Каррадже. Две динамо-машины, питаемые током аккумуляторов, заряженных двенадцать часов назад в Сент-Джорджесе, приводят в движение ее гребной винт. Но как ни мала эта лодка, мы вполне можем выбраться на ней из нашей тюрьмы и вернуть себе свободу, ту самую свободу, на которую я уже перестал надеяться!.. Наконец Тома Рока удастся вырвать из рук Кера Каррадже и инженера Серкё!.. Теперь негодяи уже не воспользуются его изобретением!.. Ничто не помешает военным кораблям подойти к островку, произвести высадку, а их экипажи ворвутся в проход и возьмут в плен пиратов!..

Мы никого не встретили, пока двое матросов переносили Тома Рока. Затем все спустились по трапу «Су-

орда»... Крышка верхнего люка захлопнулась... Отсеки наполнились водой... Лодка ушла в глубину озера... Мы были спасены...

«Суорд» разделен на три части водонепроницаемыми переборками. Первое помещение, предназначенное для аккумуляторов и двигателей, занимает пространство от среднего бимса до кормы. Второе, отведенное штурману, находится посередине судна, над ним торчит перископ с двояковыпуклыми стеклами, через которые проходят лучи электрического фонаря, освещая путь подводной лодке. Третье, носовое помещение, отвели Тома Року и мне.

Моего спутника освободили от душившего его кляпа, но, разумеется, оставили связанным, хотя он вряд ли понимал, что происходит.

Нам не терпелось скорее выйти в море, чтобы прибыть в Сент-Джорджес той же ночью, если не встретится никакого препятствия на пути...

Притворив за собой дверь, я вошел во второе помещение, где находились лейтенант Дэвон и рулевой.

В кормовом помещении трое людей, в том числе и механик, ожидали команды лейтенанта, чтобы пустить мотор.

— Лейтенант Дэвон, — сказал я, — мне кажется, Тома Рок вполне обойдется без меня... И если я могу быть вам полезен, чтобы найти вход в туннель...

— Да... оставайтесь подле меня, господин Харт.

Было тридцать семь минут девятого. Лучи электрического фонаря, проходя через перископ, смутно освещали водяную толщу перед «Суордом». От скалы, у которой мы стояли, следовало пересечь все озеро. Найти вход в туннель будет нелегко, но мы, конечно, преодолеем это затруднение. Мы отыщем подводный коридор, и довольно скоро, даже если придется обойти под водой всю пещеру. Затем, пройдя тихим ходом по туннелю, чтобы не задеть его стенок, «Суорд» поднимется на поверхность моря и направится в Сент-Джорджес.

— Как глубоко мы опустились? — спросил я лейтенанта.

— На четыре с половиной метра.

— Не стоит опускаться ниже, — сказал я. — По на-

блюдениям, сделанным мною во время равноденствия, мы находимся как раз против оси туннеля.

— Прекрасно! — ответил лейтенант.

— Да, прекрасно. — И мне показалось, что само провидение глаголет устами офицера... В самом деле, провидение не могло бы избрать лучшего исполнителя своей воли.

Я внимательно посмотрел на лейтенанта при свете фонаря. Это человек лет тридцати, сдержанный, спокойный, решительный — настоящий английский офицер со своей словно врожденной невозмутимостью. Он, по-видимому, не более взволнован, чем если бы находился на борту «Стэндарда», и действует с необыкновенным хладнокровием, я бы сказал даже с четкостью механизма.

— Проходя через туннель, — заметил лейтенант, — я определил его длину — метров сорок...

— Да... от одного конца до другого, лейтенант Дэвон, метров сорок, не больше.

Очевидно, это определение правильно, ибо ход, пробитый в скале, имеет около тридцати метров в длину.

Механику отдали приказ включить мотор. «Суорд» двинулся вперед очень медленно, чтобы не натолкнуться на подводную скалу.

Порой «Суорд» так близко подходил к берегу озера, что тот стеной надвигался на нас, смутно чернея впереди в лучах судового фонаря. Поворот руля тотчас же изменял направление. Но если управлять подводной лодкой трудно в открытом море, то насколько осложняется эта задача в маленьком озере!

Прошло пять минут, но «Суорд», плывший на глубине четырех-пяти метров, еще не достиг отверстия туннеля.

— Лейтенант Дэвон, — предложил я тогда, — не лучше ли нам подняться на поверхность, чтобы легче было определить, где находится туннель?

— Согласен, господин Харт, и если вы можете точно указать это место...

— Могу.

— Отлично.

Из предосторожности электрический фонарь был

выключен, и подводные глубины погрузились во мрак. По приказанию лейтенанта механик пустил в ход насосы, и «Суорд», освободившись от воды, начал медленно подниматься.

Я остался в кабине штурмана, чтобы осмотреться и определить наше положение сквозь стекла перископа.

Наконец «Суорд» остановился, его корпус выступал над водой не более чем на фут.

При свете лампы, висевшей на берегу, я узнал Улей.

— Где мы?..— спросил лейтенант Дэвон.

— Мы взяли слишком к северу... Туннель в западной стене пещеры.

— На берегу никого нет?

— Ни души.

— Тем лучше, господин Харт. Мы останемся на поверхности. Затем, когда, по вашим расчетам, «Суорд» подойдет к туннелю, я прикажу погружаться...

Действительно, это было лучшее решение. Штурман отвел подводную лодку от берега, к которому мы слишком приблизились, и направил прямо к туннелю. Для этого достаточно было слегка повернуть румпель, и, движимый гребным винтом, «Суорд» взял нужное направление.

Когда судно было метрах в десяти от западной стены пещеры, я скомандовал остановиться. Как только подача тока прекратилась, «Суорд» замер на месте. Краны были открыты, резервуары наполнились водой, и лодка стала медленно погружаться.

Включили фонарь перископа, и он осветил на темном фоне стены какой-то черный круг, не отражавший его лучей.

— Вот... вот туннель! — воскликнул я.

Неужели эта дверь выведет меня из темницы?.. Ведь там в открытом море меня ждет свобода!..

«Суорд» медленно приближался к отверстию туннеля...

Боже, какое ужасное несчастье! И как я выдержал такой удар судьбы?.. Как сердце мое не разбилось?..

Неясный свет мелькнул сквозь толщу воды метрах в двадцати перед нами в глубине туннеля. Он двигался

прямо на нас. Это могло быть только одно: фонарь подводной лодки Кера Каррадже.

— Буксир!..— крикнул я.— Лейтенант... буксир возвращается в Бэк-Кап!..

— Ход назад! — скомандовал лейтенант Дэвон.

И «Суорд» подался назад в тот миг, когда он должен был войти в туннель.

Еще оставалась надежда на спасение: лейтенант быстро выключил фонарь, и капитан Спаде с матросами могли не заметить «Суорда»... Быть может, они пройдут мимо... Быть может, наше судно сольется с темной массой воды... Быть может, с буксира не увидят его?.. А когда подводная лодка Кера Каррадже станет у причала, «Суорд» продолжит свой путь и незаметно проскользнет в туннель...

Гребной винт «Суорда» завертелся в обратном направлении, мы отошли к южному берегу пещеры... Еще несколько мгновений, и «Суорду» останется только выключить мотор...

Нет!.. Капитан Спаде заметил подводную лодку, собиравшуюся проникнуть в туннель, и отдал приказ преследовать ее в глубине озера... Выдержит ли наша хрупкая лодка нападение мощного подводного буксира Кера Каррадже?..

Тут лейтенант Дэвон обратился ко мне:

— Возвращайтесь к Тома Року, господин Харт... Закройте за собой дверь, а я запру дверь, ведущую в кормовое отделение... Если на нас нападут, «Суорд», возможно, не затонет благодаря этим водонепроницаемым переборкам...

Пожав руку лейтенанту, сохранившему все свое хладнокровие перед лицом грозной опасности, я вернулся в носовое отделение, где оставался Тома Рок... Закрыв дверь и стал ждать в полной темноте.

Я ощущал или, точнее, угадывал маневры «Суорда», пытавшегося уклониться от встречи с буксиром; он то устремлялся вперед, то кружил на месте, то опускался. Иногда он делал резкий поворот, чтобы избежать удара, иногда поднимался на поверхность озера или же уходил в самую его глубину. Пусть читатель попробует представить себе схватку этих двух подводных

лодок, двигавшихся под взбаламученной поверхностью воды, словно два морских чудовища неравной силы и величины!

Прошло несколько минут... Я уже начал думать, что погоня прекратилась и «Суорд» миновал, наконец, туннель...

Но тут неожиданно произошло столкновение... Толчок не показался мне особенно сильным... Однако ошибиться было невозможно: «Суорд» атаквали с правого борта возле кормы... Но выдержал ли удар его стальной корпус?.. А если нет, то вода залила, быть может, лишь одно помещение?

Почти тотчас же второй удар отбросил нас в сторону, на этот раз с огромной силой. Нападающее судно приподняло своим тараном «Суорд», и тот, словно треснув пополам, стал опускаться все ниже и ниже. Затем я почувствовал, что нос судна поднялся и оно камнем пошло ко дну под тяжестью воды, заполнившей его кормовой отсек...

Внезапно Тома Рок и я полетели друг на друга, не успев ухватиться за переборку. Наконец последовал еще один толчок, раздался треск пробитой металлической обшивки, «Суорд» лег на дно и застыл в полной неподвижности...

Что произошло потом?.. Не знаю, так как потерял сознание.

Я узнал впоследствии, что долгие часы пробыл без чувств. Помню лишь последнюю мысль, мелькнувшую у меня в голове:

«Пусть я умру, но по крайней мере Тома Рок и его тайна умрут вместе со мной... и пираты Бэк-Капа не уйдут от возмездия за свои преступления!»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Ожидание

Придя в себя, я увидел, что лежу на койке в своей комнате, где, оказывается, нахожусь уже целых тридцать часов.

Я не один. Возле меня сидит инженер Серкё. По его

приказанию мне была оказана необходимая помощь, больше того, он сам ухаживал за мной — не как за другом, полагаю, а как за человеком, от которого ждут важных разоблачений с тем, чтобы потом отделаться от него, если того потребуют интересы шайки пиратов.

Я еще очень слаб и не могу встать на ноги. Ведь я чуть не задохнулся в тесном помещении «Суорда», погребенного на дне озера. В состоянии ли я отвечать на вопросы, которые инженеру Серкё не терпится мне задать?.. Да... но надо быть начеку.

Прежде всего мне хотелось бы знать, что случилось с лейтенантом Дэвоном и экипажем «Суорда»? Неужели храбрые англичане погибли во время столкновения?.. Или же они остались целы и невредимы, как и мы, ибо я полагаю, что Тома Рок тоже уцелел после двух столкновений буксира с «Суордом»?..

— Объясните мне, что произошло, господин Харт? — задает первый вопрос инженер Серкё.

Я тут же решаю, что лучше всего не отвечать, а самому задавать вопросы.

— Что с Тома Роком? — спрашиваю я.

— Он в добром здоровье, господин Харт... Что же произошло?.. — настойчиво повторяет он.

— Прежде всего скажите мне, — говорю я, — что случилось с ними... с теми?..

— С кем это?.. — переспрашивает инженер Серкё, бросая на меня подозрительный взгляд.

— С людьми, которые накнулись на меня, на Тома Рока... связали нас... потащили куда-то... заперли... Куда? Зачем? Я так и не понял.

По зрелом размышлении я решил, что самое лучшее утверждать, будто в тот вечер я подвергся неожиданному нападению и не успел ни разглядеть нападавших, ни понять, куда они меня притащили.

— Вы скоро узнаете, что случилось с этими людьми... — отвечает инженер Серне. — Но прежде объясните, как все произошло...

По угрожающему тону его голоса, когда он в третий раз повторяет тот же вопрос, я догадываюсь, в чем меня подозревают. Однако у него нет никаких оснований обвинять меня в связи с внешним миром, ведь бочонок

с моей запиской не попал в руки Кера Каррадже... Нет, этого несчастья не случилось: бочонок был передан бермудским властям... Значит, такое обвинение не имеет под собой никакой почвы.

Поэтому я ограничиваюсь следующим рассказом: накануне, около восьми часов вечера, я прогуливался по берегу озера, где встретил Тома Рока, направлявшегося в лабораторию. Неожиданно трое людей накинулись на меня сзади. Заткнув мне рот кляпом и завязав глаза, они куда-то потащили меня; спустили в какую-то дыру вместе с другим человеком; он все время стонал, и я узнал по голосу своего бывшего подопечного... Мне пришло в голову, что мы находимся на борту какого-то судна... очевидно, это был буксир, вернувшийся из плавания... Затем мне показалось, что он ушел под воду... Вдруг от сильного толчка я упал навзничь, куда-то провалился, стал задыхаться... и вскоре потерял сознание... Больше я ничего не помню...

Инженер Серкё слушает меня с величайшим вниманием, глаза его смотрят сурово, лоб нахмурен, хотя у него нет никаких оснований усомниться в моих словах.

— Вы утверждаете, что на вас напали три человека?..— спрашивает он.

— Да... и я подумал, что это ваши люди... Я не видел, как они подошли... Кто они?

— Иностранцы, которых вы, очевидно, узнали поговору?

— Они не произнесли ни слова.

— Вы не знаете, кто они по национальности?..

— Не знаю.

— Вам не известно, с какими намерениями они проникли в пещеру?

— Понятия не имею.

— А что вы об этом думаете?

— Что думаю, господин Серкё?.. Повторяю, я решил, что двум или трем вашим пиратам было поручено бросить меня в озеро по приказанию графа д'Артигаса... что такая же участь ожидает и Тома Рока... что, овладев, по вашим же словам, всеми тайнами изобретателя, вы пожелали отделаться от нас обоих...

— Неужели, господин Харт, такая мысль могла

прийти вам в голову?..— спрашивает инженер Серкё, но без своей обычной иронии.

— Да... но я тут же отказался от нее. В самом деле, сбросив повязку, я увидел, что нахожусь в одном из отделений буксира.

— То был не буксир, а похожая на него подводная лодка, она проникла сюда через туннель...

— Подводная лодка?! — восклицаю я.

— Да... и в ней были люди, получившие приказ похитить вас и Тома Рока...

— Похитить нас? — повторяю я, продолжая разыгрывать крайнее изумление.

— А теперь,— говорит инженер Серкё,— скажите, что вы думаете обо всем этом?

— Что я думаю?.. По-моему, здесь может быть только одно объяснение. Если тайна вашего убежища не была открыта — я не допускаю возможности предательства или неосторожности со стороны кого-нибудь из ваших товарищей,— то все произошло совершенно случайно: подводная лодка, находясь в пробном плавании поблизости от островка, неожиданно обнаружила вход в туннель. Пройдя через него, она поднялась на поверхность озера. Экипаж лодки, очень удивленный тем, что очутился в пещере, да еще населенной, захватил первых попавшихся обитателей... Тома Рока... меня... других, быть может... ведь я не знаю...

Инженер Серкё угрюмо смотрит на меня. Чувствует ли он всю неправдоподобность гипотезы, которую я стараюсь ему внушить? Подозревает ли, что я знаю больше, чем хочу сказать?.. Как бы то ни было, он делает вид, что соглашается со мной, и добавляет:

— Вероятно, все так и случилось, как вы говорите, господин Харт. Когда же чужое судно подошло к туннелю, в нем появился наш подводный буксир, и произошло столкновение... столкновение, которое и погубило пришельцев. Но мы не такие люди, чтобы покинуть своих близких в беде... К тому же ваше исчезновение с Тома Роком было почти тотчас же обнаружено... Следовало во что бы то ни стало спасти две столь драгоценные жизни. Мы принялись за дело. Среди наших людей

есть прекрасные водолазы... Они спустились на дно озера... подвели тросы под корпус «Суорда»...

— «Суорда»? — переспрашиваю я.

— Да, мы прочли это название на носу судна, после того как подняли его на поверхность... Как мы обрадовались, найдя вас обоих, правда, без сознания, но еще живых, как были счастливы, когда удалось привести вас в чувство!.. К сожалению, офицеру, командовавшему «Суордом», и его экипажу уже не требовалась наша помощь... При столкновении судно получило две пробоины, вода залила кормовой и средний отсек, и люди, находившиеся там, заплатили жизнью... за случайность, которая, по вашим словам, привела их в наше тайное убежище.

При известии о смерти лейтенанта Дэвона и его спутников сердце мое болезненно сжалось. Но мне надо держать себя в руках, оставаться верным своей роли. Ведь этих людей я не знал... не мог знать... Главное, не дать никакого повода заподозрить себя в связях с командиром «Суорда». Ведь неизвестно, действительно ли инженер Серкё считает случайностью появление «Суорда» в пещере и нет ли у него тайных причин, чтобы соглашаться до поры до времени с придуманным мною объяснением?

Итак, неожиданная возможность вырваться на свободу потеряна... повторится ли еще раз такая удача? Во всяком случае, теперь стало известно, кто такой граф д'Артигас и чего следует опасаться со стороны Кера Каррадже, ведь моя записка попала в руки английских властей на Бермудских островах. Как только выяснится, что «Суорд» не вернулся из плавания, будут приняты новые меры против островка Бэк-Кап, откуда мне, конечно, удалось бы бежать, если бы не это злосчастное совпадение — встреча подводного буксира с «Суордом» в ту самую минуту, когда тот входил в туннель.

Я веду свой прежний образ жизни и, не внушая ни малейшего недоверия, свободно разгуливаю по пещере.

Последнее происшествие не имело дурных последствий для Тома Рока. Умелый уход спас ему жизнь так же, как и мне. В полном расцвете сил и таланта изо-

бретатель вновь принялся за работу и проводит целые дни в лаборатории.

Из своего недавнего путешествия «Эбба» привезла какие-то тюки, ящики, множество вещей с клеймами различных стран. Очевидно, за последнюю экспедицию пираты ограбили немало судов.

Работы по изготовлению установок для пуска снарядов идут полным ходом. Количество снарядов уже доходит до пятидесяти. Если бы Кер Каррадже и инженер Серкё намеревались только преградить доступ к островку, им бы вполне хватило трех-четырех снарядов, чтобы поразить любой корабль, случайно подошедший на слишком близкое расстояние. Не собрались ли разбойники всерьез оборонять Бэк-Кап после такого вполне резонного рассуждения:

«Если появление «Суорда» в водах озера дело случая, то в нашем положении ничто не изменилось, и ни одной державе, даже Великобритании, не придет в голову разыскивать «Суорд» под скалистым панцирем островка. Если же каким-то непонятным образом стало известно, что Бэк-Кап служит убежищем Керу Каррадже и прибытие сюда «Суорда» было только первой попыткой нападения на островок, то следует ожидать новых действий: будь то обстрел или высадка. Тогда прежде, чем покинуть Бэк-Кап и перевезти в другое место наши богатства, следует использовать «фульгуратор Рок» в целях обороны».

По-моему, негодяи вполне могли развить эту мысль, задав себе ряд таких вопросов:

«Нет ли прямой связи между раскрытием тайны Бэк-Капа, как бы оно ни произошло, и двойным похищением из Хелтфул-Хауса?.. Известно ли, что Тома Рок и его служитель заключены в пещере Бэк-Капа?.. Известно ли, что это похищение было совершено в интересах пирата Кера Каррадже?.. Подозревают ли американцы, англичане, французы, немцы, русские, что всякая попытка взять островок штурмом заранее обречена на провал?»

Ответив утвердительно на эти вопросы, Кер Каррадже должен понять, что как бы велика ни была опасность, от нападения на Бэк-Кап никто не откажется.

Необходимость уничтожить этот пиратский притон диктуется интересами высшего порядка — долгом человеколюбия и заботой об общественном благе. Прежде корсар Кер Каррадже и его сообщники разбойничали в западной части Тихого океана, теперь они опустошают западную часть Атлантического океана... Надо любой ценой покончить с морскими разбойниками!

Во всяком случае, обитатели пещеры Бэк-Капа должны быть настороже, даже если их опасения преувеличены. Действительно, отныне они организовали строжайшую охрану островка. Благодаря новому ходу пираты могут нести караульную службу на морском берегу, не пользуясь подводным туннелем. Смены по двенадцать человек день и ночь наблюдают за горизонтом, спрятавшись за низкими прибрежными скалами. Появление корабля, приближение к островку даже небольшой лодки будет тотчас же замечено.

Ничего нового не случилось за эти дни, которые чередуются с убийственным однообразием. Однако в колонии Бэк-Капа нет прежней уверенности. В ней царит какое-то неясное гнетущее беспокойство. Пираты боятся, что с морского побережья каждую минуту может раздаться крик: «Тревога! Тревога!» После случая с «Суордом» положение сильно изменилось. Вот почему в Англии и других цивилизованных странах люди должны навек сохранить память о храбром лейтенанте Дэвоне и о его отважных матросах, пожертвовавших жизнью ради блага человечества!

Несмотря на мощные средства обороны, гораздо более надежные, чем любое минное заграждение, Кер Каррадже, инженер Серкё и капитан Спаде, по-видимому, находятся в сильной тревоге, которую напрасно пытаются скрыть. Вот почему они так часто совещаются между собой. Не собираются ли злодеи покинуть Бэк-Кап, захватив с собой все награбленные богатства? Ведь если убежище пиратов обнаружено, их рано или поздно уничтожат или возьмут измором.

Достоверно мне ничего не известно. Главное же, никому даже в голову не приходит, что я мог переправить через туннель бочонок с запиской, по воле providения подобранный на Бермудских островах. Ни разу — под-

черкиваю это — инженер Серкё не намекнул мне на такую возможность. Нет! Никто меня не подозревает, более того, я даже не кажусь им подозрительным. В противном случае меня уж давно отправили бы вслед за лейтенантом Дэвоном и экипажем «Суорда» на дно озера — я достаточно хорошо знаю характер графа д'Артигаса, чтобы не сомневаться в этом.

Теперь под здешними широтами ежедневно свирепствуют сильнейшие зимние бури. Штормы дико завывают над скалистой вершиной островка.

Резкие порывы ветра проносятся среди известняковых колонн, наполняя пещеру странным гулом, напоминающим звуки гигантского органа. Временами вой ветра достигает такой силы, что вполне мог бы покрыть залпы целой эскадры. Спасаясь от непогоды, множество морских птиц залетают в пещеру и в редкие минуты затишья оглушают нас своими резкими криками.

В такую злую непогоду шкуна не могла бы выйти в море. Впрочем, в этом нет никакой надобности, так как колония Бэк-Капа обеспечена до весны всем необходимым. Полагаю, кроме того, что граф д'Артигас поостережется разъезжать теперь на своей «Эббе» вдоль американского побережья, где ему, пожалуй, не окажут почестей, подобающих богатому и знатному иностранцу, а устроят встречу, достойную пирата Кера Каррадже!

Да, если появление «Суорда» было началом кампании, предпринятой против островка во имя закона и общественной безопасности, то теперь, по-моему, перед колонией Бэк-Капа должен встать один чрезвычайно важный вопрос.

И вот однажды я решился выведать мнение инженера Серкё на этот счет, но крайне осторожно, чтобы не возбудить подозрений.

Мы прогуливались поблизости от лаборатории Тома Рока. Разговор длился уже несколько минут, когда инженер Серкё упомянул о необъяснимом появлении в озере английской подводной лодки. На этот раз, как мне показалось, он склонялся к мысли, что действия «Суорда» были направлены против шайки Кера Каррадже.

— Я не согласен с вами,— отвечаю я, желая навести разговор на интересующий меня вопрос.

— Почему же?..

— Потому что, будь ваше убежище известно, вскоре последовала бы новая попытка проникнуть в пещеру или уничтожить Бэк-Кап.

— Уничтожить!..— восклицает инженер Серкё.— Уничтожить остров!.. Это было бы безумием при тех средствах обороны, которыми мы располагаем.

— Но о них никто не знает, господин Серкё. Ни в Старом, ни в Новом Свете неизвестно, что похищение из Хелтфул-Хауса дело ваших рук... что вам удалось договориться с Тома Роком и купить его изобретение...

Инженер Серкё ничего не возражает на это замечание, на которое, впрочем, нечего возразить.

— Итак,— продолжаю я,— эскадра, посланная морскими державами, заинтересованными в уничтожении островка, без колебания приблизилась бы к нему... засыпала бы его снарядами... Раз этого до сих пор не случилось, значит, и не случится,— по-видимому, о Кере Каррадже ничего неизвестно... Согласитесь, такое предположение как нельзя более вам на руку...

— Согласен,— отвечает инженер Серкё,— однако чему быть, того не миновать. Известно им это или нет, но стоит военным кораблям приблизиться на четыре-пять миль к островку, и они пойдут ко дну, не успев даже открыть огонь из своих орудий!

— Согласен,— говорю я в свою очередь,— ну, а потом?..

— Потом?.. По всей вероятности, другие не осмелятся повторить попытку...

— Пусть так! Но тогда корабли могут окружить вас за пределами поражаемого пространства, а «Эмба» не войдет больше ни в один из тех портов, где бывала раньше, как яхта графа д'Артигаса!.. Как же вы обеспечите в таком случае снабжение островка?

Инженер Серкё молчит.

Этот вопрос, очевидно, давно волнует его, но ответа на него он так и не нашел... Мне кажется, что пираты надумали покинуть Бэк-Кап...

Между тем Серкё чувствует, что мне удалось перевернуть его к стене, и, не желая признаться в этом, говорит:

— У нас еще останется подводный буксир, и он заменит шкуну...

— Подводный буксир!..— восклицаю я.— Но если известны тайны Кера Каррадже, то надо думать, известно и о существовании подводной лодки графа д'Артигаса.

Инженер Серкё подозрительно смотрит на меня.

— Господин Симон Харт,— говорит он,— мне кажется, вы заходите слишком далеко в своих умозаключениях...

— Я, господин Серкё?

— Да... и я нахожу, что вы говорите обо всем этом, как человек, знающий больше, чем следует!

Тут я сразу прикусил язык. Мои рассуждения, очевидно, навели собеседника на мысль, что я как-то причастен к последним событиям. Инженер Серкё не спускает с меня глаз, он сверлит меня своим горящим взглядом, старается проникнуть в мозг...

Однако я не теряю самообладания и совершенно спокойно отвечаю:

— Видите ли, господин Серкё, я по специальности инженер и привык логично рассуждать обо всех явлениях жизни. Вот почему я сообщил вам выводы, к которым пришел. А принять или не принять их в расчет, это уж ваше дело.

На этом мы расстались. Но я был слишком неосторожен и мог навлечь на себя подозрения, которые нелегко будет рассеять...

Из этого разговора я все же вынес ценное сведение: пространство, поражаемое «фульгуратором Рок», достигает четырех-пяти миль... Не бросить ли мне, когда наступит весеннее равноденствие... еще один бочонок с запиской?.. Однако надо ждать долгие месяцы, прежде чем отлив обнажит верхнюю часть туннеля!.. Да и дойдет ли по назначению вторая записка так же удачно, как и первая?..

Нелюбопытная продолжалась. Шквалы налетают с неистовой силой — явление, обычное в зимнее время на

Бермудских островах. Наверно, разбушевавшееся море и задерживает поход против Бэк-Капа... Ведь лейтенант Дэвон сказал, что в случае неудачи будет принята другая более серьезная попытка покончить с разбойничьим притоном. Рано или поздно дело правосудия должно свершиться, и островок Бэк-Кап будет уничтожен... пусть даже мне не суждено пережить этого возмездия!

Как обидно, что я не могу выйти хотя бы на минуту из пещеры и вдохнуть полной грудью живой воздух океанских просторов!.. Увы, я лишен возможности окинуть взором далекий морской горизонт!.. Всеми силами души я хочу лишь одного: проскользнуть в проход, выбраться на побережье, спрятаться среди скал... Кто знает, не я ли первый увидел бы тогда дымки эскадры, идущей к островку?..

К несчастью, это желание неосуществимо, ибо часовые стоят день и ночь у обоих концов туннеля. Никто не может войти в него без разрешения инженера Серкё. Если я попытаюсь сделать это, меня запрут в Улье, а может быть, и того хуже...

Мне кажется в самом деле, что после нашей последней беседы инженер Серкё переменялся ко мне. Его насмешливый взгляд стал теперь недоверчивым, подозрительным, испытующим и таким же жестким, как взгляд Кера Каррадже!

Семнадцатое ноября.— Сегодня во второй половине дня в Улье неожиданно поднялся ужасный переполох. Пираты выбегают из комнат... отовсюду несутся крики.

Я вскакиваю со своей койки и поспешно выхожу на берег озера.

Все бегут к проходу в стене, около него стоят Кер Каррадже, инженер Серкё, капитан Спаде, боцман Эфрондат, механик Гибсон и малаец, находящийся в услужении у графа д'Артигаса.

Нетрудно догадаться, чем вызвана вся эта суеда, ибо стража вбегает в пещеру с криками «тревога»!

На северо-западе замечены военные корабли, они полным ходом идут к Бэк-Капу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Еще несколько часов

Как потрясла меня эта новость, какое невыразимое волнение охватило все мое существо!.. Развязка приближается, я это чувствую... Только бы она соответствовала требованиям цивилизации и гуманности!

До сих пор я вел свой дневник день за днем. Теперь следует записывать события час за часом, минута за минутой. Как знать, не откроет ли мне Тома Рок своей последней тайны, не удастся ли убедить его в том, что это необходимо?.. Если мне суждено погибнуть во время нападения на остров, дай Бог, чтобы на моем трупе нашли дневник об этих пяти месяцах заточения в пещере Бэк-Капа!

Кер Каррадже, инженер Серкё, капитан Спаде и несколько других пиратов немедленно заняли наблюдательные посты на побережье островка. Чего бы я не дал, чтобы иметь возможность последовать за ними, спрятаться между скалами, следить за кораблями, замеченными в открытом море...

Час спустя Кер Каррадже возвращается с товарищами в Улей, оставив на берегу человек двадцать наблюдателей. В это время года дни очень коротки, и до завтрашнего утра пиратам, по-видимому, нечего опасаться. Кроме того, зная о средствах обороны Бэк-Капа, осаждающие вряд ли помышляют о высадке и не отважатся на ночной штурм.

Вплоть до вечера шли работы по размещению установок для пуска снарядов. Шесть штук перенесли по проходу, пробитому в стене, и поставили в различных точках побережья.

После этого инженер Серкё зашел в лабораторию Рока. Не хочет ли он сообщить изобретателю о том, что происходит... сказать ему, что к Бэк-Капу приближается эскадра... убедить его использовать фульгуратор для обороны островка?..

Ясно одно: штук пятьдесят снарядов, заряженных взрывчатым веществом, благодаря которому их траектория намного превосходит траекторию снарядов са-

мых дальнобойных орудий, готовы совершить свое разрушительное дело.

Кроме того, Тома Рок изготовил несколько склянок воспламенителя и, я уверен, не откажется помочь шайке Кера Каррадже!

Между тем наступила ночь. В пещере царит полумрак, так как сегодня горят только лампочки в комнатах Улья.

Я возвращаюсь к себе домой: сейчас мне лучше всего не попадаться на глаза пиратам. В этот час, когда эскадра приближается к Бэк-Капу, подозрения, внушенные мною инженеру Серкё, могут снова ожить...

Но не изменят ли направления замеченные в море корабли? Не пройдут ли они мимо Бермудских островов и не скроются ли за горизонтом?.. Сомнение на миг закрадывается мне в душу... Нет... нет!.. К тому же по пеленгу, взятому капитаном Спаде,— он сам только что сказал об этом,— корабли остались в виду островка.

Какой стране они принадлежат?.. Быть может, агличане сами снарядили эту экспедицию, чтобы отомстить за гибель «Суорда»... А возможно, к ним присоединились и корабли других стран. Я ничего не знаю... ничего не могу знать!.. Да и не все ли равно?.. Важно одно: этот разбойничий притон должен быть уничтожен, пусть даже я погибну под развалинами или же паду геройской смертью, как доблестный лейтенант Дэвон и его отважный экипаж!

Приготовления к обороне ведутся планомерно, хладнокровно, под наблюдением инженера Серкё. Видимо, пираты убеждены в том, что им удастся потопить нападающих, как только те вступят в поражаемую зону. Их вера в «фульгуратор Рок» непоколебима. Злодеи считают, что корабли бессильны против них, и не думают ни о грозящих им опасностях, ни о будущих трудностях.

По моим предположениям, установки для пуска снарядов должны быть размещены в северо-западной части побережья, но направлены в разные стороны, чтобы снаряды летели на север, на запад и на юг. Что касается восточной части островка, то, как известно,

она защищена подводными скалами, которые тянутся до ближайших островов архипелага.

Около девяти часов вечера я решаюсь выйти из своей камеры. Вряд ли на меня обратят внимание, и, быть может, я незаметно проберусь среди сгустившейся темноты. Если бы только мне удалось проскользнуть в туннель, выбраться на берег моря, спрятаться за какой-нибудь скалой!.. Просидеть там до рассвета!.. А почему бы нет? Ведь Кера Каррадже, инженера Серкё, капитана Спаде и остальных пиратов нет в пещере: они заняли наблюдательные посты на морском берегу!..

Вокруг озера ни души, но вход в туннель охраняет малаец графа д'Артигаса. Все же я выхожу из Улья и без определенной цели направляюсь к лаборатории изобретателя. Я думаю только о Тома Роке, о моем соотечественнике!.. Я все больше убеждаюсь в том, что ему ничего неизвестно о появлении эскадры вблизи островка Бэк-Кап. Очевидно, инженер Серкё лишь в последнюю минуту поставит его перед необходимостью совершить акт жестокой мести...

Тогда меня внезапно осеняет мысль: я должен сказать Тома Року об ответственности, которую он берет на себя; в последний решающий час открыть ему, кто эти люди, заставляющие его выполнять свои преступные планы...

Да... я попытаюсь... и да поможет мне Бог тронуть эту душу, восставшую против людской несправедливости, и пробудить в ней заглохшую любовь к родине!

Тома Рок работает в лаборатории. По всей вероятности, он один, так как никого не допускает к себе, когда занят приготовлением своего воспламенителя...

Я решительно направляюсь к лаборатории и, проходя по берегу озера, замечаю, что буксир по-прежнему стоит на причале у небольшого мола.

Добравшись до места, я решаю из предосторожности проскользнуть между первыми рядами известняковых колонн, чтобы приблизиться к лаборатории сбоку; таким образом я заранее увижу, нет ли там кого-нибудь, кроме Тома Рока.

Как только я углубился под темные своды пещеры, яркий свет блеснул над озерком. Это горит электриче-

ская лампочка в лаборатории, и лучи ее падают сквозь узкое оконце, пробитое в фасаде здания.

За исключением этой светлой точки весь южный берег погружен во мрак, тогда как на противоположной, северной стороне слабо светятся окна Улья. Наверху, в широком отверстии свода, над темной водой озера тихо мерцают звезды. Небо чисто, буря улеглась, порывы ветра не проникают более в пещеру Бэк-Капа.

Подойдя к лаборатории, я крадусь вдоль стены, приподнимаюсь, заглядываю в окно и вижу Тома Рока...

Изобретатель один. Голова его ярко освещена. Морщины на лбу стали глубже. Лицо немного осунулось, но во всем его облике чувствуется спокойствие и полное самообладание. Нет, передо мной уже не помещанный из флигеля № 17 Хелтфул-Хауса! Неужели он совсем выздоровел и теперь нечего опасаться, что его разум снова помутится во время одного из припадков?..

Тома Рок только что положил на полку две стеклянных трубки, а третью держит в руке. Он рассматривает на свет наполняющую ее прозрачную жидкость.

Меня охватывает страстное желание ворваться в лабораторию, схватить эти склянки, разбить их... Но ведь ученый успеет приготовить новую порцию жидкости!.. Лучше поступить так, как я решил раньше.

Я открываю дверь, вхожу.

— Тома Рок!..— говорю я.

Он ничего не видит, не слышит. Я повторяю:

— Тома Рок!..

Изобретатель поднимает голову, оборачивается, смотрит на меня...

— Ах, это вы, Симон Харт!..— отвечает он спокойно, даже равнодушно.

Значит, Тома Рок знает мое настоящее имя. Инженер Серкё, видно, не преминул сообщить ему, что в Хелтфул-Хаусе за ним ухаживал не служитель Гэйдон, а Симон Харт.

— Вы знаете?..— спрашиваю я.

— Да, и не только это, мне известно также, с какой целью вы выполняли обязанности зрителя!.. Да! Вы надеялись выманить хитростью тайну, за которую ни

одно правительство не хотело мне заплатить настоящую цену!

Тома Рок знает, кто я, и, пожалуй, это лучше, принимая во внимание то, что я собираюсь ему сообщить.

— Итак, ваша затея не удалась, Симон Харт, а что до этой жидкости,— продолжает он, встряхивая стеклянную трубочку,— никто еще ничего не узнал... и не узнает!

Как я и подозревал, Тома Рок не открыл состава своего воспламенителя!..

Глядя ему прямо в глаза, я отвечаю:

— Вы знаете, кто я, Тома Рок... Но известно ли вам, у кого вы находитесь?..

— Я здесь у себя! — кричит он.

Так вот что ему внушил Кер Каррадже!.. В Бэк-Капе изобретатель считает себя дома... Он думает, что богатства, собранные в пещере, принадлежат ему. Если на Бэк-Кап готовится нападение, то это для того, чтобы украсть его сокровища... он будет их защищать... он имеет на это право!

— Тома Рок, выслушайте меня...— продолжаю я.

— Что вам нужно, Симон Харт?..

— Эту пещеру, куда нас с вами привезли, занимает шайка пиратов...

Тома Рок не дает мне договорить,— не знаю даже, понял ли он меня,— и заявляет с горячностью:

— Повторяю, все собранные тут сокровища — це-на моего изобретения... Они принадлежат мне... За «фульгуратор Рок» эти люди мне заплатили все, что я пожелал. А ведь мне всюду отказали... даже в моей собственной, да и в вашей стране... теперь я не дам себя ограбить!

Что можно ответить на эти безрассудные слова?.. Но я не сдаюсь.

— Тома Рок,— спрашиваю я,— помните ли вы Хелтфул-Хаус?

— Хелтфул-Хаус?.. Куда меня заперли, поручив служителю Гэйдону шпионить за мной... похитить мою тайну...

— Я никогда не думал лишить вас плодов вашего труда, Тома Рок... Я ни за что бы не взялся за такое де-

ло... Но вы были больны... ваш разум помутился... такое изобретение не должно было погибнуть. Поверьте... Если бы во время припадка вы выдали свою тайну, вам одному достались бы деньги и слава!

— Неужели, Симон Харт? — презрительно отвечает Тома Рок. — Деньги и слава... вы сообщаете мне об этом немного поздно!.. Вы, может быть, забыли, что меня заперли в сумасшедший дом... под предлогом безумия... да! под предлогом, так как разум никогда не покидал меня, ни на минуту, и вы сами можете в этом убедиться: взгляните только на все, что я создал с тех пор, как получил свободу...

— Свободу!.. Вы считаете, что вы свободны, Тома Рок!.. Ведь в стенах этой пещеры вы еще больше отрезаны от мира, чем в Хелтфул-Хаусе!

— Если человек живет у себя дома, — возражает Тома Рок, и от гнева голос его звучит все громче, — он может уйти, уехать, когда ему заблагорассудится!.. Стоит мне сказать одно слово, и все двери откроются передо мной!.. Это жилище мое!.. Граф д'Артигас отдал мне Бэк-Кап в полное владение со всеми накопленными здесь богатствами!.. Горе тем, кто нападет на остров! У меня здесь есть чем встретить и уничтожить всех врагов до единого, Симон Харт!

И, говоря это, изобретатель лихорадочно размахивает стеклянной трубкой.

Тогда, не в силах больше сдерживать себя, я кричу:

— Граф д'Артигас обманул вас, Тома Рок, так же как и многих других!.. Под этим именем скрывается опаснейший разбойник, потопивший множество кораблей в Тихом и Атлантическом океане!.. Это закоренелый преступник... гнусный Кер Каррадже...

— Кер Каррадже! — повторяет Тома Рок.

Я спрашиваю себя, произвело ли это имя хоть какое-нибудь впечатление на изобретателя, напомнило ли оно ему все преступления знаменитого пирата? Во всяком случае, впечатление оказалось мимолетным.

— Я не знаю Кера Каррадже, — говорит Тома Рок, указывая мне на дверь. — Я знаю лишь графа д'Артигаса...

— Послушайте, Тома Рок, — продолжаю я, стара-

ясь в последний раз убедить его, — граф д'Артигас и Кер Каррадже одно и то же лицо!.. Да, этот человек купил у вас тайну изобретения, но лишь с одной целью: безнаказанно творить свои преступления и совершать все новые злодеяния. Да... главарь пиратов...

— Вы говорите «пираты»... — кричит Тома Рок, раздражение которого увеличивается по мере того, как мои доводы становятся убедительнее. — Пираты — это те, кто посмел преследовать меня даже в этом убежище, кто подослал сюда «Суорд»... Серкё мне все рассказал... Они хотели похитить из моего дома то, что принадлежит только мне... справедливую плату за мое изобретение...

— Нет, Тома Рок, пираты — те, кто заключил вас в пещере Бэк-Капа, кто хочет использовать ваш талант для своей обороны. Поверьте, они отделаются от вас, как только овладеют вашей тайной!

Тома Рок прерывает меня. По-видимому, он уже не слушает того, что я говорю... Он следит за нитью своих мыслей, а не моих: его преследует одно неотступное желание, умело раздутое инженером Серкё, желание отомстить, в котором сказывается вся его ненависть.

— Бандиты — те, кто оттолкнул меня, не пожелав выслушать... — продолжает он, — эти люди дали мне испытать до дна горькую чашу несправедливости... сколько раз они оскорбляли меня своим презрением и грубыми отказами... Они гнали меня из страны в страну, я же нес им непобедимость, превосходство, всемогущество!

Вот она, вечная история изобретателя, которого никто не хочет слушать; завистники и бездушные люди отказывают ему в средствах, необходимых для опытов, не желают платить требуемую сумму за изобретение... Да, правда, но я знаю также, сколько написано на этот счет нелепостей и преувеличений.

Собственно говоря, сейчас не время спорить с Тома Роком... Я понимаю одно: мои доводы не оказывают никакого влияния на эту ожесточенную душу, на это сердце, где после бесконечных разочарований скопилось столько ненависти, на этого несчастного человека, обманутого Кером Каррадже и его сообщниками!.. Открыв Тома Року подлинное имя графа д'Артигаса, ра-

зоблачив перед ним шайку пиратов во главе с Кером Каррадже, я надеялся вырвать изобретателя из-под их влияния, показать, на какое преступление его толкают... Я ошибся!.. Он мне не верит!.. Не все ли ему равно, как зовут этого человека — д'Артигас или Кер Каррадже!.. Разве не Тома Рок полновластный хозяин Бэк-Капа?.. Разве не он владеет всеми богатствами, накопленными здесь после двадцати лет убийств и грабежей?..

Я чувствую себя бессильным перед его глубокой нравственной слепотой, не знаю, как подойти к этому озлобленному человеку, как тронуть душу, не сознающую всей тяжести своей ответственности, и постепенно отступаю назад, к двери лаборатории. Мне остается только уйти... Будь что будет, я не властен предотвратить ужасную развязку, до которой осталось всего несколько часов.

К тому же Тома Рок больше не обращает на меня внимания... Должно быть, он уже забыл о моем существовании, забыл весь наш разговор. Он снова занялся своими опытами и не замечает меня...

Есть только одно средство предотвратить неизбежную катастрофу... Я должен броситься на Тома Рока... обезвредить его... ударить... убить... Да!.. убить. Это мое право... верней, мой долг...

У меня нет оружия, но я вижу вон там на полке инструменты: резец, молоток... Почему бы мне не раздробить ему голову?.. Как только он будет убит, я разобью эти склянки, и изобретение погибнет вместе с изобретателем!.. Корабли подойдут к берегу... обстреляют Бэк-Кап из своих орудий... произведут высадку!.. Кер Каррадже и его сообщники будут уничтожены все до единого... Можно ли колебаться, если убийство одного человека даст возможность покарать стольких преступников?..

Я направляюсь к полке... Стальной резец лежит совсем близко... Протягиваю руку, чтобы взять его...

Тома Рок оборачивается.

Я опоздал... Последует борьба... А борьба не обойдется без шума... Крики будут услышаны... Поблизости бродят пираты... Я слышу, как скрипит песок на бере-

гу под тяжестью чьих-то шагов... Мне остается только бежать, не то меня схватят...

И все же я пытаюсь в последний раз пробудить у изобретателя чувство патриотизма.

— Тома Рок,— говорю я ему,— близ островка появились корабли... Они собираются уничтожить этот притон пиратов!.. Быть может, на одном из них развевается французский флаг?..

Тома Рок смотрит на меня... Он не знал, что на Бэк-Кап готовится нападение, я первый сказал ему об этом... Он морщит лоб... взгляд его загорается...

— Тома Рок... неужели вы посмеете открыть огонь по флагу своей родины... по трехцветному флагу?

Изобретатель поднимает голову, лицо его нервно передергивается, он презрительно машет рукой.

— Как!.. вы выступите против своей родины?..

— У меня больше нет родины, Симон Харт! — восклицает он.— У отвергнутого изобретателя нет больше родины!.. Его отечество там, где он нашел себе приют! У меня хотят отнять все мое достояние... я буду защищаться... Горе... горе тому, кто посмеет напасть на меня!..

Он бросается к двери лаборатории и с шумом распахивает ее.

— Вон!.. вон!..— кричит он так громко, что его, вероятно, слышно на том берегу возле Улья.

Нельзя терять ни секунды, и я убегаю.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Один против пяти

Целый час я бродил под темными сводами Бэк-Капа, меж колонн, похожих на стволы деревьев, дошел до самого отдаленного конца пещеры. Сколько раз я искал здесь какой-нибудь ход, трещину, щель, чтобы выбраться на берег моря. Но все мои поиски были напрасны.

В моем теперешнем состоянии меня преследуют какие-то странные видения: стены пещеры становятся все массивнее, все толще... надвигаются на меня... грозят раздавить...

Сколько времени длилась эта галлюцинация?.. Не знаю.

Я очутился, сам того не ведая, возле Улья, против своей комнаты, где мне уже не найти ни отдыха, ни сна... Можно ли спать в таком лихорадочном волнении, спать, когда близится развязка драмы, грозившей затянуться на долгие годы...

Но какова будет эта развязка для меня?.. Чего мне ждать от нападения на Бэк-Кап, ведь я не помог атакующим, не обезвредил Тома Рока?.. Фульгуратор готов поразить неприятеля, едва лишь его корабли войдут в опасную зону, и все они погибнут, даже если снаряды и не попадут в них...

Как бы то ни было, я вынужден провести остаток ночи в своей камере. Пора вернуться в нее. Настанет день, и я решу, что делать. Кто знает, не дрогнут ли этой ночью скалы Бэк-Капа от гула взрывов, не обрушится ли «фульгуратор Рок» на корабли прежде, чем они успеют стать на якорь возле островка?..

Тут я в последний раз окидываю взглядом окрестности Улья. На противоположном берегу блестит огонек... только один... Это горит лампа в лаборатории, и ее отражение колеблется в глубине озера.

Всюду пустынно, на молу ни души... По-видимому, в Улье тоже никого не осталось, так как пираты заняли боевые посты на морском берегу...

Тогда, повинувшись непреодолимой силе, вместо того чтобы вернуться домой, я крадусь вдоль стены пещеры, напрягая слух, вглядываясь в темноту, готовый забиться в первую попавшуюся щель при шуме шагов или звуке голосов...

Я дохожу, наконец, до прохода в стене...

Всемогущий Бог!.. Никто не охраняет его. Ход свободен...

Не рассуждая, я проскальзываю в его темное отверстие... Пробираюсь ощупью в полном мраке... Вскоре прохладная струя воздуха бьет мне прямо в лицо! Это свежий живительный морской воздух, о котором я мечтал в течение долгих пяти месяцев заточения, и я жадно, полной грудью, вдыхаю его...

На противоположном конце туннеля виднеется кло-

чок неба, усеянного звездами. Ничья тень не заслоняет этот просвет... быть может, мне удастся выбраться из пещеры...

Бросившись ничком на землю, я ползу медленно, бесшумно.

Добираюсь до выхода, осторожно высовываю голову, смотрю...

Никого... никого!

Прижимаясь к прибрежным скалам, переползаю на восточный берег островка, недоступный с моря из-за длинной гряды рифов. Здесь не должно быть охраны. Я прячусь в небольшом углублении, метрах в двухстах от того места, где на северо-западе клочок суши выдается в море.

Наконец-то... я выбрался из пещеры — я еще не свободен, нет, но это начало освобождения.

На самом конце мыса неподвижно стоят часовые, их силуэты почти сливаются с прибрежными скалами.

Небо чисто, и звезды ярко блещут, как это бывает в холодные зимние ночи.

Далеко на северо-западе светится узкая полоска: это мачтовые огни кораблей.

На востоке небо начинает светлеть, и я заключаю, что сейчас около пяти часов утра.

Восемнадцатое ноября.— Стало уже достаточно светло, и я могу продолжить свой дневник; прежде всего я подробно описал посещение лаборатории Тома Рока — возможно, это будут последние строки, начертанные моей рукой...

Теперь по мере развертывания событий я стану заносить в эту тетрадь все их перипетии.

Утренний ветерок вскоре разгоняет легкий влажный туман, окутавший море... Я различаю, наконец, корабли... Их всего пять, и они выстроились в боевом порядке на расстоянии не меньше шести миль, следовательно, вне досягаемости для снарядов Рока.

Итак, одно из моих опасений рассеялось: ведь я боялся, что, пройдя мимо Бермудского архипелага, корабли возьмут курс на Антильские острова или направятся к берегам Мексики. Но нет! Они стоят здесь неподвижно... ожидая утра, чтобы атаковать Бэк-Кап...

В этот миг берег островка ожил. Несколько пиратов появилось из-за скал. Часовые, стоявшие на мысу, отошли назад. Оказывается, вся шайка в сборе.

Разбойники не укрылись в пещере, прекрасно зная, что корабли не могут приблизиться настолько, чтобы обстрелять островок из своих орудий.

Я спрятался поглубже в расщелине между скалами и не боюсь, что меня здесь заметят: вряд ли кто-нибудь вздумает направиться в эту сторону. Впрочем, может произойти досадный случай, если инженер Серкё или кто-нибудь другой пожелает проверить, нахожусь ли я в своей комнате, и запереть меня там... Хотя в сущности чего им меня бояться?..

В двадцать пять минут восьмого Кер Каррадже, инженер Серкё, капитан Спаде выходят на мыс и наблюдают оттуда за северо-западной частью горизонта. Сзади них стоят шесть установок для самодвижущихся снарядов. Под действием воспламенителя снаряды вылетят из своих гнезд, опишут длинную кривую и разорвутся, вызвав чудовищное сотрясение воздуха.

Тридцать пять минут восьмого... несколько дымков поднимаются над кораблями; они собираются приблизиться к островку Бэк-Кап, где их ждет верная гибель.

Дикие вопли радости, громовые возгласы «ура», скорее похожие на рев диких зверей, вырываются из глоток бандитов.

В эту минуту Серкё отходит от Кера Каррадже и, оставив его с капитаном Спаде, направляется к отверстию туннеля, очевидно, для того, чтобы вызвать Тома Рока.

Получив от Кера Каррадже приказ обстрелять вражеские корабли, вспомнит ли Тома Рок о моих словах?.. Поймет ли весь ужас совершаемого преступления?.. Откажется ли повиноваться?.. Нет, не откажется... я в этом более чем уверен!.. К чему тешить себя несбыточными надеждами?.. Разве изобретатель не убежден, что он здесь хозяин?.. Он несколько раз повторил это... он верит тому, что ему внушили... на него нападают... он будет защищаться!

Между тем пять кораблей идут тихим ходом, держа курс прямо на островок. Быть может, там полагают,

что Тома Рок еще не открыл своей последней тайны пиратам Бэк-Капа,— так оно и было, когда я бросил бочонок в озеро. Если же командиры собираются произвести высадку, то стоит кораблям войти в поражаемую зону шириною в милю, как от них не останется ничего, кроме бесформенных обломков, плавающих по волнам!

Вот и Тома Рок в сопровождении инженера Серкё. Выйдя из туннеля, оба направляются к той установке для снарядов, которая наведена на головной корабль.

Там ждут их Кер Каррадже и капитан Спаде.

Насколько я могу судить, Тома Рок совершенно спокоен. Он знает, что ему делать. Ни малейшее сомнение не закрадывается в душу этого несчастного, ослепленного ненавистью человека!

В его руке блестит стеклянная трубочка, наполненная жидкостью воспламенителя.

Изобретатель вглядывается в ближайший корабль, находящийся милях в пяти от берега.

Это крейсер средней величины водоизмещением не более двух с половиной тысяч тонн.

Флаг спущен; но, судя по конструкции, корабль принадлежит нации, к которой ни один француз не питает особой симпатии.

Четыре остальных корабля идут сзади.

Крейсер, видимо, получил приказ первым атаковать островок.

Пусть же корабль откроет огонь из всех своих орудий, раз пираты дают ему возможность подойти к островку, и да поразит первый его снаряд Тома Рока!

Пока инженер Серкё внимательно следит за ходом крейсера, Тома Рок становится возле установки фульгуратора. Все три снаряда начинены взрывчатым веществом, которое под действием воспламенителя сообщает им огромную движущую силу, но без вращения, присущего гироскопическим ядрам Тюрпена. Впрочем, достаточно снарядам Рока разорваться в нескольких сотнях метров от корабля, чтобы мгновенно поразить его.

Время настало.

— Тома Рок! — кричит инженер Серкё.

Он указывает изобретателю на крейсер. Тот мед-

ленно направляется к северо-западному мысу, до которого осталось каких-нибудь четыре-пять миль...

Тома Рок кивает в знак согласия, показывая жестом, чтобы его оставили одного перед установкой фульгуратора.

Кер Каррадже, капитан Спаде и другие отходят шагов на пятьдесят.

Тогда Тома Рок откупоривает стеклянную трубочку, которую держит в правой руке, и наливает по несколько капель жидкости в отверстие каждого снаряда.

Проходят сорок пять секунд — время, необходимое для завершения реакции, — сорок пять секунд, в течение которых мне кажется, что сердце мое остановилось...

Раздается оглушительный свист, и все три снаряда, описывая сильно вытянутую кривую метрах в ста над поверхностью воды, перелетают за корму крейсера.

Неужели они не попали в цель и опасность миновала?

Нет! Подобно дискообразным гранатам майора артиллерии Шапеля или австралийским бумерангам, снаряды Рока сами возвращаются обратно.

Почти тотчас же раздается чудовищный взрыв, можно подумать, что на воздух взлетел целый склад мелинита или динамита. Сотрясение воздушных масс ощущается даже на островке Бэк-Кап, почва и та ходунном ходит под ногами...

Я вглядываюсь...

Крейсер исчез! Разнесенный в щепы, он пошел ко дну. Это похоже на действие снаряда Залинского, только сила взрыва «фульгуратора Рока» в сотни раз больше.

Что за дикие вопли радости испускают бандиты, выбегая на мыс! Кер Каррадже, инженер Серкё, капитан Спаде застывают на месте, словно не веря собственным глазам!

Тома Рок стоит тут же, скрестив руки; глаза его мечут молнии, лицо сияет торжеством.

Глубоко презирая Тома Рока, я все же понимаю переживания изобретателя, к ненависти которого примешивается чувство удовлетворенной мести!..

Теперь стоит другим судам приблизиться к остро-

вку, и они затонут так же, как и крейсер. Их ждет неминуемая гибель, ни один из них не избежит своей участи!.. И хотя с их уходом исчезнет моя последняя надежда, пусть лучше они обратятся в бегство, скроются в открытом море, откажутся от бесполезного нападения!.. Заинтересованные государства сумеют договориться и уничтожить островок иными средствами!.. Они окружают Бэк-Кап плотным кольцом кораблей, и пираты умрут от голода в этой пещере, как хищные звери в своем логове!..

Но я знаю, военные корабли наступают, даже если им грозит верная гибель. И эти корабли, не колеблясь, тоже двинутся вперед, хотя бы им суждено было найти могилу в глубине океана!

В самом деле, их экипажи оживленно обмениваются сигналами. Почти тотчас же черный густой дым заволакивает горизонт, но северо-западный ветер относит его в сторону и ясно видно, что все четыре корабля снялись с места.

Один из них опережает остальных, он идет полным ходом, спеша приблизиться к островку, чтобы открыть огонь из крупнокалиберных орудий...

Пренебрегая опасностью, я вылезаю из своей норы... Смотрю во все глаза... Лихорадочно жду, хоть я не в силах предотвратить надвигающуюся катастрофу...

Этот корабль, который растет, увеличивается у меня на глазах,— крейсер, приблизительно такого же водоизмещения, как и первое судно. На его гафеле нет флага, и я не могу определить, какой стране он принадлежит. По-видимому, крейсер идет на всех парах, чтобы пересечь поражаемую зону, прежде чем с островка снова откроют огонь. Но ему не избежать разрушительной силы снарядов Рока, ведь они могут поразить его и с кормы...

Тома Рок стоит перед второй установкой фульгуратора; крейсер приближается к тому месту, где нашел гибель его предшественник, скоро и он тоже погрузится в морскую пучину.

Ничто не нарушает окружающей тишины, лишь легкий ветерок дует с моря.

Внезапно на борту крейсера раздается барабан-

ный бой... трубят горны. Их медный голос доносится до меня.

Я узнаю этот голос, так звучат горны моей родины... Боже правый!.. К берегу приближается французский корабль, он опередил остальные, и французский изобретатель сейчас потопит его!..

Нет... Этому не бывать!.. Я брошусь к Тома Року... крикну ему, что это французское судно... Он его не узнал... он узнает...

В этот миг, по знаку инженера Серкё, Тома Рок поднимает руку, в которой держит стеклянную трубку...

Горны звучат еще громче, салютуя флагу... Его полотнище взвизгивает, полощется на ветру... Это трехцветное знамя, его цвета — синий, белый, красный — ярко выделяются на фоне неба.

Но... что же происходит?.. Да, понимаю!.. Узнав французский флаг, Тома Рок останавливается как громом пораженный!.. По мере того как флаг поднимается, рука изобретателя опускается... Он пятится... Прикрывает глаза рукой, словно для того, чтобы не видеть трехцветного полотнища...

Всемогущий Боже!.. Значит, любовь к родине не угасла в сердце этого озлобленного человека, раз оно забилося при виде родного флага!..

Я взволнован не меньше его!.. Пренебрегая опасностью, — не все ли мне равно теперь? — я ползу вдоль гряды скал... Мне хочется быть подле Тома Рока, чтобы поддержать его, подбодрить!.. Хотя бы это стоило мне жизни, я в последний раз обращусь к нему во имя родины!.. Я крикну: «Ты же француз, а на этом корабле развевается трехцветный флаг!.. Ты же француз, а по морю к тебе приближается клочок Франции!.. Ты же француз, неужели у тебя хватит духу совершить преступление против своей страны?..»

Но моего вмешательства не требуется... Сейчас нечего опасаться нервного припадка, какие у него бывали прежде. Тома Рок вполне владеет собой.

Увидев флаг, он понял... он отпрянул назад...

Несколько пиратов подходят к изобретателю, они хотят подвести его к установке фульгуратора... Он отталкивает их... отбивается.

Подбегают Кер Каррадже и инженер Серкё... Они указывают ему на быстро приближающийся корабль... Приказывают выпустить снаряды.

Тома Рок отказывается.

Капитан Спаде и остальные разбойники вне себя от ярости угрожают изобретателю, осыпают его бранью... ударами... хотят вырвать у него стеклянную трубку...

Тома Рок бросает ее на землю и топчет каблуком...

Смертельный страх овладевает злодеями!.. Крейсер вышел из поражаемой зоны, снаряды начинают падать на островок, дробят скалы, а пираты даже не могут открыть ответный огонь...

Но где же Тома Рок?... Быть может, он убит снарядами?... Нет... в последний раз я замечаю его в тот миг, когда он бросается в туннель...

Кер Каррадже, инженер Серкё и все остальные бегут вслед за ним, чтобы спрятаться в недрах Бэк-Капа...

Нет... я ни за что не вернусь в пещеру, пусть меня лучше убьют на месте! Я сделаю последнюю запись, и, когда французские моряки сойдут на берег, я...

(На этом обрывается дневник инженера Симона Харта.)

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

На борту «Громовержца»

Вскоре после неудавшейся попытки лейтенанта Дэвона, получившего приказ проникнуть на борту «Суорда» в пещеру Бэк-Капа, английские власти убедились в гибели отважных моряков. В самом деле, «Суорд» так и не вернулся на Бермудские острова. Разбился ли он о подводные скалы, стараясь найти вход в туннель? Или его захватили пираты Кера Каррадже? Этого никто не знал.

Лейтенант Дэвон получил приказ похитить Тома Рока прежде, чем будут готовы снаряды, руководствуясь во время экспедиции указаниями, данными в документе, который был найден в бочонке на морском берегу возле Сент-Джорджеса. Как только французский изобретатель будет взят в плен,— а с ним, конечно, и инженер Симон Харт,— Тома Рока передадут в руки

бермудских властей. После чего корабли, посланные к островку Бэк-Кап, могут не опасаться «фульгуратора Рок».

Но когда по прошествии нескольких дней «Суорд» не вернулся из плавания, власти решили послать вторую экспедицию, на этот раз более внушительную.

В самом деле, следовало учесть, что прошло около двух месяцев с того дня, как Симон Харт вложил свою записку в бочонок. Быть может, Кер Каррадже владел теперь всеми тайнами Тома Рока?

По соглашению, заключенному между морскими державами, было решено послать к Бермудским островам пять военных кораблей. Так как в глубине скалистого массива Бэк-Капа существовала обширная пещера, следовало пробить ее своды, как стены бастиона, огнем мощной современной артиллерии.

Соединившись в Чесапикском заливе, в штате Виргиния, корабли эскадры взяли курс на Бермудские острова, куда и прибыли вечером семнадцатого ноября.

На следующий день крейсер, получивший приказ идти в атаку первым, двинулся вперед. Он был еще на расстоянии четырех-пяти миль от островка, когда три снаряда, пущенные с берега, перелетели за его корму, а затем, описав полукруг, вернулись обратно и разорвались в пятидесяти метрах от корабля, который затонул в течение нескольких секунд.

Действие этого взрыва, сопровождавшегося чудовищным сотрясением воздуха, воды, суши, было мгновенным; таких результатов еще не удавалось добиться ни с одним взрывчатым веществом. Четыре корабля, оставшиеся позади, ощутили, несмотря на расстояние, толчок огромной силы.

Из этой внезапной катастрофы следовало сделать два вывода.

Во-первых, пират Кер Каррадже уже получил в свое распоряжение «фульгуратор Рок».

Во-вторых, новый снаряд действительно обладал той разрушительной силой, какую ему приписывал изобретатель.

После гибели головного крейсера с других судов были спущены шлюпки, чтобы подобрать всех остав-

шихся в живых: некоторые моряки еще держались на воде, уцепившись за обломки.

После обмена сигналами корабли полным ходом направились к островку Бэк-Кап.

Французский военный корабль «Громовержец», как наиболее быстроходный, опередил всех остальных, хотя они и старались не отставать от него.

«Громовержец» прошел около полумили по зоне, только что подвергшейся действию взрыва, каждую минуту рискуя погибнуть от новых снарядов. Пока артиллеристы наводили на островок крупнокалиберные судовые орудия, над крейсером взвился трехцветный флаг.

С капитанского мостика офицеры видели шайку Кера Каррадже, рассыпавшуюся по прибрежным скалам.

Представлялся благоприятный случай уничтожить злодеев, а затем разгромить из орудий их убежище. «Громовержец» тут же дал первые залпы, за которыми последовало поспешное бегство пиратов в глубину Бэк-Капа...

Несколько минут спустя раздался оглушительный грохот, все вокруг содрогнулось, — казалось, небесный свод обрушился в пучину Атлантического океана.

На месте островка осталась только груда дымящихся скал, которые катились в разные стороны, сталкиваясь, налетая друг на друга, как камни во время обвала. Вместо опрокинутой чашки из воды торчали лишь осколки вдребезги разбитой чашки. Вместо пещеры появилось нагромождение рифов, на которые, пенясь, набегали огромные валы: после взрыва море грозно разбушевалось...

Какова же была причина этого взрыва?.. Может быть, пираты нарочно вызвали его, видя, что оборона невозможна?

«Громовержец» получил лишь легкие повреждения от разлетевшихся во все стороны осколков скал. Командир приказал спустить шлюпку, и экипаж направился к тому, что уцелело от островка.

Высадившись на скалы под командованием своих офицеров, матросы обследовали остатки Бэк-Капа,

слившиеся с грядой рифов, которая тянулась по направлению к Бермудским островам.

Были подобраны страшно изуродованные трупы, разбросанные руки и ноги, кровавое месиво вместо человеческих тел... От пещеры не осталось и следа. Все было погребено под развалинами.

На северо-западном краю утеса было найдено только одно нетронутое взрывом тело... Хотя человек этот едва дышал, еще оставалась надежда вернуть его к жизни. Он лежал на боку, судорожно сжимая в руке какую-то тетрадь с недописанной строчкой...

Это был французский инженер Симон Харт. Его тут же переправили на борт «Громовержца». Но, несмотря на все усилия, пострадавшего никак не могли привести в чувство.

Однако благодаря дневнику, который он вел вплоть до взрыва пещеры, удалось отчасти восстановить то, что произошло за последние часы существования Бэк-Капа.

Впрочем, Симону Харту суждено было одному пережить эту катастрофу, все остальные обитатели пещеры получили вполне заслуженную ими кару. Как только Симон Харт оказался в состоянии отвечать на вопросы, он рассказал о своих догадках, которые, по-видимому, мало в чем расходились с действительностью.

Потрясенный до глубины души при виде трехцветного флага, осознав, наконец, что он собирается совершить преступление против собственной родины, Тома Рок бросился в пещеру и добежал до склада, где хранилось огромное количество взрывчатого вещества. Затем, прежде чем пираты успели ему помешать, он вызвал чудовищный взрыв, уничтоживший островок Бэк-Кап.

Так погибли Кер Каррадже, его шайка и Тома Рок, унесший в могилу тайну своего изобретения!

СОДЕРЖАНИЕ

ДУНАЙСКИЙ ЛОЦМАН. Роман.

Перевод с французского Н. Немчиновой 5

ФЛАГ РОДИНЫ. Роман.

Перевод с французского О. Моисеенко 209

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Том девятнадцатый

Редактор *В. Никитин*

Художественный редактор *И. Марев*

Технический редактор *Н. Кленова*

Корректоры *В. Орешкина, С. Филиппова, Л. Чуланова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.

Подписано в печать 16.04.98 г.

Гарнитура Литературная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 19,53. Цена для членов клуба 13 р. 20 к.

Издательство «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.